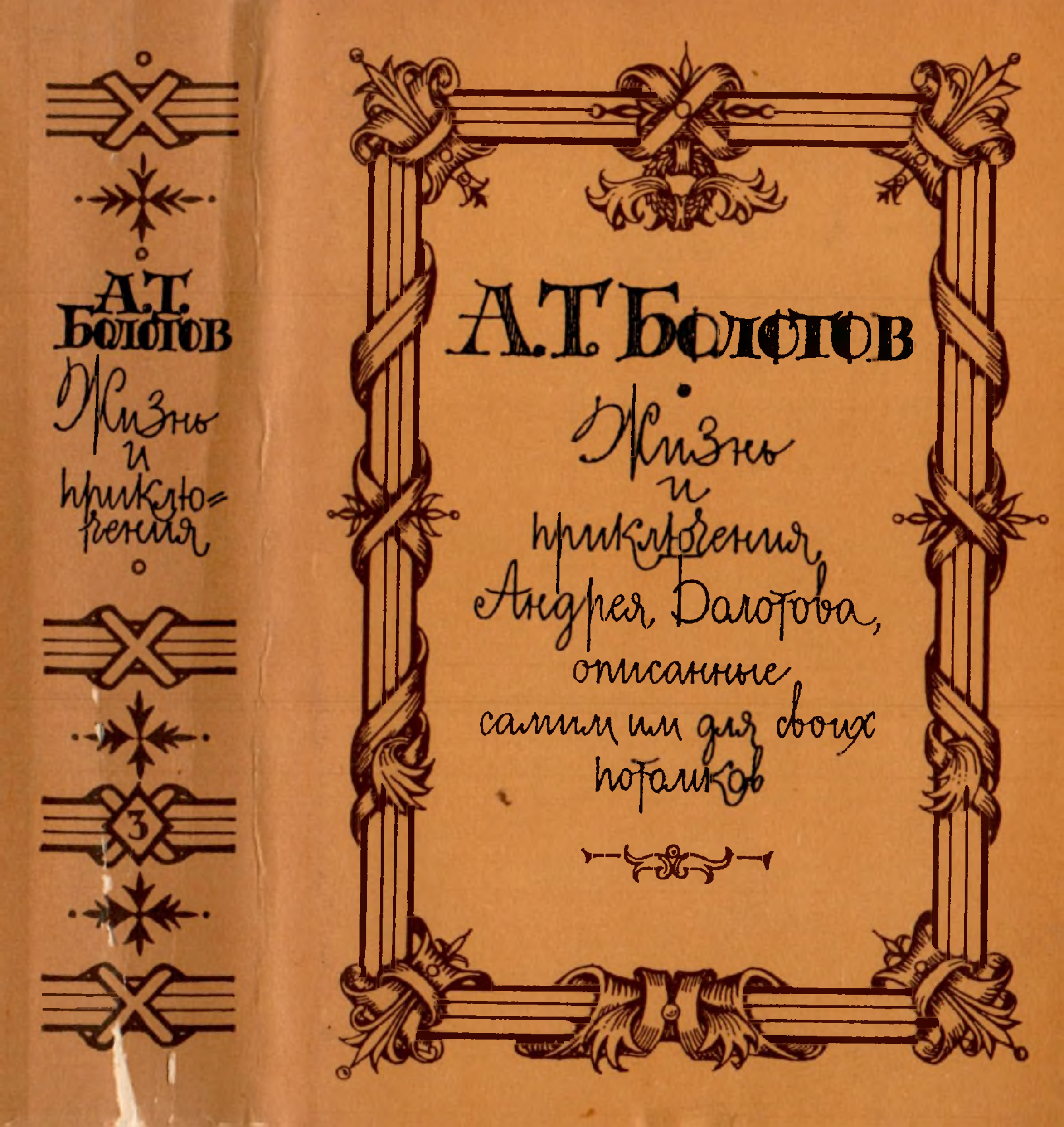
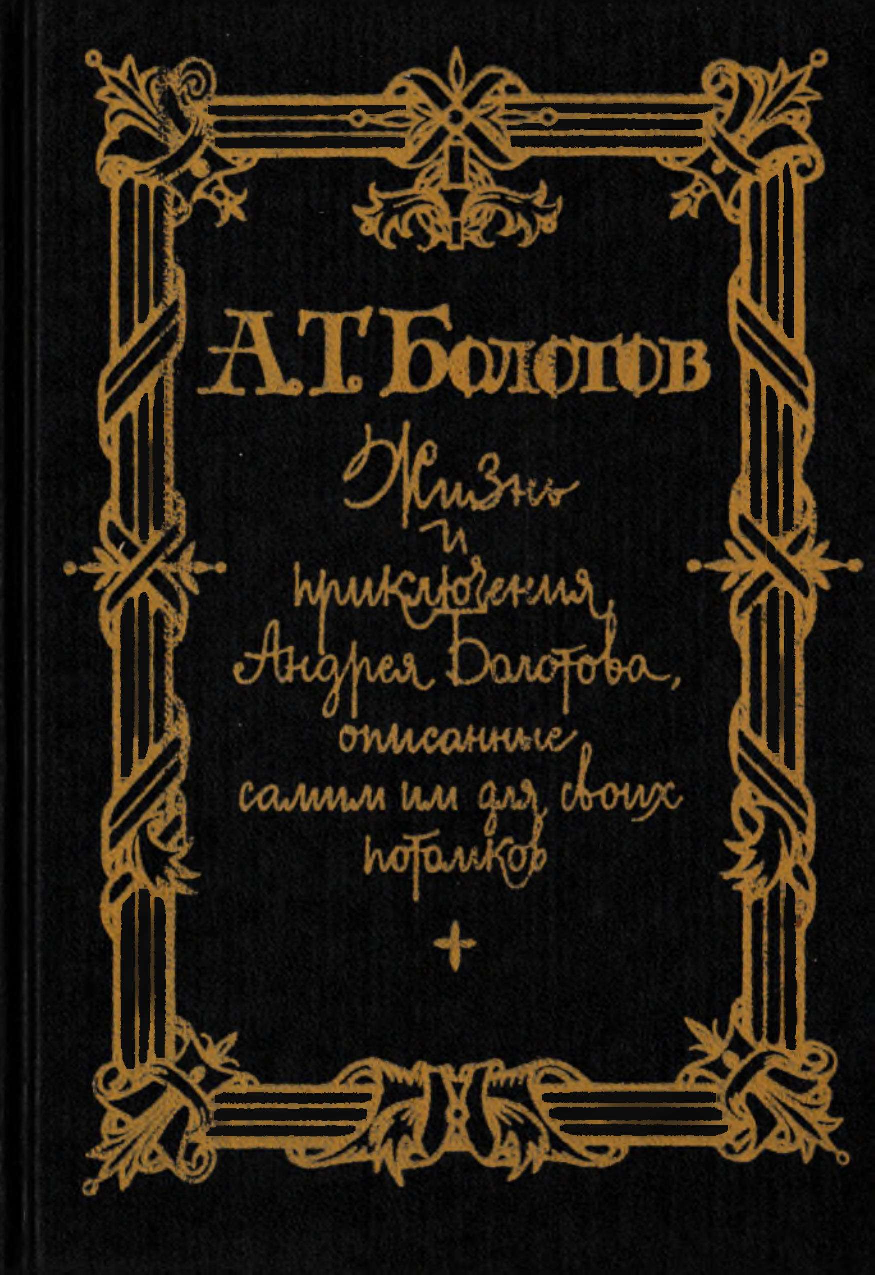
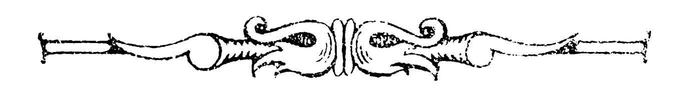

А.Т. Болотов
Жизнь и приключения
3
А.Т. Болотов
Жизнь и приключения Андрея Болотова,
описанные самим им для своих потомков

А. Т. Болотов
Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

А. Т. Болотов

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

Жизнь и приключения Андрея Болотова

1738 - 1795

В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

ТОМ ТРЕТИЙ
1771 - 1795

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

ББК 84Р
Б79

Оформление художника
И. Сайко

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭНРОФ»

Болотов А.Т.
Б79 Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков: В 3 т. Т.3: 1771–1795/Примеч. П. Жаткина, И. Кравцова.— М.: ТЕРРА, 1993. — 608 с.

ISBN 5-85255-385-9 (т. 3)
ISBN 5-85255-382-4

$Б\frac{4702000000 - 141}{А30(03) - 93}$ Подписное ББК 84Р

ISBN 5-85255-385-9 (т. 3)
ISBN 5-85255-382-4

Часть пятнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ, А В ОСОБЕННОСТИ О БЫВШИХ ПРОИСШЕСТВИЯХ В НЕСЧАСТНОЕ ВРЕМЯ МОРОВОГО ПОВЕТРИЯ

Сочинена 1807 года,
а переписана 1809 года,
в Дворянинове

БЕДСТВИЯ В МОСКВЕ

ПИСЬМО 151-е

Любезный приятель! Ну, мой друг! Теперь дошел я до того несчастного времени, в которое не только мы, но почти все отечество наше поражено было неизреченным смущением, горестью и печалью.

Я упоминал вам в моих прежних письмах, что пагубный подарок Оттоманской Порты, который до того известен нам был под именем моровой язвы, а тогда впервые чумою начал называться, внедрился более нежели за год в южные пределы нашего отечества и свирепствовал уже давно и довольно сильно в Киеве и в других пограничных местах к Молдавии, из которой зло переселилось к нам и где подвержена была оному и вся воюющая тогда еще против турков наша армия и претерпевала от него очень много.

По неизбежному сообщению оной с Россией и по всегдашней езде оттуда и туда людей, не можно было никак не допустить того, чтоб не вкралась она и в наши пределы. Какие ни употребляемы были к тому предосторожности и сколько ни наделано было везде карантинов, но всеми ими ничего не сделано и, может быть, более оттого, что

как бедствие сие было для нас совсем ново и очень давно в России небывалое, то и не знали еще, как с ним лучше обходиться и как предпринимать против него надлежащие меры. А самое сие распространило зло сие далее и допустило достигнуть ему до Москвы самой.

О сем упоминал уже я вам, что зло сие оказалось в ней еще в ноябре минувшего 1770 года, и как нигде не могло оно быть так бедственно и опасно, как в сем столичном великом городе, простирающем коммуникацию свою всюду и всюду и имеющем непосредственное сообщение со всеми краями государства, то удивительно ли, что в ней распространилось зло сие чрез несколько времени и по разным другим не только городам, но и селениям самым.

Поспешествовало весьма много к тому и то, что, по новости сего бедствия и неопытности еще совершенной, сначала менее оное уважали, сколько б надобно, и по неблаговременной политике далее оное утаеваемо было, нежели сколько б надлежало; а потому хотя и принимали некоторые меры к утушению сего зла и недопущению его распространиться, но меры сии были слишком еще слабы и далеко к тому недостаточны; а оттого и произошло, что зло сие, внедрившись однажды, не только не утихло, но час от часу в Москве увеличивалось более, как о том упоминал я, говоря о фабрике суконной, о которой носилась молва, что оная еще зимою вся вымерла.

Но как, несмотря на то, долгое время еще не был возбранен ни въезд в Москву, ни выезд из

оной, а все, имеющие надобности в оной, во всю весну и лето невозбранно в нее езжали, и из ней не только они, но и все, коим только не хотелось быть в Москве, без всякой остановки из оной выезжали и всюду и всюду разъезжались, то натурально многие из сих разъезжавшихся, когда не сами выезжали уже заразившимися, так вывозили с собою многие вещи, зараженные этим ядом, и такие, от которых могли заражаться в уездах и в других местах и самые люди. И Москву не прежде вздумали запереть, как тогда, когда было уже слишком поздно и когда зло сие сделалось в Москве повсеместным и начало свирепствовать уже в полной мере; а когда яд сей развезен был всюду и всюду, тогда начали употреблять хотя уже и строгость и поделали множество везде застав и карантинов, но все то помогло уже мало.

Сия важная и непростительная проступка тогдашнего правительства нашего и произвела то, что все, живущие в деревнях и уездах, во всю сию весну и лето жили спустя рукава и до самого сентября месяца всего меньше о благовременном предпринимании всех нужных предосторожностей помышляли, а чрез самое то допустили внедриться сему злу от приходящих и приезжающих с Москвы и в селениях многих.

Все сие рассказываю я вам из собственной опытности, ибо и о самим себе могу сказать то же самое, что говорил теперь о других. До нас хотя и доходили от времени до времени слухи о увеличивающейся в Москве заразе, но как, по пословице говоря, рубили тогда еще не нашу тысячу, то и не было нам даль-

него горя, и более потому, что почитали себя от Москвы слишком отдаленными, и, увидев, что зло сие не так-то скоро распространяется, как мы сначала себе воображали, думали, что к нам оно и вовсе не дойдет.

Далее полагали и не один раз говаривали мы, что ежели б зло сие и начало к нам приближаться, так успеть можно куда-нибудь и уехать далее; например, если нельзя будет в какую-нибудь из ближайших деревень, так хотя б и в самую степную козловскую или шадскую.

Таковыми-то помышлениями занимались и сим-то образом старались мы сами себя ободрять и утешать во всю последнюю половину августа месяца, в которую слухи о Москве стали становиться час от часу страшнее и ужаснее. Но, как у нас не только вблизи, но и в самом Серпухове зла сего еще не было, то все-таки жили мы себе в прежнем спокойствии духа и продолжали прежние свои разъезды и свидания друг с другом.

Но не успел наступить сентябрь месяц, как вдруг одним утром поражен и в неописанный страх и ужас приведен я был известием, что мор едва ли не внедрился в самое наше Тулеино. Мне сказывали, что в сей деревне, отстоящей от нас только версты за четыре, один мужик, принадлежащий князю Горчакову, скоропостижно умер, а другой, пришедший из Москвы, при смерти болен.

Господи! Как вострепетало тогда во мне сердце, как я сие услышал, и как поразительно было нам всем известие о столь близкой уже к нам опасности, а особливо, что чума завелась уже в такой

деревне, с которою имели мы необходимое всякий день сообщение и откуда к нам и от нас туда всякий день и денно и нощно ходили и езжали люди. Мы не инако тогда думали и полагали, что Тулеино наше в немногие дни вымрет все, до единого человека, а между тем, того и смотри, что дело дойдет до нас и мы такому ж бедствию подвергнемся.

Все сие сгоняло нас то и дело в кучки и побуждало к совещаниям о том, что нам при таких опасных обстоятельствах делать, как себя спасать и какие брать предосторожности? И тогда не один раз приходила мысль, чтоб не совершилось и вправду того, о чем мы шутя говорили, и чтоб не заставила неволя нас и действительно оставить дом и все милое и немилое и бежать куда зря для спасения своей жизни!

Словом, мысли о сем не выходили у нас у всех ни на минуту из головы, и мы погрузились в такое уныние и смущение, какого изобразить не можно, и надобно признаться, что дружный переход из прежнего спокойного в такое неизреченное смутное расположение духа было для нас очень трудно. Все наши дела и обыкновенные занятия сделались вдруг не милы, ничего не хотелось делать и ни о чем даже и мыслить.

. . . .

О чуме все мы имели тогда еще очень темное и не совсем правильное понятие и воображали ее себе несравненно опаснейшею, нежели какова была она в самом деле. Мы не инако думали, что везде, где она ни заведется, не оставит она в живых ни одного

уже человека, ибо такое мнение имели все о поветриях моровых, бывших в древние времена в России; а сие более всего нас изумляло, устрашало и приводило в отчаяние.

Со всем тем, как мы ни перепуганы были помянутым известием, но в тот день мы ничего еще особливого не предпринимали, и я имел еще столько духа, чтоб в ободрение других сказать, что Бог знает, правда ли еще то и так ли подлинно все нам говорят, а надобно наперед хорошенько распроведать о том.

И действительно, наутрие послали в деревню сию нарочного и велели обо всем порядочно расспросить и разведать в подробность; и какое неописанное удовольствие почувствовали и как обрадованы были все мы, как посланный, возвратившись, засвято уверял нас, что из всего того, что мы слышали, и половина неправда и что чумы там вовсе еще нет, а случившееся далеко не таково страшно и опасно.

Он рассказывал нам, что мужик хотя и умер действительно скоропостижно, но он был больной и дряхлый и давно уже не работал; а другой больной мужик вовсе и в Москве не бывал, а был только в подмосковной и болен ногами и не опасною болезнью.

— Вот, сударыни! — воскликнул я, прибежавши к своим домашним и сказывая им сие радостное известие. — Не правда ли моя, что может быть все дело и не так, как теперь и оказалось. Народ наш любит ко всему прилыгать и прибавлять.

Но не успели мы, так сказать, перевести дух и

успокоиться опять несколько, как в тот же еще самый день поражает меня другое и того еще страшнейшее известие. Сказывают мне, что мор есть уже и в Нижней Городне и что мужик да две бабы, ни горя, ни боля, в ней померли.

Как ни страшно и ни поразительно было для нас сие новое известие, но мы испужались уже гораздо меньше и тотчас сказали:

— Но, Бог знает, правда ли и точно ли так? Не прибавляют ли и тут что-нибудь, как по тулеинскому делу? Надобно и о сем узнать короче и распроведать.

А по самому сему слух сей и не в состоянии был нас остановить в предпринимаемой в сей день езде, ибо госпожи наши расположились в сей день ехать в село Савинское, где поднимали тогда на церковь крест, и им сию церемонию хотелось видеть; а я, с Михаилом Матвеевичем*, расположился съездить к другу моему, господину Полонскому, у которого мы тогда и были. А по возвращении оттуда имел я удовольствие узнать, что и последнее известие о Городне не совсем было справедливо; но происшествия, случившиеся там, были такого рода, что опасности никакой от того не предвиделось. Все сие случилось 3-го и 4-го числа сентября месяца.

Успокоившись от сего испуга и напрасного еще страха, принялись мы за прежние дела и упражне-

---

*Болотовым (родственник Андрея Тимофеевича, отставной офицер, помещик).

ния: и как около сего времени поспели и все яблоки в садах и сим был отменно хороший род в сие лето, то приступил я с спокойным духом к сниманию оных с дерев и убиранию к месту. А кончив сие дело, съездил я с родными своими в Калединку для празднования там праздника их, Рождества Богородицы, в котором праздновании и разъездах там по разным гостям и провели мы несколько дней и не прежде домой возвратились, как 11-го числа; да и к сему принудило меня то, что я, будучи в Калединке, несколько занемог, а приехавши в дом, совсем было разнемогся; но, по счастию, жар и все прочее прошло очень скоро.

С сего времени по самый почти конец сего месяца не произошло, собственно, у нас ничего почти особливого; и хотя слухи о распространяющемся час от часу моровом поветрии продолжались, но мы, будучи помянутыми двумя происшествиями несколько подкрепляемы, не так много их уважали и не слишком давали им себя смущать, но продолжали разъезжать, как и в спокойные времена, почти ежедневно по гостям или угощать у себя к нам приезжающих.

Но, при случае одного такого выезда, перетрощены* мы были однажды чрезвычайно, а именно: в один день приезжает к нам гость, некто г. Карпов, и, побывши у нас сутки, расположился съездить от меня к господину Полонскому и подговорил съездить туда же вместе с ним и мою тещу.

---

*Перепуганы; искаженное от «стращать».

Но что ж! случись в самое то время, как они были у господина Полонского, приезжает к нему прямо из Москвы и уже из зараженного чумою дома его теща, ускакавшая без памяти из сего города. Наши крайне были тем перепуганы, ибо в тогдашнее время все приезжие с Москвы были для всех крайне опасны, и, будучи не рады, что туда заехали, спешили как возможно скорее оттуда уехать.

Признаюсь, что неприятно было и мне, что им и людям нашим случилось вместе быть с приезжими из Москвы. Но как испужался я, когда на другой день после того, проводив от себя господина Карпова, услышал я, что теща моя стала жаловаться, что у ней вдруг заболела очень нога, покраснела, горела и сделалась на ней страшная инфламация*.

« Ах, батюшки! — возопил я сам в себе, будучи в душе своей крайне встревожен. — Уж не моровая ли это язва и не смертоносный ли нарыв хочет это делаться? Уже не захватила ль она подарка сего в Зыбинке от ускакавшей из Москвы тещи г. Полонского? Уже не сидела ли она подле сей приезжей и, может быть, уже заразившейся чумою, и не пристала ли она к ней уже от сей гостьи? О, Господи! что тогда с нами, бедными, будет, ведь и мы все заразимся от ней и погибнуть будем должны».

Словом, я перетревожен был тем неизобразимым образом, и хотя, приняв наружный спокойный вид,

---

* Инфламация — воспаление.

я и ободрял ее, говоря, что это ничего не значит и что, конечно, она ногу свою как-нибудь простудила и хочет быть это рожа; но на уме у меня было совсем не то, а трепетали во мне даже все члены.

К вящему же смятению моему пришли к нам в самый тот день с повесткою из города и с строгим приказанием, чтоб везде в деревнях, на всех въездах и выездах становили заставы и брали возможнейшие предосторожности от размножавшейся повсюду моровой язвы.

Посыланные сии сказывали нам, что все уезды разделены на многие участки и что в участки сии определены из живущих в них дворян так называемые частные смотрители, и им накрепко приказано за всеми селениями, в их частях находящимися, иметь наиприлежнейшее смотрение и всегда их осматривать; и в случае несчастия употреблять все предосторожности и принимать нужные меры, и что повод к сделанию всех таковых распоряжений подало то, что в Москве, за выездом из ней всех знатных и самого главного начальника, господствует почти совершенное безначалие, и что народ разбегается в разные стороны и разносит с собою уже страшным образом увеличившуюся язву, от которой всякий день помирает множество народа. И так-де нужно, чтоб всех разбегающихся всюду и всюду людей никуда не пускали или, хватая, запирали в особые места и держали их, как в карантинах.

Теперь представьте себе, любезный приятель, каково было мне, встревоженному и без того бо-

лезнью моей тещи, слышать сие вышеупомянутое. Признаюсь, что минуты сии были для меня тяжелы очень и день сей преисполнен множеством трудов, забот, смущений и беспокойств; ибо как опасность сделалась тогда уже достоверною, то нечего было долго думать, а надобно было для собственной своей безопасности поспешить исполнением повелеваемого.

Итак, я, созвавши своих деревенских соседей, нука вместе с ними сам ходить по всем въездам и выездам в нашем селении, и одни, при себе, заставливать наглухо загораживать и заглушать, а на необходимейших становить из людей и крестьян наших заставы и учреждать строгие караулы с неугасимыми огнями, и приказывать накрепко никаких посторонних и незнакомых людей в селение не впускать, а из знакомых приезжих окуривать и не давать им воли останавливаться, а провожать их поскорее из селения вон.

Не успели мы все сие кончить, как вдруг, 21-го числа сего месяца, поражены неописанным образом все мы были страшным известием о случившемся в Москве великом несчастии и бывшем в оной страшном мятеже, возмущении и убийстве архиерея московского.

Господи! Как перетревожил и смутил всех нас тогда слух о сем печальном происшествии! Нам случилось тогда быть всем вместе, как мы сие известие услышали, и нас оно так всех поразило, что мы остолбенели и не могли долго ни одного слова промолвить, а только друг на друга взглядывали и насилу-насилу собрались с духом и начали рассуждать и

говорить о сем предмете. И чего, и чего не придумали мы тогда о могущих произойти от того печальных и бедственных следствиях!

Поводом к несчастному происшествию сему и обстоятельства оного было, сколько нам тогда по разносившимся слухам и по письму одного самовидца, имевшего в сем бедствии личное соучастие, было известно следующее.

Как скоро язва в Москве так сильно начала усиливаться, что не можно уже было удержать ее в пределах, какие предосторожности и старания к тому употребляемы ни были, и чума взяла верх над всеми полагаемыми ей препонами, то сие так всех живущих в ней устрашило, что всякий, кто только мог, стал помышлять о спасении себя бегством и действительно уезжал и уходил из сего несчастного города, а особливо, узнав, что не было к тому и дальнего препятствия. Ибо, сначала хотя и учреждены были при всех въездах и выездах строгие заставы, не выпускавшие никого из Москвы, но сие продолжалось только до того времени, покуда имел сам главнокомандующий тогда Москвою, старичок — фельдмаршал, граф Петр Семенович Салтыков в ней свое пребывание и находились также и все военные команды в городе.

Но как для увеличивающейся с каждым днем опасности принуждены были и все почти последние вывесть из города в лагерь, да и сам главнокомандующий уехал в свою подмосковную деревню, то ослабела сама по себе как полиция, так и прочие власти, и Москва поверглась в такое состояние, которое походило почти на безначалие, и очумленная общим

и повсеместным несчастием глупая чернь делала, что хотела, ибо ни смотреть за нею, ни действия ее наблюдать было некому, а всякому нужно было только о самом себе помышлять.

При таковом критическом положении, когда из господ и дворян никого почти в Москве не было и в домах их находились оставшие только холопы, и те голодные, раскольники же и чернь негодовали на учреждение карантинов, запечатание торговых бань, непогребение мертвых при церквах и на прочие комиссиею учрежденные распоряжения, которые были не по их глупому вкусу.

Не оставили и попы с своей стороны делать злу сему возможнейшее споспешествование, будучи движимы корыстолюбием и желая от народа обогатиться. Нимало не из благочестия и истинного усердия, а единственно из корысти учреждали они по приходам своим ежедневные крестные ходы и делали сие без всякого от начальства своего дозволения. Но как народ от сих скопищ при ходах еще пуще заражался, ибо мешались тут больные, и зараженные, и здоровые, то попы, увидев, наконец, что они от доходов при сих богомолиях, заражаясь от других, и сами стали помирать, как то им от архиерея было предсказано, сии хождения со крестами бросили.

Но праздность, корыстолюбие и проклятое суеверие прибегло к другому вымыслу. Надобно было бездельникам выдумать чудо и распустить по всей Москве слух, что не вся надежда еще потеряна, а есть еще способ избавиться от чумы чрез поклонение одной иконе.

Орудием к тому были два: один гвардейского Семеновского полку солдат, Савелий Бяков, а другой фабричный Илья Афанасьев.

Бездельники сии, при вспоможении одного попа от церкви Всех Святых, что на Кулишке, выдумали чудо, которое, хотя ни с величеством Божиим, ни с верою здравою, ниже с разумом было согласно, но которому, однако, при тогдашних обстоятельствах глупая, безрассудная и легковерная чернь в состоянии была поверить. А именно, на Варварских воротах, в Китай-городе, стоял издревле большой образ Богоматери, называемой «Боголюбской»; и помянутый поп разгласил везде, будто бы оный фабричный пересказывал ему, что он видел во сне сию Богоматерь, вещающую ему так:

« Тридцать лет прошло, как у ее образа, на Варварских воротах, не только никто и никогда не пел молебна, но ниже пред образом поставлена была свеча; то за сие хотел Христос послать на город Москву каменный дождь, но она упросила, чтоб вместо оного быть только трехмесячному мору».

Как ни груба и ни глупа была сия басньи как ни легко можно было всякому усмотреть, что выдумана она самым невеждою и глупцом, однако не только чернь, но и купцы тому поверили, а особливо женщины, по известному и отменному их усердию к Богоматери и приверженности ко всем суевериям, слушали с отменным благоговением рассказы фабричного, сидящего у Варварских ворот и обирающего деньги с провозглашением:

— Порадейте, православные, Богоматери на всемирную свечу!

И взапуски друг перед другом старались изъявить свою набожность служением сему образу молебнов и всенощных; и сие делала не только чернь, но и самое купечество.

А жадные к корысти попы, оставив свои приходы и церковные требы, собирались туда с налоями и производили сущее торжище, а не богомолие; ибо всякий, для спасения живота своего, не жалел ничего, а давал все, что мог, добиваясь только службы, или подавал подаяние. От сего, натурально, долженствовало произойти то следствие, что во все часы дня и ночи подле ворот еих находилась превеликая толпа народа; а денежных приношений накидано было от него целый сундук, тут же подле образа стоявший.

А как ничто тогда не было так вредно и опасно, как таковые скопища народные, поелику чрез самое то и от прикосновения людей друг к другу чума наиболее и размножалась, то полиция московская, как ни слаба была уже тогда в своем действии и как много ни занималась единым только выволакиванием крючьями из домов зачумелых и погибших от заразы, вываживанием их за город и зарыванием в большие ямы, но не упустила и помянутого стечения народного у Варварских ворот из вида, но сначала всячески старалась разгонять народ. Но как мало в том успевала по чрезмерной и даже слепой приверженности народа к образу и возлагания им на него всей надежды, то рассудила дать о том знать бывшему тогда в Москве архиерею и предложить ему, чтоб он поспешествовал к тому с своей стороны снятием с ворот и удалением куда-нибудь помянутого образа.

Первенствующим архиереем был тогда в Москве Амвросий, муж отличных достоинств, обширных знаний и жития добродетельного. Сей, по причине оказавшейся в Чудове монастыре (где он имел обыкновенное свое пребывание) заразы, высылая больных вон, сидел сам тогда из предосторожности взаперти; но, узнав о помянутом вредном стечении народа у Варварских ворот, долгом своим почел пресечь сие позорище.

Намерение его было удалить оттуда служащих молебны и всенощные попов, а образ Богоматери перенесть во вновь построенную тут же у ворот императрицею церковь Кира Иоанна, потому что, по причине приставленной к образу лестницы и множества превеликого молящихся, не было в Варварские ворота ни прохода, ни проезда; а собранные тут деньги употребить на богоугодные дела, а всего ближе отдать в Воспитательный дом, в коем был он опекуном.

Вследствие чего и посланы были люди для призыва тех попов в консисторию; но они, разлакомившись прибытками и узнав, зачем их призывают, не только отреклись туда иттить, но еще угрожали присланным побить их каменьями. Сие хотя раздражило архиерея, но он, как благоразумный муж, укротив свой гнев, за лучшее признал посоветовать о том, как бы поступить лучше в таком щекотливом случае, с некоторым начальником воинских команд и испросить у него для вспоможения себе небольшую воинскую команду.

Опасение, чтоб не обратить на себя простолюдинов и глупую чернь, произвело у них такое по

сему делу решение, чтоб оставить до времени снятие и перенесение иконы, а к собранным у Варварских ворот деньгам, дабы они фабричными не были расхищены, приложить только консисторскую печать; а дабы учинить сие безопаснее, то и дано было обещание прислать на вспоможение небольшую воинскую команду из Великолуцкого полку.

Итак, 15 сентября, в 5 часов пополудни, пришла в Чудов монастырь помянутая команда, состоящая в шести солдатах и одном унтер-офицере. И как наступил вечер, то, в надеянии, что народ разошелся уже по домам, и отправилась оная команда с двумя консисторскими подьячими и консисторскою печатью, взяв с собою и того самого попа, разглашателе о чуде и который в тот день допрашиван был по сему предмету в консистории.

Но прежде, нежели команда сия пришла к воротам Варварским, городской плац-майор был о том уже, и как видно от самого того попа, с которым он делился сборами денежными, предуведомлен. И сей бездельник, зараженный корыстолюбием, жалея собранные деньги, поспешил, до прихода еще их, приложить сам печать свою к сундуку с деньгами, а народу разгласил, что ввечеру сам архиерей будет к воротам брать икону и захватывать себе все собранные деньги.

Сим произвел он во всех тут бывших для богомолия многих людях великий ропот и негодование и, видя их наклонность к недопущению до того, вооружил всех кузнецов у Варварских ворот, в их кузнях находившихся, и ожидал с ними и другими

людьми уже в готовности вступить с посыльными в самый бой.

Итак, когда пришла команда консисторская, то нашла она тут уже превеликую толпу вооруженного всякой всячиною народа, и консисторский подьячий едва только хотел приложить печать к сундукам, как вдруг некто закричал:

— Бейте их!

И вместе с сим словом бросилось на команду множество людей и начали бить и солдат, и подьячих. И как сии, натурально, стали обороняться, то и произошла от сего в один миг страшная драка, соединенная с воплем и криком превеликим, что «грабят икону Богоматери и бьют защищающих ее»; а сие и воспламенило в один миг пламя мятежа и народного возмущения.

Вопль и крик разливался по всем улицам, как вода; во всех ближних приходских церквах ударили в колокола в набат, а потом на Спасских воротах и, наконец, и по всем приходским церквам и во всем городе; а сие и произвело всеобщую тревогу и возмущение всего народа, который со всех сторон бежал к Варварским воротам с дубинами, кольями, топорами и другими орудиями.

Таковое смятение, натурально, нагнало на всех людей, составляющих лучшую и умнейшую часть города, страх и ужас; но никто так тем перетревожен не был, как упомянутый архиерей. Сей, как предчувствуя приближающуюся к нему его страдальческую кончину, толико поражен был известием, полученным о сем мятеже, что от смущения не знал, что делать.

Некто из консисторских чиновников, бывший тогда с ним вместе и все несчастное происшествие с ним видевший и сам в оном некоторое участие имевший, описывает оное в письме к приятелю своему следующими словами:

«О таковом смятении и бунте услышав, владыко немедленно поехал из Чудова со мною и в моей карете к Михаилу Григорьевичу Собакину*, в надежде там переночевать, яко у холостого человека. Мы застали его больного в постели и от набатов в великий страх пришедшего.

Мы принуждены были его оставить. Совет положили оттуда ехать к господину Еропкину**, но как только выехали мы со двора от господина Собакина, то приказал он мне везти себя в Донской монастырь. Ни просьбы, ни представления мои не могли успеть, чтоб туда, тоесть в Донской монастырь, не ехать.

Ехав по улице ночью, какое мы видели зрелище! Народ бежал повсюду толпами и кричал только: «Грабят Боголюбскую Богоматерь!» — все, даже до ребенка, были вооружены! Все, как сумасшедшие, в чем стояли, в том и бежали, куда стремление к убийству и грабительству влекло их.

В 10 часов приехали мы в Донской монастырь. В ожидании конца начавшемуся в городе смятению,

---

*Собакин М. Г. — тайный советник, сенатор, член коллегии иностранных дел, умер в 1773 г.

**Еропкин П. Дм. — генерал, моск. главнокомандующий в 1786—1790 гг.

я и не воображал, чтоб на Чудов было нападение. Но владыкин дух все сие предвещал; нрав народа был ему известен.

В тот же вечер обратившаяся от Варварских ворот чернь устремилась ночью на Чудов монастырь и, разломав ворота, искала везде архиерея, грозя убить его.

Все, что ни встречалось их глазам, было похищаемо, разоряемо и до основания истребляемо. Верхние и нижние архиерейские кельи, те, где я с братом имел квартиру, экономские и консисторские, и все монашеские кельи и казенная палата, что в оной ни было, были разграблены.

Окна, двери, печи и все мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты и даже в самой домовой архиерейской церкви с престола одеяние, сосуды, утварь и самый антиминс* в лоскутки изорваны и ногами потоптаны были от такого народа, который по усердию будто за икону вооружился. Тому же жребию подвержены были наши библиотеки и бумаги.

В то время жил в Чудове, для излечения болезни, приехавший архимандрит Воскресенского монастыря, Никон, младший брат архиерея. Чернь, нашед его и почитая архиереем, не только совсем ограбила и хотя до смерти не убила, но так настращала, что он от страха в уме помешался и вскоре умер.

---

*Антиминс (греч.) — освященное покрывало — плат с изображением положения в гроб Христа. Обязательная принадлежность престола в церкви. Без антиминса нельзя совершать литургию.

Наконец, какое было зрелище, когда разбиты были чудовские погреба, внаем Птицыну и другим отдаваемые, с французской водкой, разными винами и английским пивом. Не только мужчины, но и женщины приходили тут пить и грабить.

Одним словом, целые сутки граблен и расхищаем был Чудов монастырь, и никто никакой помощи дать не мог. Где тогда были полицейские офицеры с командами их? Где полк Великолуцкий для защищения оставленного города? Где, напоследок, градодержатели?

Из чего заключить можно, что город оставлен и брошен был без всякого призрения. Из знатных бояр находился один только Еропкин в городе, и того убийцы искали, чтоб умертвить. Прочие же разъехались все по деревням.

Федор Иванович Мамонов*, приехав на гауптвахту, просил хотя десяти солдат, с коими мог бы всех выгнать из Чудова, но капитан отозвался неимением на то указа. Итак, до тех пор дрался в Чудове, пока и сам почти до смерти прибит был каменьем.

О сем происшествии сведали мы на другой день, то есть 16-го числа, чрез посланного в Чудов одного служителя из Донского монастыря.

В таковом случае не оставалось нам иного делать, как поскорей удалиться из города. Мы бы тотчас уехали, но без билета никто из города выпускаем не был.

---

*Дмитриев-Мамонов Ф. Ив. (1727—1805) — начальник бригады (бригадир — чин между полковником и генералом).

Владыка приказал мне немедленно дать знать о сих горестных обстоятельствах письменно господину Еропкину с таким представлением: что посыланная с общего их согласия к Варварским воротам для известного дела команда от приставленных у Варварских ворот баталионных солдат разбита; что устремившаяся ночью на Чудов чернь все разбила и одни только остались стены; что оная же чернь, хотя везде искала его убить, но особливым божиим провидением он в чем стоял спасся, и что угрозы рассвирепевшей черни принуждают его искать убежища вне города.

Окончание письма состояло в просьбе, чтоб дан был ему билет для свободного из города выпуска; чтобы Чудов монастырь с чудотворцем и оставшею братиею принял он в свое призрение и чтоб о таковом плачевном состоянии благоволил в Санкт-Петербург представить.

Вместо билета прислан был от господина Еропкина конной гвардии офицер с приказанием, чтобы владыко поскорей выехал из Донского монастыря и чтоб переоделся, дабы его не узнали.

Сказав сие, офицер побежал от нас, дав знать, что он ожидать будет в конце сада князя Трубецкого и оттуда велит проводить на Хорошево в Воскресенский монастырь, куда имел намерение владыко уехать.

Между тем как владыко переодевался, и покуда сыскали платье, заложили кибитку и делали к пути приготовления, услышали мы шум, крик и пальбу около Донского монастыря. Чернь, отбив карантины, и Данилов монастырь, и другие карантинные дома, спешила к Донскому монастырю.

Каким образом сведала она о нашем здесь убежище, о том неизвестно и по сие время. Не то посланный поутру в Чудов монастырь для разведывания служитель разгласил неосторожно, не то монастырские слуги донские рассказали; последнее вероятнее.

Уже была подвезена кибитка, в которую лишь только владыко, переодевшись в простое поповское платье, сесть и поехать с монастыря (успел), как вдруг начали убийцы ломать монастырские со всех сторон ворота. Страх и отчаяние всех нас тут постигло.

Все, кто ни был в монастыре, искали себе спасения. Владыко с никольским архимандритом Епифанием пошел прямо в большую церковь, где пели обедню; рассеявшаяся по монастырю чернь, состоявшая из дворовых людей, фабричных и разночинцев, имея в руках рогатины и топоры и всякие убийственные орудия, искали архиерея, кто им ни попадался, били, домогаясь узнать, где скрылся архиерей.

Что владыко со мною и в моей карете из Чудова уехал, сие видели многие, а тут увидели ее на дворе Донского монастыря и узнали. Один из подьячих архиерейской канцелярии, тут же бывший, объявил о моей карете. Кучер и лакеи никак не сказали, хотя их смертно били, чтоб они об архиерее и обо мне объявили.

Наконец, сведали они, что архиерей в церкви, а я скрылся в бане, ибо мой малый, посадя меня тут, сам ушел и попался ворам в руки; а при мне в то время сидели в бане двое монастырских слуг, кои и топили баню.

Злодеи, ворвавшись в церковь, ожидали конца обедни. Страдалец из алтаря увидел, что народ с оружием и дрекольми вошел в церковь, и, узнав, что его ищут, исповедался у служившего священника и приобщился святых тайн, а потом пошел на хоры, позади иконостаса.

Между тем как злодеи, не ожидая конца обедни, ворвались в алтарь и искали там владыку, одна из них партия нашла меня в бане. Боже мой! В каком тогда находился я отчаянии жизни моей! Поднятые на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мне тогда находившимися.

Просил я их о нечинении мне зла. Вдвое того просили, не знаю еще какие сторонние, называя меня по имени и приписывая мне имя доброго и честного человека, в числе коих был и помянутый подьячий наш, Красной.

Меня потащили из бани, и встретившаяся другая злодейская партия лишила бы меня жизни, хотя две и получил от них контузии, если б первые мои злодеи не приняли меня под свое покровительство и защищение. Таково-то действие золота и серебра.

Едва взошел я с ними на церковную паперть, как вдруг воспоследовала с нами, провожаемая из церкви с криком и шумом радостным, покойного страдальца роковая встреча.

Злодеи мои, закричав: «Вот он! Вот он!» — бросили меня полумертвого. Представь себе, любезный друг, что со мною в таком горестном приключении происходило!

Сидя еще в бане, приуготовлял я себя к смерти и спокойно ожидал убийцев, радуясь, что достигну мученического венца; а тут уповал, что неминуемо потащат меня вместе с владыкою из монастыря. Но Божеское провидение сохранило меня цела и невредима.

В древние времена церковь служила убежищем и для самых винных и порочнейших людей. В нынешнее же время архиерей и пастырь вытащен был от своих овец на убиение! Вот плоды просвещенного века.

Но что я медлю и не приступаю к повествованию той жесточайшей для меня в жизни минуты, в которую я услышал, что владыко убит до смерти.

Злодеи, вменяя за грех осквернить монастырь, а паче церковь кровью, вывели страдальца в задние монастырские ворота, где колокольня, и у самой рогатки сначала делали ему несколько вопросов, а потом мученическим образом до тех пор били и терзали его, пока уже увидели умирающа.

Спустя четверть часа и скончался новый московский мученик, и тело, избитое и обагренное кровью, лежало на распутии день и ночь целую, пока синодальной конторы члены, чрез полицейскую команду, заблагорассудили поднять.

Вот точная трагедия, коей был я сам зрителем.

Пролив неповинную кровь, убийцы, из коих, как наиглавнейший, был дворовый человек полковника Александра Раевского, по имени Василий Андреев, и целовальник, московский купец Иван Дмитриев (кои оба потом на том же месте казнены виселицею), со многими другими побежали в город произ-

водить дальнейшие неистовства; а я, чрез час после убийства владыки, уехал в Черную Грязь к князю Матвею Дмитриевичу Кантемиру, где и брат мой находился».

Сии были точные слова сего свидетеля и очевидца сей трагедии. Какой собственно был он человек и к кому сие писал, до сведения моего не дошло. Почему, оставя сие, буду продолжать историю московского мятежа далее так, как носившаяся тогда молва о том повествовала.

Помянутым тираническим убийством совсем невинного святителя все богомерзкое скопище злодеев сих нимало не удовольствовалось и не усмирилось; но, остервеневшись однажды уже, рассеялось оно толпами по всем улицам городским и начали грабить и производить всякого рода наглости и буянства.

Они провели весь тот день в сих бесчиниях мерзких и бесчеловечных. Самая наступившая потом ночь не могла укротить их бешенства и зверства; но злодейские скопища их умыслили зверство свое и буянство простирать наутрие далее: перебить всех докторов и лекарей и всех, какие были еще, начальников, а потом разграбить кремль и все в нем находящееся; а особливо расхитить сокровища, которые они в Успенском и других соборах найтить надеялись.

Соблазняло и поджигало к тому их наиболее то известное им обстоятельство, что Москва находилась тогда в совершенном почти безначалии. Главные командиры все разъехались по подмосковным своим деревням; а и самых воинских команд было очень

мало, ибо все прочие выведены были за город, в лагерь, для безопасности.

Что ж касается до полицейской команды, то они ее, для малочисленности оной, не уважали и думали, что ей со всем их великим множеством никак сладить не можно. А по всему сему и возмечтали зверские злодеи сии, что им ничто не в состоянии будет воспрепятствовать произвесть злодейское свое намерение в действо.

В сем расположении злодейских своих сердец и умов смолвились они наутрие сбежаться со всех сторон на большую торговую площадь, между кремлем и рядами находящуюся. И не успело наступить утро последующего бедственного и кровопролитного дня, как и повалили со всех сторон превеликие толпы беснующего народа в Китай-город.

Уже наполнилась вся площадь и все улицы между рядами бесчисленным множеством оного; уже многие сотни или паче тысячи бездельников сих бегали и бродили по кремлю самому и допивали остаточные вина, отыскиваемые в погребах, там находящихся; уже все храмы и ряды, с бесчисленными сокровищами и товаров несметным множеством, подвержены были явной ежеминутной опасности от расхищения, и наивеличайшее бедствие висело уже власно как на волосе над всею Москвою, как невидимая десница всемогущего удержала еще бедственный и роковой удар сей и по бесконечной благости своей пощадила еще сию древнюю столицу обладателей наших, употребив к отвращению того совсем неожидаемое и, по-видимому, ничего почти не значащее,

но такое средство, которое возымело тогда успех, превзошедший всякое чаяние и ожидание.

Сыскался в недрах Москвы один усердный россиянин и истинный сын отечества своего, восхотевший жертвовать всеми силами и самою даже жизнью своею для спасения великого города сего от бедствия величайшего.

Был то отставной и никакой уже должности на себе не имевший, престарелый и мало до того народу известный, а того менее славный генерал, по фамилии Еропкин, а по имени, достойному вечного незабвения, Петр Дмитриевич.

Благодетельствующий еще в Москве промысл Господень удержал его стечением разных обстоятельств на сие время и власно как нарочно для прославления его в Москве и не допустил ему выехать из ней вместе с прочими.

Сей не успел услышать о происшедшем мятеже подле Варварских ворот и потом о убиении архиерея, как, ведая, что нет никого из начальников московских, кому б о усмирении мятежа старание приложить было можно, и предусматривая, что остервеневшийся народ при одном том не останется, а прострет наглости свои далее, решился вступить самопроизвольно, хотя совсем не в свое, но крайне нужное тогда дело, и принять главное начальство над всеми находившимися в Москве немногими военными командами, и неусыпно трудился во всю ночь не только собранием всех их, колико ему то учинить было возможно, в кремль, но, желая хотя сей спасти от наглости и расхищения народного, успел сделать и все нужные рас-

поряжения к недопущению народа ворваться в оный.

Четыре входа было тогда в сию древнюю цитадель и известны под четырьмя воротами: Спасскими, Никольскими, Вознесенскими и Боровицкими; но из всех одни только Вознесенские оказались способными к заграждению оных затворами и железными опускными решетками; прочие ж долговременная безопасность, в коей сия столица находилась, сделала к тому неспособными.

Итак, по сделанному господином Еропкиным распоряжению, помянутые Вознесенские ворота тотчас были наглухо заперты и заграждены; а во всех прочих, кои запереть не было возможности, поставлены были пушки со многочисленными командами людей военных, собранных им кое-как и призванных из-за города.

Сим не только возбранен был вход вне кремля находившимся мятежникам, но и все случившиеся внутри кремля злодеи захвачены и переловлены.

По учинении сего престарелый генерал, увидев страшное множество скопившегося на торговой площади народа и слыша крик и вопль их, чтобы иттить на пролом в кремль для расхищения оного, отважился выехать верхом к ним, и разъезжая между ними, усовещивать и всячески уговаривать народ, чтоб он успокоился и не простирал бесчиния своего далее.

— Полно, полно, друзья мои! — говорил он им. — Что это вы затеяли? Опомнитесь, пожалуйте, и подумайте, такое ли время теперь, чтоб помышлять о таких наглостях и бесчиниях. Смерть и без того у нас у

всех перед глазами, и гнев Господень и без того нас поражает, и надобно ли гневить его еще более злодеяниями такими?

Но все сии и множество других убеждений, которыми он бунтующую чернь уговорить и укротить старался, не имели ни малейшего успеха. Множайшие не хотели нимало внимать убеждениям и словам его, и злейшие из мятежников кричали только ему:

— Убирайся-ка, убирайся, старик, сам скорее прочь отсюда, а то и самого тебя стащим с лошади. Слышишь! Не твое дело, и ты ступай прочь отсюда.

Нечего было тогда делать сему престарелому мужу, как действительно удалиться опять в кремль к своим командам; но по достижении до оных, не оставил он еще кричать и убеждать их всячески, говоря, чтоб они отходили прочь и не отваживались никак ломиться к воротам, сказывая им прямо, что буде не послушаются, то он по дуракам велит стрелять.

Но они не хотели тому никак верить. И как по приближавшимся к Спасским воротам велел он выстрелить, для единого устрашения, одними пыжами и направив выше голов, и они увидели, что никто из них не был ни убит, ни ранен, то, возмечтав себе, что не берет их никакая пуля и пушка и что сама Богоматерь защищает и охраняет их, с великим воплем бросились и повалили прямо к воротам.

Но несчастные того не знали, что тут готовы были уже и иные пушки, заряженные ядрами и картечами; и как из сих посыпались на них сии последние,

а первые целые улицы между ими делать начали, перехватывая кого надвое, кого поперек и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая, то увидели, но уже поздно, что с ними никак шутить были не намерены.

И как таковая неожидаемая встреча была им весьма неприятна, и все злейшие заводчики, бежавшие впереди, почти наповал были побиты, и ядра, попадая в стремившуюся народную толпу и достигая до самой улицы Ильинки, одним выстрелом по нескольку десятков умерщвляли; то сие бывших назади так устрашило, что все бросились назад и разбежались в разные стороны, кто куда скорее успеть мог.

А сие самое по особливому счастию и положило конец всей этой трагической сцене; ибо не успели все находившиеся перед прочими воротами толпы услышать пальбу и вопли раненых и увидеть бегущий прочь народ, как и сами начали разбегаться врознь, и на короткое время не видно было нигде во всей Москве ни малейшей кучки и скопища народного, и полиции оставалось только ловить и вытаскивать из винных погребов тех, кои в них пьющие были заперты.

О сем-то страшном происшествии достиг до нас помянутый, 21-го числа сентября, первый слух, поразивший всех нас неизреченным образом.

Но как письмо мое уже слишком увеличилось, то дозвольте мне на сем месте остановиться и кончить оное уверением, что я есмь, и прочее.

Декабря 23-го дня 1807 года.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ЧУМЫ

ПИСЬМО 152-е

Любезный приятель! Описав вам в последнем пред сим письме московский бунт и возмущение, в дополнение к тому скажу теперь, что хотя собственно мятеж помянутым насильственным средством и совершенно был разрушен и прекращен, но язва там нимало не прекратилась, но продолжала по-прежнему или еще более свирепствовать над несчастною Москвою и повергла оную в положение, достойное величайшего сожаления. Превеликое множество жителей похищаемо было ею ежедневно и доходило до того, что недоставало сил к вытаскиванию из домов и выволакиванию оных за город и зарыванию.

Люди употребляемы были к тому из колодников и назначенных к отсылке на каторгу; и все они обшиты были кругом в черное смоляное и особое одеяние, в котором прорезаны были только отверстия для глаз, рта и ноздрей, и от самого того, несмотря, хотя имели они ежедневно дело с умирающими чумою, многие действительно спаслись от оной и остались живы.

Что ж касается до прочих, заражающихся язвою людей, то немногим только удавалось спастись от

смерти; но множайшие в самое короткое время погибали, и превеликое множество домов опустело совершенно, потому что все бывшие в них люди вымерли до единого.

И особливо еще милость Господня была та, что чума сия не составляла собственного и такого морового поветрия, которым заражен был самый воздух и был губителен для всех, но размножалась наиболее от прикосновения до тел, до платья и до других вещей, бывших на зараженных и умерших чумою; а потому и заражались наиболее от пренебрежения и упущения нужных предосторожностей и излишней неблаговременной отваги. Из тех же, которые употребляли все нужные предосторожности и береглись от всякого к сумнительным вещам прикосновения, очень немногие заражались, а множайшие оставались целыми и невредимыми.

Но жаль, что в истине сей и возможности спастись тем от чумы простой народ не скоро мог удостовериться и до тех пор наиболее и заражался, покуда не перестал иметь небрежение и стал более употреблять предосторожностей.

Со всем тем чума продолжалась и после помянутого несчастного происшествия нарочито еще долго, и народу в Москве погибло очень много.

Господин Еропкин награжден был тотчас за ревность и усердие свое от монархини. Она, как скоро услышала о деяниях его, как из признательности почила его первейшим российским орденом.

Впрочем, пример его побудил и других из наших первейших вельмож к последованию оному. Отобра-

лось их несколько человек, и в числе их сам ближайший фаворит и тогдашний любимец ее граф Орлов, и предложил монархине, что они хотят ехать в Москву и, подвергая жизнь свою опасности, употреблять там старание и все, что только могут, к прерванию чумы, к остановлению действий ее и к сохранению оставшегося народа.

Императрица охотно и дозволила им сие и довольна была очень, что из самых близких к ней людей сыскались такие патриоты.

Они и действительно приехали в Москву, жили в ней несколько времени, употребляли все, что только было им возможно. Жили в императорском, огромном Головинском дворце, бывшем за Немецкою слободою, и имели несчастие видеть оный при себе, от топления камина, загоревшийся и весь оный в немногие часы превратившийся в пепел.

Но помогли ль они чем-нибудь несчастной Москве и поспешествовали ль, с своей стороны, чем к прерыванию чумы, о том как-то ничего не было слышно; а начала она уже сама собой, при наступлении зимы, сперва мало-помалу утихать, а потом вдруг, к неописанному обрадованию всех, пресеклась.

Между тем как все сие в столице нашей происходило, мы в деревнях своих жили по-прежнему в мире, тишине и спокойствии и во весь помянутый сентябрь месяц не переставали разъезжать друг к другу по гостям и заниматься обыкновенными своими упражнениями. Ибо доходящие до нас из Москвы слухи, хотя и часто нагоняли на

нас страх и ужас и немало нас озабочивали, но великая разность была между слухами и происходившем в дали и происшествиями близкими. Сии не прежде начали нас прямо тревожить, как с начала месяца октября.

Первейшее, весьма поразившее нас известие услышали мы еще 27 сентября от нашего молодого приходского тогда попа Евграфа, приходившего к нам делать извет* на товарища своего, престарелого попа Ивана, и сказывал, что в Злобине убежавшая от чумы и съехавшая с Москвы племянница князя Горчакова, занемогши, очень скоро и сомнительно умерла; и что помянутый товарищ его не только ходил причащать ее, но и похоронил при церкви тайно и так, что никто о том не знал и не ведал, и что, по всему видимому, умерла она чумою.

Господи! Как поразились мы все сим нечаянным и страшным известием. Деревня сия была под боком у нас, и тулейским моим всякий день мимо ей на работу ко мне ходить надлежало. И так не долженствовало ли страшиться, что зло сие там распространится и дойдет скоро до нас. А не менее нагонял на нас страх уже и погост самый.

Не могу изобразить, как досадовал я тогда на старика попа нашего и проклинал ненасытную алчность к корысти сего негодного человека. Натурально должно было заключать, что похоронил он чумою умершую княжую племянницу не инако, как за великую

---

*Делать извет — делать донос, наговаривать, приносить жалобу.

плату. Итак, корыстолюбию своему жертвовал не только собственною своею жизнью, но и благом всего своего прихода; ибо через самое то язва могла всего скорее и удобнее распространиться по всем окружным селениям.

Я послал к нему тотчас сказать, чтоб он перестал бездельничать и умирающих чумою таскать к церкви и хоронить на погосте, как то и запрещено уже было и от начальства; и что, в случае, ежели не уймется, я донесу о том архиерею, и он за то пострадает.

Но поп и не подумал уважать сии угрозы, но продолжал и далее свое пагубное ремесло и, к превеликому удивлению, спасся от чумы, несмотря, что со многими чумными имел дело и не только внося в церковь, их отпевал, но и погребал лично.

Сие нас так настращало, что мы на праздник Покрова не осмелились ехать к обедне к своей церкви, боясь и близко быть к тому месту, где погребены были чумные; а не велели и людям своим никому ходить туда, а ездили к обедне уже в Ченцово. А на заставах своих велели наистрожайшим образом, чтоб курение было беспрерывное и чтоб все, входящие в деревню были наитщательнейшим образом окуриваны. А чрез день после того, с общего согласия, решились, подняв образа, обойтить с ними и со всеми жителями всю нашу деревню и помолиться хорошенько Богу о том, чтоб он нас помиловал и деревню нашу сохранил от заразы; что и учинили мы октября 3-го числа.

Происшествие сие было трогательное и чувствительное. За образами послано было несколько людей. По приближению же к селению встречены они

были нами со всеми обоего пола жителями, от мала до велика, и все мы провожали их при обходе с ними вокруг всего нашего селения.

При конце ж обхода сего остановились мы на току гумна брата моего Михаила Матвеевича, на том почти месте, где оный и поныне у сына его, подле пруда. Тут молебствовали мы и по водосвятии приносили с коленопреклонением наитеплейшие моления наши ко всевышнему, и я не думаю, чтоб когда-нибудь маливались мы с таким искренним усердием, как в тогдашнее время.

По окончании сего и поставив образа в доме у брата, зазвал я всех к себе и угостил обедом, а потом проводили мы святые образа таким образом же из деревни.

Не успели мы сего священнодействия кончить, как на другой день, при случае поминок братина тестя, г. Стахеева, перетревожены мы были в прах известием, что чума окружила нас уже со всех почти сторон и в самой близости, а именно, что была она уже в Липецах, во Двориках, в Якшине, в Городне, в Злобине и на заводе Ведминском. Все сие услышали мы вдруг и одним разом, и я не в силах изобразить, как много устрашило нас сие известие*.

. . . .

---

*В опущенных строках Болотов рассказывает о получении от Вольного экономического об-ва награды-медали за сочинение о разделении полей. Одновременно об-во поручило Болотову составить для иностранной энциклопедии «всеобщее описание российского хлебопашества и всего хозяйства»; работа была Болотовым выполнена, но не напечатана и куда-то пропала.

С сего времени и по самый день моих имянин просидели мы, от страха окружающей нас со всех сторон чумы, дома и никуда не ездили. И вся достопамятность, случившаяся в течение сего времени, была та, что меньшой мой двоюродный брат Гаврила Матвеевич, не столько служивший, как более только слонявшийся в гвардейской службе, получив прапорщичий чин, приехал в отставку и с сего времени стал уже жить всегда в деревне.

Едучи из Петербурга, объехал он Москву в дальнем расстоянии, без того настращал бы и он нас своим приездом.

Все наши разъезды сделались около сего времени уже очень опасными, ибо везде легко можно было повстречаться с какими-нибудь зачумевшими людьми или наехать на дороге что-нибудь с умыслу брошенное и лежащее от людей зачумленных и опасных; ибо в черный народ внедрилось тогда самое адское суеверие и предрассудок пагубный: что если хотят, чтоб чума где пресеклась, то надобно что-нибудь зачумленное кинуть на дороге, и тогда если кто поднимет и принесет домой, то там и сделается вновь чума, а в прежнем месте пресечется.

А сие действительно многие и делали и нам самим: неоднократно случалось наезжать лежащую на дороге либо шапку, либо шляпу, либо иные какие вещи из одежды, но от которых мы, как от огня, уже бежали и всегда объезжать их старались.

Но сколь ни опасно было в сие время разъезжать, но я столько любим был и уважаем моими родными, друзьями и соседями, что ко дню моих имянин, несмотря на всю опасность, съехались ко мне — таки

довольно гостей, и я день сей, против чаяния, провел с милыми и любезными людьми в удовольствии совершенном.

. . . .

Между тем в конце сего месяца обрадованы мы были до бесконечности известием, что в Москве поветрие начинало мало-помалу ослабевать и утихало уже приметным образом.

Нашлись также тогда везде списки о умерших в ней, во все летние месяцы, чумою, и по оным погубила она в месяце апреле 744, в мае — 857, в июне — 1099, в июле — 1708, в августе — 7268, в сентябре — 21401, в октябре — 17561. Всего по ноябрь месяц 50632 человека. А деревень, в одном Московском уезде, заразилось 216, умалчивая о прочих уездах и провинциях. А сколько народу померло в Москве в ноябре и всего всех везде, было нам неизвестно, а думать надобно, что чума в сей раз похитила у нас около ста тысяч человек, когда не более.

. . . .

Замечания достойно, что я в самое сие время изобрел простое и самое удобное средство, никому еще до того не известное, к составлению так называемого картезианского чертенка из воска, которым физическим экспериментом в последующее время я так много веселился, а иногда употреблял его в пользу, и что сама фигурка подала нам тогда повод к особливому смеху.

Случилось сие утром одного из тогдашних праздничных дней, при случае пришедших ко мне на поклон нескольких человек из духовенства от нашей

церкви и других соседственных. Были в числе их и попы, и дьяконы, и дьячки, были люди умные, были и со всякою всячинкою. Как все они, дожидаясь угощения водкою, у меня сидели, то приди мне охота порезвиться и удивить их своею нововыдуманною фигуркою. Итак, важным и не шуточным тоном говорю я им:

— А со мною, отцы святые, какая случилась диковинка. На сих днях ловили у меня в прудах подо льдом рыб к празднику, и как вытащили невод, то увидели между рыбою нечто чернеющееся и ворочающееся. Они почли сперва водяным тараканом, но скоро увидя, что был то совсем не таракан, а некая чудная, необыкновенная и удивительная вещица, имеющая точное подобие маленького черного человечка, или паче чертенка, с страшными глазами и превеликими горбами спереди и сзади, все мы удивились и не знали, что это такое и что с ним делать. Наконец, решился я посадить его скорей опять в воду в ведро, а из него в стеклянную банку, наполненную водою, и, чтоб не ушел, завязал сверху накрепко пузырем. Он и теперь у меня цел и жив, и поглядите какой!

Сказав сие, пошел я в свой кабинет, вынул банку мою с фигуркою и, показав ее всем им, с крайним любопытством на нее смотрящим, спросил:

— Ну, видите?

— Видим! Видим! — ответствовали. — Живой, истинно, с ногами и движется!

Тогда, восхотев их еще более удивить, сказал я:

— Да посмотрите-ка, какой еще послушливый, что прикажешь, то и делает!

После сего начал я будто фигурке говорить и приказывать:

— Ну, чертенок, ступай книзу... ниже... ниже... на самое дно... стань на колени... ну, стой так... ну, пошел опять кверху... ну, остановись на середине... ну, далее кверху... ну, опять вниз!

Как фигурка все то и делала, что я говорил, то зрители мои смотрели на все сие, разинувши рот, и не знали, что им обо всем том думать, а только твердили:

— Господи помилуй!

А были из них некоторые такие, которые, как мне после сами сознавались, сочли его действительно чертенком и читали «Да воскреснет Бог» и прочие молитвы, кои почитали они удобными к поруганию бесов, и дивились, что он нимало их заклинаний не боялся. А то, что происходило все сие от единого только неприметного давления моего ладонью пузыря, которым горло банки было завязано, никому из них и в мысль не приходило. Я не мог довольно нахохотаться тогдашнему их изумлению; но не менее удивлял и увеселял фигуркою сею и других многих.

. . . .

Сим образом провели мы, по многим отношениям, достопамятнейший на свете и незабвенный 1771 год и благодарили Бога, что, по благодати его, остались живы и здоровы и не претерпели даже никакого вреда и убытка.

Сим окончу я мое письмо и в заключение скажу, что я есмь ваш, и прочая.

Декабрь 30-го, 1807.

ВТОРИЧНАЯ ЕЗДА МОЯ В ШАДСК

ПИСЬМО 154-е

Любезный приятель! . . . . описывая вторичное мое путешествие в шадскую мою деревню, скажу, что сия езда моя далеко не была так достопамятна, как прочие, в разные времена туда предпринимаемые; но не только длилась недолго, но и не сопряжена была ни с какими особливыми и важными обстоятельствами и происшествиями.

Со всем тем найдется и в ней что-нибудь занимательное. Я опишу вам ее так, как описывал я ее тогда в письмах к моей теще, сократив только некоторые места из оных.

«Вы знаете, — писал я к ней по приезде своем в Тулу 14 сентября, — что я для дурной дороги и грязи отменил ехать прямою дорогою на Корники, а решился ехать чрез Тулу. Итак, в сем городе и пишу я и вам сие, где насилу мог отбиться и отделаться от известных тульских кузнецов, шлесарей и ружейных мастеров.

Не успел истинно, приехав сегодня поутру, выйти из коляски и стать на постоялом дворе, как целая толпа их, равно как дожидавшаяся, окружила меня и всю избу наполнила. У иного набита была пазуха

полна всякими безделушками; у другого был целый кулек с ними под мышкою; иной спрашивал, не изволю ли я того, другой — не изволю ли купить другого, и так далее. И я не знал, кого слушать и кому отвечать.

В один миг превратилась квартира моя в настоящую лавку. Весь стол и часть лавок укладена уже была разными железными товарами и блестящими безделушками. Инде раскладены были пистолеты, инде кортики, инде разномерные замки, чернильницы, выдвижные безмены, ружейные марки, ногторезы, ножички и прочий такой вздор. Словом, никогда я такого множества разных мелочей вдруг не видывал, как в сей раз, не поверите ли? хотя не намерен был ничего купить, но не мог никак от них отделаться. Многие вещи прельстили меня, и я принужден был купить маленький пистолет, перник, чернильницу и замочек и за все заплатил 2 рубля: но насилу-насилу сжил их с своих рук.

Теперь, слава Богу, все они ушли: но не думаю, чтоб они оставили меня с покоем. Верно знаю, что побывают еще несколько человек; однако более меня не обманут: не смотря ничего, буду отказывать.

Теперь расскажу вам о своем вчерашнем путешествии. Распрощавшись с вами и отправившись в путь, имел я первую встречу, не доехав до Ченцова. Немка Яковлевна, идущая к нам, завидев меня и узнав, по усердию своему к нашему дому, не могла утерпеть, чтоб со мною не проститься, и перешла даже по воде через реку к нам, чтобы распрощаться.

Езда наша в сей день была благополучна; коляска моя оказалась спокойнейшею, нежели я думал. Таково ажно хорошо и покойно в ней ехать! Один тот только недостаток, что коротенька, а то лучше желать не можно. Но и этот недостаток был сносный, хотя, правда, не однажды я желал, чтоб ноги мои были на вершок короче, — но так уже и быть!

Другое беспокойство имели мы от преужасной пыли, несомой прямо к нам навстречу. Закрывшись сидеть было душно, а раскрывшись — пыль набивалась в рот и в глаза, и скоро дошло до того, что у меня даже глаза заболели, а о людях наших и говорить уже нечего.

О! Желал бы я, чтобы вы видели вчера, каков был наш Тимофей! Истинно не лучше арапа. Так-таки черен от пыли, что одни зубы только белелись. Уже он, бедняк, совался-совался, но нигде не находил лучшего места. Садился напереди, садился назади, но везде было равно и везде худо.

Впрочем, дорога была нам очень не скучна... Ехала нас изрядная ватага; было четыре повозки и семь человек, кроме нас. Ежеминутно встречалось с нами превеликое множество жнецов и баб, идущих обратно из степей большими ватагами и поющих песни, а по счастию, угомонились несколько и больные мои зубы.

Александр Андреич, мой дорожный товарищ, помогал мне прогонять скуку, и я рад, что его взял с собою, все-таки не таково скучно! Что-нибудь молвишь, и то давай сюда!

В рассуждении его не позабыл я употребить предосторожность, чтоб ему не быть без дела. Для него взял я с собою «Жилблаза» и заставил его дорогою читать вслух. Хотелось мне, чтоб он, прочитав всю сию книгу, научился читать проворнее и лучше и помнить, что читает. Для сего и заставливал я его, прочитавши каждый период, мне материю на коротких словах пересказывать.

Но тут-то не мог довольно надивиться тупости его разума: так туп, так туп, что больше быть не можно. Поверите ли, что не успевал трех строк прочесть, как уже и забывал, что в них содержалось. Я сердечно сожалел о сем непроворстве его разума и помогал ему сколько можно в том, и, может быть, дальнейшее упражнение поможет несколько, и он будет попроворнее.

Сим образом провожая время, приехали мы уже в сумерки ночевать в Сулему. Но думали ли бы вы, чтоб я в сей деревнишке мог препроводить сей вечер в приятной компании с одним гостем, знакомым мне человеком?

Въезжая в деревню, увидели мы стоящую на выезде коляску, и я удивился, что Тимофей мой, подошедши к ней, кланялся, как знакомым людям. «Кто б такой это был?» — думал я; но скоро узнал, что был то г. Казаринов.

Обрадовался я сей встрече и тотчас пошел к нему, а он ко мне. Итак, мы с ним очень долго, и весь вечер просидели и проговорили.

Он насказал мне множество новых вестей и на большую часть неприятных. Все носившиеся слухи о

разрыве мирного конгресса* и о новой войне со шведами были основательны, и он спрашивал меня, есть ли у меня готовые рекруты? Но всего более смутило и потревожило меня то, что в Воронеже едва ли нет еще морового поветрия, а мне в самую ту сторону надобно ехать. Но воля Господня да будет с нами!

Распрощавшись с Казариновым, расположился я спать для опыта в своей коляске и, к удовольствию своему, проспал без дальней нужды и беспокойства. Сегодня встали мы ранехонько и приехали в Тулу вместе почти с солнцем. Теперь завтракаем мы здесь и всем нужным запасаемся».

15-го числа писал я к ней:

«Слава Богу, теперь пишу я к вам из епифановской своей деревни, в которую мы сей только час приехали и где мы кормим лошадей, отдыхаем и запасаемся провизией и фуражом.

Но прежде описания езды своей до сего места, скажу вам, что прежде отъезда из Тулы случилось с нами два происшествия, одно приятное и веселое, а другое крайне досадное. Приятное состояло в том, что против всякого моего чаяния, посланный на рынок человек притащил с собою пойманного беглеца нашего Степана Лахмыта.

Удивился я, его увидев, и закричал:

— Что это брат? Отчего ты от нас ушел? И какая тебе была изгона**?

---

* Речь, вероятно, идет о Фокшанском конгрессе летом (1772), где были начаты, но вскоре прерваны переговоры с турками о мире.

** Изгона, изгоня — обида, насилие.

— Что, сударь! Котовские сказали мне, что вы хотите отдать меня на поселение, а я, испужавшись того, и ушел и ждал, покуда ушлют поселенных, тогда хотел сам притттить.

Что мне с сим бездельником было делать? Драться не хотелось; другого не оставалось, как, обстригши для безопасности*, чтоб опять не ушел, взять его с собою.

Как вздумано, так и сделано. Я, достав ножницы, ну его стричь, и голову и бороду, крест-накрест. Но сей бездельник вздумал еще со мною договариваться, чтоб я не брал его с собою в Шадск, что он туда отнюдь не хочет, а рад умереть в Дворянинове; однако было бы смешно, если бы я его послушал.

Что касается до другого и досадного происшествия, то состояло оно в неумеренном, бесстыдном и бессовестном требовании хозяйки нашей за пребывание в доме ее нескольких часов.

Требование ее было так велико, что она вздурила даже меня, каков я ни терпелив, и я не инако, как с превеликою досадою расстался с нею, заклявшись вперед не становиться на квартиры, не договорившись наперед о заплате за постой.

Но досада сия была не одна в тот день. Ввечеру имел я опять новую: застигла нас ночь в

---

*Это считалось позором; на стриженых и безбородых простой народ смотрел как на отступников от старых обычаев и православия, как на опасных, провинившихся людей.

степи и в безводном совсем месте. Сделалось вдруг так темно, что ни зги было не видно и мы принуждены были почти ощупью тащиться и спешить доехать до какой-нибудь деревни, где бы нам ночевать было можно; но никакая не попадалась нам на глаза.

Мы спрашивали у всех, с кем ни встречались, далеко ли село; но сии ровно как сговорились увеличивать мою досаду и сказывали все разное. Один сказывал: верст с 8, а другой, с которым повстречались мы отъехав еще несколько, сказал, что с 15 верст.

— Тьфу, какая пропасть! — в досаде говорил я. — Чем бы уменьшаться, а вопреки тому все прибавляется!

И поверите ли, человек двадцать мы спрашивали, и ни один не сказал правды.

Наконец, въехали мы в какую-то реку и стали в пень, ибо за темнотою не видно было нигде въезда, и насилу-насилу, наконец, доехали мы до села Каменки и тут ночевали, дав в сей день лошадям своим добрый трезвон, и бедные принуждены были целых 50 верст бежать без отдыха. А сегодня, продолжая свой путь, опять имели приключение неприятное.

Надобно нам было переезжать одну нарочитой величины реку по мосту, но мост таков был узок, что одно колесо коляски моей хорошенько с него сползло и коляска, повиснув на̀бок, чуть было не полетела совсем в реку.

Не могу изобразить, как настращал меня сей случай. До сего боялся я мостов, а теперь еще больше

бояться их буду. Я, не вспомнив сам себя и выскочив без памяти, кричал, чтоб выпрягли скорее лошадей и перетаскивали коляску на себе чрез сей проклятый мост, и насилу-насилу мы перебрались через оный».

16-го числа писал я следующее:

«Выкормивши лошадей в епифановской своей деревне и запасшись курицами, овсом и всем нужным, спешили мы ехать далее. В тот же еще день добрались до города Епифани, но и в сей раз не обошлось без досадного происшествия.

Зашаталась у нас вдруг одна из коренных лошадей в коляске и чуть было не упала совсем. Мы в прах перепугались и не знали, что делать, и ради неведомо как были, что она, отдохнув несколько минут, поправилась и нас кое-как довезла до Епифани.

В сем степном городке хотелось было мне кое-что купить, но ничего не нашли, а с нуждою отыскали купить несколько меду и чесноку, который нужен нам был для лечения ящура у лошадей наших.

Переночевавши в сем городе, поехали мы из него до света и очень рано. Но не успели выехать, как в темноте ошиблись дорогою и поскакали по Скопинской, и не прежде схватились и ошибку свою узнали, как отъехав уже верст с восемь.

По счастию, повстречался с нами один мужик и сей вразумил уже нас, что мы едем не туда и далеко сбились влево. Что было тогда делать?.. Принуждены были его нанимать, чтоб он провел уже нас койкакими дорожками до села Богучалок, чрез которое нам ехать надлежало.

Большое село сие сидит на реке Таболе, и я, приехав в него, не мог довольно налюбоваться красотою положения оного и всего места. Оно принадлежало князьям Прозоровским, имеет в себе господский дом, церковь, множество прудов и хорошие мосты.

Однако мы тут не остановились, а доехали до села Молоденок, принадлежащего графам Разумовским, и тут, переправившись с трудом через речку по скверному мосту, кормили лошадей.

Тут видел я одну, достойную замечания, вещицу: на хозяине были лапти, каких я никогда еще не видывал, сделанные не из лык, а из дерева. Выдумка сия мне полюбилась, и тем паче, что он носил их более года. Они сделаны были осиновые и головашка выдолблена с бока и дыра после заделана.

Выехавши из села сего, нашел я на дороге две, примечания достойные, вещи: прекрасную и превеликой обширности дубовую рощу, молодую подчищенную, частую, прямую и столь прелестную, что я не мог ею довольно налюбоваться и ехал чрез нее с особым удовольствием. Она могла почесться сущей редкостью в степных тамошних местах и казалась быть сеяною. Во-вторых, наехали мы целое поле, засеянное коноплею, что было для нас также зрелищем необыкновенным.

Ночевать приехали мы в село Змеево и уже в сумерки. Село сие было нарочито велико, принадлежит разным господам и имеет в себе хотя обширный, но наполненный столь скверною водою пруд, что людям нашим, напившись оной, служила

она сущим рвотным. Дурнота оной происходила более от того, что пруд сей запружен был одним навозом.

Со всем тем ночлег сей был нам, против чаяния, довольно весел. Не успели мы остановиться, как показался на той стороне, за прудом, превеликий хор крестьянок, идущий из дворов к стоящим на улице просторной круглым качелям.

Шли они, предводимые дочерью одного тутошнего владельца и при громе воспевающих веселых песен. Вскоре за ними вышел и отец ее, и вокальная музыка сия и качания на качелях продолжались до самой глубокой ночи.

С другой стороны, забавлял нас целовальник, сидевший в прескверном кабачишке*, против нас стоявшем. Сей, сидючи в пустой хижине своей, во всю почти ночь проорал фабричные песни, и наконец, до того дошло, что я уже не рад был его усердию, ибо за песнями его не могли мы и заснуть скоро.

В сем месте напало на меня небольшое горе. У товарища моего заболела от чего-то голова, и я боялся, чтоб он у меня не занемог; но, по счастию, припадок сей миновался скоро. Впрочем, сообществом его был я час от часу довольнее, и он «Жилблаза» моего так полюбил, что читал его с охотою, и не успеем мы остановиться, как гребется он сам за книгу и говорит: «Что-то наш Жилблаз делает, пора мне с ним повидаться».

---

* См. примечание 1 после текста.

17-го числа писал я:

«Наутрие, встав рано и проехав еще ночью Рановы Верхи и славное и любимое мною село Муравеино, приехали мы кормить лошадей и обедать в село Никольское, находящееся уже недалеко от Раненбурга, или, по тамошнему наречию, Анбура.

Тут не нарочно остановились мы подле двора священника сего села, человека доброго и на нашу руку. Я тотчас с ним спознакомился, и рюмка водки свела у нас с ним в один миг дружбу. Поп мой сделался тотчас рассыпным, несет ко мне и хлеб, и квас, и тарелку яблок, а всего лучше, достал мне к чаю молоко.

Я попотчевал его чашкою пунша, и поп мой был тем крайне доволен; звал меня погулять в свой сад, который был у него изрядный, и как на одной яблоне были еще прекрасные зимовые яблоки, то стряс их для меня несколько. Словом, не поп, а друг задушевный; а мне такой друг на дороге был и надобен. Теперь отдыхает он от излишней рюмочки, а без того не имел бы я времени сего написать. Не знаю, увидимся ли мы с ним или нет».

18 сентября писал я следующее: «Знаете ли, откуда я сие пишу? За 20 верст уже от Козлова, сидючи в харчевне, довольно изрядной и называемой Хобот. Тут кормим мы лошадей, и я теперь только с товарищем моим пообедал.

Обед у нас был в сей раз нимало не похожий на дорожный: горячая ветчина, яйца всмятку, окрошка, щи белые с говядиной и цыпленком и такие, что лучше требовать не можно, и наконец битое говяжье

мясо на сковороде с уксусом. Не довольно ли кушанья? Право, хоть бы и деткам нашим! а особливо в таком месте, где, кроме одной избы, ничего нет. Но, по счастию, так случилось, что харчевня сия все имела. Мы могли достать и к чаю молоко и все прочее, а для десерта была у нас спелая брусника, куманика* и хороший арбуз. Вот как мы прохладно едем.

Но и в самом деле можно сказать, что по сие время дорога нам была очень весела; не знаю, какова впредь будет. Я опишу вам все происшествия.

Встаем мы очень рано, и я, не просыпаясь и не вставая, так и еду, покуда рассветет; разве когда прошибутся дорогою, так проснешься посмеяться над дураком нашим проводником. То-то сущий фалалей и годился бы по нужде в шуты и дураки.

Как рассветет, беру я книгу и читаю себе дорогою, лежа в коляске. По счастию, читать без нужды можно; остановившись кормить, одеваемся, и Тимофей наш проворит тотчас чаем. Не было еще дня, чтоб я оного досыта с сливками не напивался и табаку не накурился. Комаренок принимается тотчас за таган, варит похлебку из курицы, которыми не позабыли запастись мы из Епифани, также яйца и прочее.

Между тем как варят и приуготовляют нам обед, принимаюсь я за свою дорожную канцеля-

* Ежевика.

рию. Чернильница у меня при боце и весь прибор письменный. Чернильницу повешу на рукоятку к коляске, сам сяду, опустя ноги в дверцы, подушки на колени и на них «Китайскую историю»* и начинаю тотчас записывать в журнал свое путешествие и, записав, продолжаю переводить «Китайскую историю».

Как поспеет обед, садимся мы с товарищем своим на циновке и наедаемся досыта; после того напиваемся квасу, и, полакомившись чем-нибудь, продолжаю я писать, а товарищ мой читает своего «Жилблаза» до тех пор, покуда запрягут лошадей. Тогда канцелярия моя опять прячется, я сажусь в коляску и беру в руки читать книгу.

Дорогою провождаем мы время в чтении, в разговорах и в лакомстве арбузами, орехами и кренделями, а когда устанем сидеть, то пройдемся. Приехавши на ночлег, становимся опять подле двора, и Комаренок принимается за прежнее свое дело — варить нам похлебку и прочее, а я, ежели светло, опять за канцелярию.

Отужинав, ложимся мы спать, и как рано я засыпать не привык, то подают мне в коляску свечку, и я разговариваю часа полтора с книгою, покуда ужинают люди и станут спать ложиться. Тогда возьмут от меня свечку, и мы засыпаем и спим, покуда часовой нам не закричит и предвозвестит, что приближается утро.

---

* «Путешествие в Китай» — соч. Нейгофа, пер. с немецкого А. Т. Болотова.

Знаете ли, о каком часовом я говорю? Из взятых в Епифани живых петухов, один повадился кричать. Мы тем очень довольны и нарочно его не бьем. Как скоро он закричит, то встают люди, и мы запрягаем лошадей и продолжаем путь свой.

Вот краткое описание нашего путешествия. Не довольно ли оно приятно? А прекраснейшая погода и гладчайшая дорога придавали ему еще более приятности».

. . . .

. . . .

. . . . . . 5-го числа сентября мы возвратились благополучно в любезное свое Дворяниново. А сим окончив и сие слишком увеличившееся письмо, остаюсь, сказав вам, что я есмь ваш, и прочая.

Декабря 4-го дня 1808 года.

1773 ГОД

ПИСЬМО 156-е

Любезный приятель! Таким образом дожил я до 1773 года, который был для меня по многим отношениям весьма достопамятным.

Но прежде описания происшествий, в течение оного бывших, надобно мне упомянуть вам в коротких словах о том, в каких обстоятельствах находился я при начале сего года, что и учиню почти теми самыми словами, какими записано было то в тогдашних моих записках.

Находился я в сие время в своей деревне в любезном своем Дворянинове, где по милости Господней продолжал я препровождать благополучнейшую жизнь в свете. По крайней мере, таковою почитать ее имел я причину.

. . . .

. . . .

Семейство мое в сие время состояло в следующих, милых мне особах: во-первых, матери жены моей, которую почитал я вкупе и своею и имел к тому причину; во-вторых, жены моей, далее дочери Елизаветы, которой шел уже шестой год и которую начинали мы уже учить грамоте. Она была ребенок такой, который не только нам, но и всем знакомым

был любезен. Она находилась еще в самой начинающейся только развертываться и расцветать юности и подавала о себе великую надежду.

В-четвертых, сыне большом, Степане, которому пошел пятый год, мальчике, хотя нравом и свойствами своими весьма отменном от сестры и несколько угрюмом и нелюдимом, но подававшем о себе также не худую надежду.

В-пятых, в сыне моем меньшом Павле. Сему шел только другой год, и потому он еще валялся в колыбели и не умел еще говорить. Со всем тем ребенок был милый и любезный.

Шестым сотоварищем нашим был племянник мой Травин, сын покойной сестры моей. Он жил у меня по сиротству и малолетству и кой-чему учился.

Что касается до прочих и не столь близких моих родственников, то были они следующие: во-первых, два брата моих двоюродных, Михаил и Гавриил Матвеевичи Болотовы. Оба они жили со мною в одной деревне, и оба меня любили. Последний хотя в минувшем году мне и досадил, но я отпустил ему то в рассуждении молодости и восстановил опять пресекшееся было дружество. Сей был еще холост, а первый женат. Сообществом с ними не мог я много пользоваться: оба они были люди простые, оба неучи, и более об них сказать мне нечего.

В-третьих, родная тетка жены моей, Матрена Васильевна Арцыбашева, живущая от нас верст за 30. Сей дом считали мы ближним и всех прочих дружественнейшим, и ласки и дружество ее было нам и

выгодно и полезно. У ней росли две дочери, бывшие уже девочками изрядными и которые нередко гащивали у нас по нескольку недель сряду; сын же ее был еще невелик.

В-четвертых, родственник мой Матвей Никитич Болотов, живший в одной со мной деревне. Сего по ласке и дружеству его ко мне считал я ближайшим своим родственником; но жалел, что был он несколько особливого и нелюдимого нрава и характера, не любил выезжать, но в соседстве был я им очень доволен.

Вот почти вся моя ближняя родня; а впрочем, хотя я и имел родственников, но живущих далеко, как-то племянника во Пскове, трех племянниц в Кашине, тетку под Каширою, другую на Протве или паче в Москве, деда жены моей с детьми его в Цивильске, дядю ее в Козлове и некоторых других.

Что касается до прочих обстоятельств, то приказных дел никаких я не имел, кроме межевого дела с волостными, которое все еще меня несколько беспокоило. Кроме сего смущало меня то, что жена моя с некоторого времени сделалась больна маткою и ею очень страдала.

Что касается до моих упражнений, то, привыкнув издавна к трудолюбию, беспрерывно занимался я литературою и науками, но несколько упражнялся в чтении книг, как в письме и сочинениях. . . . . .

. . . .

Сии-то были обстоятельства наиглавнейшие, в которых застиг меня 1773 год. Теперь приступлю к описанию происшествий, случившихся в течение оного.

Первым примечания достойным происшествием почесть можно новое знакомство, начатое с домом генерал-майора Ивана Ивановича Раевского, живущего в Любиже. С сим человеком давно уже хотелось мне спознаться, по причине, что был он мне по деревням сосед; но мне как-то на поклон к нему ехать не хотелось, а ему и подавно не можно было, и дело зависело от того, что мы нигде не имели случая с ним свидеться, а при начале сего года оказался к тому наиудобнейший.

У господина Руднева родилась дочь Елизавета. Я крестил обыкновенно у него детей с госпожой Полонскою; но как ее не было, то звал он в кумы жену помянутого генерала, Прасковью Михайловну.

Итак, 3-го числа января крестил я у него с нею и познакомился. Видел также и ее мать, госпожу Кропотову, муж же ее находился в Петербурге. Они обошлись со мною довольно хорошо и так, что я ласкался надеждою, что у нас с ними восстановится знакомство. Однако сего не воспоследовало: разные обстоятельства и отлучка от дому причиною тому были, что нам не удалось после и видеться, а муж ее и умер, со мною не видавшись.

В самое то ж время и поутру самого того ж числа случилось еще одно происшествие. Вдруг сказано было мне, что у меня в доме появились опять горячки, по-видимому прилипчивые, и что человек пять вдруг заболели и лежали оными. Сие меня неведомо как перетревожило, и тем наипаче, что все больные лежали в задней людской горнице и что занемогли некоторые и девки, живущие у нас в хоро-

мах. Такое близкое соседство натурально привело меня в беспокойство превеликое.

Года за два перед сим терпели мы уже сие наказание, а несчастным моровым годом были и того более перепуганы, почему необходимость заставляла стараться как можно скорее употребить все предосторожности.

Итак, велел я того часа всех больных оттуда вывесть, очистить для них особую избу на скотном дворе и приставить к ним в надзиратели особого человека. Заднюю же горницу, где они лежали, велел я тотчас перестать топить и выморозить, чтоб переменился воздух и вышли все прилипчивые пары, а здоровых людей перевесть в другую избу, приказав притом накрепко всем, чтоб с больными не иметь сообщения и как можно их убегать. В хоромах же тотчас началось курение уксусом.

В наступивший после того день, равно как нарочно для умножения моей опасности от прилипчивых болезней, был и со мною особливый случай.

Не то ездивши к г. Руднему в открытых санях, не то от другого чего, однако заболела у меня голова, стал показываться жар и сильное и частое биение пульса. При опасении давничнем горячки трогало меня сие очень, а особливо в рассуждении появившихся в доме болезней.

Однако я недолго медлил, а тотчас приступил к новому моему предохранительному в таких случаях средству, которым я уже много раз себе помогал, а именно, сверня бумажку и щекоча ею в носу, принужил себя чихнуть и повторил сие раза два. И мне удалось и в сей раз тем себе помочь; удары, произ-

веденные чиханием во всей крови, в состоянии были остановить скорость ее движения и уменьшить чрез то начинающийся жар, а чрез то и боль головная уничтожилась.

Таким образом имел я вновь случай удостовериться в полезности сего, мною нечаянно примеченного, весьма полезного врачебного способа и сожалел вновь, что многие не хотят и не стараются приучить себя к такому принужденному чиханию.

Теперь надобно мне заметить одну учиненную мною около сего времени выдумку. Печь в моем кабинете была кирпичная и складенная фигурно и довольно хорошо. Я сначала белил ее все мелом на молоке и по нему расписывал сперва красным сандалом* раковинами и картушами**, но как она замаралась, то выбелили ее около сего времени вновь, и мне вздумалось расписать ее разными красками и разбросанными по всей печи цветочками. Чрез сие получила она еще лучший вид; а в сие время нечаянно вздумалось мне полощить ее зубом, и я увидел, что сим средством можно и на всю ее навесть лоск и придать ей тем красы еще больше. Она стала как фарфоровая и так хороша, что не уступала почти кафленой***. Краски распускал я на обыкновенной камедной**** воде.

---

* Сандал — дерево из рода крушины, идет на краску.

** Картуш — виньетка.

*** Кафленная — кафельная.

**** Растительный клей

. . . .

. . . .

Нимало почти не уменьшившаяся болезнь жены моей принудила нас около сего времени послать нарочного к лекарю опять за лекарствами; но лекарь сей сначала показался нам весьма добрым и честным человеком, оказался наконец самым негодяем и бессовестнейшею тварью. Он старался только вытеблить* от нас колико можно более денег, а жене моей не только лекарствами своими не произвел ни малейшей пользы, но болезнь ее и едва ли не умышленно увеличил еще более из единой алчности к корысти и доставил нам бездельническими поступками своими столько досад, что мы раскаивались в том, что с ним связались.

Сей случай увеличил во мне прежнее невыгодное о лекарях наших мнение и подал вновь повод к жалению, что в отечестве нашем врачебная часть была в великом еще несовершенстве и сопряжена с великими недостатками. В тогдашнее время была сия часть несравненно еще в худшем состоянии. Монархи наши не прилагали еще столь много старания о усовершенствовании сей части. Тогда не было и десятой доли сих необходимо нужных людей против нынешнего.

Но, ах! Произошла ли какая существительная польза народу от того, что количество сих людей умножилось вдесятеро перед прежним?

Что пользы от того, что не только столицы набиты

---

*Вытеблить — вырвать.

докторами и лекарями, но нет ни одного губернского города, где б не было и докторов, и лекарей, и операторов, и акушеров, и повивальных бабок, и управ врачебных; и нет ни одного уездного города, в котором бы не было лекаря и которых бы всех не содержали мы на своем коште и жалованье, — когда и ныне множество больных помирает так же, как и прежде, без всякого призора и подавания им помощи от сих докторов и лекарей; когда и ныне все они, несмотря, что мы их поим, кормим и содержим на наших трудовых денежках, помышляют только о том, как бы нас грабить и карманы свои набивать нашими деньгами, а о истинном помогании нам всего меньше радеют и помышляют!

Что пользы от всего того, когда и ныне в случае постигшей какой болезни и самый дворянин не дозовется к себе лекаря, не имея столько достатка, чтоб ему за приезд и за самое иногда ничто заплатить ему рублей 10 или 25 или еще более! А о подлом народе и говорить уже нечего.

Когда самим нам так отяготительны и дороги становятся их приезды, когда мы за каждое мановение рук их должны платить рублями, а при всем том получать от них очень-очень мало пользы, то чего можно надеяться от них нашей подлости и какого вспоможения ожидать себе от сих корыстолюбцев, не имеющим ни совести, ни сожаления, а помышляющих только о набивании достатками нашими своих карманов?

Истинно! Та польза еще не велика для государства, что все сии господа уездные врачи рыскают беспрерывно по уездам для вырезывания тел убитых,

или опившихся, или скоропостижно умерших несчастливцев.

Но, с другой стороны, нельзя нам и обвинять правительство нерадением об нас. Оно, с своей стороны, учинило все, что нужно, и о пользе нашей прилагает наивозможнейшее старание; а вольно самим нам перепортить сей, толико нужный нам народ, и из добрых людей переделать всех бездельниками и негодяями.

Если б сами мы были б осторожнее, не платили б им за сущее иногда ничто бумажками целыми, не насыпали б карманов их за самый малый и ничего не значащий труд полными горстями денег, а платили б умереннее и оценивая дела, труды и старания их лучше, то не были бы и они так избалованы и не сделались такими алчными корыстолюбцами, каковыми они ныне, а получше бы исправляли свою должность. И тогда верно бы не перешло такое множество наших дворянских вотчин и деревень в руки господ докторов и медиков!!

Но я удалился уже от порядка своего дела и время возвратиться к оному.

Желание мое издать перевод моей «Китайской истории» в печать и боязнь, что б кто иной не перевел оную и не напечатал, было столь велико, что я, подумав-погадав и не надеясь на своих писцов, решился пуститься сам на весь труд, с переписыванием набело столь огромной книги сопряженной; и желая поспешить сим предприятием, оставил даже начатое переписывание книги своей «О благополучии»*, а

* Полное название — «О благополучии человеческом».

принялся около половины января за сие многотрудное дело, несмотря что не имел еще тогда ни малейшего понятия о всех обстоятельствах, сопряженных с печатанием книг, и о всех бываемых при том многочисленных затруднениях, и забыв совершенно, что я не имел еще к тому ни малейшего следа.

Но как бы то ни было, но я пустился на сию работу. Но увы! Сколь знаем мы о распоряжениях, делаемых со всеми нашими делами и предприятиями промыслом Господним, и сколь часто обманываемся мы в предполагаемых надеждах и заключениях наших! Пример сей книги доказал мне то впоследствии времени довольно ясно.

Всего того не совершилось нимало, что я об ней тогда думал и мечтал. Всю ее хотя я в разные времена и переписал, хотя употребил к тому трудов и множество, но всем им назначено было остаться тщетными и переводу моему не быть напечатанному, а оный, переплетенный в трех частях, стоит и теперь в моей библиотеке в манускрипте и истлевает покрытый пылью. Меня захватили другие дела и упражнения, а между тем издано в печать другое, и гораздо новейшее и совершеннейшее описание китайского государства, кем-то иным переведенное; и я, узнав о том, с прискорбием принужден был поставить свой перевод для вечного отдохновения в библиотеку.

Однако около сего ж времени перетревожены мы были двумя обстоятельствами. Во-первых, что ходил солдат с повесткою, чтоб все поверенные являлись в Серпухов для прикладывания рук к межевщику Лыкову. Сей повестки хотя мы и дожидались, но не

от него, и дивились, зачем спрашивал нас Лыков, и опасались, чтоб не отданы мы были опять в руки сему нечестивцу.

Во-вторых, встревожил нас слух, что не только в окрестностях была, но и в самое наше селение вкралась уже оспа, болезнь, которой мы тем более опасались, что все дети мои не лежали еще оною. Кроме сего и прежде упомянутые горячки в доме моем все еще продолжались и не хотели никак пресечься, как мы о том ни старались. Но, по крайней мере, рад я тому был, что никто из них не умирал, а все опять выздоравливали.

. . . .

А как письмо мое достигло до обыкновенных своих пределов, то дозвольте мне на сем месте оное, прервав, кончить, сказав вам, что я есмь, и прочая.

Декабря 6-го дня 1808 года.

ПЕРЕПИСКА К НАРТОВЫМ

ПИСЬМО 157-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .
. . . .

. . . 5-го числа марта встревожен был весь дух мой получением из Петербурга письмом от г. Нартова, секретаря Экономического общества.

Сей незнакомый мне совсем, но заочно меня полюбивший человек уведомлял меня, что он имел случай рекомендовать меня князю Сергию Васильевичу Гагарину, сенатору и кавалеру и нашего Общества члену, который, также полюбив меня заочно, по одним моим сочинениям, хотел со мною познакомиться и просил его, чтоб он меня с ним познакомил, обещая, что если со мной познакомится и я соглашусь помогать ему смотрением моим над порученными ему от государыни ее волостьми, то он выходит мне от монархини чин и достаточное жалованье.

Г. Нартов, из любви своей ко мне, убеждал меня при том в письме своем всеми образами и просил, чтоб я уведомил его, какие имею я о том мысли.

Признаюсь, что письмо сие произвело во всей душе моей наивеличайшую тревогу, и день сей был весьма достопамятный в моей жизни.

Предлагался мне чин и жалованье, а при том еще рекомендация тогдашней императрице нашей, следовательно, честь, знаменитость и богатство, до того нимало меня не прельщавшие; но требовалось, чтоб я переменил свое состояние, покинул свой дом и спокойную, свободную, драгоценную деревенскую жизнь, какою тогда, по благости Господней, наслаждался, и, лишась вольности, отдал себя в неволю, запутал себя в труды и должности и пошел опять в пространное житейское море, оставив свое любезное уединение. Цена поистине великая и требующая по всей справедливости великого рассмотрения!

Я не знал тогда, что делать, и находился в великом замешательстве и расстройке мыслей. С одной стороны, льстил меня чин, знать и жалованье, но с другой, устрашали хлопоты, неволье и жаленье о тогдашнем драгоценном для меня состоянии.

Я колебался мыслями и не знал, что делать, что предпринять и к чему приступить; наконец, родилась во мне мысль, что приходит сие не случайно и не само собою, поелику я о сем не имел даже никогда и малейшего помышления, а не только сего искал и домогался; а потому догадывался и не сомневался в том, что тут есть действие промысла и содействие того, кому давно поручена жизнь моя в полное владение и распоряжение, т.е. милостивого и всещедрого моего Бога, небесного отца и покровителя, оказавшего мне в жизнь мою бесчисленные опыты своего обо мне попечения и старания.

Вспомнив сие, успокоился я духом, и сердце мое наполнилось чувствиями живейшей благодарности к нему, а посему и передавал я дело сие на его святую

волю и просил только, чтоб он мне сказал, куда мне иттить и что делать.

Но не одним сим сей день для меня достопамятен. Произошло в оный и другое, также примечания достойное, происшествие. В самую почти ту же минуту получил я известие, что приехал в Якшино г. Щербинин и хотел со мною видеться.

Таким образом ездил я в сей день к нему и имел случай спознакомиться с сим знатным человеком, бывшим тогда губернатором в Харькове, и имел счастие ему очень полюбиться. До сего времени он знал меня по одному только слуху и имени, а теперь узнал лично, и могу сказать, что я обращением его со мною и ласкою был чрезвычайно доволен и льстился надеждою, что он мне когда-нибудь при случае сгодится.

Как я не знал в точности обстоятельств и того, под какими волостями князю Гагарину поручено смотреть и где сии лежат волости, а надлежало в непродолжительном времени что-нибудь писать в Петербург к г. Нартову*, то положил я в последующий день съездить к другу моему г. Полонскому и с ним о том посоветовать и слышать о том его мнение.

Сей приятель мой не успел прочесть письма, как пришел в восторг с радости, что со мною сие совершается. Его первое слово было то, что он сам молебен отпоет, если сие сделается, и говорил мне, чтоб я отнюдь сего случая не выпускал из рук; что счастие само меня ищет; что у князя Гагарина не имеется никаких иных волостей, кроме Богородиц-

---

* См. примечание 2 после текста.

кой и Бобриковской, лежащих неподалеку за Тулою; что управительское в сей волости место лучше всякого воеводства и чрезвычайно выгодно.

Одним словом, он насказал мне столько выгод, что если б я не философские имел мысли, так бы имел причину почитать себя чрезвычайно счастливым. Но я только усматривал из того час от часу больше начинающуюся ко мне особливую божескую милость и благодарил сего великого моего благодетеля.

Все сие побуждало меня час от часу охотнее приступить к предлагаемому, и как в самое то время и равно как нарочно случился у меня и человек из Кашина, отправляющийся в Москву, то не стал я долее медлить и написал письмо к Нартову в ответ. Сие письмо удалось мне написать, не знаю как сказать, ни то хорошо, ни то худо. Я писал его почти не своею головою и так, как люди не пишут.

Сперва благодарил я Нартова за его к себе одолжение, потом сделал приветствие князю, которые оба пункта удались мне как лучше желать не можно. Последующие за сим строки были особого, весьма важного и такого содержания, которые, как думал я, будут Нартовым не ожидаемы. В них, открывая ему свои мысли, писал я прямо как практическому философу надобно. Я изображал ему в коротких словах всю драгоценность тогдашнего своего образа жизни, изъяснял, сколь трудно мне расстаться с оною, и, наконец, заключил тем, что я предлагаемую должность не инако соглашусь принять, как только в таком случае, если сия волость недалеко лежит от моей деревни, если я не принужден буду

совсем бросить свой дом и если мне дастся хорошее жалованье, и сие для того, чтоб я тем меньше мог помышлять о неправедных прибытках; ибо сей пункт был для меня страшен. В противном случае, что охотнее хочу я остаться в прежнем своем незнакомом угле, чине и достатке.

К сему письму приложил я случившиеся тогда и равно как нарочно к тому переписанные сочинения: одно о садах, а другое о некоторых деревенских лекарствах; также одну безделушку, относящуюся до натуральных редкостей, которую случилось мне нечаянно найти минувшим летом в вершине подле своего дома; ибо сего хотелось г. Нартову, как охотнику до таких вещей и собиравшему у себя кабинет натуральный.

Сие письмо отправив я в Москву с кашинским человеком, стал дожидаться, что оно произведет и что воспоследует далее. Потом ездил я вторично к г. Щербинину и свел с ним более дружбу. Он меня так полюбил, что насилу отпустил, продержав меня у себя до самого вечера.

При таких многих и сряду друг за другом в короткое время случившихся происшествиях, не мог я тогдашнему периоду времени довольно надивиться и почитал оный в особливости примечания достойным.

Сперва случилось миротворение г. Ладыженского, там кончина и погребение родственника и соседа моего, потом межевые дела, там помянутое письмо и важное предложение; вместе с тем знакомство с г. Щербининым.

Но того было еще не довольно, но к тому присовокупилось еще, что в последующий за тем день, т.е.

9 марта, получил я, против всякого ожидания, от племянника моего родного из Пскова известие, что было для меня очень радостно; а 10-го числа ездил в Серпухов и при сем случае свел дружбу с купцом Плотниковым, которая для меня была также интересна.

Потом приехала к г. Щербинину его жена, и мы приглашены были к ним. Она не менее благоприятствовала моим домашним, и как вскоре после того случилось жене моей быть имянинницею, то одолжила нас генеральша сия в сей день своим посещением с сыном и прочими детьми своими, с которыми мы также при сем случае спознакомились. А вслед за сим получил брат мой Гаврила Матвеевич отставку и прапорщичий чин, и я радовался и благодарил Бога, что все члены нашей фамилии были уже офицерами. Итак, происходили одно происшествие за другим, и все были довольно важные.

Достальное время сего месяца препроводил я в переписывании набело и переправлении книги моей «О благополучии человеческом» и в продолжении сочинения другой, названной «Душевною кунсткамерою».

День Пасхи случился в сей год очень рано и в самый последний день марта месяца, и вкупе в самую половодь и распутицу. Сие принудило нас во всю Святую неделю сидеть дома и вместо разъездов заниматься домашними упражнениями. . . . . . .

. . . .

В сих упражнениях, обращавшихся для меня не столько в труд, как в увеселение, и не видал я, как прошли две первые трети месяца апреля; а между

тем не выходили у меня из головы мысли о сделанном мне предложении и моем отзыве, и я со дня на день поджидал на письмо мое от г. Нартова ответа.

Оный и не укоснел ко мне притгить; но о сем и содержании его перескажу вам в письме последующем, а теперешнее сим кончу, сказав вам, что я есмь, и прочая.

Декабря 8-го дня 1808 года.

ПРИГЛАШЕНИЕ В МОСКВУ

ПИСЬМО 158-е

Любезный приятель! Двадцать первое число апреля был тот день, в который исполнилось мое нетерпеливое желание, и я получил на посланный мной в Петербург отзыв ответное письмо г. Нартова. Воевода наш прислал его ко мне с нарочным из Каширы.

Легко можно заключить, что каков я ни был, но распечатывал его не без сильных душевных движений. От частого помышления о сделанном мне предложении и о всех выгодах, какие я иметь буду, если то совершится, и которые натурально воображением были увеличиваемы, произошло то, что я начал уже некоторым образом и желать, чтоб оно исполнилось, и желал довольно сильно; а напротив того не хотел, чтоб произошло что-либо противное моему ожиданию. Итак, начинал его читать почти со страхом и трепетом, или, по крайней мере, с сильным потрясением душевным, но скоро все сумнительствы мои рушились. Содержание письма сего было для тайных моих вожделений удовлетворительно и произвело во всей внутренности души моей удовольствие неизобразимое.

Г. Нартов ответствовал мне так, как мое фило-

софическое письмо требовало и как надлежало. Он наполнил письмо свое ласками и изъявлениями хорошего своего характера и принудил меня еще более себя полюбить. О деле же моем уведомлял он меня, что он с князем Гагариным виделся и обо всем с ним говорил, и что князь был всем доволен и на все согласен, и что осталось мне только с ним видеться и познакомиться лично. А поелику в самое то время князь отправился в Москву и повез с собою письмо от него, Нартова, ко мне, то ехал бы я в Москву и с ним там повидался. О волости же, куда я назначаюсь, хотя и не упоминал он именно, а писал только, что она лежит недалеко от меня и что перемена моего состояния меня не перетревожит.

Далее уведомлял он меня о посланных моих вновь сочиненьицах, что он предложил их публично Обществу, и буде пьесу мою о некоторых домашних лекарствах Общество определит напечатать, то меня уведомит.

Что ж касается до посланной ему от меня безделки, состоящей в маленьком камешке, то недуманно-негаданно пошел он в честь. Г. Нартов был им очень доволен и просил меня, чтоб я прислал их более, и что это был трохит, или колесный камень, составляющий самую редкость в натуре; также чтоб я прислал и кремниевых прорастей с хрусталями, о которых упоминал я в письме своем, что у меня их есть несколько.

Но при сем одном он не остался, а прислал еще ко мне в подарок перевода своего нужную мне книжку, а именно «Минералогию» г. Лемана, и чем побудил меня еще более к собиранию редкостей.

Признаюсь, что письмо сие доставило мне много удовольствия, а не менее радовались тому и обе мои семьянинки, ибо оное явно доказывало, что дело мое начинало клеиться понемногу.

Я не преминул сообщить ему и другу моему г. Полонскому, и сей обрадовался тому равномерно и почитал уже определение меня к месту несомненным. А что назначалось мне не иное какое место, чего я опасался, как управительское в Богородицке, то догадывались и заключали мы потому, что перепадали нам слухи, что и там каким-то образом носилась уже молва, что мне быть управителем.

И как по всему тому езда в Москву сделалась уже необходимостью, то г. Полонский и все друзья мои, родные и приятели, желавшие мне благополучия, и протуривали* меня туда неукоснительно. Но мне как-то не хотелось слишком поспешать сею ездою, дабы тем не подать вида, что я сам на то навязываюсь; а почитал за лучшее подождать, не будет ли князь Гагарин сам ко мне писать и не пришлет ли ко мне письма Нартова, с ним отправленного, или, по крайней мере, отправиться в Москву, отпраздновав свой деревенский вешний годовой праздник.

В сем расположении мыслей и начал я спокойным образом продолжать прежние свои упражнения. Сад и кабинет разделяли все мое время, и я работал руками и духом. К тому присовокупилось еще и третье

---

*Протуривать, протурить — прогнать, отправить, отправлять.

упражнение, а именно собирание натуралий, или редкостей натуры; ибо как г. Нартов просил меня, чтоб переслать к нему более полезных камней, то хотелось мне самому поискать в наших местностях как их, так и других редкостей натуры и тем услужить сему моему незнакомому приятелю и благодетелю.

Счастие и поблагоприятствовало мне в сем случае и более, нежели я желать мог. Люди мои не успели узнать о моем хотении, как наперерыв друг пред другом старались искать всего того, что было примечания достойным, и приносить ко мне напоказ, желая мне доставить удовольствие; и могу сказать, что я был ими в сем случае очень доволен. Не успел я им сказать, что мне всякие хорошенькие камешки надобны, как отовсюду они ко мне и полетели, и приносили их ко мне не только большие, но и самые малые ребятишки, и я не однажды имел наисладчайшее и невинное удовольствие, находя между ими вещицы, особливое примечание заслуживающие.

Но ни который день не доставил мне такого удовольствия, как 30 апреля. В сей день нашел я то истинное сокровище, которое после сделалось толико славно и обратилось в пользу бесчисленному множеству людей всякого рода. Но тогда не имел еще я о том ни малейшего понятия и никак не мог вообразить себе, чтоб вышла из того такая важная и надобная вещь.

Были то каменья или плоские плитки особливого сложения и сросшиеся, равно как из бисера или множества мельчайших кругленьких беленьких ка-

мешков с дырочками посреди; почему и прозвал я их тогда каменьями бисерными. Таких камешков, какой послал я к Нартову, не мог я никак более отыскать. Он был прямо удивительный: кругленький, продолговатый и составленный равно как из сложенных друг с другом наипорядочнейшим образом столбочком колесец, и притом так регулярно, что казалось, что штучка сия походила более на выточенную руками человеческими, нежели на произведенную натурою.

Все старания наши к отысканию таковых же были тщетны, а сей нашли мне в минувшем году нечаянно в вершине сада моего ребятишки и, ведая мое любопытство, ко мне принесли.

Итак, мне было очень жаль, (что) не отыскивались множайшие; но помянутые бисерные каменья поутешили меня в том несколько. В некоторых из них находил я точно такие же кругленькие колесцы и камешки, как был и тот, но вросшие только внутрь оных, либо прямо, либо вкось и так, что их от плиток сих никак отделить было не можно.

Сие заставило меня заключать, что плиткам сим, без всякого сомнения, надобно быть одинакового существа и происхождения с помянутыми трохитами. И к сему заключению еще побудило меня то, что я по прилежнейшем оных рассматривании находил, что и все помянутые бисерники были не иное что, как начатки таковых же колесец, но только очень маленькие и сросшиеся в общее тело, плитку составляющее.

Сие возбудило любопытство во мне к узнанию,

нет ли чего писанного в минералогических книгах и в натуральном лексиконе и о сих, равно как и о трохитах; и какое же удовольствие было мое, когда я в натуральном лексиконе нашел особую статью о трохитах, в которой упоминалось, что это окаменелость раковичных мо́рских животных и что найдены они однажды в Италии и узнано, что они имеют способность помогать от камня в почках. Обо всем том упомянуто было хотя вкратце и немногими словами, но для меня было и сего довольно.

Я воскликнул тогда в превеликом удовольствии душевном:

— Ба! ба! ба! За ними еще вот что есть, и они не только сложением своим удивительны, но еще и лекарственны от важной болезни!

А удовольствие мое еще увеличилось, когда, читая минералогию, нашел и удостоверился в том, что найденные мною плитки точно такого же существа, составляют такие же окаменелости и известны в минералогии под именем энкритов.

По узнанию всего того вскипело во мне желание узнать из опытности, действительно ли то правда, что об них вскользь упомянуто было в натуральном лексиконе; но как к тому и потребен был человек, страдавший каменной болезнью, над которым бы тот опыт учинить было можно, то озабочивался я тем, где бы в деревнях отыскать мне такого больного.

Но не прямо ли удивительное случилось тогда со мною происшествие и не доказывает ли оно, что если промыслу Господню угодно когда открыть что-нибудь в особливости полезное человеческому роду, так

оный покажет к тому и путь и распорядит все к тому потребное. Ибо, как бы вы, любезный приятель, думали? Не успел я помянутым образом сии каменья найтить, узнать о их натуре и врачебных качествах и возжелать сыскать больного, над которым желаемый мною опыт учинить было можно, как в тот же самый день и отыскался таковой точно.

Приезжает к нам соседка, жена умершего недавно моего родственника. Я рассказываю ей между прочим о своей находке, показываю ей каменья и изъявляю помянутое желание о найдении больного, страждущего каменною болезнью; а она не успела о сем услышать, как воскликнула:

— Ах, батюшка мой, да у меня в дому лежит теперь малый молодой и при самой уже смерти и точно от сей болезни; давеча уже исповедали его и причастили. Не попробовать ли нам над ним и не одолжите ли вы меня кусочком сего камешка?

Обрадовался я, сие услышав, и сказал ей:

— Хорошо, матушка, о камешке ни слова, но вот вопрос: каким образом лечить нам им вашего больного? В книге той, где нашел я об нем упоминание, не сказано о том ни слова, и Бог знает, как нам с ним поступать?

Сие остановило на минуту и ее и меня; однако мы стали думать о том и советовать, и я другого не находил, как испытать, не растолчется ли он в иготе* и не можно ли составить из него порошок, удобный к приниманию внутрь. Сие мы тот же час ис-

---

*Иготь — ручная ступка.

пытали. Тотчас отколот был кусок от плитки и положен в иготь, и я удивился, увидев, что толокся он очень хорошо и что в короткое время можно было чрез толчение, просевание и трение в ступке превратить его в мельчайший порошок.

Но тут сделался опять вопрос, сколько бы его и в чем дать больному? Подумавши о сем, положили мы дать ему размешанный в воде и с добрую чайную ложечку вверх, или с драхму весом. Итак, снабдив соседку мою сим порошком, просил я уведомить меня о успехе нашего опыта. И какое же удовольствие имел я, когда в последующее утро прислала она ко мне человека, просящего с восхищением, чтоб дал я еще того же лекарства, и сказывающего, что порошок мой произвел действие чрезвычайное, что больному полегчало, что не успел он его принять, как чрез самое короткое время выгнал он с кровью два камешка, в горошину величиною.

Рад я неведомо как был сему случаю и благодарил судьбу, что она доставляет мне во всякое время случай ко многим полезным опытам.

Повторение употребления сего лекарства так хорошо действовало, что больной получил совершенное облегчение и на третий день в состоянии был приттить ко мне для изъявления своей благодарности, что я избавил его от неминуемой почти смерти.

Вот первый случай, познакомивший меня с чрезвычайной полезностью сего целебного камня.

Теперь было бы слишком пространно, если б хотеть мне рассказывать вам дальнейшую историю о сем камне; о всех бесчисленных опытах, им в разные

времена предпринимаемых; о вожделеннейшем успехе оных; о удивительных и совершенно нечаянных открытиях многих и других целебных его способностях и силах, а коротко скажу, что многие, не сотни, а тысячи людей получили и получают и поныне от него пользу и не от одной каменной болезни, но и от других многих; ибо впоследствии времени открылось, что он также великое облегчение производит от грыжи, от животных болей, от стеснения в груди, при случае поднимающейся диафрагмы, от чувствуемой боли в окрестностях сердца, от простого и кровавого поноса, от колики, изгаги*, разных кровотечений и прочее; и что, наконец, оказалось, что он и к заживлению свежих ран имеет чрезвычайную способность.

Словом, из бесчисленных опытов сделалось нам известно, что полезность его так велика, что, судя по оной, можно почитать его наравне с золотом. Наконец, что доставил он в жизнь мою мне бесчисленное множество минут приятных, и я имел повод к особливому благодарению промысла Господня за то, что одарил он здешнюю мою усадьбу и прекрасную гору, на которой имею я жительство, великим и таким множеством сих целебных каменьев, что и поныне не имеем мы в них недостатка, хотя ежегодно расходится его у нас порошком по нескольку фунтов, раздаваемого больным от разных болезней, и что святой воле его угодно было употребить меня орудием к открытию сего полезного лекарства и пре-

---

*Изгага — изжога.

подать мне после случай спознакомить с сим камнем и полезностию его и все любезное мое отечество, и быть тому причиною, что многие и другие и в разных местах государства нашли таковые же каменья и производят ими пользу.

Но я заговорился уже о побочностях и теперь возвращусь к прежнему моему предмету.

В сих и подобных сему упражнениях препроводил я все достальные дни месяца апреля и успел разных окаменелостей набрать столько, что в состоянии был я отправить их после целый коробок к г. Нартову.

С наступлением месяца мая начал я уже пристальнее помышлять о московской поездке, и хотя от князя Гагарина не было еще никакого слуха, но я почитал езду свою тем необходимейшею, что в Москве побывать мне и для других нужд было надобно.

. . . .

Между тем продолжал я упражняться в прежних своих делах, а особливо в переписке набело книги моей «О благополучии», и спешил тем всячески, чтоб успеть переписать первую часть до отъезда моего в Москву. Однако не так сделалось, как я думал. Промыслу Господню угодно было призвать меня в столицу сию гораздо прежде, нежели я думал, а именно:

Еще в самую ночь под 3-е число мая видел я некакой странный, но такой сон, из которого мог заключить, что в тот день едва ли не получу я письма какого-нибудь важного.

Снам хотя я всего меньше склонен был верить, но примечания достойно, что уже несколько раз сряду, в тот самый день, в который получать мне из

Экономического общества какое письмо или книгу, видал я особливые и странные сновидения, по которым равно как предугадывал, что в тот день или вскоре я что-нибудь, а верно получу. Таким точно образом видел я и в сию ночь, не помню что-то особливое, и, проснувшись, тогда же подумал:

«Не получу ли я то письмо от Нартова, которое вручил он князю Гагарину?»

Со всем тем день прошел, а присылки никакой не было, почему перестал я о том почти и думать, а перед вечером только пришло мне опять все сие на мысль, и произойди какое чудное и удивительное происшествие!

Во мне родилась вдруг мысль о том, чрез кого бы можно было князю переслать ко мне письмо от Нартова. Не знаком ли разве ему, говорил я себе, по какому-нибудь случаю Хитров? Не увидит ли его он и не отдаст ли ему письма? И что ж? Не успел я получить сию мысль, как в самую ту минуту сказывают мне, что от Хитрова человек приехал и привез ко мне письмо, адресованное на мое имя.

Поразился я чрезвычайным удивлением таковою нечаянностию и не знал, от кого бы сие письмо было. Но как увеличилось удивление мое, когда увидел я, что было оно от самого князя Гагарина, с приложением письма Нартова. Легко можно заключить, что оба письма читал я с великим любопытством.

Князь писал ко мне в коротких терминах, что посылает ко мне письмо Нартова, что имеет нужду со мною видеться и просит, чтоб я приехал к нему в Москву прежде половины месяца мая или бы в ис-

ходе сего месяца приехал прямо в Бобрики, где он со мною о чем надобно переговорит. Напротив того, г. Нартов объяснялся уже более и писал ко мне, что князь отзывался ему, что если я соглашусь быть управителем, то определено будет мне по 660 рублей жалованья, да содержание все государево, а сверх того выпросит он мне и чин.

Легко можно заключить, что все сие в состоянии было меня встревожить и побудить спешить московскою своею ездою. Натурально, восхотелось мне видеться с ним охотнее в Москве, нежели в Бобриках, почему все сие убеждало меня оставлять и праздник непразднованный, и все, а ехать в Москву.

Друг мой г. Полонский не успел услышать о сем, как убеждал меня, или, лучше сказать, гнал в Москву, и все знакомые предлагали мне и домы свои, и кареты для услуг, а были и такие, которые и подольщались ко мне и просили о неоставлении их, если я получу управительское место в Бобриках.

Таким образом принужден я был согласиться оставить все свои дела и упражнения и ехать в Москву. Брат Гаврила Матвеевич, имея также нужду быть в оной, согласился ехать вместе со мною и быть моим товарищем, что для меня было и приятно.

Мы выехали с ним из дома 5-го числа после обеда и спешили, чтоб нам ночевать за Серпуховым.

В сем городе зашел я к купцу и новому знакомому своему Плотникову, чтоб променять медные деньги на ассигнации.

Избавившись от сего груза и выкормив лошадей, поехали мы пред вечером из города и успели при-

ехать ночевать в Московку, где против всякого чаяния встретился я с г-жою Щербининою, едущею в Москву из деревни. Сия встреча принудила меня одеваться, к ней иттить и с ней видеться. Расспросив о московских обстоятельствах и переночевав тут, пустились мы далее и, продолжая путь во весь последующий день, приехали в Москву 7-го числа, около обеда.

Как с самого несчастного времени не бывал я еще в сем столичном городе, претерпевшем толь много зла, то, въезжая в оный, не мог я, чтоб не чувствовать некоторого еще страха и опасения. Многие дома стояли еще пустыми с разломанными между окон простенками, и зрелище сие приводило еще всю душу мою в содрогание, несмотря, хотя уже не было никакой опасности от язвы.

Для стояния предлагаемы мне были многие домы, но я решился наконец для лучшей свободности стать на дворе брата Михайла Матвеевича, доставшемся ему после тестя, и после был тем очень доволен, узнав, что сие место было всех прочих ближе ко двору князя Гагарина.

Мое первое попечение было о том, чтоб снабдить себя новым платьем, дабы недурно было показаться к князю. Сосед и друг мой г. Руднев, случившийся тогда в Москве, прибежал того момента к нам и сотовариществовал нам, как мы собрались иттить в ряды.

Мы искупили в сей день все нужнейшее к мундиру и экипажу и проехали оттуда в каретный ряд и купили две кареты: одну я для себя, четвероместную, какая для нас в деревне была надобна, а другую ку-

пил брат Гаврила Матвеевич для себя, двухместную. Портной тотчас был сыскан, и велено было, чтоб все поспело к четвергу.

Наутрие, т.е. 8-го числа, что было ввечеру и в самый день Отдания Пасхи*, убравшись, поехали мы с братом к г. Хитрову. С сим соседом и любящим меня приятелем хотелось мне прежде всего видеться и расспросить, каким образом дошло ко мне чрез него письмо княжое и не знает ли он чего о моем деле?

Он рад был моему приезду и пенял, для чего я не у него пристал; о письме же первое его было слово. Он спрашивал, получил ли я его, а я спрашивал, каким образом оно к нему попало в руки?

Тогда рассказал он мне все происшествие, и я, услышав, дивился вновь действию промысла Господня и напомнил справедливость пословицы, что когда Бог пристанет, так и пастыря приставит.

Князю Гагарину, не знаю почему, знаком был бригадир Николай Григорьевич Наумов, приятель и родственник г. Хитрова, и каким-то образом дошел у них разговор обо мне. Г. Наумов меня однажды только видел, но знал довольно по Хитрове и по моим сочинениям. Он не преминул сказать князю обо мне хорошее словцо, и князь возложил на него комиссию, чтоб он доставил к нему меня, и вручил ему ко мне письмо, а Наумов передал его Хитрову и попросил о доставлении его ко мне колико можно скорее; а у Хитрова, равно как нарочно, случилось

---

*Праздник Отдания Пасхи — канун Вознесения.

в деревню его посылка, и он тотчас с сими ездоками и послал его ко мне.

Таким образом, говорил г. Хитров, надобно г. Наумову представить меня к князю, а сам он хотел меня отвезть к Наумову.

Рад я был сему случаю и благодарил приятеля моего за его ко мне дружбу, а Бога за снискание мне и случая к появлению к столь знатному человеку.

Хитров не отпустил меня в тот день без того, чтоб я у него не отобедал, и брался наутрие ехать со мною к г. Наумову.

Итак, последующий за сим день, что случилось на самый наш деревенский праздник, Николин день, ездил я и к Наумову, и к князю и виделся впервые с сим нашим вельможею. Происшествие сего достопамятного дня было следующее.

Поутру, собравшись, поехал я прежде всего к Хитрову. Он только что встал, как я приехал; однако, тотчас одевшись, поехал со мною к г. Наумову. Сей принял меня очень ласково и того момента одевшись, повез меня к князю.

На дороге сказывал он мне, что князь хочет просить меня съездить с ним в Бобрики. Он выхваливал неведомо как предлагаемое мне место и советовал отнюдь не отбиваться, если станут определять меня туда в управители. Я слушал его со вниманием и досадовал крайне, что стук от кареты, едущей по мостовой, мешал мне расслушивать все слова г. Наумова, разговаривающего со мною очень тихо.

Приехав в дом князя, нашли мы его в саду, в пышной и огромной галерее, занимающегося отправлением в Бобрики архитектора.

Князь принял меня довольно приятно и, посадив, спрашивал, получил ли я письмо от него и от Нартова? Потом сделал мне такое предложение, какого я всего меньше от него ожидал, а именно: не соглашусь ли я съездить с ним в Бобрики и не возьму ли на себя труд сочинить всей тамошней волости камеральное описание*?

Сим неожидаемым запросом он так меня смутил, что я не знал, что ему на оный ответствовать; но скоро одумавшись и собравшись с мыслями, сказал, что для меня труд сей не велик и я готов услужить тем его сиятельству, хотя и в самом деле у меня и так и сяк на уме становиться стало.

Г. Наумов, посидев немного, поехал и оставил меня с князем; а вскоре за сим отправил князь и архитектора, сказывая ему, чтоб он ехал и дожидался нас там, вскоре за ним вслед туда быть имеющих. После того повел меня он в свой прекрасный и по правилам Ленотра** расположенный регулярный сад, и тут-то начались у нас с ним разговоры.

Он, испытывая, расспрашивал меня о разных экономических материях и наконец изъяснялся, что хочет он определить меня в управители в Богородицкую волость, если мне тамошнее место полюбится и он узнает меня короче. Сказывал притом, что тамошний управитель г. Опухтин просился в отстав-

---

*Камеральный — имеющий отношение к финансовому управлению.

**См. примечание 3 после текста.

ку и что у него человек со сто просится на его место; но ему хочется определить надежного и такого человека, который бы ко всем экономическим упражнениям был охотник, и что он не нашел уже иного средства им отказывать, как объявлением, что Опухтин в отставку иттить отдумал. А теперь подлинно и сам он об нем в точности не знает.

Сим хотя и успокоил он мои мысли, однако последние слова оставили меня в некотором недоумении.

Сим образом проходили и проговорили мы с ним тут целое утро, и, по счастию, никто нам не помешал и, сколько можно было приметить и по его обращению со мною заключить, был он мною доволен, ибо обходился со мною очень фамильярно и совсем не гордо, а просто.

Наконец, приметив, что ему надобно было ехать со двора, стал я откланиваться. Тогда спросил он меня, долго ли я в Москве пробуду, и, услышав, что не долее как до воскресенья, просил он меня, чтоб я приехал к нему в субботу после обеда, в которое время он будет дома.

. . . .

В субботу, т.е. 11-го числа, был тот день, который назначен мне от князя быть у него после обеда. . .

. . . .

Князь принял меня как уже знакомого человека и довольно ласково. Я нашел его в саду, несмотря на всю случившуюся тогда стужу, он гулял. Он повел меня опять по саду, показывал все, что ни имел в оном так, как знающему во всем силу эконому. Но стужа нас скоро прогнала в палаты.

Тогда впервые еще я был у него в оных. Они были княжеские и непостыдные, и все соответствовало в них знатному его достоинству и богатству. Мы продолжали тут прежние свои разговоры и, по счастию, находились опять двое, и никто нам не мешал.

Он показывал иностранные семена трав и дарил меня несколькими из оных. А мне удалось прельстить его рассказыванием о новой моей экономии с хмелем и довесть до того, что он просил меня сильно о записке и рисунке, как делать из него беседки. Одним словом, мы ознакомились с ним уже гораздо и обходились просто, так что я им был очень доволен.

В рассуждение моего определения говорено было мало, а только твержено, чтоб мне ехать туда и поспеть к 20-му числу тогдашнего ж месяца. Наконец хотелось мне еще сколько-нибудь выведать и для того вздумал я, прощаясь с ним, спросить его, долго ли он меня там продержит?

Тогда видно было, что он сего вопроса не ожидал, и потому, смутясь, ответствовал мне, что это состоять будет в моей воле.

— Дней пять или шесть, — говорил он, но тотчас, запнувшись, повторил: — Да что о том говорить! тото там узнаем, пойдет ли Опухтин в отставку, и тогда я вам уже и скажу.

С сим расстался я тогда с князем, оставшись опять в неизвестности; но правду сказать, дальнейшего изъяснения и требовать от него было не можно. Я доволен был и тем и положил к 20-му числу поспешить в Бобрики.

Возвратясь на квартиру и пообедав, принялся я за письмо. Не было еще от меня ответствовано г. Нартову на оба его последние письма. Я медлил для того, чтоб уведомить его вкупе и о последствиях и успехе его рекомендации, почему привез с собою и все окаменелости, чтоб отправить к нему из Москвы по почте.

Я написал к нему длинное письмо, благодарил его за письма и книжку, уведомлял о посланных каменьях, описывал целебную силу бисерного камня, которого несколько штук также к нему послал, и, наконец, уведомлял о происшествиях, бывших у меня с князем, и кончил препоручением себя в дальнейшее его благоприятство.

Что ж касается до каменьев, то послал я к нему все лучшенькие, какие у меня были, как кремниевые проросли, так и прочие, и наклал ими ящик в целый пуд весом.

Как время мне еще осталось, то вздумал я и другое дело сделать, а именно, написать краткую записку о хмелеводстве, желаемую князем, и доказать ему тем мое усердие и готовность к услугам, и успел начеркать вчерне в тот же еще вечер.

Поутру на другой день прежде всего принялся я за переписку набело моей записки; я присовокупил к ней на особом листе рисунки столь хорошие, сколько мог без циркуля и линейки, а одним пером начертить их в скорости.

Сию записку рассудил я послать с человеком, а сам пошел в ряды искупать последние покупки, потом отослал письмо на почту, а после обеда ездил к Хитрову благодарить, но не застал дома.

Между тем дожидались мы из деревни лошадей для своей кареты, но как их еще не было, а нам надлежало поспешать, то в прибавок к своим наняли мы еще пару лошадей и успели еще в тот же день из Москвы перед вечером выехать.

Сим окончу я мое письмо, превзошедшее уже свои пределы, и, пожелав вам всего доброго, скажу, что я есмь, и прочая.

Декабря 9-го дня 1808 года.

ЕЗДА В БОБРИКИ

ПИСЬМО 159-е

Любезный приятель! Таким образом, кончив свои дела, отправились мы из Москвы и поехали опять в свое жилище с превеликим обозом; ибо вместо прежних трех повозок было с нами три кареты, коляска и две кибитки, так что весь наш кортеж походил с наружного вида на княжеский, а в самом деле был очень смешной. Все наши кареты и коляски запряжены были попарно, и на всех сидели только кучера, а лакеев позади их был только один-одинехонек. По счастию, стояла тогда сухая погода, и ехать было нам хорошо.

Подробным описанием сего нашего кратковременного путешествия не хочу вас никак обременять, а скажу только, что никогда в дороге не чувствовал я столько удовольствия, как в сей раз; однако не думайте, чтоб производило оное свидание и переговор с князем и лестные какие-либо надежды. О нет! Радоваться слишком мне не было еще причины, а удовольствие доставляла мне купленная мною в сей раз в Москве новая книга, славная поэма господина Битобе «Иосиф»*.

---

*Поль-Иеремия Битобе — автор поэмы «Иосиф» (1763 г.) французский поэт (1732 — 1808). Поэма в прозе «Иосиф» пользовалась в свое время большим успехом.

Сию-то книгу читал я, лежучи спокойно на перинах, в большой новокупленной своей карете; и как вся она наполнена трогательными сценами, то по чувствительности своей не мог я читать ее, не утирая множества раз текущих из глаз моих слез, душевным удовольствием производимых.

Мы провели в сем пути не более полутора суток и приехали 15-го числа мая около полден благополучно в свое любезное Дворянинково. Тут, как легко можно заключить, все домашние мои ожидали меня с великим нетерпением и, встречая нас, думали услышать от нас целые горы вестей радостных. Но, узнав все, принуждены были и они также умерить свои лестные надежды и вооружиться терпением в ожидании, что произойдет от моей дальнейшей езды в Бобрики.

. . . .

Итак, 18-е число мая был тот день, в который отправился я из дома своего в Бобриковскую волость узнавать, так сказать, свою судьбину или искать счастия.

Как в самый тот же день надлежало домашним моим ехать в Калединку, то согласился я им сотовариществовать и заехать к тетке.

Мы приехали к ней к обеду, а после оного я хотя и хотел продолжать свой путь, но меня уговорили остаться у них ночевать.

Но на другой день поутру, отслушавши заутреню и распрощавшись со всеми родными, желавшими мне всякого блага, отправился я в путь.

На дороге повстречался я с сестрою теткиною, г-жею Крюковою, а потом с приятелем моим г. То-

варовым. Они, узнав обо всем, благословляли путешествие мое и желали мне возможнейшего успеха.

Выехал я из Калединки так рано, что успел еще приехать кормить лошадей в Тулу, а ночевать в село Куракино. В Туле случилось мне в сей раз видеть мещанское гульбище, и довольно изрядное, ибо как был тогда самый Троицын день, то превеликое множество людей обоего пола в лучших нарядах собралось на берег обширного пруда в Чулковой слободе и разгуливали в рощице. Там поставлено было множество палаток, и мне сказывали, что гульбище бывает в сей день весьма многонародное; только я не мог без досады смотреть на вымазанные уже слишком много и размалеванные румянами лица и испакощенные тем изрядные рожицы.

Переночевав в селе Куракине и встав до света, приехали мы в последующий день кормить лошадей в большое и регулярно построенное село Каменку, принадлежащее уже к Бобриковской волости. Не могу изобразить, с каким чувствием въезжал я в пределы сей волости. Неизвестность, буду ли я или не буду в сих славных волостях управителем и увеличу ли в них свое благополучие или потеряю то, которым до того наслаждался, было причиною тому. Однако я предавал все на власть моего творца и Бога, пекущегося обо мне во все дни живота моего, и надеялся несомненно, что он меня не оставит и сделает то, что для меня лучшее и ему будет угоднее.

Остановившись в Каменке, употребил я небольшую политику и не велел сказывать людям о себе, кто я таков и куда еду, а сам старался кое о чем

мужиков повыспросить. Однако важного ничего узнать не мог.

О князе сказали мне, что он еще не приезжал в Бобрики. Итак, отдохнув немного, проехал я прямо в свою епифанскую деревнишку, верст за 12 оттуда отстоявшую, в намерении дожидаться там прибытия княжова.

Не успел я в помянутую деревню приехать, как слух о причине приезда моего разнесся тотчас по всему тамошнему соседству, и многие из крестьян, принадлежащих брату моему и тетке, г-же Арсеньевой, также и из соседственной деревни Арсеньевой начали приходит ко мне и изъявлять радость свою и желание, чтоб был я управителем, и, ничего еще не видев, приносили ко мне приносы, иной блюдо меду, иной курицу, иной блюдо яиц.

— Государи мои! — говорил я им, удивившись. — Что это вы затеяли? я еще не управитель и не знаю еще, буду ли я им или нет, и что могу я вам сделать?

— Нет, ничего, государь! — говорили они. — А только просим нас не оставить, когда ты будешь оным.

Всему тому я смеялся и был доволен их усердием, думая, что сия встреча была недурна для меня.

Ночевав в деревне своей, поутру на другой день отправил я человека в Бобрики проведать о приезде князя и чтоб наказать о присылке ко мне, когда он приедет. А сам, принявшись за перо, стал между тем делать прожект описанию волостей и препроводил в том все утро.

Посланный, возвратясь, привез известие, что князь еще не бывал, но что его ждут с часу на час.

Итак, принужден я был расположиться жить и дожидаться его в своей деревне.

Весь день прошел, а присылки не было. Наконец настал и другой день; однако не присылали.

«Что за диковинка, что князь не едет так долго?» — думал я и после обеда решился послать опять туда нарочного; ибо хотя и обещали прислать ко мне с известием, но как не присылали, то боялся я, чтоб не вышли тут какие-нибудь плутни и бездельничества от тамошних начальников.

Между тем продолжал я жить в черной, дымной и жаркой избе, наполненной миллионами мух. Таковая жизнь, хотя бы и могла мне скоро наскучить, но привычка к упражнениям не допустила меня чувствовать и малейшей скуки. Я запасся книгами, бумагою и чернилами и было в чем хотя бы целый месяц упражняться. Итак, занимал я себя литературою, и то почитаюсь книг, то попишусь, отведываю, не можно ли чего-нибудь наперед заготовить, или по крайней мере расположиться, каким образом и чем начать описание волостям и какой сделать к тому приступ.

Но не успел я сегò начать, как скоро оказалась сущая к тому еще невозможность, ибо я не имел о волостях сих ни малейшего еще понятия и никакого еще сведения и мне нужно еще было получить оное и выправиться обо всех принадлежностях.

Итак, оставив сие и находя приятнейшее упражнение в письме, принялся за другое и начал писать четвертую часть экономических своих записок под титулом «Плоды праздного времени», которых первые три части переплели мне в последнюю мою в

Москве бытность прекрасно и так, что красота самого сего переплета возбуждала во мне желание продолжать сию книгу, и тем паче, что первые три части многим полюбились. И как взяты были со мною все нужные к тому записки, то в немногие часы и написал я три нумера.

Между тем возвратился и посланный из Бобрик с известием, что князь еще не бывал, но что ждут приезда его с часу на час, потому что прислал он уже солдата сказать о себе, что он в тот день будет, и что солдат поехал уже за Опухтиным. Обрадовался я, сие услышав, и за верное полагал, что в последующий день быть мне в Бобриках.

Несмотря на то, вздумал я нарядить с вечера человека и приказал в последующий день со светом вдруг ехать и проведать о князе. Сам же, встав поутру, начал совсем собираться и дожидался только посланного. Но посланный, возвратившись, сказал, что князь все еще не бывал и что Опухтин, приезжавший туда ночью, опять поехал назад в Богородицк.

Удивился я этому чрезвычайно; но нечего было делать, принужден был опять осесться, вооружиться терпением и дожидаться присылки, которую верно обещали.

Итак, принялся я опять за прежние упражнения и написал еще несколько статей в свою книгу. Наконец настал обед, но присылки все еще не было. Что делать? Уж мне и скучновато стало становиться.

«Будет ли, не будет дело, — думаю и говорю сам себе, — а я проживаю здесь по-пустому время».

Что касается до моих людей, то им, привыкнувшим также ко всегдашнему упражнению, было уже

и очень скучно. Они помогали уже навоз возить и накладывать мужикам, и я дивился, как привычка может сделаться ко всему; привыкнув работать, они уже и скучали, быв без всякого дела.

По счастию, день и погода случилась очень хорошая и такая, что в избе сидеть очень скучно. Но куда иттить и что делать?

Пошел ходить на реку, пошел в сад моего мужика — там полежал, инде посидел... нет, скучно без дела. Пошел учить хозяина, как хмель разводить; а потом на поле смотреть хлебов и делать опыты унаваживания земли пеплом из овинов. Велел два воза при себе вывезть и разметать по земле под рожь и под гречиху.

Оттуда пошел смотреть каменьев, о которых мне сказывали, что есть в вершине превеликие, и мне хотелось видеть, не годны ли они будут к бобриковскому строению дворца на крыльцы. В сих разгуливаньях проводил я все послеполуденное время и, возвратясь на квартиру, испытывал натуру тех каменьев спиртами, кои со мною были и которыми делал я тутошним землям и глинам неоднократные опыты; и тем кончил день, но о князе не было еще никакого слуха.

Наконец поутру в следующий день, что было уже 24 мая, еще до вставания моего приезжал из Бобриков мужик с известием, что князь приехал и уже ночью. Итак, убравшись, поехал я наконец в славное село Бобрики, оставив багаж у себя в деревне.

Приехав в Бобрики, застал я князя, слушающего молебен при закладывании тамошнего огромного дворца. Он принял меня довольно ласково и просил,

чтоб присутствовал я с ним при закладке дворца. Господин Опухтин находился уже тут и так, как управитель, делал все нужные распоряжения.

По совершении водосвятия пошли мы закладывать дворец. Для князя высечен был особый камень, с надписью года, и он положил его, обмазав принесенною ему на блюде известью. Мы все архитектором прошены были последовать его примеру, и каждый из нас принужден был положить камень и, взяв лопаточкою известь, бросить на оный и потом три раза ударить молотком о камень.

Как мы вышли изо рвов, то приносимы были князю поздравления, и каменщики и народ прокричали три раза «ура». После того пригласил нас князь в поставленный перед квартирою его шатер, где подчивал водкою, вишневкою и маслом от голландских, содержимых тут коров.

В сие время приехал к нам некто из тутошних соседственных дворян г. Киреевский, отставной майор и ему незнакомый человек.

Во все время до обеда упражнялись мы в разных разговорах и ходили около тех мест, где быть строению. Потом угощал нас всех князь обедом в том небольшом деревянном домике, который построен был тут на горе для жительства тутошнему управителю и архитектору и где тогда расположился и сам князь квартировать, а после обеда пошли мы опять прохаживаться.

Между тем примечал я все поступки г-на Опухтина, дабы усмотреть из них что-нибудь, могущее объяснить мне, что со мною воспоследует, и находил, что нимало еще не пахло его переменою.

Он был человек расторопный и должность свою прямо отправляющий, так что князь был им не инако как доволен, а притом казался он в наиспокойнейшем состоянии духа. Со мною, как с незнакомым себе человеком, обходился он довольно холодно и не удостаивал меня ни единым почти словом. Из всего сего не предвещал я себе ничего хорошего и, смотря на все сие не весьма с спокойным духом, наверное почти заключил, что из дела моего ничего не выйдет. Однако хотелось мне слышать, что князь говорить станет.

Между тем, однако, досадно мне было, что лошади мои весь день стояли без корма. Князь с десять раз мимо их прошел, но и не помыслил о том, чтоб велеть мне отвесть квартиру и приказать дать лошадям моим корму, и сие не знал я чему приписывать.

Князь обходился, впрочем, со мною очень ласково и благоприятно, советовался обо всем со мною, обращался и говорил фамильярно, но о деле нашем не упоминаемо было ни единым словом.

После обеда звал он меня ехать с ним прогуливаться и кое-что осматривать, а между тем, найдя удобный случай, шепнул мне, что он с Опухтиным еще не говорил, а говорить будет и мне скажет.

«Хорошо! — думал я сам в себе. — Но по всему вижу, что ничему не бывать и что я проездил попустому».

Как жар понемногу посвалил, то поехали мы все прогуливаться на линейке Опухтина. Сперва ездили мы осматривать где ломали каменья, а потом проехали на славное Иван-озеро.

Тут не мог я довольно надивиться, что сие толь

во всем свете славное Иван-озеро составляло не что иное, как маленькую лужу или прудок с десятину пространством; но деланные во времена Петра Великого из оного в обе стороны каналы и каменные шлюзы делали его уже примечания достойным. Я не мог зрением на сию древность довольно налюбоваться, и для меня прогулка сия была очень весела.

Возвратившись в Бобрики, отстоящие от Иван-озера верст с десять, собирались иттить опять гулять и ловить рыбу в пруде, выкопанном на горе, а лошади мои все-таки стояли невыпряженные и без корма.

Сие привело меня в недоумение. Я не знал, тут ли мне ночевать или ехать назад в свою деревню, и ходил уже гулять в мыслях, оставляя князя разговаривать с Опухтиным о будущих учреждениях, с которым он так говорил, как с имеющим быть еще долгое время управителем.

Итак, я уже более удалялся и разговаривал с Киреевским, который был человек неглупый; но зачем он тогда приезжал, не знаю.

Перед вечером, наконец, спросил меня князь, долго ли я пробуду в своей деревне и далеко ли она? Я ему сказал, что собственно сам я не имею никакой нужды, а приехал к нему по его велению.

— Очень хорошо, сударь! — сказал он. — Так пожалуйте ж ко мне в понедельник в Богородицк. Там мы рассмотрим планы, чтоб нам можно было сделать описание.

Сие предложение смутило меня еще более.

«Изрядное это и, право, изрядное будет дело, — думал я, — поезжай я в деревню свою и живи опять

два дня в скуке и в темноте, а лучше я здесь останусь».

И потому сказал князю, что мне в деревне своей делать нечего и я лучше здесь где-нибудь к мужику пристану и пробуду это время.

— Очень хорошо! — сказал он. — Так пожалуйте здесь ночуйте.

Со всем тем о лошадях и о квартире мне опять позабыто.

Что это за поступок?» — думал я и велел слуге пристать где-нибудь к мужику и купить лошадям корма, а другого послать за оставшим в деревне моей экипажем.

По наступлении вечера стал я откланиваться, но князь удержал меня вместе ужинать.

«Это хорошо-таки, — думал я, — но не ночевать бы мне на голой лавке у мужика, это-то будет не слишком хорошо».

Со всем тем я отужинал и хотел иттить, но тогда сказали мне, что тут для меня комната сыскана и постеля приготовлена. Сие меня несколько порадовало, и таким образом расположился я тут ночевать. Но, о! Далась мне эта ночка, долго была она мне памятна.

Комнатка случилась какая-то маленькая, задняя и походившая более на конуру; кровать короткая, жар ужасный, духота несносная, мух с три пропасти, а сверх всего того — беспокойные мысли! Но как бы ни было, но я ночевал и препроводил сей день в надежде и сумнении. С одной стороны, по всему сомневался я в том, чтоб могло воспоследовать мне определение, а с другой — князь не сказывал мне еще ничего еще решительного и достоверного,

а только перед вечером, во время прогуливания, отведя меня к сторонке и приметя, может быть, мое неудовольствие, сказал: «Вы, пожалуйте, будьте уверены, что кроме вас на сем месте никто не будет, если г. Опухтин пойдет в отставку!» — что можно было толковать и так и сяк.

Однако я уже заехал, и хотя тужил, что по-пустому поехал, но делать было уже нечего.

Поутру на другой день пошли мы опять ходить и весь день проходили, проговорили и проездили опять по местам разным. Я во все сие время примечал и рассматривал князя и находил в нем чудной и странный характер.

Казалось мне, что был он человек очень добродушный, но спесивый, однако не слишком далекого и острого разума, а притом в мыслях и предприятиях не слишком основательным. Сии замечания объясняли мне уже очень многое, и я не стал уже его поступкам удивляться.

Я обедал и ночевал опять у него; но и в сей день не говорил он об определении меня ни слова, хотя я час от часу более примечал, что у Опухтина и на уме не было иттить в отставку, а неволею его столкнуть князю никоим образом было не можно, да и не было и повода и причины к тому; ибо, во-первых, оказал он ему очень многие услуги, и князь был бы неблагодарным, если б восхотел ему сделать некое неудовольствие; во-вторых, у князя, по доброте его души, не было столько и отваги, чтоб сие сделать.

Одним словом, я сам в мыслях от князя того не требовал, и мне досадно было бы, если б он для меня сделал сему достойному человеку какое неудовольст-

вие, который нес свою должность прямо исправно и рачительно и ничего дурного не сделал.

Со всем тем не прошел и сей день без особливого происшествия. Князь удивил меня опять неведомо как одним странным предложением, а именно, не соглашусь ли я с ним ехать в деревню его Плавскую Сергиевскую для компании?

Смешно мне это очень показалось!

«И сюда-то, государь мой, — думал я тогда сам в себе, — я по-пустому поехал, а туда зачем таким ехать, истинно уже не ведаю. И так я недели две прогулял, а то еще недели три проездить по пустякам не знаю из какой благодати!»

В таковых помышлениях вздумал я от него отмолчаться, и, спросив, долго ли он проездит, не сказал ни слова, и чрез то принудил догадываться, что я туда ехать не намерен. По счастию, он не стал более меня к тому принуждать, а то была бы для меня новая и великая комиссия.

В воскресенье, т.е. в самые заговины, поехали мы наконец в Богородицк, и заезжали обедать к Полунину Федору Ивановичу, особе особливого примечания достойной.

Он жил, как небогатый дворянин, в своей изрядной деревушке, почитался великим экономом; но в самом деле был хитрый, пронырливый, лукавый, лицемерный льстец и корыстолюбец и, происходя из низкого рода, умел правдами и неправдами нажить себе именьице и подбился рассказами своими князю в любовь и благоволение.

Тогда приезжал он нарочно в Бобрики звать князя к себе на перепутье и угощал его и всех нас вся-

чески, водил по своему саду и заговорил всех нас своими баснями.

По приезде в Богородицк, который мне впервые тогда видеть и узнать случилось, обходили и осмотрели мы также все места. Князю надлежало тогда и тут закладывать маленький дворец и церковь, и он показывал мне все сделанные к тому приготовления.

Сим занялись мы почти до самого ужина, и я даже устал ходючи с князем, и как уже не предусматривал в замечании всего дальней надобности, то мне все сие начало уже и прискучивать, и я стал уже помышлять о том, как бы скорей убираться домой, видя, что толку никакого нет и не будет.

План волости Богородицкой, для смотрения которого я более в Богородицк ехал, был огромный и так велик, что мне не было и способа и места его рассматривать; к тому ж никто меня к сему и не побуждал.

Мы видели его лежащим в превеликом выдолбленном бревне, в магазине, и князь не сказал мне ни слова, а мне и подавно не было нужды самому набиваться на труд, великую мне задержку учинить могущий. Между тем ждал я, что мне князь скажет, и готовился уже проситься домой, но, по счастию, князь и сам не замедлил.

Ввечеру, выждав свободное время, сказал он мне:

— Пойдем-ка, сударь, походим!

Я тотчас догадался, зачем он меня зовет, и не сомневался, что хотелось ему со мною поговорить наедине, в чем и не обманулся.

Он, отведя меня от дома опухтинского, где он остановился, на несколько десятков сажен на лужок

подле насаженной березками главной от колокольни аллеи, и видя, что мы были одни, начал со мною объясняться.

— Говорил я, — сказал он мне, — с Опухтиным и спрашивал его; но он отдумал иттить в отставку и намерен побыть еще года два при своей должности для оплаты долгов своих; а вы видите сами, что мне по неволе отставить не можно: он так много трудился в приведении волостей сих в порядок, и мне совестно сделать ему какое-либо неудовольствие.

Кровь во мне взволновалась вся при услышании сих слов. Я хотя и предвидел все сие и к отказу сему готовился, однако дух мой не мог никак, чтоб не смутиться несколько в сию решительную и критическую минуту.

Со всем тем я имел столько еще над собою власти, что, не подав ему ни малейшего знака неудовольствия и не сказав на сие ничего, дал ему волю продолжать далее свою речь.

— Со всем тем, — продолжал он, — будьте вы уверены и поверьте мне как честному человеку, что как скоро он пойдет в отставку, то никого иного сюда не определю, кроме вас.

Услышав сие, поклонился я ему и начал объясняться, говоря, что я сего места не искал и не просил и нимало не добиваюсь того, чтоб для меня сделано было г. Опухтину какое неудовольствие и он против хотения был бы отрешен от своего места.

— Нет, ваше сиятельство! — продолжал я. — В таковом бы случае я и сам не согласился бы иттить на сие место, ибо вы могли бы то же и со мною сделать; а я с охотою возвращусь в прежнее свое

уединение, где до того времени был доволен своим жребием, да и впредь надеюсь быть довольным.

Приятно было весьма князю сие услышать, и сколько смущался он до того, по доброте души своей не зная как мне сказать отказ, о котором заключал, что будет мне натурально неприятен, столько обрадовался, вдруг услышав такой мой отзыв.

Он похвалил образ и расположение моих мыслей и совестился неведомо как, что навлек на меня труды и хлопоты по-пустому, и не находил довольно слов к изъяснению мне о том своего сожаления. Но я тотчас пресек сие, сказав:

— Что касается до сего, то, пожалуйте, ваше сиятельство, тем не беспокойтесь; труд сей был не велик и для меня ничего не значащий; к тому ж езда сия доставила мне случай взглянуть на свою епифанскую деревнишку; следовательно, была не совсем пустая и для меня неотяготительна.

Князь был и сим отзывом моим, как казалось, очень доволен, но вдруг потом предложил мне еще вопрос, меня крайне удививший. Он сказал, что ищет он купить еще для государыни в степных местах деревню душ в тысячу. Итак, ежели найдет, то не соглашусь ли я туда ехать осматривать и над тою бы я мог получить дирекцию.

Смутился я вновь, сие услышав, и воскликнул в духе сам в себе: «Вот то-то, право, хорошо, и не горчица ли сущая после ужина?» И, недолго думая, сказал ему на то отказ совершенный, говоря прямо, что я нимало не намерен не только по пустякам ехать осматривать, но и быть там управителем.

Он удивился, услышав мой отказ, и спрашивал

тому о причине; и тут-то я имел случай объяснить ему то, какого сорта я человек и сколь мало помышлял о таких делах и вещах. Да и в самом деле, правление тысячью душами было бы для меня уже слишком низко и постыдно и нимало некстати. Все его убедительные причины, которыми начал было он меня стараться убаивать* и к тому преклонять, опроверг я очень скоро и не хотел о том и слышать. Наконец, начал он говорить о описании волости. Тогда предложил я ему, каким образом намерен было я был оное учинить, но как тогда делать мне уже нечего, так уволил бы он меня домой.

Совестно было уже ему, да и не можно меня удерживать, и он принужден был на отъезд мой согласиться. . . . .

. . . .

Но письмо мое достигло уже до своих пределов, и мне пора его кончить и сказать, что я есмь ваш, и прочая.

Декабря 10-го дня 1808 года.

---

*Убаивать — уговаривать; отбаить — отговорить.

РАЗГАДКА МОЕЙ НЕУДАЧИ

ПИСЬМО 160-е

Любезный приятель! Таким образом обрушились вдруг все воздушные замки, строимые до того в мыслях мною и всеми родными и приятелями моими, и исчезли как тень все наши лестные надежды.

Я не знал, как мне показаться будет к моим домашним и как сообщить им такое известие, о котором был я совершенно удостоверен, что будет оно им не весьма приятно и радостно.

Подумавши о сем, другого не находил, как при возвращении принять на себя веселый вид и обратить все дело в смех и шутку. Как вздумалось, так я и сделал.

Я возвратился домой на другой день по выезде из Богородицка. Было сие в исходе уже мая и 28-го числа оного. Я застал против всякого чаяния в доме у себя множество гостей, и все были одни боярыни, и между ими многие такие, которые никогда еще у нас до того не бывали. Сие было для меня не весьма приятно и тем более побуждало принять на себя веселую личину.

Все родные мои, услышав о приезде моем, выбежали меня встречать, и радость у них написана была

на глазах, когда увидели они, что я возвратился с веселым, а не унылым духом. Но радость сия продолжалась недолго.

Не успели они, обступив меня, начать наперерыв друг перед другом спрашивать и говорить:

— Ну? что? что? И сметь ли поздравить с...

— Конечно, конечно! — засмеявшись, говорил я им в ответ. — С благополучным возвращением в Дворянинова!

Сие слово составило для них новую загадку. Все они опять воскликнули:

— Это мы знаем и поздравляем; но там-то что? Ель или сосна?

— Этого я уже ничего не знаю, — отвечал я им, — но у вас только спрошу, видали ли вы, как маленькие дети пускают на воздух мыльные пузыри, такие прекрасные, разноцветные, и как на них галятся* и ими веселятся?

— Как не видать, — подхватили они, — но это к чему и что за вопрос?

— А к тому, — сказал я, — что и со мною случилось нечто тому подобное, и я так же галился и веселился, смотря на пузырек воздушный, а может быть, и вы так же, и пузырек этот наконец треснул, и все наши прекрасные призраки исчезли... и не осталось ничего.

Сие слово осадило их всех. Они вдруг замолкли, задумались и не знали, что говорить далее. Но, видя,

---

*Галиться — здесь: глазеть, пялить глаза, дивиться, любоваться.

что я смеюсь и хохочу, опять несколько ободрились и спросили:

— Ну что, право, полно шутить, а скажи-ка нам без издевки и сущую правду и успокой наши мысли.

— Желал бы душевно, — сказал я, — но, ну, если это не можно! Ну, если я нимало не лгу и не шучу, и мне иного сказать вам нечего, кроме того, что ездил ни почто, привез ничего!

— Как? Как? — воскликнули они все. — Неужели вправду ничего?

— Конечно! — сказал я. — Но чему тому и дивиться? Не с теми ли мыслями я и поехал туда, что вряд ли чему бывать, а это и свершилось действительно. Опухтин в отставку не пошел, и дело тем кончилось. Я принужден был, несолоно похлебав, ехать домой и питаться пустою надеждою, что, верно, определен буду тогда, когда ему захочется иттить в отставку; а его, я думаю, и сам сатана оттуда не выгурит никогда, и черт ли велит ему расстаться добровольно с таким прекрасным, знаменитым и прибыточным местом.

. . . .

. . . .

25-го числа принялся я опять за домашнюю свою межевую работу и снимал план с нашей пустоши Щиголевой для предпринимаемого раздела и принужден был также и за нею провесть целый день в работе.

В последующий за сим день, а именно 26 июня, имели мы наконец столь давно вожделенное удовольствие кончить наше межевое спорное дело с волостными и кое уже как с ними помириться. Происхо-

дило сие в Серпухове, куда мы опять для него ездили. Мы нашли там поверенного саламыковского г. Пестова в превеликих хлопотах и весьма озабоченным по случаю пропажи полюбовной нашей сказки. Они с межевщиком с ног сбились, ее доискиваясь, и перерыли все бумаги, переходившие из рук в руки и от одного межевщика к другому, и сказывали мне свое о том удивление.

Я притворился, будто ничего об ней не знаю, и удивляюсь с ними тому равномерно, но говорил, что без ней никак мириться не хочу, а по открывшимся вновь обстоятельствам и оказавшимся в волостях уже примере, а не недостатке, не намерен уже давать ни одного шага земли своей г. Пестову.

Сперва считал он сие издевкою и думал, что я шучу, но, увидев, что я говорю то не шутя, смутился до бесконечности и не знал, наконец, что делать; а особливо когда при сделавшейся у нас с ним о том небольшой размолвке стал я настоятельно требовать, чтоб он подал сведение о землях своих справедливое, а не такое плутовское, какое подано от него прежде и пользуясь которым успел он обидеть толь многих добрых людей и отнять несправедливейшим образом у них земли, и грозил, если он не помирится со мною ни на чем, а на старом владении, подать о том извет в межевую контору. Сие его так устрашило, что сколько он ни прыгал и ни гневался на то, что не является сказка, и сколько ни твердил, что пропажа сия не может остаться без следствия, однако принужден был наконец остаться и при помощи межевщика меня же наиубедительнейшим образом просить, чтоб я когда не все 30 десятин, на которых

мы было помирились, так хотя б сколько-нибудь ему земли дал, дабы не было имени, что он помирился с нами на старом владении.

Убеждал он меня к тому наиболее тем, что он успел уже донесть Льву Александровичу* о примирении с нами с некоторым приобретением; следовательно, ему, как его подкомандующему, будет явная беда, если сделается сие инако, и чтоб я сделал сие из единого великодушия к нему.

Я долго не хотел было и на сие согласиться, но как начал он просить меня, почти кланяясь мне в ноги, да и межевщик стал убеждать нас своею просьбою, то мы, смолвившись с братьями для скорейшего окончания всего дела, во избежание дальнейших хлопот, и решились пожертвовать десятью десятинами самой негоднейшей земли на наших Воробьевых горах и сим бездельникам ее бросить, чем, наконец, он был уже и доволен и с превеликою радостью подписал вновь написанную о том полюбовную сказку; чем тогда все наше межевое с ним дело и окончилось, и мы все с торжеством возвратились восвояси.

Не успели мы сего кончить, как по приезде своем домой приступили к разделу пустоши нашей Щиголевой и, кинув жребий, 28-го числа разрезали и оную по числу наших дач на разные руки и тем совершили и сие великое дело.

Последующий за сим день был достопамятен тем, что против всякого чаяния лишились мы в оный од-

---

*Нарышкину — своему начальнику.

ного своего и всеми нами любимого соседа, Алексея Ивановича Руднева, жившего в деревне Полозове. Никто не ожидал толь рановременной смерти сего молодого человека. Умер он от самой безделицы. Ездив молиться Богу в Троицкий Сергиев монастырь и будучи навеселе, стал выходить из коляски и зашиб как-то немного ногу, к чему прикинулся антонов огонь, а от него и умер он, страдав более трех недель мучительнейшим образом, оставив по себе жену и малых детей с долгом 300 рублей и прямо в жалостнейшем положении. Мы узнали обо всем том вместе с его кончиною и сожалели крайне, что не знали того прежде, а то можно бы было чем-нибудь и помочь.

На Петров день положили было мы ехать в гости в Тарусский уезд к приятелю нашему, Осипу Васильевичу Гурьеву, подзывавшему уже нас давно к себе к сему времени, дабы вкупе побывать и на ярмарке в Тарусе, в это время бываемой; но остановило нас то, что надобно было побывать у приехавшего в Котово соседа и приятеля нашего, Алексея Ионовича Темешова с молодою его женою; ибо он наконец женился не на Срезневой, а на г-же Лопатиной, доводившейся нам несколько в сватовстве, потому что родная ее сестра была за родным дядею жены моей.

Итак, мы ездили после обеда к нему, а в Тарусу отправились мы уже в следующее последнее число июня рано и успели приехать к г-ну Гурьеву к обеду. Мы взяли туда с собою и обоих старших детей наших, ибо к сему времени выздоровел и сын наш Степан от своей сыпи, и мы в первый еще раз повезли

его с собою в люди; но увы! сколь мало знали мы тогда, что сие было и впервые, и впоследние.

По особливому дружеству к нашему дому были нам хозяева чрезвычайно рады и старались угостить нас всевозможнейшим образом, и я могу сказать, что всегда езжал и бывал я у них с особливым удовольствием.

В сей раз нашли мы у них бригадира Рославлева и познакомились с оным. После обеда ездили все боярыни и девицы на ярмарку в Тарусу, и г. Гурьев не отпустил нас не только в тот, но и во весь последующий день, и мы возвратились уже домой уже не прежде, как 2-го числа июля.

Со всем тем поездка сия была нам не совсем счастлива, и было с нами целых три беды в продолжение оной. Во-первых, во время езды барынь на ярмарку в Тарусу по одному бездельному случаю перестращались они там насмерть, и как жена моя была в то время беременна, то боялся я, чтоб не было от того каких-нибудь худых следствий. Сам я, будучи там, занемог было прежестоким и таким поносом, какого я никогда еще не имел, и насилу освободился от него помощью мушкатного ореха. А в-третьих, и всего паче, разнемогся бывший с нами сын наш Степан жаром так сильно, что, приехавши домой, слег в постелю и не вставал уже с оной.

По продолжавшемуся и час от часу увеличивающемуся жару скоро увидели мы, что он заразился оспою, которая проклятая болезнь уже с некоторого времени свирепствовала в доме нашем и двух ребятишек уже похитила. Но как иные и выздоравливали, то сначала мы и не весьма тем перестращались;

но как в третий день начала высыпать и оказалась чрезвычайно сильною, то сие перетревожило всех нас до крайности, а особливо как вскоре после того оказались и все обыкновенные признаки дурной и опасной оспы. Не могу изобразить, как всем нам ребенка сего жаль было и с каким чувствительным состраданием смотрели мы на него во все немногие дни наимучительнейшего его страдания. Оспа сделалась на нем слитная, и он не мог никак перенести сей мучительной болезни. Смерть похитила у нас и его при самом еще расцветании его отроческих лет. Ему шел тогда уже пятый год. Мы все любили его очень и оросили гроб его горячими слезами.

. . . .

Окончив сим сие 15-е собрание оных (писем), скажу вам, что я есмь ваш, и прочее.

КОНЕЦ ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

Часть шестнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ, А В ОСОБЕННОСТИ О ТРЕТИЧНОЙ МОЕЙ ЕЗДЕ В ШАДСКУЮ ДЕРЕВНЮ И О БЫВШЕМ ТАМ ПЕРВОМ МЕЖЕВАНЬЕ

Сочинена декабря 1808 года, перепиской начата конца 1809 года, а кончена февраля 8-го 1810 года, в Дворянинове

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ*

ПИСЬМО 169-е

Любезный приятель! Начиная сие письмо, должен я предварительно вас уведомить, что с сего времени все содержащееся как в сем, так и в последующих письмах моих, продолжение повествования моего о всех бывших со мною в жизнь мою происшествиях, не будет сопряжено с такой точностью и подробностью, с какою описывал я до сего в предследующих письмах. Причиною тому то, что случившийся в 1782 году несчастный пожарный случай, лишивший меня многого, между прочим, ко особливому прискорбию моему, похитил у меня и все мои журналы и записки, относящиеся до сего промежутка времени, каковыми я до сего при описании моей жизни пользовался. Итак, при последующем повествовании по необходимости принужден я воспринимать прибежище свое к единой своей памяти и к малому числу оставшихся кое-каких бумаг и спасшихся от огня и пламени. Но как и первая по многопрошедшему и тридцатипятилетнему времени весьма уже ослабла и не в состоянии мне всего бывшего во всей подробности напомнить,

---

*В опущенных письмах автор описывает свою поездку в шадскую деревню и окончание там межевых споров.

то натурально и должен я буду довольствоваться тем, что могу только вспомнить, и что мог только я отыскать в помянутых немногих оставшихся от пожара бумагах и других письменных документах, и говорить уже обо всем короче и без наблюдения иногда порядка времени в самой точности.

Приступая теперь к продолжению повествования моего, скажу . . . .

. . . .

. . . вскоре после сего настала весьма студеная погода, соединенная с обыкновенными осенними ненастьями, то прогнала она меня из садов моих в комнаты и принудила большую часть своего времени посвящать наукам, литературе и досужеству. Люди, не привыкнувшие ни к каким занятиям и упражнениям, скучают обыкновенно осенью и жалуются на длинные скучные вечера. Но я сделал уже издавна привычку встречать осень почти с таким же удовольствием, как весну, и она для меня почти столько же приятна, как оная; ибо в сие время, не будучи так много развлекаем наружными предметами, имел я более и времени и досуга заниматься своими книгами, пером, кистями и разными другими любопытными и занимательными упражнениями, доставлявшими мне всегда тысячи минут приятных. Итак, принялся я опять за свои книги и занятие себя, когда чтением оных, когда писанием, когда переводами чего-нибудь, когда переписыванием набело, или рисованием чего-нибудь, а когда то прискучит, то разными рукоделиями, а особливо переплетанием книг и оклеиванием их разными мною распещряемыми бумагами и другим тому подобным.

В таковых упражнениях и не видал я, как прошла остальная половина октября месяца, и я имел тем более свободного времени к тому, что мы, отчасти за дурными погодами, отчасти за тягостью жены моей, не могли почти никуда выезжать со двора, да и к нам как-то редко приезжали в сие время гости.

Наконец, настал час разрешения жены моей от бремени, и 28-го числа октября был тот день, в который даровал мне Бог еще дочь. Я обрадован был тем не меньше, как бы рождением и сына, ибо, будучи всегда тех мыслей, что мы нимало не знаем, какими из детей наших назначит провидение Господне нам более или менее веселиться, не дерзал никогда роптать в таких случаях на промысл и волю Господню и, ведая, что рождение людей зависит не от нас, а от таинственного его распоряжения всего и всего в мире, всегда бывал доволен тем, чем ни благословлял нас всемогущий.

Мы назвали новорожденную Настасьею, по имени святой, случившейся в последующий день, и чрез несколько потом дней ее окрестили. И как в сей раз друга моего и прежнего кума г. Полонского не случилось дома, а он был в Москве и занимался там отделкою своего каменного дома, то восприемником от купели был ей уже родственник наш Иван Афанасьевич Арцыбашев, а восприемницею прежняя наша кума, тетка Матрена Васильевна Арцыбашева.

Таким образом, сделался я опять отцом трех детей: двух дочерей и сына. И как вскоре после того наступила у нас в сей год и настоящая зима, то и подавно нельзя было никуда выходить, а за слабо-

стью жены моей ездить, и потому вдался я уже совсем в свои ученые упражнения и препроводил наиболее в них не только весь скучный ноябрь, но и самый декабрь месяц по самый праздник Рождества Христова, и не помню, чтоб во все сие время случилось со мной что-нибудь особливое. Все оно протекло нечувствительно. Мы езжали хотя по наступлении зимы кой-куда в гости, а посещали и нас наши друзья и соседи, но это не составляет важности, а более сидели дома, и я занимался писанием.

. . . .

Но как теперь следует мне начать писать историю 1774 года, то дозвольте мне начать оную уже письмом будущим, а сие сим окончив, сказать вам, что я есмь ваш, и прочее.

Декабря 26-го дня 1808 года. Дворяниново.

1774 ГОД

ПИСЬМО 170-е

Любезный приятель! Итак, наступил у нас новый и 1774, также весьма важный и достопамятный год как для меня в моей жизни, так и по многим другим важным происшествиям, случившимся в оной. Мы начали провождать его отменно весело в сообществе не только новоприезжих к нам дорогих, милых и любезных гостей, которых мы как возможно лучше угостить у себя старались, но и всех наших здешних ближних родных и лучших друзей и приятелей. . . . .

. . . .

. . . .

Но, ах! Как мало знал я тогда, что воспоследует чрез немногие после того дни и часы! И мог ли я подумать, что тогда доживал я не только последний год, но и последние дни и часы в моей деревне, и что давно начался уже тот месяц, в который промыслу Господню угодно было переменить все мое положение и назначить тогдашние дни быть последними пребывания и жительства моего в деревне, и что уже готово совсем назначенное для меня им иное и новое поприще к прохождению в моей жизни. Словом, весь помянутый счет мой де-

лан был совсем без хозяина, и явившаяся вдруг пред крыльцом моим кибитка и вышедший из ней совсем незнакомый для меня человек разрушил вдруг и в один почти миг все помянутые мои замыслы и затеи и заставил думать о иных и несравненно важнейших предметах.

Но о сем начну рассказывать вам уже в последующем за сим собрании моих писем, а теперешнее сим кончу, сказав вам, что я есмь ваш, и проч.

КОНЕЦ ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

Часть семнадцатая

ИСТОРИЯ МОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В КИЯСОВКЕ

Сочинена начала 1809 года,
переписана 1810 года,
в Дворянинове

НЕОЖИДАЕМОЕ НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КНЯЗЯ

ПИСЬМО 171-е

Любезный приятель! В последнем моем письме прервал я повествование мое тем, что вдруг и против всякого чаяния и ожидания явилась пред крыльцом моего дома кибитка, и вышедший из ней совсем мне незнакомый человек разрушил в один почти миг все мои дальновидные замыслы и помышления о том, в чем и в каких занятиях и делах препроводить мне тогдашнее лето, и как бы расположить жизнь мою так, чтоб была она для меня приятнее и веселее, и обратил все мысли и помышления мои на иные предметы.

Не сомневаюсь, что слова сии были тогда для вас загадкою и что вы с любопытством и теперь ожидаете от меня разрешения оной. Сие и должен я учинить, и вот слушайте, что такое сие было.

Помянутой кибитке, запряженной тремя ямскими лошадьми, случилось прискакать на мой двор в самое то время, когда я сидел в своем кабинете, в любимом своем и спокойном уголке, и не помню что такое писал. Как она вмиг, прилетев к крыльцу моему, находившемуся под самым тем окошком, где я сидел, остановилась, то поразившись сею неожидаемостью, смотрю я на выходящего из ней и подле

самого окна на крыльцо всходящего человека с любопытством и удивляюсь. Казался он мне совсем незнакомым, небольшого роста, плотен собою и одет так, что я не знал: не то он какой благородный, не то из приказных, не то офицерского ранга, не то иного какого.

«Господи! — думал я тогда и в мыслях говорил сам с собою. — Кто бы такой это был? Не понимаю!..» — и пошел встречать его и принимать в свою залу.

Гость мой входит, кланяется мне учтивым и приятным образом и не с другого слова спрашивает меня, я ли Андрей Тимофеич?

— Точно я, — говорю, — но об вас смею спросить, с кем имею я честь говорить?

— Я, сударь, Шебашев.

— Имя ваше?

— Лев, Петров сын!

— А достоинство и чин ваш?

— Секретарь, сударь, — отвечает он мне.

Сие меня еще более удивило.

«Господи! — говорю я опять сам себе. — Откуда бы такой и зачем ко мне пожаловал?»

Однако, не спрашивая еще о том, говорю ему:

— Милости прошу, батюшка, пожалуйте сюда.

И зову его с вежливостью и ввожу в мою гостиную. Тут стараюсь я его посадить в кресла, но он вместо того достает из кармана и подает мне письмо, запечатанное большою печатью с изображенными на ней орденами.

«От кого бы это было?» — думал я и, вдруг развернув письмо, спешу смотреть на подпись.

— Ба! — воскликнул я, поразившись удивлением. — Это, конечно, от князя Сергия Васильевича Гагарина?

— Точно от него, — сказал господин Шебашев, — и я имею честь быть его секретарем. Его сиятельство приказал вам кланяться и убедительнейше вас о том просит, о чем он к вам в этом письме писать изволил.

Сие натурально увеличило еще мое удивление. Я усугубил мою просьбу о том, чтоб он сел, и, севши сам подле его, спешил читать сию бумагу. Но какою приятною неожидаемостью поразился вдруг я, когда, читая, увидел, что князь уведомлял меня, что он торгует и хочет купить для государыни недалеко от меня лежащую и тысячах в четырех душ состоящую Киясовскую волость, и ласковейшим образом просил меня, чтоб я взял на себя труд и со вручителем сего письма, его секретарем, которого он нарочно ко мне для сего отправил, съездил, осмотрел и, описав сию волость, к нему бы в Москву приехал, и что если волость сия мне понравится и он ее купит, то желал бы он, чтоб я согласился принять на себя управление оною, в котором случае предлагал мне 400 рублей жалованья, казенных лошадей для езды и приличное количества хлеба для моего содержания. И, пересказав сие, оканчивал тем, что как волость сия лежит от жительства моего недалеко и я зависеть буду единственно от него, а не от кого другого, то и льстится он надеждою, что я не отрекусь желание и просьбу его выполнить.

. . . .

. . . .

. . . Собравшись на скорую руку и распрощавшись

со своими родными, на другой день после того мы с г. Шебашевым в путь свой и отправились и успели в тот же день к вечеру приехать в село Киясовку, как главное место во всей этой волости.

. . . .

Наконец дело свое мы кончили, и как сия последняя часть (волости) лежала всех ближе к Москве, то и отправились мы уже из ней прямо в сей столичный город и к князю. Князь принял меня очень ласково и был крайне доволен моим послушанием и трудом, употребленным к описанию волости, а особливо всеми замечаниями, сделанными мною в рассуждении оной. Сие удовольствие его увеличил еще более г. Шебашев рассказыванием ему о всей моей деятельности и о вхождении во все подробности и, признаваясь прямо, что он один без меня не мог бы и половины того сделать и многие вещи не пришли бы ему и на ум. Не можно изобразить, с каким удовольствием князь сие слушал. Оно написано было у него на лице, и ласки, с какими благодарил он меня за то все, доказывали мне ясно, что был он мною очень доволен. А все сие и побудило его меня потом спросить:

— Что ж, какова вам показалась волость, и могу ли я надеяться быть с вами короче знакомым?

— Конечно, изрядная, — сказал я.

— О, когда так, — воскликнул князь с удовольствием, — так дело наше сделано; пожалуй-ка руку, и сем ударим по рукам в достоверность того, что вы будете моим, а я вашим.

Чувствительна мне была таковая его поступка. Я благодарил за его ко мне благоволение и рекомен-

довал себя в продолжение оного и его к себе доверенности и милостей.

С сего часа начали мы с ним уже совокупно помышлять и совещаться о том, что нам предпринимать тогда далее и не нужно ли употребить еще каких предосторожностей прежде окончательной покупки сей сторгованной уже совсем волости. Я, изображая ему доброе и худое, замеченное мною в волости и ее частях, и показывая ему маленький, сделанный мною вчерне антрельный абрис* положения всех сел и деревень, не преминул упомянуть и о сомнительствах, какие я возымел о нерешенных еще спорах по землям села Спасского и о могущих произойтить от того нам впредь многих хлопот и беспокойств.

— Мне очень жаль, — продолжал я ему говорить, — что за неимением сим землям еще плана не можно мне было получить точнейшего о спорах сих понятия; но если бы благоугодно было вашему сиятельству самим лично побывать в сей волости и осмотреть оную, что и для всего прочего было бы не худо, то могли бы мы, может быть, и о том добиться лучшего толка, нежели какой могли мне дать тамошние мужики и глупый их прикащик. Вы могли бы пригласить к себе того самого землемера, который межевал сию землю и который, как мне сказывали, находится там где-то очень близко, и он верно бы показал вашему сиятельству самый план и основательнее растолковал

---

*Антрельный абрис — вводный очерк, набросок.

нам все дело, а межевщик, сказывают, человек весьма умный и знающий.

— Ах! мой друг! — подхватил князь. — Ты у меня как на уме был! Мне и без того хотелось волость сию самому видеть прежде покупки, а теперь ты меня еще больше к тому побудил. Скатаем-ка, мой друг, мы туда с тобой вместе, даль невелика и труда немного; а чем основательнее мы дело сделаем, тем лучше.

— Очень хорошо, — сказал я, — если вашему сиятельству угодно, то я готов ехать.

— Между тем, однако, — подхватил князь, — покуда я соберусь в сию поездку, то весьма бы я желал, чтоб вы взяли на себя труд вместе с Шебашевым перебелить* все сии реестры почище, а особливо все сделанные вами замечания, и самый-то ваш чертеж положения деревень сделать для меня явственнее и получше.

— Очень хорошо, — сказал я.

— Но скажите мне, где же вы пристали?

— У господина Шебашева, — отвечал я.

— Очень хорошо, так это и кстати будет, вместе с ним и потрудитесь. А на лошадях вы на каких приехали?

— На моих собственных, — сказал я.

— Сих вы можете отпустить домой, чем здесь их до того времени кормить, покуда мы возвратимся, ибо вы поедете со мною в карете; а когда кончим дело, тогда безделица; для отъезда вашего наймем и ямских.

---

*Перебелить — переписать набело.

— Очень хорошо, — сказал я.

И на сем мы тогда с ним и расстались. Он не знаю куда-то поехал со двора, а мы с г. Шебашевым пошли на его квартиру отпускать домой лошадей, писать в деревню письма и приниматься потом за свое дело.

Но, о, далось мне сие дельце! Оно сопряжено было с толиким трудом и с таким беспокойством, что я и поныне того никак забыть не могу. Истинно во всю жизнь мою никогда не терпел я такого беспокойства, как в то время. Причиною тому было, что Шебашев жил тогда на Козьем болоте в каком-то принадлежащем родственнику его маленьком, низеньком и очень тесном домике, в котором едва сам мог с женою своею помещаться, а для меня почти и места не было. Но сие ничего бы еще не значило: как-нибудь, а помещался и я; но беда наша была та, что случилось тогда равно как нарочно самая жаркая и тихая июньская погода, от которой в маленьком и низеньком домике его, окруженном вокруг иными высокими зданиями, была такая жара и духота несносная, что я изобразить того не в состоянии. Ни с какой-таки стороны не завевал не только в комнату нашу, но и на весь тесный дворишко не только ветерок, но ниже зефир самый, от солнца посреди дня делалась сущая пекла и такая несносная духота, что мы, принявшись за свою работу, скоро принуждены были не только растворить настежь все двери и окошки, но скинуть с себя все платье и сидеть в одних рубашках, да и на тех расстегнуть вороты. Но сего было еще не довольно, а

надобно было еще и миллионам мух жилять* и кусать нас ежеминутно и увеличивать тем наше беспокойство.

Теперь вообразите сами, каково было нам, а особливо мне, не привыкшему к тому, а пользовавшемуся до того всегда наиспокойнейшею и прохладною деревенскою жизнью, сидеть в такой несносной духоте и трудиться над письмом, и письмом не любопытным, а крайне скучным и тягостным. Переписывать надлежало нам множество тетрадей и все их сверять с черными нашими реестрами и с ревизскими сказками.

— Боже мой! — твердил только я. — Куды деваться от этой пеклы и от сей бездны мух проклятых?

Попишусь, попишусь, но вышед из терпения, выбегу на двор; но там того еще жарче, а мух такая же пропасть, так-таки за тобою и гонятся; что ты изволишь! и смех и горе! Наконец, некуда было от них деваться, как бежать в конюшню, и там-то находили мы себе сколько-нибудь от досадных мух спасение. Там как-то их не было, и мы сколько-нибудь чувствовали отраду; но за то навозные ароматы докладывали обонянию нашему очень и очень. Словом, куда ни кинь, так клин, и мы не жили тогда, а прямо мучились и страдали.

Но всего того было еще не довольно. Сим образом обеспокаиваемо было наше тело; но присовокупиться к тому надлежало еще такому ж или злейшему беспокойству душевному. Не успел я только отпустить

---

*Жилять — жалить.

домой лошадей своих, как поражает слух мой такая всеобщая молва, разнесшаяся тогда вдруг во всей Москве в народе, которая потрясла всею душою моею и заставила тысячу раз тужить о том, что я услал лошадей своих. Заговорили тогда вдруг и заговорили все и въявь о невероятных и великих успехах злодея Пугачева; а именно, что он со злодейским скопищем своим не только разбил все посыланные для усмирения его военные отряды, но, собрав превеликую почти армию из бессмысленных и ослепленных к себе приверженцев, не только грабил и разорял все и повсюду вешал и злодейскими казнями умерщвлял всех дворян и господ, но взял, ограбил и разорил самую Казань и оттуда прямо будто бы уже шел к Москве, и что самая сия подвержена была от соумышленников с ним ежеминутной опасности*.

Теперь посудите сами, каково было мне тогда, как я все сие вдруг услышал, и в такое время, когда мысли о Пугачеве не выходили у всех у нас из головы и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не въявь, так втайне сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей взгоревшейся искре произвесть огонь и полымя. Пример бывшего незадолго в Москве страшного мятежа был у нас еще в свежей памяти**,

---

*См. примечание 4 после текста.

**В 1771 г. во время чумы в Москве было восстание, во время которого был убит архиепископ Амвросий (см. примечания после текста), Болотов рассказывает об этом в письме 151-м.

и мы не только подобного тому ж опасались, но ожидали того ежеминутно. Глупость и крайнее безрассудство нашего подлого народа была нам слишком известна, и как при таких обстоятельствах не могли мы на верность и самих наших слуг полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами, а особливо слыша, как поступали они в низовых и прямо тогда несчастных местах со своими господами, и как всех их либо сами душили, либо предавали в руки и на казнь злодею Пугачеву, то того и смотрели и ждали, что при самом отдаленнейшем еще приближении его к Москве вспыхнет в ней пламя бунта и народного мятежа. И как не сомневались, что в таковом случае первое устремление черни будет на дом главнокомандующего тогда Москвою князя Волконского, сей же дом находился близехонько подле нашей квартиры, и для безопасности вся площадь пред ним установлена была пушками, — то не долженствовало ли все сие приводить нас в неописанный страх и ужас и подавать мне повод тужить о том, что я поспешил отсылкою лошадей своих в деревню и остался в Москве с одним только, и к тому же не слишком надежным, человеком, и чрез то лишил себя средства и возможности при первом появлении и начала мятежа, бросив все, ускакать в деревню. Словом, мы все почитали себя в таком случае погибшими и не знали, что делать и к каким мыслям прилепиться. Я не рад уже был ни волости, ни чему и несколько раз твердил только, кабы знато было да ведомо сие, то и не подумал бы изо двора ехать.

В сих неизобразимых трудах и телесных и душевных беспокойствах не знаю истинно, как могли мы

проводить несколько дней сряду, в которые не только трудная, но и наискучнейшая работа продолжалась: ибо письма было так много, что со всем поспешением своим не могли мы инако как в несколько дней все дело наше кончить. Но как бы то ни было, но мы, наконец, его кончили и князю все написанное представили, который был тем крайне доволен и меня очень за то благодарил. А как по счастию и он к тому времени собрался и готов был совсем к отъезду, то, севши с ним в карету, и полетели мы из Москвы неоглядкою, и я не вспомнил сам себя от радости, увидев себя в поле и от ней удаленным.

Но как письмо мое достигло до обыкновенных своих пределов, то дозвольте мне на сем месте остановиться и в окончание оного сказать вам, что я есмь, и прочая.

Декабря 28-го дня 1808 года.

ДЕЛА ПО НОВОЙ ВОЛОСТИ

ПИСЬМО 172-е

Любезный приятель! Как я должен был быть князю проводником и мне хотелось показать ему сперва худшие места волости, а там мало-помалу довесть и до лучших, то и повел я его не большою Каширскою, а той дорогою, по которой возвратились мы с Шебашевым в Москву, дабы провезть его сперва в село Покровское с деревнями, как отдаленнейшую и ближайшую к Москве часть волости Киясовской. И как нам до сего надлежало ехать сперва несколько десятков верст по большой Коломенской дороге, то наехав верст за двадцать от Москвы, при берегах Москвы-реки и прекрасном положении места построенный вчерне и не отделанный еще совсем преогромный каменный дом, стоящий в запустении, любопытствовал я узнать, какое бы сие здание было и для чего, по употреблении на построение оного толь многих коштов и трудов, было наконец брошено и находилось в прежалком положении? Мне сказали, что место сие называется Люберицами, что принадлежит казне, что здание сие воздвигнуто по повелению наших монархов, восхотевших основать себе тут загородный увеселительный дом и отделать сад,

который действительно тут находился; но для неизвестных причин остался так вчерне и не отделанным, и что уже многие годы стоит в запустении*. Я дивился, сие услышав, и жалел о употребленных тщетно толь многих трудов и убытков. Но сколь мало знал я тогда, что некогда достанется и самому мне трудиться и хлопотать над построением дома несравненно еще величайшего, но подвергнувшемуся после таковому ж несчастному жребию.

По привезении князя в село Покровское и по пересказании ему всего относящегося до сей части волости, приехали мы в село Малино. Сие полюбилось князю уже более. Тут встретил князя начальник сего села с старшинами, и князь не мог селу сему довольно налюбоваться. Было оно почти наилучшее и многолюднейшее селение во всей волости, и народ в нем был трудолюбивый и занимающийся не только земледелием, но и самою мелочною торговлею и разными промыслами, и потому многие из крестьян жили в изрядных домах и были довольно достаточны. Все сие князю полюбилось и было очень приятно, а особливо примеченное добродушие жителей оного. Все они чрезвычайно радовались, узнав, что продаются они самой государыне, и потому принимали будущего своего главного командира с оказанием возможнейших ему учтивств и почестей.

---

*Речь идет, видимо, о развалинах разрушенного в XVIII в. дворца Меншикова. Из кирпичей дворца была выстроена сохранившаяся до сих пор церковь Преображения.

Осмотрев сие знаменитое село, поехали мы в село Спасское и расположились в находящемся там деревянном домике для отдохновения и провождения одних или двух суток в оном, ибо тут надлежало нам обстоятельнее осведомляться о межевых спорах. Князь приказал тотчас призвать к себе наилучших и старейших из крестьян для расспрашивания оных, а между тем, будучи до садов превеликим охотником, пошел тотчас со мною в тамошний сад. Осматривая оный, удивился и князь великому множеству вишенных дерев, а того более страшной на них завязи вишен.

— О! о! братец! — сказал он мне. — Будет тебе, мой друг, что покушать; посмотри-ка, какая бездна завязалась ягод! Пришли, брат, и ко мне тогда несколько их для испытания и узнания породы их.

— Очень хорошо! — сказал я, а сам себе на уме. — Это, право, нехудо будет, люблю и я вишни есть.

Между тем собрались старейшие и лучшие люди из крестьян и положили скоро предел удовольствию нашему, раскричав у князя все уши своими жалобами на мнимые обиды и притеснения, делаемые им соседями при межеванье, и прочими своими дрязгами. Все сие подало повод и князю тотчас заметить, что народ тут был совсем отменный, нежели в Малине, и не только бойкий, скаросый*, но, как казалось ему, и плутоватый. Они насказали ему столько

*Скоросый (у Болотова ошибка: вместо «скоросый» — «скаросый») — вспыльчивый, горячий, сердитый, неуживчивый.

о своих спорах, и межеванье, и опасностях, какими они от того подвержены, что князь даже задумался и считал уже самою необходимостью, чтоб повидаться лично с самим межевщиком. Мы не преминули тотчас расспросить, где тогда он находился, и, узнав, что был он недалеко, тотчас написали письмо и отправили г. Шебашева для приглашения и уговаривания межевщика приехать к князю в Киясовку и привезть с собою спорные планы, для подробнейшего всему изъяснения.

По учинении сего отправились мы обратно в Малино и оттуда проехали уже в самую Киясовку. Тут расположился князь в самых тех же комнатах в нижнем этаже дома, где квартировали мы до того с г. Шебашевым. И как князь не сомневался уже нимало, что волость сия продается, и почитал ее почти уже купленною, то, пользуясь свободным временем до приезда межевщикова, и пошли мы тотчас с ним осматривать все и все, и говорить и советовать между собою о том, где бы что вперед сделать и какие бы с чем произвесть перемены.

Мы прежде всего принялись за осмотрение самого дома и исходили все комнаты, не оставляя ни одного уголка и закоулка без осмотра. Князю он, несмотря на всю свою огромность, не полюбился, а особливо не нравилось ему самое глупое и дурное расположение покоев как в нижнем каменном, так и в верхнем деревянном этаже, казавшемся сколько-нибудь лучшим и веселейшим. Он не мог довольно надивиться старику господину Наумову, отцу княгини Белосельской, которому сия волость прежде принадлежала и село сие было

настоящим его жилищем, как он мог сгородить такой вздорный и глупый для себя дом и как мог жить и располагаться в оном. Пуще всего дивились мы тому, что во всем верхнем и лучшем этаже не было ни одной печи, а везде усматривали мы одни только камины, а печи находились только в нижних комнатах.

. . . .
. . . .
. . . .

. . . Вместе с тем кончу и я письмо, сие. . . скажу, что я есмь ваш, и проч.

Декабря 29-го дня 1808 года.

ОКОНЧАНИЕ ДЕЛА О ПОКУПКЕ ВОЛОСТИ И ПРИЕЗД В КИЯСОВКУ

ПИСЬМО 174-е

Любезный приятель! . . . .

Кончили мы с княгинею Белосельскою наше дело*; и князю оставалось только снабдить меня инструкцией и несколькими ордерами и отправить в Киясовку для вступления в мою управленческую должность. Первую препоручил князь написать самому мне для себя, и сие составило для меня щекотливую комиссию. Но как бы то ни было, но я ее написал, и князь ею был доволен. Ордера же писал г. Шебашев. Итак, оставалось мне только побывать в рядах и искупить по повелению князя некоторые нужные для заведения в Киясовке волостной канцелярии покупки и потом отправляться. И как на иные, равно и на другие нужные первые расходы в Киясовке, доколе будут вступать волостные доходы, потребны были деньги, то и приказал князь Шебашеву отпустить мне некоторую сумму.

Во всем том писании и принимании денег и провел я весь почти последующий день; но как в город

---

*По покупке имения.

иттить было уже поздно, а дня оставалось еще довольно, то и рассудил я употребить сие оставшееся время на удовлетворение желания господ Салтыковых*, которые взяли с меня клятву, чтоб не уезжать из Москвы, с ними не простившись. Итак, чтоб отвязаться уже от них и наутрие иметь более свободы, и поехал я к ним на извощике.

Едучи дорогою, помышлял я и говорил сам себе, уже не затем ли они меня к себе пригласили, чтоб подарить меня чем-нибудь за мои труды и хлопоты. И как я не инако думал, что вздумают они навязывать на меня какую-нибудь безделку, то считал за постыдное для себя принять оную и решительное намерение принял отказаться от того, ежели сие воспоследует.

В сих помышлениях и приехал я в дом княгинин [Белосельской]. Я прошел прямо в комнаты господ Салтыковых, но из всех их нашел только Александра Михайловича, других обоих братьев не было дома. Помянутый друг мой, ни с другого слова подхватя меня, повел в комнаты к княгине. Сия приняла меня с отменною уже ласкою и приятством перед прежним. Я не знал, что бы это значило, но после узнал, что как Александр Михайлович имел уже время пересказать ей все, что он обо мне и об охоте моей к наукам, о моих знаниях, о моем житье-бытье и о характере моем знал; то она, будучи сама до наук,

---

*Три брата Салтыковы — ближайшие друзья Белосельской, жили вместе с ней в одном доме и фактически орудовали всеми делами Белосельской. Болотов вел дело о покупке через Салтыковых и, как выясняется дальше, не совсем чисто и бескорыстно.

а особливо до натуральной истории, некоторою охотницею, получила обо мне уже гораздо выгоднейшее пред прежним мнение и потому, приласкав меня, тотчас вступила со мною в приятные и относящиеся до наук разговоры. И как натурально и я не имел причины молчать, то провели мы все время до ужина, без которого она меня отпустить никак не хотела, со взаимным и особым удовольствием. Наконец приехали и другие оба братья, и как она имела обыкновение ужинать очень рано, то тотчас и позвали нас к столу, и княгиня, посадив меня подле себя, не знала, как меня лучше всем и всем потчивать.

Отужинав, не стал я далее ни минуты медлить, но, раскланявшись и распрощавшись с нею и господами Салтыковыми, осыпавшими меня вместе с нею опять за все и за все тысячами благодарений, поскакал я обратно на свою квартиру, будучи крайне доволен, что о подарке, как казалось, не было ни у кого и на уме, хотя то мне некоторым образом и удивительно казалось.

Теперь расскажу вам об одном странном, редком и весьма достопамятном в жизнь мою происшествии, случившемся со мною по приезде моем на квартиру, происшествии, могущем доказать, что были на свете люди, чувствовавшие прямую благодарность и умевшие не только ценить и иметь истинное дружество, но показывать тому редкие и почти необыкновенные опыты и доказательства. Было оно следующее.

Как тогда начинало уже хотя смеркаться, но было еще светло и случился тогда быть наипрекраснейший июльский вечер, то по возвращении своем в душную

квартиру, ибо стоял я все еще у Шебашева, и не хотя ложиться спать, вздумал я выттить за ворота и проходиться несколько по улице, при тогдашнем прохладном уже воздухе. Но не успел нескольких десятков сажен от ворот своей квартиры отойтить, как вдруг встречается со мной скачущая почти карета, и сидевший в ней закричал кучеру:

— Стой! стой! стой!

Я удивился, сие увидев; но удивление мое несказанно еще увеличилось, когда увидел я в выходящем из кареты и прямо ко мне идущим друга моего Александра Михайловича Салтыкова.

— Ба! ба! ба! Александр Михайлович! — воскликнул я. — Куда это?

— К тебе, мой милый и любезный друг, — сказал он, — мне хотелось еще раз с тобою проститься и вручить тебе вот этот знак княгининой благодарности за все твои труды и старания, а от себя жертву моего к тебе дружества.

И в самое то время, выхватив из карманов одной рукою довольно толстый и запечатанный конверт, а в другой небольшой сверток бумаги, сей всунул мне в карман, а тот совал мне за пазуху. Поразился я сею неожидаемостью и хотя не знал, что такое было в свертке и в пакете, но, заключая, что находились в них какие-нибудь подарки, стал упорствовать и, не принимая, говорить:

— Помилуй, братец! На что это, на что? И стоят ли чего все мои труды и старания? Я рад, что удалось мне всем вам услужить, и одно чувствуемое от того удовольствие служит мне уже довольною наградою. Нет, нет, — продолжал я, от часу более про-

тивясь, говорить, — воля твоя, а я никак не приму, и на что княгине для меня убытчиться!

— Пустое, братец! Какой это убыток! — подхватил он. — Мы сегодня же все наше серебрецо променяли на ассигнации и получили более трех тысяч барыша, так стоят ли чего эти безделки!

Услышав сие и заключая, что в пакете запечатана какая-нибудь вещица, а в свертке находилось несколько денег, стал было я еще более упорствовать и, выхватив всунутый мне за пазуху пакет, опять ему в руки втирать; но он, опять его всунув мне за камзол, сказал:

— Воля твоя и как ты хочешь, а взять ты это неотменно должен; человек ты любезный, но небогатый, и тебе, моему другу, это сгодится.

И, поцеловав меня потом и сказав: «Ну, прости мой друг!» — опрометью побежал в карету и, усевшись в нее, поскакал от меня прочь, сказав только мне уже из кареты:

— Пожалуй только, мой друг, подержи это за собой и не сказывай никому, да и самую княгиню не только не благодари, но не упоминай о том ей ни одного слова. Она неотменно того хочет.

Изумление, в которое приведен я был сим внезапным, странным и особливым происшествием, было таково, что я его никак изобразить не в состоянии. Я почти оцепенел на несколько секунд и, смотря вслед исчезнувшей у меня из глаз карете, не знал, что думать. Но каким новым изумлением я поразился, когда, любопытствуя узнать, что такое было в бумажном свертке, развернув его, увидел, что находилось в нем целых триста рублей золотыми империалами!

— Господи! — воскликнул я от удивления. — Какое множество золота, и стоют ли того труды мои и услуга?

Но изумление мое еще несказанно увеличилось и было неизобразимо, когда любопытствуя, также узнать, что в пакете, распечатав его, увидел, что вместо мнимой какой вещицы весь он наполнен был одними только ассигнациями.

— Ба! ба! ба! — воскликнул я. — И тут ажно одни деньги!

Но сколь удивление мое увеличилось, когда я, пересчитав их вскорости, усмотрел, что содержали они в себе целую тысячу рублей.

Зрелище сие вмиг привело тогда всю кровь мою в волнение превеличайшее, а сердце во мне так затрепетало, что хотело почти выскочить, и я равно как в некаком восторге воскликнул:

— Господи! Что это такое? — и опять замолчал, погрузясь в тысячу мыслей, произведенных во мне сею неожидаемостью. Сумма сия была такая, какой я еще никогда не имел у себя от своего рождения, и ныне не составляет она никакой безделки, а по тогдашней дороговизне денег была гораздо еще важнейшею и натурально должна была показаться мне чрезвычайною. И как вручена она была мне таким особливым образом и втерта насильно в руки с таким еще особым условием, то стал я в пень, не знал, что думать, и крестился только от удивления неизобразимого.

Долго и несколько минут продолжалось сие мое изумление. Но наконец сообразив все обстоятельства предследовавших тому происшествий и помыслив о

том, что я сего не искал, не требовал и даже не желал, почел дар сей не иным чем, как даянием Господним и действием непостижимого его и о благе моем пекущегося промысла, и, приняв его со вздохом сердечной к нему благодарности, пошел обратно в свою квартиру, будучи весьма доволен, что никто происшествия сего не видал и что происходило оно почти наедине с моим другом.

Легко можно заключить, что я не имел причины сказывать о том не только моему хозяину, но даже и своим людям, ничего того не ведавшим и не видавшим; но легши скоро после того спать, долго я не мог уснуть от толпящихся в голове моей множества разных и приятных мыслей. Но за то и последовавший потом сон был столь приятен, что я давно так сладко и хорошо не сыпал, как в тогдашнюю ночь. Но подарили ль они чем-нибудь товарища моего г. Шебашева, о том истинно не знаю и поныне. Спрашивать его о том было мне совестно и неловко, сам же он не сказывал, а заметно было только то, что не изъявлял он ни на княгиню, ни на гг. Салтыковых никакого неудовольствия. Что ж касается до подаренной мне суммы, то видно, что подарена была она мне от доброго сердца, ибо она обратилась мне в прок и послужила первым основанием всему тому маленькому капитальцу, который имел я в последующее время, и пригодилась мне очень-очень кстати.

На другой день, проснувшись с новыми и до того не известными мне еще приятными чувствиями, ибо я почитал себя тогда уже богатым человеком, пошел я к князю и, приняв от него последние приказания

и раскланявшись с ним, прошел прямо в город, и, исправив все нужные покупки, нанял потом под коляску свою лошадей и перед вечером пустился из Москвы и поехал прямою дорогою в Киясовку для немедленного вступления в новую свою управительскую должность, куда, ночевав на дороге в Пахре, на другой день и приехал.

Случилось сие 22-го числа месяца июля и в самые почти полдни. Подъезжая к сему селу, чувствовал я в себе некоторые особливые и не неприятные ощущения и не преминул несколько раз перекреститься при въезде в самое село, и чтоб мысленно не попросить Господа о ниспослании мне, при вступлении в новое поприще жизни, святого своего благословения и преподания мне во всем руку помощи. Меня тут начальники уже некоторым образом дожидались и тотчас сбежались ко мне, как скоро коляску мою завидели. Я расположился на время в тех же нижних комнатах, где мы до того времени квартировали, и при вступлении в свою должность первым делом моим было то, чтоб приказать наутрие собраться всем крестьянам для выслушания послушного указа, которым не преминула нас, по обыкновению, снабдить княгиня Белосельская.

Между тем успел я в тот день обходить сады и прочие места усадьбы и расспросить у начальников о всех тогдашних в волости обстоятельствах, также осмотреть гумно и производимую в тот день молотьбу хлеба, а ввечеру занялся я писанием к князю о прибытии своем в волость первого рапорта и некоторых других писем.

Как в последующий день все крестьяне из села

Киясовки и других принадлежащих к селу ближних деревень были собраны, то, вышед к ним, прочел я им послушный указ и потом поздравил их с новою и столь знаменитою помещицею. Все они изъявляли о том свою радость и удовольствие; а я после того сказал им, что как я по воле ее определен для управления ими, то при первом случае советую им: что как они теперь уже не владельческие, а собственные крестьяне самой государыни и гораздо преимущественнее всех прочих казенного ведомства крестьян, то они сие всегда б помнили и не постыдили бы себя никакими дурными поступками, а постарались бы как можно будущим своим поведением и мирным и порядочным житьем и повиновением смыть с себя то гнусное пятно, которым замараны они всеобщею об них молвою.

«Повсюду, — продолжал я им говорить, — носится об вас, друзьях моих, весьма скверная и гнусная молва! Говорят, будто бы вы преданы уже слишком шалостям и воровству и будто бы уже до того дошло, что никто из приезжих не смеет и не отваживается у вас здесь в селе ночевать. Я не знаю, правда ли то или нет, но желаю, чтоб была то неправда. Но на случай, если молва сия не пустая, то советую вам, друзья мои, все такие шалости с сего времени бросить совершенно и отстать от всего дурного и сказываю вам наперед, что сколько вы найдете во мне очень доброго, честного и правду любящего начальника, столько, напротив того, строгого наблюдателя доброго порядка, и что я никак того терпеть не буду, и что открывшееся за кем-нибудь не только важное, но и самомалейшее воровство не

останется никак без наказания; но все таковые строго, жестоко и примерно будут наказаны, и было б вам сие, друзья мои, наперед ведомо».

Пропев им с самого начала таковую песенку, распустил я их, сказав, чтоб они шли теперь с Богом продолжать обыкновенные свои работы; а буде кому какая нужда есть, то являлись бы ко мне с оными.

Все они, выслушав с глубочайшим молчанием мои слова, поклонились и пошли, а я занялся потом кой-какими нужнейшими распоряжениями, а паче всего приказаниями имевшемуся тут в доме столяру починить скорее все поврежденные в доме мебели, также и в службах и кухне окна и все прочее, что было нужно, подтвердив, чтоб все к тому времени поспело, как перееду я со всем моим семейством и людьми жить в Киясовку. Потом ездил я осматривать господские, в самое то время производившиеся еще покосы и сделал там распоряжения, какие были нужны.

На другой день после того для самого того ж ездил я в село Малино и Спасское, и как там по предварительному от меня приказанию все крестьяне находились уже в собрании, то прочел я и тем послушной указ, а потом и с ними поговорил также полюбовную речь, хотя не такого содержания, как в Киясовке, ибо за жителями сих сел никаких таких шалостей было не слышно. А только крестьянам села Спасского, о которых мне сказывали, что они отменно сварливого и беспокойного характера, посоветовал также, чтоб они жили впредь посмирнее и во всем были послушнее и лучше. Сии тотчас было и подлетели ко мне с некоторыми дрязгами, но я

тотчас зажал им рот, сказав, что на все это будет впредь довольно времени; что впредь я не оставлю все исследовать и разобрать и во всем оказать им справедливость, а теперь ни мне, ни им заниматься тем не дозволяет время, а шли бы они все продолжать свои полевые работы.

Отпустя и сих, занялся я с приехавшими в самое то время в село Спасское купцами торговать сад тамошний; и я, походив с ними и осмотрев плоды и поторговавшись, и продал им оные за шестьдесят рублей, которые и составили самый первый доход по вступлении моем в управление волостью.

Возвратившись оттуда опять в Киясовку, не стал я долее медлить, но по сделании еще некоторых распоряжений, и дав прикащику наставление, что ему в отсутствие мое с крестьянами делать и какие производить работы, поутру на другой день и пустился в свое любезное Дворяниново, дабы забраться там всем нужным и переезжать потом со всеми домашними моими жить в Киясовку.

Там нашел я всех моих родных в нетерпеливом и ежедневном ожидании моего приезда, ибо до них дошли уже слухи, что я из Москвы в Киясовку отправился. Итак, встречали они меня уже как управителя императрициной волости и с изъявлением радости своей поздравляли со вступлением уже в свою должность. Но сколь увеличилась их радость, когда, отведя их в особую комнату, по секрету рассказал им о полученном мною и всего меньше ожидаемом даре. Они, услышав такую неожидаемость, поразились также удивлением неизобразимым, и согласно со мною не инако то почитая, как даянием Боже-

ским, не знали как возблагодарить Господа за сию ниспосланную нам милость.

. . . .

Наступило, наконец, 29-е число июля, как день, назначенный для нашего отъезда. Итак, по настании сего дня, помолясь Богу и распрощавшись со всеми съехавшими к нам для проводов ближними соседями, выехали мы из своего дома и любезного своего Дворянинова, нимало не воображая себе, что мы расставались с ним и домом своим на столь долгое время, что сей последний успел к тому времени совсем уже почти развалиться и к житью сделаться неспособным, в которое промыслу и воле Господней угодно было привесть нас опять для жительства попрежнему в сем нашем обиталище.

. . . .

Сим кончилась первая моя деревенская жизнь по отставке; а как и письмо мое уже достигло своих пределов, то окончу я и его, сказав вам, что я есмь ваш, и проч.

Декабря 31-го дня 1808 года.

ИСТОРИЯ МОЕГО ПЕРВОГО ЖИТЕЛЬСТВА В КИЯСОВКЕ

ПИСЬМО 175-е

Любезный приятель! Пред самым вечером было уже то, как мы со множеством наших повозок, составлявших изрядный обозец, въехали в село Киясовку, а потом на обширный и просторный двор господского дома. . . . .

. . . .

Не успели мы разобраться и все к своим местам прибрать, начав привыкать на новом месте жить, как на другой же день и пожаловал к нам первый гость, господин Жуков, один из живущих в соседстве тамошних дворян, приехавший ко мне себя рекомендовать. Я принял его с обыкновенною своею вежливостью и благоприятством. А в последующий за тем день посетила нас уже и госпожа Останкова, одна из тамошних соседок.

«Во! во! — сказал я сам себе. — Ежели так часто будут к нам жаловать гости, то нам и не будет здесь скучно!» — и поздравлял с тем своих хозяек, которым было то нимало не противно, ибо как первый приезжал ко мне, так сия последняя к ним для сведения знакомства.

Впрочем, как в самый сей день случилось 1-е число

августа, то мы были в первый раз в тамошней церкви и у обедни и потом ходили на воду*, где имели удовольствие видеть всех жителей того села и ближних деревень в собрании и на них посмотреть, а себя показать.

Но сколь день сей приятно начался, так, напротив того, дурно и неприятно кончился. Случились в оный опять две неожидаемости и такие происшествия, которые меня заставили думать и были для меня крайне неприятны. Первое происшествие было хотя самое бездельное и ничего почти не значащее, но досадно мне было потому, что принудило меня уже так рано начинать с подкомандующими моими, против хотения моего, драться. Поймали и привели ко мне вора с покраденными в саду яблоками, и не маленького мальчишку, а бородача, и к тому ж еще десятского. Кража была хотя небольшая и не стоящая дальнего уважения, но как при последнем собрании всех крестьян я торжественно всем им предвозвестил, что и самомалейшая кража не останется без строгого наказания, то для поддержания сего слова самая необходимость требовала, чтоб сего бездельника в предварительный страх всем другим наказать. Итак, спросил я сего друга, был ли он на последней сходке?

— Был-де.

— Ну, слышал ли ты, что я говорил и как вас увещевал, чтоб вы шалости и воровства все кинули?

— Слышал.

— Ну что ж ты, мой друг, разве думал, что я шутил с вами? Так я тебе докажу, что я говорил с вами не

---

*Ходить на воду — ходить на водосвящение.

шутя. Пожалуй-ка, разденься, и мы тебя поучим, как впредь приказания мои уважать и не играть ими.

Сказав сие, и простегал я его изряднехонько и велел сказать всем, что и с другими то же будет, если они от воровства не уймутся. Сим и действительно заставил я всех начинать делаться осторожнейшими.

Но сие было еще ничего в сравнении с другою и всех нас крайне поразившею неожидаемостью. Прискакали ко мне из Малина, Спасского и Володимеровой без души все тамошние начальники, старосты и бурмистры с донесением, что у них там во всем краю сделалась превеликая тревога.

— Что такое? — испужавшись, спросил я.

— Не знаем, сударь, а была только от частных смотрителей строгая повестка, чтоб немедленно от каждых ста душ наряжали по два человека вооруженных, одного пешего, а другого конного, и немедленно отправляли в Коломну, а из достальных чтоб четвертая часть была бы готова отправляться туда, куда спросят.

— Господи! Что это такое? — удивляясь и не понимая, для чего бы сие было, возопил я. — Но не слыхали ли вы, по крайней мере, на что бы это было?

— Бог знает, сударь, а твердят все что-то о Пугачеве, а иные мелют, будто бы он уж очень близко и идет на Коломну.

— Что вы говорите? — возопил я, и сердце во мне затрепетало, и так испужался, что долгое время не в состоянии был вымолвить ни одного слова.

Наконец, собравшись с духом и приняв вид неустрашимости, сказал:

— Нельзя, братцы, этому статься! Пугачев слиш-

ком еще далеко и пошел не сюда, а в иную сторону вниз по Волге, и как ему так скоро перелететь сюда? а это для чего-нибудь другого. Со всем тем повеление начальства надобно исполнить. Итак, поезжайте скорей, выбирайте и назначайте людей, вооружайте их чем можно и отправляйте, а и четвертой части велите быть готовой. А не худо, если и все остальные для всякого случая готовили б для себя сухари, чтоб в случае нужды было бы что есть и не терпеть в пище недостатка.

Отпустив их, стал я в пень и не знал, как сказать о сем моим домашним, ибо не сомневался, что сия нечаянность перепугает и поразит их чрезвычайно. Но, по счастию, им кто-то и без меня уже сказал, и они сами, в неописанном страхе и ужасе, бежали ко мне спрашивать о слышанном ими подтверждения. Нельзя было никак утаить от них уже сего. Я хотя и подтвердил, что действительно велено сделать наряд, но старался их ободрить сколько-нибудь тем, что нельзя тому никак статься, чтоб Пугачев был уже так близко; к тому ж известно, что против него наряжен и отправляется с войском славный наш генерал граф Петр Иванович Панин, так сей его уж верно остановит.

Но что я ни говорил, их трудно было переуверить. Они только и твердили, что черт его знает, может быть, он уже и перелетел! Долго ли ему с своею сволочью иттить, и только что охая и вздыхая говорили:

— Ах, Господи! Ну если он сюда придет, что с нами бедными будет? Погибнем и мы все, как черви капустные!.. И нас всех он так же перебьет, передушит и перевешает, как низовских дворян. Куда нам деваться и где искать спасения себе от такой беды и напасти?

— Пустое, — говорил я, их ободряя, — никогда

этого быть не может; а хотя бы и действительно стал приближаться, так этот вооруженный народ, который теперь собирается, утрет ему нос, и это очень-очень хорошо, что они вздумали благовременно людей для отпора собрать.

— Ох, батюшка ты наш! — прерывая мои слова, восклицали они. — Да можно ли на эту сволочь положиться, не такие же ли они глупые бородачи, как и пугачевские, и не восстанут ли еще сами вместе с ними противу нас? Ахти! ахти! какая беда, и зачем нас нелегкая понесла сюда, дома все-таки было бы надежнее и лучше.

— Да, как бы не так, — рассмеявшись против хотения, сказал я, — а мне так кажется, что здесь мы меньшей опасности подвергнемся, нежели дома. Там наши люди первые могли бы быть нашими злодеями и врагами, а здешним — мы сторона дело. Ничем мы им еще не нагрубили, к тому же здешних и то убеждать может, что они ныне сделались собственными государыни, а не господскими!

Сим и подобным сему образом старался я всячески домашних своих ободрять и утешать, хотя на сердце и у самого меня было не лучше и не спокойнее, как и у них. Тысяча разных мыслей толпились тогда в уме моем, и каждая из них смущала и мучила меня наперерыв пред другою, и я не знал, к которой из них прилепиться было лучше. Опасность была действительно очевидная, и нельзя было не признаться, что была она истинная и великая.

«Почем знать, — думал и говорил я сам себе, — может быть, и правда, что этот злодей с своей сволочью уже недалеко и скоро дойдет и до нас сюда. Не-

даром вдруг такая строгость и такой скоропостижный наряд. Но, ах! что могут сделать эти бородачи? Не такие же ли они скоты бессмысленные, как и те самые, можно ли на них полагать какую надежду? Нет у них ни командиров, и не может быть никакого порядка, да и вооружить их чем и чем можно, кроме одних кос, топоров и рогатин; а у него, сказывают, есть и пушки, и ружья, и все везде, проклятый, награбил. Так могут ли дурачье наше стоять? Да что говорить, они первые готовы будут к нему передаться и против самих же нас обратить оружие свое. И ах! как жаль, что наши войска и армия еще далеко и не успела сюда возвратиться, а без ней что мы здесь сделаем: передушат нас всех, действительно, как кур... К тому же, такая беда, что мне в случае нужды и уехать отсюда куда-нибудь для спасения своего нельзя будет, что ты изволишь? Но правду сказать, куда теперь изволишь сунуться? Не везде ль опасность одинакова? И не весь ли черный народ вообще когда не въявь, так в сердцах своих бунтует и готов поднять на нас свои руки?»

Сим и подобным образом помышлял я сам в себе, смущался и беспокоился крайне духом. Что касается до моих боярынь, то не взмилилась им и Киясовка, и управительство мое, и все и все, а они рады б были забиться хоть бы в трущобу какую, а только спасти живот свой. А признаться, что и самому мне приходило иногда на мысль почти то же, и я не один раз сам в себе мыслил: уж не поискать ли где-нибудь в здешних больших лесах и не заметить ли самого глухого места, куда б можно было, в случае крайней нужды, для спасения своего скрыться.

Вот до какой крайности перепугала и смутила нас

сия неожидаемость, и тогдашнее первое число августа будет нам навсегда памятно. Не только весь тогдашний вечер провели мы вне себя, но и во всю ночь уснуть почти не могли, а занимались беспрерывно мыслями о предстоящих бедствиях и напастях; а едва только настал новый день, как прискакавшие с такими же известиями начальники села Покровского с деревнями вновь увеличили наше смущение. А не успел я сих с надлежащими приказаниями отправить, как явился уже и у нас из Коломны солдат с инструкциею и приказанием о наряде также людей и колико можно скорейшем отправлении оных в Коломну.

Сие взбудоражило нас еще и того более, и тем паче, что глупый солдат не мог нам ничего точного сказать, для чего бы сии люди собирались, а подтвердил только те же народные слухи о Пугачеве, какие мы уже слышали. Но, как по всему видимому дело не походило на шутку, а надобно было спешить, то, позабыв все свое смущение и горeванье и оставив тем заниматься своим боярыням, спешил я скорее велеть согнать к себе весь народ для выбора и назначения сих так называемых уланов, которых с одного сего села с деревнями надлежало мне отправить десять человек; а между тем, покуда они были сгоняемы, призвав кузнеца, велел ковать как можно скорее для них пики, ибо иным нечем было в скорости вооружить оных. Итак, выбор и наряд сих уланов* был первым почти моим важным делом по

*Уланы — конные воины в особой одежде в обтяжку, с копьем, на котором значок, флажок.

вступлении в должность, но было оно для меня и наитруднейшее. По обыкновению моему, еще не знал я как и приступить к оному, и тем паче, что по собранию всего схода повстречалось со мною в том множество непредвидимых затруднений. Как наряжались и отсылались они не инако как для сражения и на войну, то натурально никому охотою туда иттить не хотелось, но все перепирались между собой, и всякий старался отклонить от себя сию напасть. Вдруг поднялся превеликий шум и прение между всеми, и я, для пресечения всего того, другого не нашел, как, разверстав весь народ на четыре кучи, велел им кидать жребий. Но как и сей был для всякого страшен, то поднялся опять шум и крик; начали говорить, что есть и без киданья жребья такие люди, которых бы в посылку сию нарядить следовало, а именно, отбывавшие от прежних рекрутских наборов беганием, выдергиванием у себя зубов, подрезыванием пальцев и другими бездельничествами; и все кричали, что чем добрых людей посылать, так лучше бы сих к тому назначить.

— Очень хорошо, — сказал я, — так подавайте-ка их сюда, на что лучше.

Итак, все сии молодцы тотчас были отысканы, мне представлены, и десять человек из них мною выбраны и назначены.

После сего надлежало говорить и совещаться о том, какую им сделать подмогу и каких употребить лошадей? Немало было и о том толков и крику, и кончили тем, что с общего всех согласия определили дать подмоги каждому пешему по одному, а конному по три рубля на неделю, а лошадям быть бы их собственным,

а дать им за каждую по шести рублей да за седло полтину. Наконец, сделался вопрос, где взять вскорости на сие деньги? Но и сей решили мы скоро тем, что согласились одного мужика освободить впредь от рекрутства и получить с него тогда же за сие двести рублей.

Не успел я сего дела и довольно удачно кончить, как гляжу, катит ко мне и тамошний частный смотритель, для высылки уже оных. Чиновником сим был тогда барон Николай Осипович Соловьев, живший верст за двенадцать от села нашего, и сей случай познакомил нас с сим добрым, любезным и честным человеком, сделавшимся потом нашим хорошим знакомцем и приятелем. Как приехал он к нам уже перед вечером и он нас, и мы его полюбили, то уняли мы его у себя ужинать, и с того времени началось у нас с ним знакомство.

Он находился в таких же смущенных мыслях, как и мы, и не мог нам также ничего обстоятельного сказать о причине сей тревоги, а выполнял только присланное к нему строгое повеление из города. Но, по счастию, в самый тот же день ввечеру получили мы известие, что тревога сия была совсем пустая и что Пугачева нет и в завете в такой близости, как мы себе воображали . От сего хотя и отлегнуло сколько-нибудь у нас на сердце и поуспокоились наши мысли, но как известие сие было приватное и не совсем достоверное, то необходимо надобно было повелеваемое исполнить. Почему я на другой же день поутру выбранных своих уланов и отправил с приказчиком в Коломну, дав ему от себя письмо к воеводе.

Не могу никак и поныне позабыть одного досадного происшествия, случившегося при сем тогда отправлении. Как все сии выбранные люди, по снаряжении их

всем нужным, были ко мне для осмотра представлены, то и рассудилось мне за благо дать им от себя нотации и увещевать их, чтоб в случае, если и дойдет дело до сражения, то чтоб они помнили, чьи они, и не постыдили бы себя пред всем светом трусостью, а дрались бы хорошенько, и, обратясь к одному из них, самому ражему* и бойкому из всех их, сказал:

— Вот этакому как бы не драться, один десятерых может убрать.

— Да! — сказал он мне на сие, злодейски усмехаясь. — Стал бы я бить свою братью? А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие!

Оцепенел я, сие услышав и проглотив сию горькую пилюлю, сказал только:

— Дурак! Сукин сын! Что ты это мелешь?

А сам в себе подумал: «Вот каковы защитники и оборонители сии в сердцах своих, и вот жди от них доброго». Потом, спросив и записав имя его у себя в записной книжке впредь для памяти, ему далее сказал:

— Хорошо! Хорошо! Братец, но ступай-ка, ступай! Может быть, тебе сие и не удастся, а там мы посмотрим.

Перетрусился мой мужик, сие услышав и увидя, что имя его было записано; но как нечего уже было делать и он проболтался так глупо и неосторожно, то и пошел с прочими, повеся голову. Ему и досталось после того ловко за сие на лапу**; ибо как случилось ему в чем-то прошерститься*** и надобно бы-

*Ражий — дородный, крепкий, плотный, сильный, видный.

**Досталось на лапу — порядочно влетело.

***Прошерститься — здесь: провиниться.

ло наказывать, то припомнил я ему сии слова и поутроил за них ему наказание, да и пред всем миром был он всегда за то равно как оглашенным и почитался негоднейшим человеком.

Происходило сие четвертого числа августа, а седьмого числа того ж месяца, следовательно, чрез три дня, ко всеобщему нашему удовольствию, возвратился из Коломны наш приказчик и успокоил опять и мысли и сердца наши известием, что тревога была действительно пустая и что все наши уланы распущены уже опять по домам и жительствам своим.

Не могу изобразить, как много обрадовались мы всему тому и как благодарили Бога, что опасность сия миновала. И с сего времени натурально принялись мы за все наши дела с спокойнейшим уже духом.

. . . .

Но как письмо мое достигло пределов, то окончу я оное и, остановясь на сем месте, скажу, что я есмь ваш, и прочее.

Января 2-го дня 1809 года, в Дворянинове.

. . . .

. . . .

РАННЯЯ ЗИМА

*ПИСЬМО 177-е**

Любезный приятель!. . . . .
. . . .

Наконец кое-как и насилу-насилу кончили мы все строение, и дом мой поспел и сделался уже для обитания способным. Теперь не могу никак изобразить вам того удовольствия, которое чувствовали мы, перебравшись совсем жить в оный. Сущим раем казался он нам в сравнении с житьем нашим в большом и огромном тамошнем доме: и тепел, и хорош, и покоен он нам показался! Но никто так не был доволен, как я своим кабинетом. Я снабдил его не только частью печи, но сверх того еще и камином, и как положение его случилось быть в средине между других комнат, то был он отменно тепел, а не было недостатка и в свете. Два больших окна, с простирающимся видом из них на пруд и за оным на церковь и старый дом, освещали оный. Под одним из них, в спокойном уголку, ассигновал я для себя сиденье и установил свой столик, под другим поста-

---

*В опущенном 176-м письме Болотов рассказывает о постройке «управительного дома», предназначавшегося для него и его семьи.

вил большой стол для учеников моих. Стены установил я книгами и шкапами, а кой-где и картинами, привезенными из дома, и был обиталищем своим очень доволен, и тем паче, что имело оно сообщение и с гостиною, и с лакейскою, и с моею канцеляриею. А и домашние мои со всем бутором* своим уместились так хорошо, что все были наконец довольны. По счастию, дети мои были еще малы, и для помещения их требовалось не много места. Все они поместились с своею бабушкою в одной комнате и довольно еще просторно, и одна только наша спальня была темновата, ноза то теплее почти всех комнат.

Сим образом перешедши и расположившись в новом и довольно для нас просторном и спокойном доме, отдохнули мы от претерпенных своих трудов и беспокойств и повели уже порядочную, как водится, жизнь; и как было уже где порядочно принимать и угощать гостей, то начали мы уже помышлять о сведении дружбы и знакомства с множайшими из живущих в тамошних окрестностях дворян, и за сим дело не стало.

. . . .

Итак, ...начали мы жить гораздо веселее прежнего и весь последующий месяц декабрь провели без скуки и в удовольствии. Весьма много поспешествовало к тому и то, что мы обрадованы и успокоены были в душах наших наиприятнейшим для всех нас слухом, что наконец удалось нашим войскам разбить и рассеять всю злодейскую пугачевскую сволочь и

---

*Бутор — здесь: пожитки, скарб.

самого его, искавшего спасение в бегстве, с вернейшими его наперсниками поймать, и что везли уже его окованного по рукам и по ногам в Москву для суждения и восприятия достойной мзды за все его варварства и злодеяния. Не могу изобразить, как обрадовало нас первое полученное о том известие и как мы благодарили Бога за спасение всей России, в том числе и нас от сего изверга. Как тяжелый камень свалился тогда с сердец и плечей наших.

. . . .

. . . .

. . . Все добрые люди и порядочные крестьяне полюбили меня очень скоро и были мною довольны. Что ж касается до дурных и негодных людей, то натурально сим был я не совсем по сердцу, но я о сем нимало не заботился. В особливости же не был я люб всем ворам и плутам, и как был я на них прямо острая коса, то не лежало их ко мне сердце, и если причинял мне кто досады и доставляло многие хлопоты и неприятности, так сии молодцы удалые. Я уже пересказывал вам, какое приветствие сделал я всем им при самом своем приезде; но сколь сильно я обманулся, надеясь, что такое увещание на них сколько-нибудь подействует! Они и не подумали о том, чтоб дать себя убедить оным, и не успело несколько недель пройтить, как и принялись опять за свое прежнее ремесло, и ну по-прежнему воровать и либо красть что-нибудь друг у друга, либо попрежнему у ночующих у них проезжих людей, а мало-помалу и пустились во вся тяжкая.

Господи! Как было мне тогда досадно, когда начали доходить до меня о том частые слухи. Будучи

от природы совсем не жестокосердным, а, напротив того, такого душевного расположения, что не хотел бы никого оскорбить и словом, а не только делом, и, не находя в наказаниях никогда ни малейшей для себя утехи и видев тогда сущую необходимость оказывать жестокости и с сими бездельниками для унятия их от злодейств драться, терзался я от того досадою и неудовольствием. Но нечего было делать. Необходимо надлежало их от воровства и всех шалостей отваживать и унимать, и я скоро увидел, что добром и ласковыми словцами и не только увещеваниями и угрозами, но и самыми легкими наказаниями тут ничего не сделаешь, а надобно было неотменно употреблять все роды жестокости, буде хотеть достичь тут до своей цели. Итак, сколько я сначала ни философствовал и ни наказывал их, будучи сам в спокойном духе и смеючись, но удальцы сии скоро начали и самого меня так раздражать, что я иногда доходил до сущих глупостей и рассерживался до исступления. Да и нельзя было инако, ибо стали случаться такие происшествия, которые и каменного выводили из терпения.

Например, однажды привели ко мне двух воров, воровавших и пойманных вместе, но при допросе не мог я никак согласить между собою их слова и признания, но один говорил то, а другой другое. Я говорить... я увещевать их и так, и инак... я говорить, что неотменно один из них лжет, а другой говорит правду, и что непременно надобно мне узнать истину. Но не тут-то было! Молодцы мои стали в одном, да и только всего. И знать, что были удальцы самые, что я более часа обоих их попеременно велел сечь,

но не мог никак добиться правды. Господи! Как они меня сим запирательством своим тогда раздосадовали и вздурили. Я выходил почти сам из себя и не прежде как уж при третичном и жесточайшем истязании их добился уже толку.

В другой раз увидели двух человек, ворующих муку с мельницы, но захватили с мукою только одного, а другой ускользнул, и не можно было за темнотою и признать его. Итак, надобно было узнать, кто бы такой был с ним и воровал вместе. И сей бездельник вывел меня уже совершенно из терпения и раздражил до чрезвычайности, ибо вздумал сперва запираться, и несмотря на трех свидетелей, поймавших его и клятвенно утверждавших, что не только видели другого, но хватали его и едва не ухватили, стал в том, что был он один и никого с ним не было. Господи! Какая была тогда на меня досада и как было нестерпимо такое явное запирательство, а особливо когда не помогло нимало и все сеченье. Несколько раз принимался я сего бездельника пороть, и чем и чем я его уже не сек, но он как стал в одном, да и только всего. Что ты изволишь? Наконец, и когда его спина была уже ловко възерошена, насилу-насилу повинился и сказал на одного из тутошних крестьян. Но что ж? И тут вышла неправда. Сыскали того мужика, но тот всеми клятвами божился, что не знает и не ведает того и никогда с ним не бывал и не воровал. Я так и сяк! Но не тут-то было! И оба остаются при своих объявлениях и клянутся. Нечего было делать, принужден был велеть положить и сего и сечь, принуждая признаться; но он с спокойным духом говорил, что хоть до смерти его

засеки, а признаться ему не в чем. Остановился я, сие услышав, и, по счастию, вздумал призвать свидетелей, ловивших сих воров, и спросить их, не могут ли они мне сказать, походил ли сей мужик чем-нибудь на того, которого они видели?

— Нет, сударь, — сказали они единогласно, — этот совсем на того не похож, тот и ростом был гораздо выше, и борода у него маленькая и не такая большая, как у него.

— Ну вот, сукин сын, — сказал я, — не въявь ли ты склепал на сего, ни за что, ни про что подвел под побои? Ну, ложись опять, бездельник.

— Ну что ж, сударь! — вытерпел еще добрую настилку и насилу-насилу с него смолвил и показал на другого.

— Давай сюда и того, — закричал я.

Привели мне и того, но и тот не только всеми клятвами клялся, что он не знает, не ведает, но представлял двух свидетелей, оправдавших его тем, что он в самое то время и часы, в которое сие воровство производилось, был с ними, и там ему быть никоим образом было не можно.

— Ну вот, сукин сын, опять солгал, ложись опять и сказывай истину. Говорю тебе, что не отстану, и как ты не думай, а добьюсь и узнаю истину.

Итак, ну-ка я его опять пороть, и он, вытерпев опять добрую передрягу, повинился, что и сего оклепал напрасно, мстя ему за одну себе досаду, и сказал на третьего. Но что б вы думали? Оказалась опять ложь и неправда и напраслина сущая. И легко ли, целых пять человек он сим образом и все напрасно оклеветать старался.

И как претерпев за каждого добрые настилки, вывел он меня совсем уже из терпения, то, боясь, чтоб бездельника сего непомерным сечением не умертвить, вздумал я испытать над ним особое средство. Я велел скрутить ему руки и ноги и, бросив в натопленную жарко баню, накормить его насильно поболее самою соленою рыбою и, приставив строгий к нему караул, не велел давать ему ни для чего пить и морить его до тех пор жаждою, покуда он не скажет истины, и сие только в состоянии было его пронять. Он не мог никак перенесть нестерпимой жажды и объявил нам, наконец, истинного вора, бывшего с ним в сотовариществе. И вот с какими удальцами принужден я был иметь дело.

Но зато и наказал я их особым и примерным образом, и, желая всему селу показать, как наказываются воры, велел их, раздев донага, вымазать всех дегтем и водить с процессиею по всей улице села, и всем жителям, выгнатым из изб для осмотрения перед вороты, кричать, чтоб смотрели они, как наказываются воры, и что со всеми и другими поступлено будет так же, кто изобличится хотя в малейшем воровстве. Маленьких же ребятишек велено всех согнать к мосту, и в то время, когда поведут воров через оный, велел заставлять кричать:

«Воры! воры!» — и кидать в них грязью, ибо происходило сие еще осенью, а потом, собрав все крестьян, торжественно им сказал, что если они от воровства, а особливо у проезжих и ночующих в селе, не уймутся, то вместо тогдашних двух не спящих ночных караульщиков в селе сделаю десятерых. А ежели и за сим все еще воровство будет, то сделаю,

чтоб пред каждыми тремя дворами был неспящий караульщик, и не только замучу их сими караулами, но и всякий раз сии караульщики должны будут отвечать мне за все пропажи и покражи.

Таковое примерное наказание, соединенное с политическою уловкою, не только нагнало действительно на всех страх, но произвело вожделеннейшее действие, и мужики мои, увидев, что я нимало шутить не намерен и в состоянии действительно все то исполнить, наконец, подумав и поговорив между собою, смолвились, чтобы бросить наконец все шалости и не только самим ничего дурного не предпринимать, но смотреть пристально и за другими и никому не наровить, но выводя все наружу, представлять виновных для наказания.

Словом, последний случай произвел во всех такое живое впечатление, что, к неописанному удовольствию моему, с того самого времени все крестьяне села Киясовки с деревнями ровно как переродилось, и помянутое образцовое наказание отходило как бабушка и отстращало их от всех прежних шалостей, и как о том повсюду и в других местах разнеслась молва, то чрез короткое после того времени имел я удовольствие слышать, что во всех селениях наших, сидевших на большой дороге, сделалось так смирно и так безопасно, что проезжие могли все повозки свои без всякого караула оставлять на улицах, не опасаясь, чтоб из них что-нибудь было украдено, и отзывались тем очень довольными. Сами хозяева старались уже их в том уверять, и дуракам самим то слюбилось.

Сим образом удалось и посчастливилось мне, на-

конец, истребить все прежнее воровство и прежние все шалости и смыть с киясовских крестьян прежнее гнусное пятно и вместо прежней дурной славы доставить им о себе повсюду лучшее мнение. Но сказать надобно, что и стоило мне сие несказанных трудов, хлопот и досад бесчисленных, и что не прежде я достиг до совершенного с сей стороны спокойствия, как в течение целого почти годичного времени, но зато после и сами они меня полюбили и, благодаря меня за то, были весьма довольны, и отзываются обо мне и поныне еще с большою похвалою.

Но я, возвратясь к нити моего повествования в окончании сего письма, скажу, что в помянутых разных занятиях и приятных препровождениях времени нечувствительно протек и последний декабрь месяц сего года, а с окончанием сего кончу я и письмо сие, сказав, что я есмь ваш, и проч.

Января 5-го дня 1809 года.

ПОИМКА И КАЗНЬ ПУГАЧЕВА
1775 ГОД
ПИСЬМО 178-е

Любезный приятель! Итак, вновь наставший 1775 год начал я провождать, живучи уже в Киясовке, в новом и покойном казенном доме.

. . . .

Не успели святки еще пройтить, как, оставив своих родных в Киясовке, поехал я сам на короткое время в Москву. Это было еще в первый раз, что поехал я к князю своему с личными донесениями о состоянии волости и обо всем мною в ней сделанном. Князь принял меня очень ласково и был всеми моими делами и распоряжениями доволен и благодарил меня за все мое обо всем старание. После чего и пошли у нас с ним разговоры и рассуждения о том, что бы впредь сделать и учредить. Главнейшим предметом оных было построение в Киясовке для больных госпиталя, который ему неотменно учредить там хотелось и для которого старался уже он приискать и лекаря. И как тогда имел я для жительства своего готовый дом и в старом большом доме не было никакой надобности, то и положено было у нас пред наступлением весны весь верхний деревянный этаж с него снять и, поставив на ином месте позад сада, обратить его в госпи-

таль, отделив в нем особые комнаты и для житья лекарю, а после того разобрать и весь нижний этаж каменный и кирпичи из него сохранить для будущего здания большого каменного дома, который угодно было императрице приказать построить и которому дался уже и план. И как князь в особливости охотник был до строения, то просил меня тем, а особливо построением госпиталя колико можно поспешить.

Немало же говорено было у нас с ним и о оброке волости, и о том, как бы нам сделать распоряжение для получения всегдашних работников, для исправления работ нужнейших. Первый угодно было князю, для получения множайшего с сей волости дохода, оставить тот же, какой крестьяне плачивали до сего своей помещице, а именно по 6-ти рублей с тягла или мужа с женою, который хотя и превосходил оброк, платимый Богородицкою волостью двумя рублями, но для подмосковных крестьян был не только сносен, но и очень еще умерен. Что касается до работ, то положено было всю волость разделить на 40 частей, или вытей, и определить, чтоб с каждой выти было по одному работнику с лошадью, или когда в лошадях не случится надобности, то пешему, и которые сменялись бы понедельно, а если чего сими работниками успеть не можно будет сделать, то все прочие работы производить уже наемными людьми или по особым нарядам, с определенным платежом денег.

. . . .

. . . .

Москва вся занималась в сие время одним только Пугачевым. Сей изверг был уже тогда в нее привезен, содержался окованный на цепях, и вся Москва

съезжалась тогда смотреть сего злодея, как некоего чудовища, и говорила об нем. Над ним, как над государственным преступником, производился тогда, по повелению императрицы, формальный и важнейший государственный суд, и все не сомневались, что он казнен будет.

Кроме сего достопамятно было, что в самое сие время производилось в Москве с превеликим поспешением строение на Пречистенке временного огромного дворца для пребывания императрицы. Ибо, как она намерена была прибыть в Москву для торжествования мира с турками, а Головинский дворец, в котором она до того времени живала, во время чумы сгорел и ей жить было негде, то и приказала она построить для себя дворец на скорую руку. Почему, несмотря на всю стужу и зимнее тогдашнее время, и производилось строение сие с великим поспешением и тысячи рук занимались оным денно и ночно.

Как скоро я все свои дела кончил, то, нимало не медля, севши поутру в свою кибитку, поскакал я домой; но не успел поравняться при выезде из Москвы с последнею заставою, как увидел меня стоявший на ней знакомый офицер г. Обухов и закричал:

— Ба! ба! ба! Андрей Тимофеевич, да куда ты едешь?

— Назад в свое место, — сказал я.

— Да как это, братец, уезжаешь ты от такого праздника, к которому люди пешком ходят?

— От какого такого? — спросил я.

— Как, разве ты не знаешь, что сегодня станут казнить Пугачева, и не более как часа через два? Остановись, сударь, это стоит любопытства посмотреть.

— Что ты говоришь? — воскликнул я. — Но, эх, какая беда! Хотелось бы мне и самому это видеть, но как я уже собрался и выехал, то ворочаться опять не хочется.

— Да на что и зачем ворочаться; вот я сейчас туда еду, так поедем вместе со мной в санях моих, а кибитка пускай здесь у меня на дворе постоит и тебя дождется.

— Очень хорошо, братец, — сказал я и ну скорей вылезать из кибитки, иттить к нему в квартиру и на скорую руку оправляться, а через несколько минут мы с ним, севши в сани, и полетели действительно на Болото, как место, назначенное для сей казни.

Мы нашли уже всю площадь на Болоте и всю дорогу на нее, от Каменного моста, установленную бесчисленным множеством народа. Я неведомо как рад был, что случился со мною такой товарищ, которого все полицейские знали и которому все так коротко было известно. Он, подхватя меня, не бегал, а летал со мною, совался всюду и всюду, для приискивания удобнейшего места для смотрения. И мы вскоре за сим увидели молодца, везомого на превысокой колеснице в сопровождении многочисленного конвоя из конных войск. Сидел он с кем-то рядом, а против него сидел поп. Повозка была устроена каким-то особым образом и совсем открытая, дабы весь народ мог сего злодея видеть. Все смотрели на него с пожирающими глазами, и тихий шепот и гул раздавался от того в народе. Но нам некогда было долго смотреть на сие шествие, производимое очень медленно, и мы, посмотрев несколько минут, спешили бежать к самому эшафоту, дабы

захватить для себя удобнейшее место для смотрения. Весь оный в некотором и нарочито великом отдалении окружен был сомкнутым тесно фрунтом войск, поставленных тут с заряженными ружьями, и внутрь сего обширного круга не пускаемо было никого из подлого народа. Но товарища моего, как знакомого и известного человека, а при нем и меня, пропускали без задержания, к тому же мы были и дворяне, а дворян и господ пропускали всех без остановки; и как их набралось тут превеликое множество, то судя по тому, что Пугачев наиболее против них восставал, то и можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем.

Нам с господином Обуховым удалось, протеснившись сквозь толпу господ, пробраться к самому эшафоту и стать от него не более как сажени на три, и с самой той восточной стороны оного, где Пугачев должен был на эшафоте стоять для выслушивания читаемого ему всего сенатского приговора и сентенции*. Итак, имели мы наивыгоднейшее и самое лучшее место для смотрения, и покуда его довезли, и довольно времени для обозревания эшафота и всего окружающего оный довольно еще просторного порожнего внутри круга. Эшафот воздвигнут был посреди оного, четверосторонний, вышиною аршин четырех и обитый снаружи со всех сторон тесом и с довольно просторным наверху помостом, окруженным балюстрадом. Вход на него сделан был только

* Сентенция — (франц.) — судебный приговор.

с одной южной стороны по лестнице. Посреди самого сего помоста воздвигнут был столб, с воздетым на него колесом, а на конце утвержденною на него железною острою спицею. Вокруг эшафота сего в расстоянии сажен на двадцать поставлено было кругом и со всех сторон несколько виселиц, не выше также аршин четырех или еще ниже, с висящими на них петлями и приставленными лесенками. Мы увидели подле каждой из них приготовленных уже палачей и самых узников, назначенных для казни, держимых тут стражами. А таким же образом лежали некоторые и другие из их злодейского общества, скованные, при подножии самого эшафота.

Не успела колесница подъехать с злодеем к эшафоту, как схватили его с ней и, взведя по лестнице наверх оного, поставили на краю восточного его бока, против самых нас. В один миг наполнился тогда весь помост множеством палачей, узников и к ним приставов, ибо все наилучшие его наперстники и друзья долженствовали жизнь свою кончить вместе с ним на эшафоте, почему и приготовлены уже были на всех углах и сторонах оного плахи с топорами. Подле самого ж Емельки Пугачева явился тотчас секретарь, с сенатским определением в руках, а пред ним, внизу и подле самых нас, на лошади верхом, бывший тогда обер-полицеймейстером г. Архаров.

Как скоро все установилось, то и началось чтение сентенции. Мы стояли подле самого г. Архарова, и так близко, что могли чтомое от слова до слова слышать. Но нас занимало не столько слышание читаемого, как самое зрение на осужденного злодея. И как громогласное и расстановочное чтение продли-

лось очень долго, ибо в определении сенатском прописаны были все его и сообщников его злодеяния и подведены были все законы, по силе которых должен он был предан быть казни, то имели мы время насмотреться на сего изверга. Он стоял в длинном нагольном овчинном тулупе почти в онемении и сам вне себя и только что крестился и молился. Вид и образ его показался мне совсем не соответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразного какого-нибудь лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка* или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклокоченные, и весь вид ничего незначащий и столь мало похожий на покойного императора Петра Третьего, которого случалось мне так много раз и так близко видать, что я, смотря на него, сам себе несколько раз в мыслях говорил:

«Боже мой! До какого ослепления могла дойтить наша глупая и легковерная чернь, и как можно было сквернавца сего почесть Петром Третьим!»

Между тем, как ни пристально мы на него смотрели, однако успели оглянуться назад на стоящие вокруг эшафота виселицы. На них увидели мы всех осужденных к смерти, взведенных на лестницы с надетыми на головы их тюриками** и с возложенными на шеи их уже петлями, и палачей, державших их

---

*Маркитант — торговец, следующий за находящимся в походе войском; повар в харчевне, в трактире.

**Тюрик, тюрюк — здесь: холщовый колпак, который надевался на преступника во время смертной казни.

и готовых при первом знаке столкнуть их с лестниц. И как назначено было им в одну секунду умереть с своим начальником, то по самому тому и не могли мы видеть самое произведение их казни, которую, как думаю, и никто не видал, ибо всех глаза устремлены были на эшафот и на Пугачева.

Как скоро окончили чтение, то тотчас сдернули с осужденного на смерть злодея его тулуп и все с него платье и стали класть на плаху для обрубания, в силу сентенции, наперед у него рук и ног, а потом и головы. Были многие в народе, которые думали, что не воспоследует ли милостивого указа и ему прощения, и бездельники того желали, а все добрые того опасались. Но опасение сие было напрасное: преступление его было не так мало, чтоб достоин он был какого помилования; к тому ж и императрица не хотела сама и мешаться в это дело, а предала оное в полное и самовластное решение сената; итак, должен он был неотменно получить достойную мзду за все его злодейства. Со всем тем произошло при казни его нечто странное и неожидаемое, и вместо того, чтоб, в силу сентенции, наперед его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палач вдруг отрубил ему прежде всего голову, и Богу уже известно, каким образом это сделалось: не то палач был к тому от злодеев подкуплен, чтоб он не дал ему долго мучиться, не то произошло от действительной ошибки и смятения палача, никогда еще в жизнь свою смертной казни не производившего; но как бы то ни было, но мы услышали только, что стоявший там подле самого его какой-то чиновник вдруг на палача с сердцем закричал:

— Ах, сукин сын! Что ты это сделал? — И потом: — Ну, скорее — руки и ноги.

В самый тот момент пошла стукотня и на прочих плахах, и вмиг после того очутилась голова г. Пугачева, взоткнутая на железную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавый труп лежащий на колесе. А в самую ту ж минуту столкнуты были с лестниц и все висельники, так что мы, оглянувшись, увидели их всех висящими и лестницы отнятые прочь. Превеликий гул от аханья и многого восклицания раздался тогда по всему несчетному множеству народа, смотревшего на сие редкое и необыкновенное зрелище*.

Сим образом совершилась сия казнь и кончилось сие кровавое и странное позорище. Надлежало потом все части трупа сего изверга развозить по разным частям города и там сожигать их на местах назначенных, а потом прах рассеивать по воздуху. Но мы сего уже не видали, но как народ начал тогда тотчас расходиться, то пошли и мы отыскивать свои сани и возвратились на них к заставе, где отобедав у своего знакомца и простившись с ним, пустился я в свой путь в Киясовку с головою, преисполненною мыслями и воображениями виденного редкого и необыкновенного у нас зрелища и весьма поразительного, и на другой день к обеду возвратился к своим домашним.

Сих нашел я давно уже меня к себе ожидавших и всех здоровыми и благополучными; но вскоре за

---

*См. примечание 5 после текста.

сим назначено было и нам самим вытерпеть передрягу и, против всякого чаяния и ожидания, подвергнуться внезапному страху и опасению. Случай сей был совсем особливый и следующего рода.

По возвращении моем из Москвы я первым долгом почел созвать к себе всех старост и начальников деревенских и объявить им все последние повеления, данные мне от князя, а наиглавнейшее о платеже ими впредь такого же почти оброка, какой платили они до того времени. Все они выслушали слова мои, как казалось, довольно с спокойным духом и разъехались по своим местам. Но не успело несколько дней после того пройтить, как вдруг является перед крыльцом моим превеликая толпа народа. Удивился я, о сем услышав, и тотчас велел спросить, что за народ и зачем в таком множестве? Сказывают мне, что спасские-де крестьяне и хотят сами вас видеть.

— Хорошо, — сказал я, — скажите им, что я тотчас к ним выйду, — а сам удивился тому еще больше.

Но скоро удивление мое превратилось в превеликое смущение и беспокойство духа, когда посланный к ним с помянутым вопрошанием и весьма мне преданный солдат, вместо того, чтобы иттить к ним, остановился и мне сказал:

— Что-де, сударь, толпа их превеликая и кажется сволочью сущих негодяев. Что-то все рычат и мурчат, и предводителем у них не староста и не бурмистр, а какой-то Роман, который, как говорят, навеличайший сутяга и самый сварливейший и негоднейший человек во всей волости, и что-то они мне подозрительны, и нет ли у них какой блажи и чего-нибудь непутного на уме.

Поразился я смущением, услышав такую неожидаемость, и сам себе сказал:

«Господи! Чтоб такое это было, и что такое они хотят?»

Сердце во мне как голубь затрепетало; однако я, не давая солдату смятения своего приметить, ему сказал:

— Вздор, братец, мне кажется... Однако поди ты со мною да скажи вот в канцелярии и товарищам своим, чтоб они на всякий случай были готовы.

— Хорошо, — сказал он и пошел им сказывать, а я, вышед в лакейскую, стал смотреть в окно, простирающееся на двор, поджидая возвращения солдата.

И смутился еще более, увидев в самом деле человек почти до ста мужиков, стоящих перед крыльцом моим, а пред ними помянутого Романа, расхаживающего как петух индейский и хорохорющегося по примеру оного. Сие привело меня самого в изумление; однако, как нечего было делать, то, дождавшись прибегшего ко мне назад солдата, вышел я на крыльцо или паче на некоторый род открытой и аршина на два от земли возвышенной широкой галерейки, простиравшейся от одного флигеля до другого. Тут, став против самого сделанного для схода с ней неширокого крыльца, спросил я мужиков, чего они хотят?

— К тебе-ста пришли, — закричал с грубостью предводитель их, а за ним закричала и вся его сволочь.

Таковой грубый и неучтитый ответ смутил меня еще более; однако я имел еще столько духа, что преодолел закипающееся во мне сердце и, засмеявшись, им сказал:

— Это я и без того вижу; но зачем таким?

— А вот-ста зачем, — закричали они в несколько голосов, а Роман всех громче и грубее, — велишь-ста ты платить нам оброка по шести рублей с тягла.

— Ну, что ж такое? — спросил я.

— Но с чего ж-ста ты это взял?

— Как с чего? Князь так приказал.

— Да-ста, как бы не князь! Да для чего другие государевы крестьяне платят меньше, да и в Богородицкой волости платят только по четыре рубля с тягла, а мы что за грешные, что с нас больше?

— Этого я не знаю! — сказал я. — А воля на то князя, да и самой государыни.

— Как бы не так, — завопил Роман, — ты-ста думаешь, что мы тому и поверим. Государыня-ста не знает о том и не ведает, а это все твои довести, и ты сам хочешь денежками нашими набить себе карманы.

Грубые и дерзкие сии слова вывели меня тогда из терпения.

— Ах ты, бездельник! — закричал я на него. — Как ты смеешь со мною так говорить?

— Мы-ста не бездельники, — закричали они во все множество голосов.

А Роман, подскочив к крыльцу, еще более закричал:

— И что ж ты за боярин, чтоб не сметь с тобою говорить; ну, так знай же, что мы твоего приказа не слушаем, словам твоим не верим и такого оброка платить не хотим и никак не станем.

Кровь во мне воспламенилась при услышании сего; однако я имел еще столько терпения, что им сказал:

— Что это, что это вы, дурачье, затеяли, бунтовать, что ли, вы хотите? За это передерут вас всех кнутьями! Да для чего малинские, киясовские и покровские ни слова не говорят и повинуются приказанию княжому?

— Вольно-ста им, — закричали они, — но мы того не хотим!

А Роман, как ерш растаращив глаза и опять подбежав к крыльцу, и прямо мне в глаза закричал:

— Ну не хотим-ста, не хотим; это все твои плутни, не слушаем!

— Ах ты, сукин сын! — закричал я, не могши уже никак утерпеть более. — Хочешь ли, я тебя...

Но не успел я еще сего слова домолвить, как он вскочил на первые ступеньки крыльца и во все горло завопил:

— Я-ста не сукин сын, а разве ты такой, а себя я тебе докажу! Бить-ста, што ли, меня хочешь, так тебе не удастся, и кому еще Бог поможет.

Сказав сие, побежал ко мне вверх по ступенькам и протянул уже руку, чтоб схватить меня за ворот и тащить с крыльца.

Признаюсь, что минута сия была для меня весьма критическая и было не натурально, что не мог я [не] испужаться. Что ж касается до моих домашних, сбежавшихся между тем к окну спальни и смотревших в оное на все сие происшествие, то сии завопили и закричали от страха и испуга. Но тут где ни возьмись помянутый усердный ко мне солдат, и вывернувшись из-за меня, так сего бездельника толкнул, что он полетел стремглав с крыльца на землю, а в самую ту минуту подскочили и прочие стоявшие уже за мною

солдаты, которых я и не видал, и отведя меня к стороне, говоря: «Посторонитесь, сударь!» — выхватили свои шпажонки и, загородив собою весь всход на крыльцо, к зашумевшему народу закричали:

— Цыц! бездельники, не шевелись никто с места, всех перерубим, если кто отважится подойти сюда ближе хоть на пядень; что это, и свое ли вы затеяли?

Неожидаемое явление сие всех так испугало, что они, все оцепенев, почти в один миг замолчали, и никто в самом деле не смел поворошиться, а я, ободрившись тем, к стоящему внизу приказчикову брату и к другим нескольким дворовым закричал:

— Схватите этого бездельника и держите крепко.

Те тотчас бросились на поднимающегося от земли и, окружив его, действительно схватили так, что он не мог и шевельнуться, а я, обратясь к утихшей и в безмолвии стоявшей толпе, с спокойнейшим же духом сказал:

— Ах, дурачье, дурачье! Что это вы затеяли, и не с ума ли вы сошли, что дали сему бездельнику себя соблазнить и возмутить? Как можно мне самому от себя это взять? Да коротко, если в том только дело, что вы мне не верите, то за чем дело стало? Выберите между собою двух или трех человек, кому вы поверить можете, я сейчас отправлю их в Москву к князю, пускай спросят они сами у князя и услышат, от себя ли я это взял или так сама государыня приказала?

— Хорошо-ста, хорошо! — сказали они в несколько голосов. — Это дело; мы-ста тотчас выберем.

— Всего лучше! — подхватил я. — Выбирайте, и пускай они спросят о том князя, а если хотят, так

именем вашим и просят о убавке оброка и чего им хочется.

Все они тотчас зашумели и начали между собою выбирать двух депутатов, а я, обратясь к приказчику и солдатам, сказал:

— А вы, между тем, отведите сего молодца в земскую избу и до тех пор покараульте, покуда возвратятся посылаемые в Москву. Я с ним ничего не сделаю и не хочу марать и рук своих.

Солдаты мои тотчас его подхватили и, чтоб он не кричал, заткнули ему рот платком и повели за ворота, и там, без моего приказания, взляпали на его ноги претолстые колодки.

А я между тем, поговорив уже дружелюбнее с толпою сих негодяев и приведя их в рассудок, пошел писать к князю рапорт, с изображением живейшими красками всего сего происшествия, и как между тем выбраны были ими и депутаты, то и отправил их с солдатом и с моим рапортом в Москву к моему командиру, а мужикам велел ехать домой; что они, не делая более никакого шума, и учинили.

Сим кончилось тогда сие происшествие, а вместе с тем кончу я и сие мое письмо, сказав, что я есмь, и прочее.

Января 6-го дня 1809 года.

ПОСЛЕДСТВИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО БУНТА

ПИСЬМО 179-е

Любезный приятель! Легко можете себе вообразить, что описанное в предследующем письме происшествие произвело во мне и в домашних моих весьма глубокое впечатление. Все мы никак не ожидали такого явления, и потому было оно для нас тем чувствительнее, и мы, увидев такой беспокойный народ, начинали опасаться, чтоб и впредь не произошло тому подобного или чего-нибудь еще худшего. Однако, по благости Господней, было сие первым и последним досадным и неприятным для нас происшествием. Благоразумные меры, принятые князем и мною, прекратили все такие вздоры и восстановили навсегда ненарушимое спокойствие между крестьянами, а вкупе довели их до повиновения совершенного.

Со всем тем не сомневаюсь я, что вы любопытны теперь знать, что произошло далее по вышеописанному делу, и какое последствие произвело отправление депутатов к князю с моим рапортом? О сем коротко скажу, что произошло то, чего я ожидал и чего ожидать было можно. Князь, прочитавши рапорт, и досадовал на дерзость мужиков, и смеялся крайнему их неразумению и глупости, и сколько ни был тих и кроток, но не преминул дать на представ-

ленных к нему депутатов превеликий окрик и, уверив сих дураков, что оброк наложен не инако как с воли государыни, как он и действительно о том докладывал императрице и получил именное на то повеление, сказал потом им, что все они за дерзость свою и неповиновение достойны величайшего наказания и заслужили то, чтоб всех их передрать кнутом или, по крайней мере, детей всех, бывших с Романом в заговоре, отдать в зачет в рекруты; что он непременно и учинит, если впредь кто-нибудь отважится тому подобное сделать. Но на сей раз из единого человеколюбия их милует и наказывает единым только приказанием заставить их без очереди две недели отправлять казенные работы.

— Что ж касается до возмутителя вашего, бездельника Романа, то... — Обратясь к стоявшему подле него секретарю, сказал... — Напишите к управителю ордер и, прописав все теперь мною говоренное, присовокупите, чтоб бездельника Романа, в наказание за его дерзновение и в страх другим, при собрании всех старост и вытных начальников и лучших в волости людей, наказал плетьми нещадно, с подтверждением, что если он и за сим отважится впредь предпринять что-либо тому подобное, то без всякого помилования отдан будет в город для суждения и учинения с ним, как с мятежником и возмутителем, по всей строгости законов, и чтоб управитель сей ордер мой для ведома прочел всем волостным начальникам и лучшим людям.

Секретарь тотчас и намахал такой ордер, какого лучше желать мне было не можно. Князь, подписав оный, велел его при себе господам депутатам, валя-

ющимся у его ног, прочесть и потом им еще в подтверждение сказал:

— Вот, слышите, скажите всем вашим товарищам, что я на первый случай вас милую; а если вы не перестанете дурить, тогда не просите уже от меня никакой милости, и вы тем доведете, что оброк ваш увеличится еще более, а сверх того дураков всех пересекут за дерзость и ослушание. Ну, ступайте ж и скажите о том всем и всем!

Итак, по пословице говоря, несолоно хлебав, и принуждены были господа сии ехать назад и, обжегшись на молоке, с того времени стали дуть и на воду, ибо сие так на них подействовало, что из всех их и из прочих крестьян не посмел никто и кукнуть. Что ж касается до самого виновника всему злу, бездельника Романа, то при собрании всех старост и лучших людей и по прочтении при них ему всего княжова ордера, не преминул я велеть высечь его плетьми; однако далеко не так много, сколько он заслуживал, а весьма еще умеренно, ибо боялся с таким негодным человеком связываться, а доволен был тем, что его при сем случае все старосты и лучшие люди бранили и терзали, говоря, что ему за его дела досталось еще мало.

Но сего негодяя не в состоянии было и все сие нимало укротить и привесть в рассудок. Он вытерпел все сечение, не произнеся не только ни малейшего вопля, но ниже одного слова, и кипел злобою не столько уже на меня, сколько на самого князя. Почему, будучи тогда отпущен жить по-прежнему в свое селение, нимало не унялся, но не переставал явно продолжать свое злословие и, не удовольствуясь тем, вздумал поступить еще далее. И как вскоре по-

сле того времени прибыл из Петербурга в Москву двор, то услышав, что государыня находится в Москве, затеял было иттить просить самое ее и подать ей на князя и на меня челобитную, наполненную бездельническими и явными клеветами. Вот каков был сей прямо негодный человек!

Но как по отпуске его в деревню не преминул я всем лучшим и добрым людям в тамошнем селении втайне от него накрепко подтвердить, чтоб все они за ним и за всем поведением его присматривали и тотчас бы мне донесли, как скоро что-нибудь дурное заприметят, и сделали б сие для собственной пользы, дабы сей скверный и негодный человек не мог самих их вовлечь в какую-либо беду и наказание, то не успел он новое помянутое злодейство замыслить и по неосторожности кому-то проболтаться, как тотчас мне о том и донесено было.

Сие натурально опять меня встревожило и озаботило очень. Я сожалел уже о том, что наказал его мало и не пронял хорошенько, но как того возвратить было не можно, то велел только усугубить за ним присмотр; и как чрез несколько дней мне донесено было, что он, ездивши несколько дней сряду к какому-то знакомому ему дьячку, такому же бездельнику, каков был сам, для составления и писания челобитной, наконец действительно в Москву, не сказавшись никому, с сыном своим уехал и сей уже один и без него домой возвратился, то за нужное я почел предуведомить о том князя и тотчас отправил с письмом своим к нему самого того приверженного ко мне и его довольно заприметившего исправного и усердного солдата, дабы мог он употреблен быть в Москве для отыскания оного. А все сие и

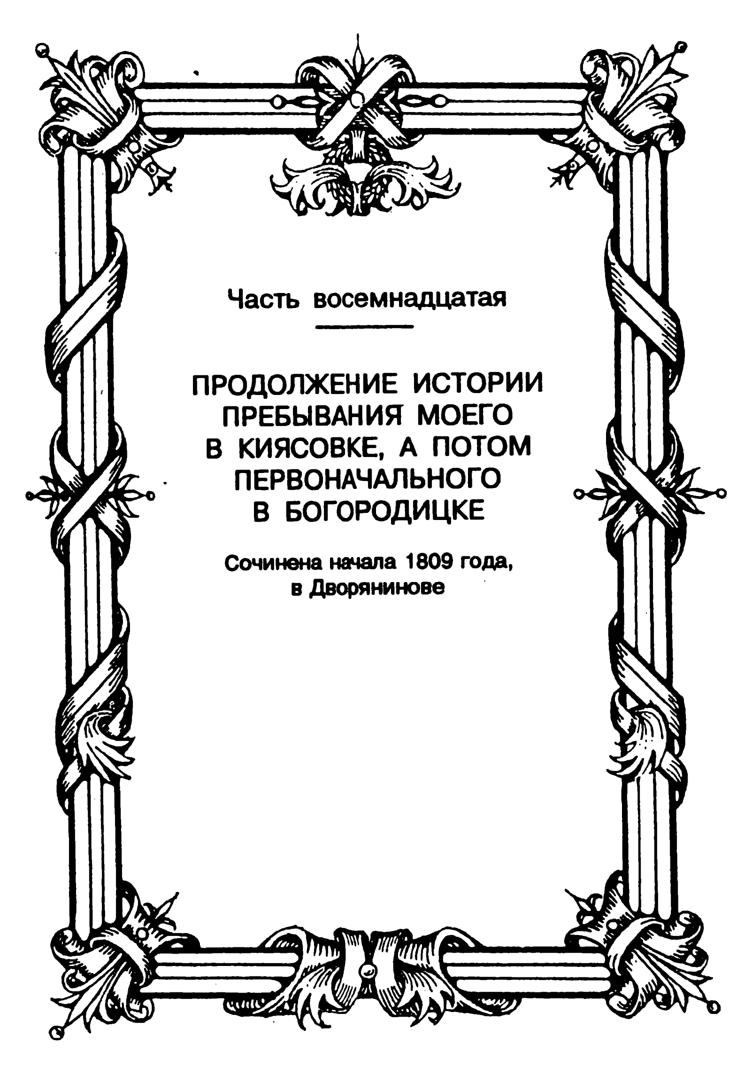
произвело вожделенное действие. Князь, получив о том мое уведомление, тотчас препоручил ему всячески, сего, бездельника, отыскивать, и как скоро где его заприметит, тотчас бы его при помощи полицейских, которым также дано было от князя о том знать, его схватить и к нему представить; что все было удачно и исполнено. Солдат почти не отходил от дворца, и не успел Роман только показаться, как они раба божия тотчас и спелепляли и вместе с написанною самой глупейшею челобитною, найденною у него за пазухою, представили к князю. И как бумага сия оказалась наполненная ядом и явными клеветами на самого князя, то сей другого не нашел, как для исторжения такого негодяя из среды добрых людей прислать его ко мне скованного по рукам и по ногам и предписать мне ордером отослать его, как мятежника и возмутителя, в Коломну и именем его требовать, чтоб он сослан был немедленно в Сибирь на поселение без всякого зачета в рекруты; что мною тотчас и учинено было. Итак, через сие освободились мы от сего негодяя, и он, просидев несколько месяцев в тюрьме, наконец и поплыл жить в отдаленный край Азии, а чрез то успокоилась и вся волость. Вот какое окончание получило все сие досадное дело...

. . . .

Сим окончу я сие мое письмо, поелику оно достигло до обыкновенных своих пределов, и скажу, что я есмь ваш, и прочее.

Января 7-го дня 1809 года.

КОНЕЦ СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

Часть восемнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В КИЯСОВКЕ, А ПОТОМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО В БОГОРОДИЦКЕ

Сочинена начала 1809 года, в Дворянинове

ПРАЗДНОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА С ТУРКАМИ

ПИСЬМО 181-е

Любезный приятель! Не сомневаясь нимало, что вы любопытны знать, чтоб такое заставило нас думать о Москве и езде в оную, скажу, что побуждал нас к тому носившийся повсюду слух о имеющем быть вскоре в Москве великолепном торжестве о заключении с турками мира*. Говорили, что празднество сие будет пышное, и что сделаны к тому великие приуготовления и между прочим большой и преузорочный фейерверк, и что все уже было готово, а дожидались только прибытия из армии фельдмаршала графа Румянцева**. Далее говорили, что самому сему победителю турок учинена будет славная встреча, и что въедет он в столицу по примеру древних римских полководцев в триумфе, и что построены уже для сего и триумфальные ворота. Все сие натурально возбуждало всех, не видавших таковых зрелищ, ехать и по-

---

*По этому миру в Кучук-Кайнарджи (1774) Россия получила Азов, Кинбурн, южные степи, право покровительства турецким христианам, торговые выгоды и большую контрибуцию.

**См. примечание 6 после текста.

спешать к сему времени в Москву. А как к числу их принадлежали и обе мои семьянинки, которым никогда еще в жизни не случалось видать таких пышных празднеств, а особливо фейерверков, и им весьма хотелось оный видеть, то просили они меня, чтоб я свозил их на сие время в Москву и доставил им сие удовольствие; к чему я тем охотнее согласился, что мне и самому хотелось торжество сие видеть.

Итак, списавшись с князем и получив от него дозволение, собрались мы на несколько дней и отправились в Москву, оставив маленьких детей своих одних дома. Мы поспешили возможнейшим образом сею ездою, дабы не упустить случая видеть и самый въезд графа Румянцева в сию столицу, и поспели благовременно и не более как за полчаса до его приезда. Подъезжая к самой Москве, мы растеряли глаза, смотря на сделанные уже и по обе стороны большой дороги, на довольное расстояние друг от друга, воздвигнутые небольшие пирамиды, украшенные вверху картинами, изображающими разные победы сего славного полководца. Все сии картины были транспарантные или прозрачные, дабы, в случае прибытия его в ночное время, могли они освещены быть огнем. Однако до сего не дошло дело, потому что приехал он вскоре после полудня. Пирамиды сии украшали дорогу на несколько верст длиною, и по концам всех их в последнем к Москве селении, Котлах, при самом съезде под гору, построены были небольшие деревянные и, по обыкновению, раскрашенные и расписанные триумфальные ворота.

Как сие место было наиудобнейшее для смотрения въезда и подле самых ворот находился дом, нам зна-

комый, то остановились мы в оном и рады были, что подоспели к самому тому времени, как ему надлежало въезжать, и прибытия его уже в каждую минуту дожидались. Но как я удивился, когда, надеясь найтить тут обыкновенные в таких случаях приуготовления, не усматривал вовсе никаких. Не было тут ни войск, стоящих в параде, ни пушек для стрельбы, ни музыки, ни певчих, ни чиновников, долженствующих встречать оного, но ворота стояли уединенно, и не было никого ни в них, ни подле оных.

— Господи! — говорил я. — Что ж это? Разве не успели еще притти сюда?

Но удивление мое еще увеличилось, когда вдруг закричали, что «едет, едет Румянцев!» и мы, вместо всего триумфального въезда, увидели скачущую только дорожную карету, и пролетевшую мимо нас как молния, а что всего страннее, не поехавшую и сквозь самые триумфальные ворота, а объехавшую оные по правую сторону мимо.

— Вот тебе на! — воскликнул тогда я, поразившись удивлением. — Что это такое? Это и первый блин, но уже комом, и зачем же мы сломя голову так скакали и спешили?..

Но скоро сказали нам, что императрица и хотела было велеть встретить его со всеми подобающими ему почестями; но он сам отклонил сие от себя и просил государыню, чтоб не делано было ему никакой церемониальной встречи, а дозволено б было въехать запросто и по-дорожному.

Досадно было нам неведомо как, что мы, не зная о сем, поспешили своею ездою и приехали в Москву слишком рано, ибо все говорили, что самое торже-

ство мира воспоследует не прежде как чрез несколько еще дней. Но как пособить было нечем и мы уже заехали, то принуждены были и мы вслед за г. Румянцевым потащиться в город...

Мы располагались было пристать в сей раз на Козьем болоте, в доме брата Михайлы Матвеевича; но как нашли его отданным внаймы, с оставлением одной только маленькой комнатки для приезда хозяев, то увидев, что нам всем тут не можно было никак поместиться, а притом узнав, что доведется нам прожить в Москве гораздо более десяти дней, то другого средства не находили, как для лучшего простора и свободы пристать где-нибудь поближе к сему месту, нанять квартиру, которую, к немалому удовольствию нашему, и нашли мы тут же, и только чрез улицу, и довольно покойную. Был хотя домик небольшой и низенький, окнами на улицу, но было в нем покойца четыре, довольно просторных и порядочно прибранных, чем мы были и довольны и радовались, что случилось нам найти квартиру сию так скоро и такую для себя покойную и недорогую. Но как мало знали мы тогда, сколь дорого доведется нам заплатить за постой в сем какому-то секретарю принадлежащем домике!

Не успели мы в оном расположиться, как на другой же день услышали, что чрез день после того будет уже благодарственное о замирении молебствие и что императрица в сей день, переехав в дворец кремлевский, будет со всею помпою из Грановитой палаты шествовать во всем своем императорском одеянии и убранстве в собор Успенский. Сие побудило меня, нимало не медля, ехать в кремль для приискания места, с которого нам бы смотреть на сие редкое и пышное

шествие. Прискакав на Ивановскую площадь, нашел я ее наполненною множеством народа, сбежавшегося смотреть, как станут прицепливать на Ивановской колокольне самый большой, недавно только отлитый и до несколько тысяч пуд весом простирающийся колокол. Оный стоял уже тогда поднятый на превысоком костре, сгороженном из нескольких тысяч крест-накрест рядами положенных бревен. И я с любопытством смотрел на сие никогда еще не виданное зрелище. Помянутые бревна кладены были сплошными друг на друга рядами, и все между собою связаны и укреплены были так, что, несмотря на превеликую высоту сей стопы, или костра, составленной из них, не могли они рассыпаться и развалиться. Каким образом они на блоках колокол с земли кверху тащили и сии ряды бревен под него подкладывали — того я уже не видал; ибо сие сделано было до моего приезда в Москву. А я увидел его уже при помощи сих бревен возвышенного на равную пропорцию с тем местом на нижней колокольне, где ему висеть назначено и куда он уже горизонтально народом и воротами стащен был с костра и там к перекладам прицеплен и прикреплен, что все стоило превеликого труда и многого времени; и мне досадно было, что короткость времени не дозволяла мне дождаться сего зрелища и видеть самое производство сего редкого дела, а я увидел в последующий день, в который назначено было в первый раз в него звонить, его уже привешанным. Главное же мое дело было нанять для себя и для всех своих домашних место, для стояния в будущее торжество, где-нибудь на сделанных в разных местах помостах; и как мне удалось найтить весьма

хорошее, подле самой Ивановской колокольни и насупротив Грановитой палаты, то и спешил я предуведомить о том своих спутниц.

Итак, по наступлении дня, назначенного для богомолия и духовного празднества, поехали мы раным-ранехонько на Ивановскую площадь. Но как мы ни спешили, но нашли всю ее наполненную уже несметным множеством народа. Все улицы в кремле установлены были войсками, а подле самой колокольни стояло несколько вестовых пушек. По всему пространству от Красного главного крыльца до дверей Успенского собора сделан был помост, огражденный парапетом и устланный сукном красным, а все стены соборов и других зданий окружены были, наподобие амфитеатра, подмостками, одни других возвышеннейшими, и все они установлены были бесчисленным множеством благородных и лучших зрителей; так что множество оных, богатство и пестрота одежд их представляла в совокуплении своем разительное и прелестное для глаз позорище*.

Но ничто не могло сравниться с тем прекрасным зрелищем, которое представилось нам при схождении императрицы с Красного крыльца вниз, в полном ее императорском одеянии и во всем блеске и сиянии ее славы. Весь придворный ее штат, в богатейших одеяниях, последовал за оною, а пред нею шествовали разные чиновники и кавалергарды в их пышном и великолепном убранстве.

---

*Позорище — зрелище; чаще употребляется в смысле неприятного, постыдного позорного явления.

По сошествии вниз, тотчас подошла она под приготовленный богатый балдахин, несомый над нею знатными вельможами. Шла она весьма тихим шествием в порфире и большой короне, и глаза всех и каждого устремлены были на оную. В самое сие время застонала вся земля от звука и звона великого множества колоколов на Ивановской колокольне, и звук большого колокола был так велик, что казалось, будто тряслась от него вся Ивановская башня, и многие боялись даже, чтобы она не упала. Все сие, в совокуплении своем, представляло сцену такой пышности и приятности, что изобразить ее никак не можно, и минуты сии были для всех нас прямо восхитительными!

Как скоро окончилась божественная литургия и после ее благодарственный молебен, то при первом возглашении многолетия загремела вдруг стрельба из пушек, и земля застонала от оной. В след за сим загорелся и трикратный, беглый огонь из ружей от всего стоявшего в параде войска; а звон во все многочисленные колокола умножал собою еще более стон и гром, от того происходящий. Между тем императрица, вышед из церкви, таким же порядком шествовала обратно в Грановитую палату и там принимала потом поздравления от всех своих знатнейших подданных.

Долго все сие продолжалось, и мы все сие время стояли на своих местах и дожидались до того, как императрица отправилась в парадной своей карете в Пречистенский дворец, а вслед за нею поехал и тогдашний наследник, сын ее, с молодою своею супругою, Натальею Алексеевною, которую нам тогда еще в первый раз случилось видеть. Как в сем шествии

препровождаемы они были своими кавалергардами, камергерами и другими знатнейшими особами верхами на лошадях, то и на все оное не могли мы довольно насмотреться и всем видимым налюбоваться.

Насытив взоры свои зрением, а слухи всем слышанным, возвратились мы на свою квартиру, и сколько были довольны тем, столько горевали о том, что приуготовления для увеселительных зрелищ не были еще совсем готовы и что всего того надлежало нам дожидаться еще многие дни сряду. И как было сие необходимо, то все сие время употребили мы на разъезды для свидания с нашими в Москве знакомыми и друзьями, также на неоднократную езду на Ходынку, для смотрения на все деланные там ко всенародному празднеству приуготовления. Вся Москва занималась тогда сим осматриванием, и мы всегда съезжались со множеством карет, либо туда едущих, либо назад возвращающихся оттуда.

Назначалось к тому преобширное поле, вплоть подле Москвы находящееся и Ходынкою называемое. На небольшом и отлогом возвышении, посреди всего сего поля находящегося, воздвигнут был превеликий, со множеством комнат и всходов и выходов павильон, могущий поместить в себе великое множество особ знаменитейших и дворянства. В оном назначаемо было быть общему собранию всех лучших сего торжества зрителей. Сей холм окружен был со всех сторон разными другими зданиями и предметами. С одной стороны, в недальнем расстоянии от павильона, воздвигнуто было некакое большое, круглое, низенькое здание, похожее на некакий обширный замок, с глухими вокруг стенами, и внутри имевшее

отверстую площадку, окруженную вокруг с одной стороны помянутою глухою наружною стеною, а со внутренней — одними только колоннами, и самою легкою, наподобие навеса сверх их, кровлею. Все сие было раскрашено и расписано великолепным образом; но никто тогда не знал, на что бы такое сие здание такого особого рода назначалось, но после узнали мы, что оное назначаемо было для обеденного стола и что вся помянутая, длинная и узкая кругом галерея установится столами.

Кроме того, наподобие крепости снаружи расписанного круглого здания, воздвигнуто было другое, также низенькое, но полуокруглое здание, составленное из множества прекрасно сделанных лавочек, наполненных разными купеческими товарами и украшенных также изящным образом. Здание сие отделено было от левого фаса главного павильона небольшою только площадкою, и для выхода к оному устроено было особое крыльцо. Все не понимали тогда, на чтоб такое и сие здание, с таким множеством лавок и товаров, было устроено, и многие мечтали уже, что императрица будет одарять сими товарами всех своих гостей или присутствующих на сем торжестве дворян; и разнесшаяся о том в народе молва побуждала и тех присутствовать при оном, которые сперва и не имели к тому хотения. Но после узнали, что как все сие обширное поле долженствовало аллегорически изображать ту маленькую и ничего не значащую частичку полуострова Крым, которую приобрели мы чрез заключение мира и которая была единственным плодом толь многих побед и пролитой толь многой человеческой крови, то окружающая сей

холм с двух прочих сторон низменная и надолбами[*] от сего холма отделенная равнина должна была представлять часть Азовского моря, а холм — приобретенную частичку полуострова Крым, большой павильон — город Еникуль[**], круглое здание — крепость Керчь, а полукруглое — Таганрог, как место, назначаемое для будущей великой торговли. Как и самые товары в лавках долженствовали предзнаменовать сию торговлю, всходствие чего и поделано было несколько небольших морских судов, и расстановлены с их мачтами и флагами в разных местах на оной равнине, представляющей море, будто бы плавающими, в рассуждении которой не мог я надивиться, что не пришло никому в мысль предложить, чтоб велеть всю ее вспахать или с ее снять зеленый дерн и тем придать более вида воды и моря, а холм оставить бы зеленый.

Далее, в некотором отдалении от главного павильона, против правого его фаса, воздвигнут был целый ряд друг от друга отделенных зданий совсем особого рода. Со стороны от большого павильона представляли они совершенное подобие больших купеческих трехмачтовых кораблей, с их мачтами, вымпелами, флагами и со всем такелажем[***]; и все сие устроено было так искусно, что зрение легко могло обманываться и почесть их настоящими,

---

[*] Надолба (от «надалбливать», «долбить») — столбик, тумба.

[**] Эникале.

[***] Такелаж (искаженное «кателаж») — снасти, снаряжение корабля.

будто подле берега на море стоящими кораблями. С задней же стороны были они все отверстые и всею внутренностью своею составляли спокойные галереи, устроенные для смотрения из них огромного фейерверка, устроенного и приуготовленного позади их.

Кроме сего, воздвигнут был также в довольном отдалении от главного павильона, против задней его стороны, особый и нарочно для сего случая построенный театр для увеселения публики театральным безденежным представлением. Для увеселения же подлого народа поделано было прямо против переднего фаса павильона, за помянутою равниною, представляющею море, множество круглых качелей, открытых театров и воздвигнутых шестов для лазания и снимания с них разных вещей, назначенных в награду тем, коим удастся взлезть на оные. Сделаны также были приуготовления к тому, чтоб эквилибристам ходить по веревкам и утешать народ, и прочие тому подобные забавы. Все сии отдаленные берега долженствовали означать Барабинскую степь и разные тамошние народы.

Наконец, вся лежащая от города до помянутого павильона и более нежели на версту простиравшаяся выровненная и выглаженная дорога украшена была с одного бока разными иллюминационными украшениями, а с другой — множеством больших обрезных щитов, с проспективическими изображениями разных родов избушек, хижин и других деревенских зданий, нарисованных довольно живо и так, что издали они казались настоящими зданиями.

Вот сколько разных вещей и предметов наделано было на сем обширном поле. Все они достойны были зрения; почему и неудивительно что вся Москва съезжалась смотреть оные и что не было дня, в который не было бы оно усеяно множеством карет и всякого народа. Со всем тем как фейерверк был еще не готов и надлежало несколько дней до изготовления его дожидаться, то теще моей не восхотелось дожидаться оного, но она упросила нас отпустить ее с излишними лошадьми назад в Киясовку, к оставшимся там нашим малюткам-детям.

. . . .

Вскоре за сим настал день, назначенный для ходынского торжества...... Все лучшие люди и все находившиеся тогда в Москве дворянство съехалось с самого утра в помянутый большой павильон; и как надлежало нам препроводить там весь день и большую часть ночи, то не преминули мы запастись коекакою провизиею, чтоб нам сей день не провесть голодными, и постараться поставить карету свою поближе и в таком месте, где бы нам ее отыскать было можно; что нам и удалось.

По пришествии в павильон нашли мы его уже весь наполненным народом, и тут имели мы удовольствие видеть всех знаменитейших наших вельмож, отчасти находившихся уже тут, отчасти при нас приезжающих, а между тем досыта налюбоваться гвардейскими унтер-офицерами, стоявшими при всех дверях на часах. Они в сей день убраны были отменно хорошо и сияли от множества серебра, на них находившегося. Но всего приятнее были серебряные их каски, или шишаки, с боль-

шими страусовыми перьями на головах, также перевязи, лежащие на них крест-накрест; и как, сверх того, все они были люди молодые и собою статные, и пригожие и выбраны были наилучшие из молодых дворян, то и представляли они прекрасное собою зрелище.

Наконец приехала императрица, и началось тем самое торжество. Она встречаема была пушечною пальбою и морскою музыкою, поставленною на судах, посреди равнины стоявших и опускающих пред нею свои вымпелы. Трубы и литавры на них тотчас загремели, и зрелище сие было приятное. Пред обширным крыльцом павильона встретили ее все бывшие тут вельможи и чиновники. Она, вошед, принимала от всех поздравления, и прошла тотчас в боковую пространную комнату, куда последовали за нею первейшие вельможи и с ними и сын ее, тогдашний цесаревич. Не видавши его вблизи с самого 1762 года, удивился я той ужасной перемене, какую произвело в нем тринадцатилетнее время... Но никто не обращал на себя так многие взоры, как герой сего торжества — граф Румянцев: повсюду следовали за ним целым табуном, и никто не мог на него довольно насмотреться. Находился тут же и князь мой, но он, между множеством знаменитейших бояр и вельмож, был почти совсем неприметен.

Чрез час времени после сего пошла императрица, в последовании всех своих придворных и других знаменитейших особ, в помянутое круглое здание, называемое Керчью, к обеденному столу, покрытому более нежели на 200 кувертов, и придворная музыка

загремела тотчас по вшествии туда оной. И как обед продолжался немало времени, то воспользовались и мы сим временем и, протеснившись сквозь толпу, продрались кое-как до своей кареты и в ней порядочно пообедали; а услышав, что стол кончился и государыня опять возвратилась в павильон, поспешили и мы туда же притти. И тогда-то имели мы совершенное удовольствие насмотреться, сколько хотели, императрицы. Она провела почти все послеобеднейшее время в игрании с несколькими из знаменитейших вельмож в карты, сидючи посредине левого отделения, и временно только взад и вперед прохаживалась. И как всем дозволено было беспрепятственно ходить по всем комнатам павильона, то и окружен был стол ее всегда превеликим кругом из нашей братии; а в том и состояло наилучшее удовольствие публики, что она могла беспрепятственно и в самой близи монархиню свою видеть. Ибо, впрочем, в течение дня происходила только скачка и пляска, качанье и другие народные забавы и увеселения на степях Барабинских, но которыми никто из благородных не занимался, а из сих многие только гуляли по Таганрожскому гостиному двору и расхаживали по галерее, сделанной пред лавками, украшенными бесчисленным множеством разных дорогих товаров. В каждой из них сидели и сидельцы, но продажи никому и никакой не производилось, что самое и подкрепляло многих в мечтательной надежде, что товары сии приготовлены тут для оделения ими всего дворянства. Многие были так твердо в сем мнении удостоверены, что, боясь не упустить того случая, когда государыня туда пойдет и начнет ими

всех жаловать, не пошли даже в театр, в котором пред наступлением вечера начинались театральные представления, но сидели безотлучно на ступенях крыльца к помянутому гостиному двору и с нетерпеливостью ожидали шествования туда императрицы, у которой того и в мыслях не было; и они все принуждены были с стыдом увидеть, наконец, свою ошибку.

Что касается до нас, то и нам не удалось тогда быть в театре тутошнем, и удержали нас от того наиболее тихие многих между собою переговоры, что сей на скорую руку построенный и кое-как слепленный театр был якобы опасен и что боялись все, чтоб от множества народа не завалился. К тому ж боялись и тесноты самой, а сверх того, как императрица туда не ходила, так и не было дальнего привлечения; а мы за спокойнейшее и приятнейшее для себя находили препроводить все время до наступления вечера в расхаживании с прочими по всем комнатам и созерцании своей императрицы.

Наконец наступил и вечер, и появились везде зажигаемые иллюминационные огни, которых было по всем местам и окрестностям бесчисленное множество, в разных видах и положениях. И как вскоре за сим начали делать приготовления к зажиганию фейерверка, то я, не упуская времени и прежде еще отшествия государыни в корабли, поспешил туда, чтобы захватить для себя удобное место для смотрения, и был так счастлив, что и нашел наипрекраснейшее место в одном из кораблей, стоящих в стороне правой; и могу сказать, что весь фейерверк с нашего

корабля был несравненно лучше виден, нежели из самого среднего, с которого смотрела сама императрица и в который, кроме знатнейших особ, никого не пускали, ибо так случилось, что ветерок нес весь дым от зажженных щитов с правого крыла на левый. Следовательно, для нас все горящие фигуры тотчас очищались, а для зрителей с других кораблей заслонялись дымом, и они много не могли за дымом сим совсем видеть.

Со всем тем фейерверк сей был преславный и не только знаменит своею огромностью, но и всем своим расположением, сделанным с наилучшим вкусом. Представлено было три огромных щита: один, в средине, фитильный из огней разноцветных; другой из селитреных свечек; а третий прорезной, освещенный сзади множеством вертящихся огненных колес, и все, прямо можно сказать, пышные, великолепные и зрения весьма достойные. Все они зажжены были не вдруг, а один после другого, а между тем представляемы были разные другие огненные декорации, составленные из превеликого множества разнообразно вертящихся огненных колес, звезд, солнцев, огненных фонтанов и бураков, с выпускаемыми из них швермерами и лусткугелями, рассыпающимися на воздухе бесчисленными бриллиантовыми звездами. На все сии декорации было еще приятнее смотреть, нежели на щиты самые: было их такое множество, что мы все глаза свои, смотря на них, растеряли. Для слуха же в особенности поразительны и увеселительны были так называемые подземные огни, производящие трескотню превеликую. Но ничто не могло

сравниться с так называемым павлиным хвостом. Составлен он был из бесчисленного множества ракет, зажженных и пущенных в одно время с двух сторон, в противоположном друг другу направлении, дабы все они представляли собою действительно некоторое подобие павлиного распростертого ужасной величины хвоста. И можно сказать, что последнее сие зрелище было бесподобное и такое, на которое без приятного восхищения никому смотреть и довольно им налюбоваться было не можно. Все сии ракеты, простиравшиеся числом до 700, начинены были горящими звездами, и как они начали лопаться, то казалось, что воспламенилось тогда все небо и посыпался на нас целый дождь из звезд горящих. Словом, зрелище было преузорочное, и никакое перо не может описать и изобразить всю его пышность и великолепие.

Сие было последнее явление, и оным кончился весь нарочито долго и почти два часа продолжавшийся фейерверк, а вкупе и все тогдашнее торжество. Государыня тотчас после того отправилась во дворец, а вслед за нею начали и все разъезжаться, с которыми и я, насилу отыскавши своих боярынь, смотревших фейерверк сей из павильона и побоявшихся итти на корабли, в город уже после полуночи возвратился, насмотревшись и наслушавшись всего досыта.

После сего не стали мы уже долго медлить в Москве, но, повидавшись еще со всеми нашими родными, с друзьями и знакомыми, бывшими тогда в Москве, а я побыв еще раз у старика своего князя и распрощавшись с ним, поехали обратно

в Киясовку с головами, наполненными мыслями и воображениями обо всем виденном и случившемся с нами, и будучи добольны тем, что нам удалось все по желанию видеть и всему досыта насмотреться.

Сим окончу я сие письмо мое, достигшее уже до своих обыкновенных пределов, и сказав вам, что я есмь ваш, и проч.

Января 12-го дня 1909 года.

. . . .

. . . .

ПОСЛЕДНЯЯ ЖИЗНЬ МОЯ В КИЯСОВКЕ
1776 ГОД

ПИСЬМО 184-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

В один из последних дней месяца октября, в самое время, когда находился я на прудовой работе и, спеша оканчивать оную, суетился о размеривании достальных саженей для копки работникам, вдруг предстает пред меня присланный из Москвы от князя солдат и подает мне запечатанный ордер от князя.

«Об чем бы таком? — сказал я сам себе. — И еще с нарочным».

И, любопытствуя знать, спешил на том же месте, распечатав, прочесть сию бумагу. Но представьте себе, каким неописанным удивлением должен был я поразиться, когда в немногих содержащихся в ней строках увидел такую неожидаемость, какой я не воображал себе ни в уме, ни в разуме. Князь в коротких словах писал ко мне, что как получил он известие, что богородицкий управитель умер, то он определяет на место его меня, и чтоб я собирался немедленно туда отправляться и готовил бы все тутошние дела к сдаче господину Шестакову, который назначен моим преемником и вскоре ко мне прибыть

имеет, а между тем сочинил бы я ему инструкцию с обстоятельным наставлением, что ему делать и наблюдать, и приехал бы сам к нему в Москву для принятия повеления.

— Ба! ба! ба! — воскликнул я, все сие прочитавши. — Господи помилуй!.. Аминь, аминь! С нами крестная сила! Что это со мною делается и творится? Думал ли я и ожидал ли сего?

А потом, перекрестясь несколько раз, позабыл и пруд и все и побежал к себе в дом сообщить домашним своим сию новость.

. . . .

— Ах, боже мой! — воскликнули они, прочитавши. — Можно ль было сего ожидать? Ну, поздравляем же тебя, батюшка!.. Ах, какая неожидаемость!..

— Да как же?.. — подхватила моя жена. — Так нам туда и ехать и перебираться со всем домом?

— Конечно, — сказал я, — и что о том говорить, дело уже сделано, и переезжать необходимо и скоро надобно, и вы начинайте уже и собираться.

. . . .

Итак, недолго думая, приказал я канцеляристу своему приготовлять все к предстоящей сдаче, а сам, засевши в свое место, принялся тотчас за сочинение инструкции своему преемнику, и в немногие часы настрочил ему превеликую, и не сомневался, что она князю будет угодна, ибо я не упустил ничего из вида.

. . . .

Исправя все сие и дорожа временем, поскакал я в Москву и, явившись к князю, благодарил его за оказанную к себе милость. Тут услышал и узнал я от секретаря нашего такое, чего я еще не ведал, и

что меня еще более в доброте сердечной и честности характера княжова удостоверило. А именно, что как скоро богородицкий управитель умер, то многие из тамошних дворян, льстившиеся получить это место, подхватя почтовых, прискакали в Москву и бросились с просьбами своими к князю Сергею Сергеевичу, а сей тотчас и прискакал было наседать по-прежнему на старика-князя и просить об определении туда какого-то своего знакомца. Но старик-князь его предупредил и разрушил все сии новые каверзы тем, что как скоро получил из Богородицка о смерти управителя уведомление, так в ту ж самую минуту призвал его, секретаря, и велел писать помянутый ко мне ордер, и в тот же день с нарочным солдатом ко мне его и отправил. Итак, не успел князь Сергей Сергеевич, прискакав с просьбою своею, заикнуться, как старик ему сказал, что это уже поздно, что я уже определен и что ко мне уже и ордер послан, а потому, чтоб он и оставил его в рассуждении сего пункта с покоем. Итак, молодой князь, несолоно хлебав, и принужден был почти со стыдом возвратиться.

Таковой поступок старика-князя заставил меня его еще более полюбить и сделаться к нему за то еще более усерднейшим. Он принял меня в сей раз отменно милостиво и благоприятно, опробовал* совершенно сочиненную мною Шестакову инструкцию и о земле наставление и оставил у себя для переписки, подписания и вручения Шестакову, когда он приедет.

*Опробовать — одобрить, утвердить.

Потом, поговоря со мною обо многом, относящемся до Богородицкой волости, и таким тоном, что я мог заключить, что он не совсем был доволен управлением умершего управителя, отпустил он меня, сказав, что он на меня надеется, как сам на себя, и что он находящегося там бобриковского управителя, который не совсем ему нравится и о котором дошли до него некоторые невыгодные слухи, передает совершенно в мою волю, и что если я найду за ним что-нибудь нехорошее, так бы только отписал к нему, и тогда он его тотчас отрешит и его там не будет.

С сим расстался я тогда с моим любезным старичком-князем и, пробыв в Москве не более одних суток, возвратился в Киясовку, где нашел моих домашних уже убирающихся и совсем почти готовых к отъезду.

. . . .

Наконец изволил прибыть и преемник мой, господин Шестаков, и я нашел в нем действительно самого простака и сущего деревенского ахреяна*. И какая комиссия была мне при сдаче ему всей волости: ты говоришь ему то, а он мелет другое; ты ему изъясняешь дело, а он несет вздор... и горе истинное у меня с ним тогда было! К безделицам, ничего не значащим, привязывается как смола, а важного и самого дела не хочет слушать! Что ты с ним изволишь? О том, что можно в час кончить, толкую с ним часов пять и более. . . . .

. . . .

---

*Ахреян — в смысле деревенщина.

Наконец настал день нашего отъезда, случившийся на другой день после Михайлова дня, то есть ноября 9-го, и день сей был для меня прямо чувствительный. Из всех сел и деревень собрались к сему времени все бурмистры, старосты и лучшие люди. Все они наносили всякой всячины на дорогу и прощались со мною с изъявлением искренней ко мне любви и благодарности за хорошее управление ими. Все отзывались, что они мною весьма довольны; все желали мне счастливого пути и жалели, что я от них отбываю. Но никто с таким чувствительным сожалением со мною не расставался, как наш лекарь.

Итак, распрощавшись и помолясь Богу, мы в путь свой и отправились. А сим окончу я и письмо мое, сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

. . . .

1777 ГОД

ПИСЬМО 187-е

Любезный приятель! Приступая к описанию происшествий, случившихся со мною в 1777 году, который был почти первым пребывания моего в Богородицке и достопамятен для меня и по многим другим отношениям, и по случившимся со мною в течение оного особым и важным происшествиям, начну тем, что мы начали провождать его хотя благополучно и будучи все здоровы, но не слишком весело, по причине, что мы жили тогда почти в совершенном уединении и не было никого из ближайших соседей, с которыми могли б мы видаться, и потому во все святки было, и не столько мне, сколько семьянинкам моим, довольно скучно.

. . . .

. . . .

Что касается до управления моего волостью, то оное мало-помалу продолжалось как надобно и показалось мне с самого уже начала далеко не таковым трудным, каковым я его себе воображал. Причиною тому было то, что я нашел уже тут все распоряжения, какие нужны были к тому, предместником моим господином Опухтиным единожды навсегда сделанные и свято наблюдаемые. И как все они были

так хороши, что не требовали никакой перемены и поправления, то и нужно мне было только узнать и войтить во все оные, а потом наблюдать, чтоб сохранение оных продолжалось по введенной во всем форме, и притом беспрерывно и с такою ж во всем исправностью; а все сие и облегчало мне управление волостями очень много.

Три только вещи озабочивали меня сначала наиболее и обращали на себя мое внимание, а именно: во-первых, воровство, бываемое часто не столько по деревням, как в самом нашем селении. Не успел я приехать и осмотреться, как Варсобин* прожужжал мне все уши, изъявляя негодование свое на сие зло, бываемое в Богородицке и слободах его слишком уже часто. И как все главным виновником тому почитали одного из тамошних пономарей, то с нетерпеливостью желали все, чтоб он когда-нибудь был пойман и изобличен и мог бы за то наказан быть. А сие равно как нарочно и случись в скором времени после моего приезда. Поймали его и привели ко мне с украденною им у одного из наших крестьян лошадью. Я, зная уже из опытности, сколь много действует употребленная при таких случаях при самом начале строгость и скорое неупустительное наказание, восхотел и в сем случае поступить точно так же, как в Киясовке, и недолго думая молодца, разложивши, выстегал плетьми, как водится, не уважив нимало духовного его звания, которым вздумал было он отделываться. Ибо надобно знать, что он в

---

*Секретарь богородицкой канцелярии.

надеянии на то, что никто его не может наказывать, и вдался в сию шалость; а потому и в сем случае думал, что я отошлю его в духовное правление и что он там от всего откупится, и вздумал было ерошиться. Но самое сие наиболее меня и разгорячило.

— О! — воскликнул я. — Когда ты на духовные свои правления надеешься, так я тебе докажу, что я их не боюся и выпорю тебя, сколько душе моей угодно, как вора и бездельника; а ты поди проси на меня не только свое духовное правление, но хотя самого архиерея. Он меня знает коротко и сам еще спасибо за то скажет. Ложись-ка, ложись! С вашею братьею, с ворами, я уже знаю, как ладить. В Киясовке были и не такие воры, но я и тех тотчас от всех шалостей и воровства отвадил; а и тебе сказываю, что ты чем скорее от всех твоих шалостей отвыкнешь, тем лучше и что я на то уже пошел, чтоб из бездельника сделать тебя добрым человеком.

И сказав, сие, велел его солдатам хорошенько и по-солдатски приударить; а сие произвело желаемое действие, и пономаря моего от воровства, как бабушка, отходило. Он хотя и не упустил произвесть на меня в своем духовном правлении жалобу, и дело сие дошло и до самого архиерея, и я чуть было не нажил себе от того хлопот, но, по счастию, архиерей не горячо в сие вступился и не поспешил сим делом, а увидев меня в Туле, приехавшего к нему по прежнему знакомству на поклон, выговаривал мне только словесно, что я не в свое, а в его вошел дело. Но как я пред ним признался тотчас виноватым и в извинение себе сказал, что нам не было уже возможности терпеть более его плутней, шалостей и воров-

ства и что учинил я сие единственно для сделания его добрым человеком, то архиерей усмехнулся и, махнув рукой, оставил все сие, и мы с ним опять поладили. А самое сие много подействовало и на пономаря, ибо он, увидев, что и духовное его правление, и сам архиерей ничего ему не помогают, за благо рассудил действительно от всех шалостей отстать и сделаться, в самом деле, с того времени добрым человеком; а моя выгода была та, что все жители нажили себе покой и безопасность.

А таковую же строгость и неупустительное наказание за воровство употреблял я и в рассуждении волостных мужиков и имел также от того успех вожделенный. Сии сколько ни были благонравнее в сем отношении крестьян киясовских, но такой большой семье, какова была сия волость, нельзя было быть без многих уродов, и редкая суббота проходила, в которую бы не был я обременен просьбами о происшедших кой-где разных пропажах и произведенных воровствах; и исследования и разбирательства сих темных дел и причиняли мне наиболее всего неоднократно великие хлопоты, досады и неописанные иногда затруднения, недоумения и нерешимости, и нередко принужден я был употреблять всю свою философию и напрягать все силы разума своего к открытию утаиваемого зла. Но как я за правило себе поставил не оставлять ни малейшего обличенного и открывшегося воровства без жестокого наказания, и не столько за самое дело, как за запирательство и нескорое в вине признание, и все сие сделалось в волости известным, то сие и тут поуменьшило гораздо все так нашему подлому народу

свойственное воровство, а чрез то и я впоследствии времени имел от того хлопот и забот меньше.

Во-вторых, при помянутых еженедельных разбирательствах и суждениях озабочивали, досаждали и даже крайне обременяли меня жалобы и просьбы о драках и ссорах между собою у крестьян. Не проходило ни одной субботы, в которую бы их не было и я не принужден бы был разбирать сии дрязги, и нередко занимали они меня более, нежели какие иные важнейшие дела, и по нескольку часов кряду. Несколько времени переносил я сие с довольным твердодушием, но наконец стали они мне прискучивать и побуждать к изобретению какого-нибудь средства к уменьшению количества сих жалоб. И вот что, наконец, я выдумал: как из следствиев сих дел оказалось, что происходили сии драки наиболее от перебранок и от того, что никто не хотел переносить никакого бранного слова, выговоренного другим, но приступал к отомщению такими ж браньми, а потом даже и подниманием руки на своего обидчика, и что от равномерного соответствия тем же самым и происходили все те ссоры и драки, то для пресечения всего того и удобнейшего погашения наипервейших искр, производящих сии пожары, и обнародовал я чрез старост и бурмистров во всей волости, чтоб впредь во всех таких случаях, кто один другого обидит каким-либо словом или делом, никто бы ни под каким видом не дерзал бы сам собою с обидчиком управляться и отнюдь бы не соответствовал ему такими же бранными словами, а того паче, не давал бы отнюдь волю своим рукам, а тотчас бы заявлял первым случившимся при том быть людям как де-

лаемую себе от другого обиду, так и свое несоответствование; а потом объявлял было тому старосте или бурмистру, сказывая, что он в первую потом субботу поедет в город на обидчика своего жаловаться и чтоб староста высылал неотменно в город и обидчика для ответа; а староста чтоб неотменно и не упускал того делать и под опасения наказания никак не доводил до того, чтоб принуждено было из канцелярии за ответчиком посылать нарочных и чрез то дело бы могло иттить на отволочку. Далее велел я, обнародывая сие, раствердить всем крестьянам и уверить их, что все те, которые приказание сие исполнят, и сами ни словами, ни делом не ответствуя, все мщение за себя предоставят мне, от меня совершенно будут удовольствованы, и все обидевшие их без изъятия и столько, сколько душе их угодно, будут наказаны. Напротив того, все те, которые сего узаконения не исполнят и, не утерпев, сами бранными словами, или дав волю рукам своим, будут обидчикам своим ответствовать ударами и побоями, потеряют все право на получение желаемого себе удовлетворения, но будут наравне с обидчиками своими за несмирение и неспокойное свое поведение наказаны.

По обнародовании такого нового и необыкновенного устава и по растверждении того чрез старост всем и каждому, положил я за правило и сам непременно наблюдать оный, и при всяком случае, когда доводилось разбирать какую-нибудь словесную ссору или драку, прежде всего спрашивал, слышал ли он помянутое запрещение и приказание? Ежели на сие объявлял мне кто, что он того не слыхал, то за сие ответствовать должен был староста и терпеть

наказание за неисполнение моего приказа. А как скоро кто сказывал, что он слышал, то спрашивал я далее, исполнил ли он сие приказание в точности? И как скоро кто объявлял или изобличен был, что он, не утерпев и сам мстя за свою обиду, либо словами или руками обидчику своему ответствовал, тогда, не разбирая ничего вдаль, клал я обоих, и просителя и ответчика, и, смотря по великости ссоры или драки, наказывал соразмерно оным без всякого упущения. Напротив того, как скоро кто из просителей объявлял, что он все повеление в точности выполнил и обидчику своему ни словом, ни делом не ответствовал и что ссылается в том на свидетелей и на старосту, тогда, похвалив его за то, без дальних околичностей обидчика предавал в совершенную его волю, говоря, чтоб он при мне и при присутствии всех старост и других людей делал с ним, что хотел, и бранил ли бы его взаимно, или бил по щекам, или таскал бы за волосы и за бороду, или на раздетого и положенного на пол сел бы сам ему на голову и плетью или розгами, сколько душе его угодно, обидчика бы своего сек.

Не могу изобразить, какое великое действие произвела сия моя политическая выдумка! Оно превзошло даже все собственное мое чаяние и ожидание. Не успел я несколько раз исполнить все вышеупомянутое в самой точности, и молва о том рассеяться по всей волости, как при судах моих и стали появляться такие сцены, которые иногда извлекали из всех зрителей самые слезы удовольствия. Ибо как скоро все узнали, что все взаимно бранившиеся и дравшиеся неизъемлемо будут оба наказа-

ны, то у всех сих прошла охота ездить с жалобами на то в город и на дальнее иногда расстояние. Напротив того, другие действительно начали выполнять приказ во всей точности и, ничем не ответствуя обидчикам, заявлять только то другим и старосте, и сами, ровно как гордясь тем, приезжали просить, привозя с собою и ответчиков; то хотя и случалось-то, хотя и редко, что они, получив от меня во власть свою своих обидчиков, бивали их иногда по щекам, таскали их за волосы и за бороды, или за чувствительное их себе оскорбление, севши на голову им, действительно их, сколько хотели, секали, ибо я тогда уже в их дело не мешался, а виноватому говаривал, чтоб он не меня, а обиженного им просил о помиловании, и некоторые, будучи очень раззлоблены, прямо и досыта на них обиду свою отомщали; но все сие случалось очень редко, а по большей части оканчивалось все дело тем, что обидчик упадал пред обиженным в землю и просил его об отпущении ему его проступка, и сей, пожурив его, к удовольствию всех зрителей, обиду свою прощал, и они при всех тут обнимались, мирились и целовались, и каковые сцены нередко иногда всех до слез растрогивали. А как все сим образом великодушно поступившие мною и всеми старостами были похваляемы, а напротив того, ко всем льстившим оказываемо было некоторое негодование, то, к особливому удовольствию моему и облегчению, большая часть сим образом ссорящихся и перестали ко мне приезжать с своими жалобами; ибо виноватые, будучи удостоверены в том, что без наказания и посрамления не останутся, то не хотя терпеть позора быть от обиженных

публично и при всем народе наказанными, что для них было несравненно чувствительнее, не допускали себя до того, но при первом объявлении о том старосте валились к ногам обиженных, и просили их еще в деревне у себя о прощении, и при посредстве старосты мирились, а потому и не было им нужды ездить за сим в город, а они охотнее на мировой выпоражнивали какую-нибудь скляницу зелена вина, попотчивав им вместе с собою и старосту, почему и сии к таким миротворениям имели побудительную причину, а для меня было тем все сие облегчительнее.

Третий, озабочивающий меня около сего времени предмет состоял в том, что надобно было помышлять о заготовлении многих всякого рода вещей и материалов, потребных отчасти к продолжению производящихся в Бобриках еще во всем развале, отчасти к окончанию приходивших в Богородицке строений...

Сим окончу я и сие письмо, сказав вам, что я есмь ваш, и проч.

ЗНАКОМСТВА И ШУТКИ

ПИСЬМО 188-е

Любезный приятель . . . .

По окончании всех наших переговоров (с князем), относящихся до строения, довел я с ним речь и о некоторых обстоятельствах, относящихся до волостей. Из всех их наиважнейший предмет был о множестве незаконных выставок или кабаков, находящихся в Богородицкой волости. До сего издревле было по всей волости только три кабака, но предместнику моему, господину Опухтину, рассудилось как-то бывшему тогда откупщиком купцу дозволить во всех почти знаменитейших селениях завести под именем выставок, только в праздничные дни, порядочные и всегдашние питейные домы или кабаки. Не знаю подлинно, а говорили, будто бы стоило дозволение сие откупщику нескольких тысяч и что г. Опухтин и после всякий год получал за сию недозволенную ежедневную продажу вина добрую с откупщика пошлину, преемник же его, умерший князь Гагарин, еще того множайшую. В неложности сей общей молвы много удостоверяло меня и то, что г. Варсобин, служивший при всех таких делах главным маклером и орудием, подлипал было и ко мне с такими ж предложениями, а именно, чтоб не давать откупщику одному наживать

от того многие тысячи, а не грех бы ему было и поделиться в том со мною. Но как я всего далее удален был, чтоб давать таковым и подобным тому другим внушениям в голове своей место, то слушал сие только усмехаясь, и без дальних обиняков давал Варсобину знать, чтоб отложил он сии блины до другого дня, или, яснее сказать, перестал бы о том и думать. Таковыми ответами обыкновенно я всегда молодца сего отбояривал, когда случалось ему подъезжать ко мне с таковыми плутовскими предложениями; и хотя я знал, что сие было ему не по душе и не весьма приятно, но сего нимало не уважал, а шел прямою дорогою и делал свое дело и то, чего требовала от меня честь и совесть.

Всходствие чего и в сем случае, как мне довольно сделалось известно, что неуказные кабаки сии, коих число до двадцати простиралось, обращались в неизобразимый вред волостям и что все мужики спивались на них с круга и ежегодно пропивали до несколько десятков тысяч рублей, а сверх того опасался я, чтоб после от кабаков сих не претерпеть бы самому мне какой напасти и беды, то и почел я долгом своим донесть о том старику-князю и, обстоятельство сие представив в настоящем его виде, спросить, что прикажет он с сим делать.

Князя удивило таковое донесение. Оно было для него совсем неожидаемым и заставило несколько минут о том думать, между которым временем я с любопытством дожидался его ответа. Наконец, спросил он меня:

— Жалуются ли на сие мужики и не считают ли сего себе отягощением?

Сей вопрос удивил также и меня, как мой его, но я ему тотчас сказал самую истину: что жалоб от них хотя и нет, да и быть не может, поелику всякий таковой домик может почесться для них, по привычке их к пьянству, селением небесным; но что от них существительный вред для них и всей волости происходит и что многие не только совсем пропились и разорились, но из добрых людей сделались негодяями, то была неоспоримая истина.

— То так! — сказал на сие князь. — Но и то правда, что уничтожение кабаков сих может доставлять нам множество досад и хлопот. Нам принуждено будет заводить дело и ссору с присутственными местами, а мне бы сих скучных дрязгов не хотелось.

— Да как же изволите приказать? — спросил я.

— И, — сказал наконец князь, — когда они уже однажды введены, то так уже и быть... Оставьте их с покоем! К тому же, — рассмеявшись, продолжал он, — мужичков наших, а особливо таких богатых и всем довольных, как волостные, трудно воздержать от пьянства. Найдут они и везде винцо свое любимое; а что они пропивают много денег, так это едва ль не полезнее того, что они зарывают их в землю, и у дураков великое множество пропадает их без вести.

— Да, это правда, — сказал я, — сие и мне уже несколько раз слышать случалось, и недавно сказали мне, что у одного мужика зарыто было в землю более 500 рублей, но как он, не сказавши никому из детей о месте, где они зарыты, умер, то они так и пропали. А о том, что у многих были они перекрадены, доходили уже до меня не однажды просьбы.

Итак, посмеявшись мы тому, на том и положили, чтоб кабаки оставить мне по-прежнему с покоем, что мне хотя и не весьма было приятно, но я рад, по крайней мере, был, что предварил князя тем от всякой быть могущей на меня напрасной клеветы за оные.

. . . .
. . . .
. . . .

Сим окончу я мое письмо, сказав вам, что я есмь ваш, и проч.

НЕОЖИДАЕМОСТИ, ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ

ПИСЬМО 189-е

Любезный приятель!. . . . .
. . . .

Приближалось 8-е число июля или то время, в которое всякий год бывала в Богородицке так называемая Казанская и довольно знаменитая ярмонка. И как я составлял важную и главную во всем нашем селении тогда особу, то и должен был принять на себя все хлопоты и труды с отводом и показыванием мест всем приезжающим торгашам сопряженные, и вообще о сохранении во время ярмонки сей доброго во всем порядка старание. Сию ярмонку имел я тогда случай также в первый еще раз видеть. Она была довольно многолюдна, и вся обширная площадь, находящаяся за речкою Вязовкою, подле нашего каменного гостиного двора, установлена была тысячами телег и наполнилась многими тысячами съехавшегося накануне того дня народа. И как каменных наших лавок к помещению всех наехавших с товарами купцов было недостаточно, то для помещения и прочих назначил я места, прорезав чертами все линии и переулки, где и как стоять повозкам с товарами, и все расположил так хорошо, что как при помощи находящихся в команде моей солдат все приезжающие ус-

танавливаемы были везде порядочно, то по съезде всех превратилось все сие место равно как в порядочный город, с улицами вдоль и поперек и столь порядочными, что все бывшие на ярмонке не могли тем и сохраняемым повсюду порядком довольно налюбоваться. Но того еще довольнее были тем, что не упустил я постараться и о том, чтоб во время ярмонки не было никакого воровства, обыкновенно до того бывавшего. Для предупреждения того употребил я особую выдумку. Я велел солдатам своим как можно стараться поймать мне с чем-нибудь украденным вора; и как мне тотчас одного и подтибезили*, то я велел его до пояса раздеть донага, и, скрутив у него руки назад, вымазать его дегтем, и водить вдоль и поперек по всей ярмонке процессиею, и нести перед ним шест с привешенными к нему и развевающимися покраденными платками, и кричать, что это вор и что со всяким то будет, кто поймается в воровстве. И сия выдумка подействовала так много, что всех от воровства как бабушка отходила, и никогда ярмонка не была так смирна и безопасна, как в сей год, да и после, когда бывали ярмонки, никогда о воровстве не слышно было..

. . . .

. . . . а вместе с тем окончу я и письмо сие, сказав вам, что я есмь, и проч...

КОНЕЦ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

---

*Подтибезить — здесь: изловить, схватить.

Часть девятнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ

Сочинена ноября 1809 года, а переписана 1811 года

ПРОИСШЕСТВИЯ ДОСТОПАМЯТНОГО СОРОКОВОГО ГОДА МОЕЙ ЖИЗНИ

ПИСЬМО 191-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Достопамятна мне была сия осень тем, что жена моя разрешилась в оную опять от бремени и родила мне еще одну дочь, которую назвали мы Александрою. Итак, было у меня уже пятеро детей: один сын и четыре дочери; но сей последней не назначено было провидением играть свою роль в свете, она жила недолго и была с самого младенчества нездорова.

Кроме сего, ознаменовался сей год одним редким и достопамятным происшествием, случившимся в нашем волостном гошпитале и всех нас удивлением поразившим. Еще в течение лета сего года пришла ко мне из одной волостной деревни одна молодая баба с жалобою на одного в соседстве с нею в той же деревне живущего мужика в том, что он ее испортил и произвел в животе ее что-то ползущее и производящее внутри ровно как несносное кусанье. Я счел было сие сперва сущими пустяками, зная, что наш простой народ при всяких случающихся натуральных болезнях имел отменную

наклонность приписывать все порче и колдовству, и признаюсь, что не хотел тому верить, но баба говорила, что ежели я тому не верю, то изволил бы я сам подержать руку на одувшемся ее животе, так могу сам почувствовать упомянутое ею по оному ползание. Я и не преминул сего из любопытства учинить, и действительно, ощупав кусок, нечто похожее на то почувствовал. Однако, не хотя верить, чтоб то было какое животное, старался ее уверить, что это так натуральная болезнь, говоря при том, что не согласится ли она побыть у нас несколько времени в гошпитале и дать себя полечить нашему искусному лекарю.

— Очень хорошо, батюшка! — сказала она. — Я готова иттить в госпиталь, и мне все равно, там ли я или в дому умру, и где это лекарю вылечить? И что вы ни говорите, а это не болезнь, а порча, и съел меня этот злодей мужик, попотчевав брагою; уже не одна я, батюшка, терплю эту напасть от него. У нас недавно одна баба, точно так же, как я, с раздувшимся животом, а, впрочем, так же, как я, совсем истощавшая, от такого же ходившего по животу куска пошла в гроб; а видно, и мне того же не миновать, а жалею только об одном грудном ребенке, которого у меня на руках видите.

— Хорошо, хорошо, моя голубка! — сказал я ей на сие. — За мужиком, которого ты обвиняешь, я пошлю и постараюсь всячески сие дело исследовать, но не уповаю, чтоб он в том признался, если б и подлинно было это его дело; но ты между тем поди-ка в гошпиталь, а я

велю лекарю полечить тебя с отменным старанием.

И как она от того не отрекалась, то, посылая ее в гошпиталь, и отписал я к лекарю действительно, чтоб он постарался с отменным рачением о узнании сей болезни и о излечении оной; а между тем послал нарочного в ту деревню за обвиняемым бабою мужиком, который ко мне тотчас и доставлен был. На сего не успел я взглянуть, как уже по одному мрачному и плутовскому виду и из первых его слов наперед предузнавал, что я всеми расспросами и следствиями своими от него ничего не добьюсь, ибо он при первом вопросе уже сказал:

— Статочное ли дело! Как это можно? Ведь за это людей живых сожигают! — и начал потом клясться и божиться всеми клятвами, что он не знает и не ведает всего того и что готов все истязания вытерпеть, а того не делал. Да и подлинно, сколько я ни старался и добром, и угрозами его уговаривать и к добровольному признанию убеждать, но все мои старания остались тщетными, и самые даже очные с бабою ставки не помогли ничего произвесть. Он стал в том, что не делал и что это на него взводится совершенная напраслина, и, раздеваясь, ложился сам, говоря, что готов терпеть все, но ничего не знает и не ведает. Что мне было тогда с ним делать? Другого не оставалось, как отложить сие следствие до другого времени и подождать наперед, что скажет и сделает с нею лекарь.

Сей и действительно, по приказанию моему, принялся за нее с особенным старанием, и хотя

по искусству своему употребил все возможное, но не произведши ничего, приехал нарочно ко мне с донесением, что всего его искусства и знания недостает к узнанию собственного рода сей болезни. Он говорил, что по всем наружным признакам почитал он сперва помянутый ощущаемый кусок в животе свернувшимся в клуб гнездом глист, но как все употребляемые им наилучшие глистогонительные лекарства не произвели ни малейшего действия и перемены, то стал он почитать кусок сей составившимся из скопившихся разных нечистот и надеялся разбить его наилучшими разбивательными лекарствами; но как и сии не произвели ни малейшего облегчения и перемены, то прямо признавался мне, что не знает, что о сем деле подумать и чем сие почитать, и другого не находил, как отважиться, наконец, дать ей наудачу рвотное, и не подействует ли оно, и спрашивал, дозволю ли я ему это сделать.

— Очень хорошо! — сказал я ему на сие. — Делайте что хотите и что вы заблагорассудите.

Получив от меня сие разрешение, он действительно чрез несколько дней после того дал ей сильное из ипекакуанного корня* рвотное, но насмерть сам испужался, как рвотное, погнав из кишок и желудка помянутый кусок, оным совсем было сию бедную женщину, подавив, не задушило. Она была

* Ипекакуана — рвотный корень, область распространения которого леса Бразилии. Издавна известен как важный врачебный препарат.

уже при самых дверях смерти, но по особливому счастию прошел, наконец, сей кусок сквозь глотку и упал в образе большого круглого и кровавого куска в таз, пред нею поставленный, и она чрез то благополучно и от смерти, и от болезни своей освободилась. Но каким удивлением обрадовавшийся тому лекарь поразился, увидев, что кусок сей в тазу с места на место, как нечто живое, двигался. Но удивление его увеличилось несказанно, когда при начатом трогании сего куска палочкою оный, как некакий тончайший пузырь, треснул и обнаружил во внутренности своей превеликую живую лягушку, или паче жабу, сгущенною кровью окруженную. Неожидаемое таковое и странное явление поразило лекаря и всех при нем бывших превеликим изумлением. Желая осмотреть и обмыть ее от прильнувшей к ней густой крови, схватил он ее бережно своими инструментами и, обмывши, едва стал обтирать, как увидел, что верхняя пестрая кожа на ней так была нежна и слаба, что при малейшем трении стиралась; почему, не желая ее повредить, и оставил он ее так, и, увидев, что она тотчас издохла, посадил для диковинки в спирт и привез ко мне для показания сей диковинки. Мы все также крайне удивились сему необыкновенному происшествию, и я тотчас срисовал ее с самой натуры и во всей ее величине и виде: при котором случае, рассматривая ее прилежнее, с крайним удивлением заприметили мы некоторые особливости и также необыкновенные странности и обстоятельства, и во-первых, то, что она хотя имела глаза, но была слепая и глаза ее

покрыты были некакою непрозрачною отонкою*; во-вторых, что на передних ее лапах были отменно острые когти, которыми, как думать надобно, царапая, производила она чувствуемую временно сильную боль в животе тою женщиною; в-третьих, что задние ее ноги, бывающие у всех лягушек обыкновенно длиннее передних, поелику они действием их наиболее прыгают, были у ней короткие и приросли почти совсем к нижней части живота ее, так что их почти отогнуть было не можно; что все доказывало нам явно, что надобно сей жабе в животе и кишках сей женщины вывестись или родиться и вырость и что слепа она была оттого, что смотреть ей было некуда, а задние ноги потому так коротки и приросшими были, что ей распростирать их и по тесноте кишок прыгать было некуда и не можно, а потому же самому и кожа была на ней так нежна, что при обтирании стиралась. Но пятое усмотренное нами обстоятельство привело обоих нас с лекарем в такое изумление, что мы не знали, чему оное приписать, а именно: из задницы ее торчал тонкий и вершка в два длиною волос, подобный волосу человеческому, и держался внутри оной так крепко, что не можно было никак из ней вытащить; а что того удивительнее, то на конце оного находился как бы руками привязанный маленький и не более ржаного зерна кусочек какой-то особой и твердоватой материи. Сие было тогда и осталось навсегда для нас

---

* Отонка, отоночка, отонок — тонкая оболочка, плева.

неразрешимою загадкою, и мы не понимали, как зашел в нее сей волос с привязанною на конце его штучкою.

Но как бы то ни было, но я, срисовав ее во всей точности и сохранив рисунок сей у себя для памяти, который и поныне у меня цел, возвратил тогда банку с лягушкою лекарю для хранения в гошпитальной аптеке и не за излишнее почел донесть о том происшествии командиру моему, старичку-князю, который, будучи любопытным человеком, восхотел сам ее видеть и приказал мне тотчас прислать к нему ее с нарочным, что я и учинил. Но что же воспоследовало? Князь, увидев и подивившись также оной, послал тотчас за несколькими знакомыми ему докторами и медиками и, показывая им ее, спрашивал их о том, каким образом, по мнению их, зашла сия жаба в утробу оной женщины? Но господа сии, по высокоумию своему и не хотя ее порядочно рассмотреть, подняли все сие происшествие на смех и старались уверить князя, что сему быть не можно, что скрывается тут тонкий обман, и обманывал его либо я, либо лекарь, при рвоте женщины подпустивший в таз скрытно живую и приготовленную лягушку. И как князю было сие очень прикро*, ибо он никак не ожидал от нас такого глупого, грубого и никакой пользы произвесть не могущего обмана, а потому и решился он тотчас ко мне о том отписать

---

*Прикро — наречие от «прикрый» — противный, дурной, неприятный.

и сообщить мнение о сей лягушке господ медиков. Не могу изобразить, как досадовал и хохотал я, узнав о сем глупом умничанье сих господ обиралов, и решился с первою же почтою в ответ князю отписать, что оба мы честью и всем, что свято есть, клянемся, что не было тут никакого обмана, что лягушка действительно извержена из женщины рвотою и по всему видимому в ней родилась, выросла и в кишках ее жила, и чтоб он, для удостоверения себя в неложности того, соблаговолил созвать опять тех же господ медиков и, заставив их лягушку сию прилежнее рассмотреть, потребовал от них изъяснения, отчего бы лягушка сия была слепа и кожа на ней так нежна и слаба, а задние ноги так были коротки и прирослые? И, наконец, спросил бы их, может ли простая и не в утробе выросшая, а, по словам их, подпущенная натуральная лягушка иметь все сии свойства, умалчивая уже о помянутом волоске, из задницы ее висящем.

Обрадовался князь, получив сие мое отношение и желая взаимно господ медиков одурачить, тотчас опять за ними послал; и как они съехались, то предложил он им мои запросы и сразил ими так, что они от стыда не знали, что сказать и чем в прежнем своем глупом отзыве оправдаться, и уже кое-как старались прикрыть глупое и легкомысленное свое нас обоих с лекарем обвинение, говоря, что такие случаи кой-когда бывали уже в свете. Тогда князь, погоняв их всех за то и взаимно сам над ними посмеявшись, возвратил к нам банку с лягушкою, предписав хранить ее в гош-

питале для диковинки, где она и поныне еще хранится в целости. Женщина же та вскоре после того совершенно выздоровела и жила многие потом годы.

. . . .

. . . .

. . .кончу, сказав, что я есмь ваш, и прочая.

. . . .

. . . .

ЕЗДА В МОСКВУ И ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ

ПИСЬМО 194-е

Любезный приятель!.. ...Собравшись совсем в последних числах месяца генваря, отправились мы с женою в Москву, с намерением провесть там масленицу. Жену мою наиболее побуждало ехать туда со мною то, что в Москве находились в сие время племянницы мои, госпожи Травины, и чрез письма подзывали нас туда, чтоб вместе с ними там недели две-три пожить, с ними совокупно всюду и всюду поездить и взять в московских зимних увеселениях соучастие; а как и по самой моей должности требовали обстоятельства необходимого свидания с стариком-князем, моим командиром, то случилось сие кстати.

. . . .

. . . .

Кроме сего и то в особливости достопамятно, что я в бытность мою в сей раз в Москве положил почти ненарочным образом первое основание тому великому зданию, которое, против всякого чаяния, в последующие за сим годы воздвигнулось, сделалось славно и для меня по многим отношениям выгодно и полезно. Я говорю о своем экономическом журнале, издаваемом после мною под именем «Эконо-

мического магазина»*. Но тогда не имел я об нем еще и помышления, а то, что называю я первым основанием ему, состояло в предпринятом тогда намерении издавать первый мой и ничего еще почти не значащий журнал под именем «Сельского жителя»**, подавший потом повод к происшествию на свет и «Экономического магазина». И вот что меня к тому наиболее поострило и первой подало повод к отважному приступлению к сему необыкновенному до того и сумнительному делу.

Побудило меня к тому наиболе неутешимое желание, гнездящееся давно в моем сердце, к сообщению другим и всем моим соотечественникам всего того, что мне случилось как из собственной опытности своей, так и из иностранных экономических книг узнать нужного, замечания достойного и такого, что могло бы многим послужить и обратиться в пользу. До сего времени сообщал я все таковые вещи Экономическому нашему обществу, для напечатания в «Трудах» их, но как тем желание мое далеко не могло удовлетворяться, поелику не было никакой удобности или паче возможности и способа к сообщению им всего великого множества известных мне вещей, ибо не только надобно было их туда посылать по почте и платить за то много денег и потом весьма

---

* «Экономический магазин» — сельскохозяйственный журнал, издавался приложением к «Московским ведомостям» с 1780 по 1789 г. См. примечания после текста.

** «Сельский житель» — первый сельскохозяйственный журнал Болотова, издавался в 1778—1779 г.

долгое время дожидаться напечатания оных, но всех их по множеству оных и поместить в «Труды» Общества никакой не было удобности; а сверх того, по малому раскупанию сих книг, не могли сведения о том доходить до рук многих, следовательно, в сем отношении и труды бы мои терялись почти по-пустому, умалчивая уже о том, что за труды и усердие свое к Обществу, кроме немногих, ничего не значащих медалей, ничем существительным награжден не был; то будучи всем тем весьма недовольным, давно уже помышлял я о том, нельзя ли найтить иной какой и удобнейший путь к обнародованию всех узнанных и замеченных мною вещиц и к сделанию их всей публике известными. Мысли о сем имел я разные. Сперва думал, нельзя ли, собрав их вместе и составив из них книгу, издать их под своим именем. Но как находился я тогда в связи с Экономическим обществом, то казалось мне, что сие будет оному очень неприятно и подаст повод к неудовольствию на меня. А сверх того, и печатание книг сопряжено было тогда со многими затруднениями и неспособностями, как то мне издание «Детской моей философии»* довольно доказало. И как посему сей путь казался мне неудобным, то кружилась давно уже в голове моей мысль, нельзя ли издавать их образом бы еженедельного журнала, расположенного точно таким образом, каким располагаются и издаются

---

* «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми» (Москва, 1776—1779 гг.) — одно из первых напечатанных произведений Болотова.

разные моральные и нравоучительные журналы в землях чуждых. Но как дело сие было бы в сем случае новое и до того совсем не только у нас, но и в других землях необыкновенное, то есть чтоб издавать журнал экономический, не могущий быть далеко столь любопытным и заманчивым, как иные журналы, то при мыслях о сем всегда встречался со мною вопрос: достаточно ли будет моих сил и знаний к тому, чтоб сделать его столь заманчивым и любопытным, чтоб мог он понравиться странной нашей и малограмотной еще публике и приобресть от ней благоволение. И как я не смел почти надеяться в сем случае сам на себя, то сие всегда останавливало меня и подавляло во мне мысль сию. А поелику требовалась к тому великая отвага, то исчезла и вся к тому охота.

Но в сей раз, при неоднократных свиданиях с знакомцем моим Ридигером, сделавшимся уже из переплетчиков университетским книгопродавцом, каким-то образом дошел у нас с ним однажды разговор о сем предмете. Предприимчивый немец сей не успел услышать и узнать расположение моих о том мыслей, как ухватился наижарчайшим образом за меня и не только стал одобрять мою затею, но и возможнейшим разом меня ободрять и побуждать пуститься на сие отважное дело и, нимало не медля, приступить к произведению оного в действо. А чтоб удобнее меня к тому преклонить, то предлагал мне собственное к тому свое вспоможение и услуги. Он брался не только печатать журнал сей на своем иждивении и коште, но принять на себя и все хлопоты, с печатанием и издаванием его сопряженные, а мне пре-

доставлять только труды, к сочинению материи потребной, и пересылать к нему оные в надлежащее время; а дабы мне трудиться над ним не попусту, а получать и самому от издания сего пользу, то предлагал мне за годичный труд 200 рублей награды.

Признаюсь, что всем сим, а особливо бессомненною надеждою, что дело сие пойдет хорошо и журнал таковой, по полезности своей, публике полюбится, умел он так хорошо меня убаить, что я поколебался в своих сумнительствах и решился, наконец, приступить к сему делу. И тогда тотчас начались у нас с ним совещания о том, в каком бы виде и форме оный издавать и когда бы учинить тому начало. Как с начала текущего года было уже не можно, ибо начался уже тогда февраль месяц, то сперва отлагал было я дело сие до наступления последующего 1779 года, но немцу моему хотелось неотменно, чтоб приступить к тому в скорейшем времени и тотчас по возвращении моем в Богородицк.

— Что в том нужды, — говорил он, — что начнется издание не с генваря? Можно ему начаться и с марта или с апреля и продолжаться опять до того ж месяца. Примеры таковые бывали. А чем скорее, тем лучше.

Сим убедил он меня и на сие его желание согласиться, и я истребовал себе только весь март месяц на нужное приготовление материи на первые листы журнала. Итак, положили мы, чтоб начать издавать его с наступлением апреля месяца. Что касается до образа и формы самого издания, то согласились и положили мы: 1) чтоб издавать его

в большую октаву* и по одному только листу в неделю; 2) чтоб издавать его под названием «Сельского жителя»; 3) чтоб наирачительнейшим образом скрывать мое имя, и ему обо мне ни под каким видом, впредь до позволения моего, не сказывать; ибо мне хотелось неотменно, чтоб никто не знал, кем журнал сей будет издаваться; 4) чтоб в объявлении об оном пригласить всех желающих о вступлении со мною в переписку, и чтоб письма ко мне подписываемы были как кому угодно, прямыми ли именами или выдуманными и не настоящими, и отдаваемы бы были ему, Ридигеру, а присылаемые из других мест по почте надписывали просто: «Сельскому жителю»; наконец, 5) чтоб цену положить на все годичное издание колико можно умереннейшую и не более 3 руб. 50 копеек, а с пересылкою в другие места, по почте, 4 рубля.

Условившись обо всем и ударив с ним по рукам, приступил я тотчас к сочинению объявления о сем будущем издавании моего «Сельского жителя», и тогда употребив к тому один вечер, написав ему оное для напечатания, в свое время вручил. В сем объявлении, объявив публике в подробности о своем намерении, пригласил я всех желающих ко вступлению со мною в действительную переписку и обещал на все их письма и вопрошания в журнале своем ответствовать, — и всем тем положил отважно сему делу первое основание.

Наконец, препроводив всю масленицу в беспре-

* Октава — здесь восьмая часть листа.

рывных разъездах и очень весело и заговевшись, распрощались мы с племянницами и со всеми нашими друзьями и знакомцами и, получив от князя нужные повеления, отправились мы из Москвы уже 20 февраля, и имев чрез Оку-реку, по случаю бывшей оттепели, весьма опасную переправу, и заехав опять на часок в свою деревню, проехали мы из ней в Калединку для свидания с теткою, и ночевав у ней, пустились в свой путь далее, и 24-го числа возвратились благополучно в Богородицк.

. . . .

. . . .

. . . Успокоившись мыслями и распорядив все нужные дела по должности, не стал я ни минуты медлить, но приступил к сочинению и заготовлению первых листов своего будущего журнала. И как дело сие было для меня совсем новое и, по пословице говоря, первую песенку не инако можно было, как зардевшись, спеть, то признаюсь, что было при том мне не без хлопот и не без затруднения. Я долго не соглашался сам с собою, как бы мне сделать приступ лучше, также о чем писать прежде и как расположить сие издание. И как главная его цель была пробудить читателей к действительной со мною переписке, то употребил я первый лист на предварительные объяснения. Во втором же листе и последующих поместил я несколько выдуманных и будто бы полученных мною писем, дабы тем самым и побудить прочих, и предложил разного рода образцы писем. Сею позволительною уловкою надеялся я, по примеру иностранных журналов, придать и своему более и живности, и занимательности. Но признаюсь, что

мне не столько самое сочинение, сколько то было затруднительно, что я принужден был сам и сочинять, и набело переписывать, и, переписывая, все располагать с наиточнейшим измерением материи так, чтоб оная из одного листа на другой не переходила, но точно помещалась в листе и не было бы ни лишка, ни недостатка. Все это составляло для меня великую комиссию. Но как бы то ни было, но я, при всех моих по другим делам недосугах и при всех отрывках от дела, для делания посещений новых наших друзей и угащивания их у себя, а сверх того, несмотря на самые разъезды в разные деревни по гостям к прежним своим знакомым, успел к 6-му числу марта приготовить материи на целых восемь первых листов и оную помянутого числа по почте в Москву к г. Ридигеру отправить.

Не успел я сие бремя свалить с своих плеч, как на другой же день после сего повстречалось со мною другое, которым должен был я также обременять себя, и на долгое время. Является ко мне вдруг один француз, отправляющий ремесло учительское, и предлагает вопрос, не дозволю ли я ему учредить в нашем городе пансион для обучения благородных детей французскому и немецкому языкам и другим наукам, обучаемым в пансионах, как-то: истории, географии, математике и так далее? Предложение сие неожидаемостью своею меня удивило и обрадовало. Мне тотчас кинулось в голову, что сие было бы не бесполезно не только для детей всех наших судей, которых было у них довольно, но и для собственного моего сына, приходившего уже в такой возраст, что ему нужно было всем оным наукам, а особливо по понятливости его учиться.

«Уже не самый ли промысл Господень, — думал я сам в себе, — печется об нем, и к нам сего толь нужного всем нам и такого человека прислал, какого бы нам иском искать и нескоро бы отыскать можно было?»

Итак, я говорить и разговаривать с господином Дюблюе, — ибо так он прозывался, — и рассматривать из разговоров о разных материях все его знания и способности; и чем более я его познавал, тем более увеличивалось удовольствие мое, по причине, что находил в нем все нужные к обучению детей способности. Пуще всего нравилось мне то, что он не только помянутыми обоими языками говорил правильно и очень хорошо, но и нашим русским языком говорил почти как русский и мог даже писать на нем изрядно. Сие достоинство в учителе почитал я наинужнейшим и вожделеннейшим, ибо для меня казалось всегда то весьма неудобным, когда учитель не умеет по-русски ни одного слова, и я не понимал, как могут такие господа учить детей иностранным языкам правильно, скоро и хорошо, будучи не в состоянии толковать им все нужное на их природном языке. Кроме того, было мне и то приятно, что одарен он был и разными другими сведениями, был человек тихого, веселого и дружелюбного характера, и притом еще во всем любопытный и умеющий даже играть на скрипке; а что всего лучше, был человек не молодой, а совершенных лет, и имел у себя жену, природную датчанку, и хотел тут жить вместе с нею, следовательно, мог принимать к себе посторонних и таких учеников, которые могли бы у него жить на его содержании. Словом, все об-

стоятельства были таковы, каких мне желать лучше было не можно, а потому, прилепившись к его предложениям и не сомневаясь, что и господам судьям нашим будет то угодно, стал я с ним говорить, каким бы удобнейшим образом учредить нам сей пансион и каким бы быть с его стороны условиям, и о прочем, тому подобном. И как, по счастию, случилась у меня еще одна деревянная связь*, стоящая тогда праздно и столь просторная, что мне с великою удобностью было поместить его в ней и со всеми его будущими учениками, и спокойная квартира сия могла быть у него не наемная и ничего не стоющая, а об ней более был и вопрос, то мы сладили с ним во всем очень скоро, ибо он всем обещанным вспомоществованием моим в его предпринимаемом деле был весьма доволен.

Итак, отобрав от него все нужное, пригласил я тотчас к себе всех тех из господ судей, у которых были дети и кои давно желали и собирались отдать их куда-нибудь учиться, и предложил им свои мысли и намерения. Все они душою и сердцем были на то согласны и были тем чрезвычайно довольны; а как и им всем г. Дюблюе полюбился, то недолго думая на другой же день после того и заключили мы с ним порядочный письменный договор, условившись с ним о ценах и о прочем, что было нужно, и тотчас его отпустил назад в Тулу, для забрания своей жены и имущества и немедленного к нам переезда.

---

*Здесь: сруб, изба с надворными строениями под одной крышей.

Случилось сие 8-го числа марта, который день и сделался достопамятным основанием нашего богородицкого пансиона, в котором в последующее время толь многие дети учились и который в особливости был полезен моему сыну.

. . . .

. . . Но. . . время письмо сие кончить и сказать вам, что я есмь ваш, и проч.

. . . .

. . . .

. . . .

ВЕСЕЛОСТЬ ЖИЗНИ

ПИСЬМО 197-е

Любезный приятель! День имянин моих в сей год (1778-й) праздновал я, по старинному обыкновению, приглашением к себе на обед и угощением у себя всех своих друзей и соседей. И как было довольно и одних наших городских, то не было надобности созывать посторонних, от чего поудержался я и потому, что беременная жена моя была уже на сносях и мы с каждым почти днем ожидали ее разрешения, которое и воспоследовало действительно чрез три дня после сего праздника. В сей раз даровал мне Бог еще дочь, Екатерину, самую ту, которая одна назначена была промыслом Господним утешать дни наши при нынешней нашей старости частыми с нами свиданиями и своею к нам ласкою и любовью. Она родилась 21-го числа октября месяца, ввечеру, как только смеркалось, в половине 6-го часа, и мы все обрадованы были ее рождением не менее, как бы рождением и сына, ибо, почитая всех детей детьми единоравно и не зная, кому назначена будет жизнь и кем из них родителям веселиться, никогда не был я подвержен той глупости, чтоб негодовать или роптать на промысел Господень, для чего родятся не сыновья, а

дочери. Все наши друзья и соседи, как городские, так и деревенские, не преминули оказать родильнице обыкновенные учтивости и изъявить принимаемое ими соучастие в нашей радости; а 28-го числа и окрестили мы ее, заставив сына моего Павла и старшую дочь Елизавету быть ее восприемниками от купели, и угостили при сем случае всех наших городских обеденным и вечерним столом и добрую пирушкою.

. . . .

. . . .

Вскоре за сим наступил у нас месяц ноябрь и с ним глубокая и скучная осень, но мы провели ее отменно весело. У нас основались около сего времени толь частые по вечерам собрания и между собою даже по очереди то у того, то у другого съезды и вечеринки, что я не помню, когда бы мы еще так весело провождали свое время, как тогда. По окончании наших дневных дел, едва только наставал вечер, как и спешили все из нас собираться к тому на квартиру, у кого в тот вечер, по условию, сделанному накануне того дня, назначено было быть вечеринке. Тут вместе с нами являлись обыкновенно и все наши пансионные дети, и оба наши музыканта, учитель с своею скрипкою, а Вилиамс с своими гуслями, и тотчас начиналась потеха: кто садился в ломбер, кто в реверсис*, кто в иные карточные неубыточные, а с смехами и

* Реверси — французская игра в карты, в которой выигравшим считается тот, кто проиграет.

веселыми восклицаниями сопряженные, забавные игры. Музыка наша принималась между тем за свои инструменты, а дети за свои прыганья и танцы. Когда же то им прискучивало, то заводились игры в фанты, чем не только они, но и все мы, сотовариществуя им, занимались, и громогласные смехи, шутки, издевки и дружеское единодушие и простое обхождение всех между собою приправляло все сие отменною приятностию и чувствиями удовольствия истинного. Часто собрания сии бывали так многочисленны, что недоставало почти места к помещению гостей всех. Происходило сие оттого, что ко всем нам нередко приезжали в город собственные каждой фамилии друзья, родные и приятели, и иногда у них ночующие, а иногда по нескольку дней гостившие. И как у нас условлено и в обычай введено было звать на вечеринки к себе всех и с их приезжими гостями, то сии и умножали собою наши собрания и находили в них для себя столь много приятного и веселого, что нередко случалось, что иные, приехав к кому-нибудь на сутки, проживали в городе у нас суток по трое и более, потому что всякий из нас старался убеждать их просьбами удостоить и его своим посещением, и при убеждении всех к тому ж не в состоянии был отговариваться, и не один раз доходило до того, что многим от нас даже ехать не хотелось.

Словом, жизнь наша тогда была прямо славная и преисполненная удовольствиями беспрерывными; а что всего было лучше, то никому вечеринки сии не обращались ни в дальний убыток, ни в отяго-

щение, ибо как при всех сих собраниях не было никакого питья и бражничанья, и даже самых ужинов, кроме таких случаев, когда кому случалось праздновать либо день рождения, или имянины кого-нибудь из своего семейства, или так кому самопроизвольно желалось угостить всех ужином, то и нужно было только освещение комнат свечами да угощение всех чашкою чаю. Одним словом, жизнь и согласие наше было таково, что скоро сделалось оно повсюду славно, и как нередко приезжали к нам либо проездом, либо для каких нужд, либо для свидания с своими родными и самые судьи и чиновники из губернского города и брали в увеселениях наших соучастие, то сделалась она и в самой Туле славна и известна и приобрела нам всеобщую похвалу и одобрение.

. . . .

. . . .

Наконец настало у нас Рождество Христово и начались святки, усугубившие обыкновенные наши съезды, вечеринки и увеселения. В самый праздник был обед, бал и вечеринка у меня и собрание многочисленное. На другой день угощал нас у себя Николай Сергеевич Арсеньев, на третий господин Албычев, на четвертый учитель, а после его казначей наш Борис Дмитриевич Плотников, и мы завеселились во все сии дни в прах. Но вдруг и в самое то время, как ликовали мы у казначея, поражен я был получением к себе пакета, который в один миг разрушил все мои радости и удовольствия и поверг меня в превеличайшую задумчивость, смущение и расстройку мыслей. Содержал он в себе ордер ко мне

от старика-князя и ордер такой, какого я всего меньше ожидал. Мне давалось чрез него знать, что императрице угодно было его от правления волостьми совершенно уволить и вверить оное его сыну, князю Сергею Сергеевичу, и чтоб я с сего времени почитал его своим командиром и обо всем уже к нему относился.

Легко можно заключить, что известие сие было для меня крайне поразительно. Оно взволновало в один миг всю во мне кровь и смутило так все мои мысли, что я остолбенел почти от изумления, но что было и натурально; ибо как мне дурной характер сего нового моего начальника был довольно уже известен, то, судя по холодному и почти презрительному его ко мне в бытность его у нас поведению, не мог я от него ничего ожидать доброго, а должен был уже заранее готовиться ко всему худому и неприятному; а сие и смущало и озабочивало меня до бесконечности, и мне не оставалось ничего к ободрению, как единой защиты и покровительства моего Бога.

Впрочем, не понимал я, каким образом и по какому поводу и случаю произошла такая, всего меньше ожидаемая перемена, и для меня было сие тогда сущею загадкою, которая разрешилась не прежде, как по прошествии многого после того времени; и вот что и какую странную и удивительную историю узнал я о поводе к происшествию сему.

О волостях наших хотя и не было никому с достоверностью известно, кому они собственно назначались и на какой конец заводились в них раз-

ные и великого иждивения стоющие здания, однако, по всеобщей молве, никто почти не сомневался в том, что они назначались некакому господину Бобринскому, мальчику, воспитанному в сухопутном кадетском корпусе и с отменным прилежанием обучаемому* . . . .

. . . .

. . . .

Поелику мальчик сей около сего времени достигал уже до такого возраста, что мог быть вскоре уже и женатым, то бывший в сие время у нас в России первым и знаменитейшим бояриным и императрицыным любовником и бывший потом светлейшим князем Григорий Александрович Потемкин, муж, дышащий любочестием и любовластием беспредельным и простирающий замыслы и намерения свои почти за самые облака, обратил между прочим виды свои и на сего знаменитого юношу. Он имел у себя несколько родных племянниц, которые, ежели верить носившейся тогда всеобщей молве, были вкупе и его любовницы, всех их пороздал он кой за кого и пристроил к местам знаменитым, и осталась одна младшая, им более прочих любимая, да и лучшенькая. Сию-то младшую племянницу свою, госпожу Енгельгартшу, назначил он в мыслях своих за помянутого знаменитого юношу и хотел, женив его на ней, сде-

---

* Дальше следует пропуск страниц или строк, сделанный потомками Болотова или же М.И.Семевским, подготавливавшим рукопись к печати в качестве приложения к «Русской старине». Надо думать, что содержание пропуска раскрывало происхождение этого мальчика.

лать богатейшею и знаменитейшею госпожою в России, и он надеялся бессомненно убедить к соизволению на то и самую императрицу.

Теперь надобно знать, что в самое то время помянутый молодой князь Сергей Сергеевич Гагарин служил при дворе камергером и был по сему случаю князю Потемкину* не только знаком, но находился у него в особливой любви и милости. И как ему, по сему обстоятельству, случалось бывать часто у него и видеть его племянницу, то, будучи проворным, хитрым и любовным делам преданным молодым человеком, вошел он как-то с нею в тайные связи и был взаимно любим и ею. И как еще помянутый замысел князя Потемкина не мог быть не известным, как от самой ей, так и потому, что князь ему в том, как другу своему, открылся, то, будучи не в состоянии сему воспрепятствовать, решился он не только ему всячески в том вспомоществовать, что ему, как находившемуся тогда в милости у императрицы и можно было делать, но и для себя выгадать притом особливую выгоду; почему и стал он тотчас замышлять и обработывать с любимцем своим Верещагиным, бывшим тогда при нем в Петербурге и ему во всем рабски прислуживающимся, особый план, достойный не уважения, а истинного презрения.

Гнусный план сей состоял в следующем. Как оба они не сомневались, что как скоро женится г. Бобринский, то отдадутся ему во владение и обе наши

---

* См. примечание 7 после текста.

волости. Об нем же они знали, что он, будучи еще очень молод и к распутствам и веселостям очень склонным, сам собою управлять ими будет не в состоянии, да они ему в полное управление от императрицы тотчас и не отдадутся, и что нужен будет к нему пристав и помощник, то и полагали они, что сим приставом и помощником в правлении не иному кому быть, как сему молодому князю Гагарину и при нем Верещагину, и чтоб обоим им постараться увезть тогда сего молодого господина с молодою его женою в волости и, заведя его во все забавы и увеселения, самим между тем воцариться в волостях и хозяйствовать в них по своему произволению. Словом, они замышляли всем распорядиться так, чтоб тогда младой Бобринский носил только на себе звание мужа и господина над волостьми, а тем и другим быть бы в самом деле помянутому князю Гагарину, а при милости его Верещагину, который, будучи великим прошлецом*, хитрецом и картежным игроком, ласкался надеждою найтить и для себя тут выгодный счет и, пообыграв сего молодого и богатого господина, поправить и свое состояние.

В сем состояло главное существо дальновидного их замысла и заговора. Но единое затруднение находили они в том, что волости наши не находились еще в управлении сего молодого князя и не прежде могли находиться, как разве по смерти старика, отца его, управляющего ими, но которая скоро ли или

---

*Прошлец, пройда — пройдоха, пролаза, проныра.

не скоро воспоследует, они не знали и знать не могли. И как опасались они, чтоб помянутая женитьба не воспоследовала еще при жизни старого князя, то озабочивались они тем и долго не знали, как бы пособить себе в сем случае и каким бы образом доставить власть и управление волостями скорее в руки молодому князю. Наконец, хитрые и острые умы их и развратные сердца помогли им выдумать и к тому одно удобное, хотя крайне бессовестное и дурное средство. Они распустили слух и молву, что старик-князь так состарился, что выжил уже из ума и мешался в мыслях. И сын не устыдился не только подтверждать сию ложную и самим им выдуманную молву, но старался еще довесть стороною слух сей до самой императрицы и небывальщину сию об отце своем утвердить собственным уверением. Что оставалось тогда монархине делать? И как можно было не поверить свидетельству сыновню! Однако он в сем случае не совсем успел в своем намерении и не все получил, чего он ожидал и надеялся. Императрица хотя и действительно намерена была сделать его после отца в правлении волостьми преемником, но по премудрости и добродушию своему не хотела вдруг огорчить и живого еще старика-князя, отца его, и потому на первый случай сделала его только ему в правлении сими волостьми помощником.

Таким образом, гнусный и коварный умысел сей не совсем удался, и молодой князь сим не весьма был доволен; но чрез некоторое время после того огорчился он и более еще, когда и прочий его обширный и дальновидный замысел получил страшный толчок и как прах рассеялся по воздуху вихрем.

Один нечаянный и бездельный случай опроверг вдруг все его замыслы и затеи и разрушил одним разом все здания и замки, воздвигаемые им с г. Верещагиным на воздухе. Излишняя любовная запальчивость и маленькая неосторожность испортила все дело. Ему случилось некогда, будучи у князя Потемкина, сидеть наедине с помянутою тайною любовницею своею, племянницею княжою и будущею невестою г. Бобринского, в одном покое на софе. В самое то время и совсем неожидаемо входит туда же сам князь Потемкин, любивший также сию молодую красавицу, и усматривает ее в таком положении, которое вдруг открыло ему глаза. Взволновалось вдруг его сердце и преисполнилось ревностию и досадою. Будучи весьма хитр и коварен, он хотя и ничего тогда не сделал, а захохотав, притворно сказал:

«Ну, брат, князь, хорошо, право, хорошо!» — и потом, хлопнув дверью, ушел; но последствия от сего нечаянного усмотрения были великие и важные. Князь хотя и скрыл свою досаду в глубине своего сердца и наружно не показал никакого вида и перемены, но в самом деле лишил с сего времени князя Гагарина всей своей искренней любви и милости и, вместо прежнего друга и благодетеля, сделался ему тайным врагом и гонителем. Но сего было не довольно, а последствием от того было и то, что он переменил вдруг и оставил все мысли свои о женитьбе Бобринского на сей своей племяннице, но паче сам помог после к тому, что сей молодой человек отправлен был с приставом в чужие края путешествовать. А чтоб поудалить от племянницы своей и

князя Гагарина, то внушил императрице сам желание поручить сему князю наши волости в полное управление, отженив* старика отца его, яко совсем с ума уже рехнувшегося, от всей прежней доверенности к нему императрицы и правления оными.

Сим образом разрушился весь план молодого князя Гагарина, и он, вместо всех ожидаемых блаженств, не получил ничего, кроме доверенности императрицыной относительно до управления сими волостьми. Но за то принужден был на несколько времени отлучиться от двора и для принятия от отца всех дел, до сих волостей относящихся, приехать в Москву; но что все уже его не весьма веселило, ибо он, кроме излишних хлопот, забот и попечений, не предусматривал от того никакой себе пользы и выгоды. Самое служение сие, по примеру отца, должен был он отправлять без всякой за труды награды и жалованья.

Но какие странные происходили тогда дела и сплетни и по какому случаю отнята была команда от старика-князя, не ведавшего о том ничего и только что сей неожиданной перемене удивлявшегося. Нам всем также все происшествия сии были неизвестны, и я узнал их долгое время спустя после того от самого Верещагина, который не посовестился и не постыдился сам мне о том при одном случае рассказать в подробности. Но я возвращусь к продолжению моей истории.

Помянутый ордер и первое известие о сей пере-

---

*Отстранив.

мене в моем начальстве получил я при самом уже окончании 1778 года, именно 30-го числа декабря месяца. Оно поразительно и неприятно было мне наиболее потому, что я имел уже издавна о новом командире своем и вообще обо всем его характере не весьма выгодное мнение, и о неблагорасположении его ко мне, с самого начала определения моего в сию волость против его желания, был уже сведом; а последний его приезд к нам подтвердил мне то еще больше, так что я, не надеясь от него никакого себе добра, имел причину с самого того пункта времени опасаться и ожидать от него всего дурного и за верное почти полагал, что он в непродолжительном времени непременно меня сменит и определит на мое место какого-нибудь своего фаворита. Таковая мысль, признаться надобно, начинала меня гораздо уже смущать и тревожить, и более потому, что я в Богородицке, в надежде долговременного тут пребывания, совсем уже завезся* и тут как обострожился** да и привык уже к сему месту и должности, что мне потерять сие место уже и не хотелось. Со всем тем, как я, с одной стороны, был совершенно чист и ничего за собою худого не ведал, и князю гнать меня совсем было не за что, и разве захотел бы он сделать сие из единого своенравия; а с другой стороны, не позабывал, что места сего я не искал и не добивался, а доставлено оно мне действием пекущегося о благе моем промысла Господня, который

---

* Переехал, перебрался.

** Обосновался.

может меня и от всех несправедливых гонений и защитить и все против меня ковы разрушить, то мысли о сем скоро опять меня и успокоили, и я, возложа надежду и упование на всегдашнего моего покровителя и Бога и предоставив все будущее его воле и распоряжению, расположился с спокойным духом ожидать, что будет.

В сем расположении моего духа и мыслей и кончил я сей 1778 год, с которым вместе кончу я и письмо мое, сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

. . . .
. . . .
. . . .

ЕЗДА В МОСКВУ

ПИСЬМО 200-е

Любезный приятель!. . . . .
. . . .

Наутрие, как в четвертый день моего пребывания в Москве, случившийся во второе число месяца сентября, собрался я наконец съездить в университетскую типографию, и день сей сделался наидостопамятнейшим почти в моей жизни, чрез основание в оный первого моего знакомства, а потом и самой дружбы, с новым содержателем типографии, известным и толико славным у нас господином Новиковым, Николаем Ивановичем*. Важный человек сей был до сего времени мне совсем незнаком, и я об нем до того даже и не слыхивал. Он же, напротив того, знал меня уже очень коротко, по всем моим экономическим и даже нравственным сочинениям, и имел обо мне и о способностях моих весьма выгодные мысли; почему и неудивительно, что как скоро я нашел его живущего тут же в доме, где находилась типография, сказал ему о себе и о желании моем отыскать и получить экземпляры моей «Детской фи-

---

*См. примечание 8 после текста.

лософии», он принял меня с отменною ласкою и благоприятством и не мог довольно изъявить своей радости и удовольствия о том, что получил случай со мной познакомиться. Признаюсь, что таковая неожидаемая и благоприятная встреча была и самому мне весьма приятна. Мы вступили с ним тотчас в разные разговоры, и как он был человек в науках и литературе не только весьма знающий, но и сам за несколько лет до того издавал нравственный и сатирический журнал, под именем «Живописца», и можно было с ним обо всем и обо всем говорить, то в немногие минуты не только познакомились мы с ним, как бы век жили вместе, но слепилась между нами и самая дружба, продолжающаяся даже и поныне. Но сего было еще не довольно; но как речь у нас дошла до издаванного мною «Сельского жителя», то он, изъявляя сожаление свое о том, что такое полезное мое дело пресеклось, вдруг спросил меня, не расположусь ли я продолжать оное, в котором случае мог бы он быть моим и несравненно лучшим коммиссионером и издавателем, нежели каков был немчура Ридигер, и что он смело может меня уверить, что чрез его дело сие пошло бы непременно с лучшим успехом и было бы для меня выгоднее.

Сим неожидаемым мне предложением он меня так ошарашил, что я с минуту времени не в состоянии был ему ничего отвечать; но, собравшись потом с мыслями и с духом, сказал ему:

— Очень хорошо! Я от того не отрекаюсь, и если вы примете на себя печатание и издавание журнала, то я на то согласен, и тем охотнее, что у меня есть уже и довольно материи, для него заготовленной.

— О, когда так, — подхватил г. Новиков, — то зачем же дело стало? И если угодно вам, то мы теперь же можем приступить ко всем условиям, к тому потребным, и поговорить о том, как бы нам расположить дело сие лучше.

И как я на то изъявил свою готовность и согласие, то и начали мы о том говорить и обо всем соглашаться.

Его первое предложение было, чтоб начать издавать журнал сей с наступлением будущего 1780 года; потом говорил он, что ему хотелось бы, чтоб он мог издавать его при каждом номере газет по одному листу, следовательно, не по одному, а по два листа в неделю, и спрашивал меня, надеюсь ли я на свои силы и могу ли снабжать его столь многою материею? И как я его уверил, что в том не сомневаюсь и что надеюсь довольно, что за мною дело не станет, то спросил он меня, сколько получал я от Ридигера за мой «Сельский житель», и, услышав, что не более 200 рублей, предложил мне двойную за труд мой заплату, и на первый случай 400 рублей за годичное издание, а впредь, смотря по обстоятельствам, может он мне и прибавить; а сверх того, чтоб получать мне по 15-ти экземпляров. И как я сею суммою был и доволен, то тотчас мы с ним в том и ударили по рукам, а потом стали говорить о том, какое бы название дать сему новому экономическому журналу и как бы оный расположить лучше.

Дело и за сим у нас не стало, и мы в немногие минуты согласились и в том с общего согласия положили, чтоб назвать оный «Экономическим магазином» и расположить и его уже иным образом против

«Сельского жителя»; и для удобнейшего с моей стороны сочинения, а с его печатания и набирания листов, условились, чтоб все материи писать особыми отдельными большими и малыми статьями и придавать каждой из них свойственные им приличные надписи, и дабы мне их присылать к нему без разбора и предоставить уже ему на волю располагать их и помещать в листы журнальные. И как чрез то мог я освободиться от скучного всего более мне досаждавшего при прежнем издавании уравнивания листов, считанием строк и даже самого отяготительного переписывания набело всей сочиняемой материи, ибо г. Новиков и от того хотел меня избавить, а требовал только, чтоб писано было не слишком связно* и было б только четко, то и был я сим в особливости доволен и с охотою на предложение его согласился.

Условившись сим образом обо всем, до издания сего нового журнала относящемся, коснулся я и до получения экземпляров моей «Детской философии».

— О, что касается до сего, — подхватил г. Новиков, — то вы экземпляры ваши скоро получить от меня можете. Книга сия хотя еще не поднята, то есть листы ее не соединены еще покнижно**, но я сегодня же велю ее начать поднимать, и вы после завтрева их получить можете. Но кстати хочется мне

---

*Не слишком связно — т.е. не малоразборчивой скорописью. «Связным письмом» называли в XVIII в., когда еще писали уставом и полууставом, скоропись, в которой одна буква соприкасалась, связывалась с другой.

**Не сброшюрована.

с вами о сей книге поговорить. Мне очень жаль, что она, по прежнему худому содержанию типографии, напечатана так дурно и неисправно. Она по полезности своей стоила бы лучшего издания, и у вас нет ли продолжения оной в готовности; и буде есть, так пришлите-ка вы ко мне третью часть оной, так я посмотрю, не можно ли будет и ее напечатать.

— Очень хорошо, — сказал я, — у меня сочинено ей уже несколько частей, но только не переписаны; но я заставлю переписать и пришлю к вам третью часть оной, а ежели дело пойдет, так можно получить и последующие.

Сим образом, не думав, не гадав и прямо нечаянно и в несколько часов достиг я до желаемой давным-давно цели и положил первое основание издания моего «Экономического магазина», который доставил мне впоследствии времени столько выгод и сделал меня навек в отечестве моем известным и именитейшим экономическим писателем. Происшествие сие нечаянностию своею толико было для меня поразительно, что я, поехавши тогда от г. Новикова, не мог сам тому довольно надивиться и почитал то явным действием промысла Господня, приведшего тогда в Москву меня равно как нарочно для сего только случая. Да и в самом деле, если б не вздумалось князю в Бобриках мне приказать приехать в Москву, то сам бы я никак тогда в нее из деревни не поехал, ибо нужда моя не так была велика, чтоб надобно мне было необходимо в нее ехать.

. . . .

. . . .

Вступление в новый год моей жизни ознаменова-

лось особенным предприятием и таким делом, которого у меня до того никогда на уме не было, а именно, нечаянным восхотением смастерить у себя небольшой домашний театр, на котором бы все наши дети могли представлять кой-какие театральные пьесы. Первый повод к тому подали наивзрослейшая из детей наших, а именно падчерица г. Арсеньева, и сын и дочь нашего городничего. Как им много раз случалось видать театры, то, по обыкновению молодых людей, полюбили они сии зрелища и получили вкус в представлениях, и, будучи между собою дружны, при частых между собою свиданиях декламировали нередко друг перед другом кой-какие затверженные ими из трагедий и других театральных сочинений монологи и речи и друг друга тем себя утешали. Долго о сем я ничего не знал и не ведал, но как, наконец, случилось мне однажды их в таковых декламациях застать и способность и особенную охоту их к тому увидеть, то, имея сам с малолетства приверженность ко всем театральным зрелищам и упражняясь в молодости сам в подобных тому декламациях, похвалил я всех оных. И тогда вдруг вздумалось мне им предложить, не расположатся ли они выдумать какой-нибудь целой театральной, хотя небольшой пьесы, и не можно ли нам вдобавок к ним набрать еще кое-кого из их общества, дабы составилась целая труппа, и всем им можно б было представить уже целую пьесу. Мысль сия полюбилась всем им чрезвычайно.

— Ах! как бы это было хорошо! — воскликнули они все в один голос. — А особливо, если бы вы, батюшка Андрей Тимофеевич, приняли на себя труд

распорядить сим делом и быть нашим в сем случае руководителем и наставником; а что касается до нас, то мы с великою охотою к тому готовы, а не сомневаемся, что найдем и некоторых других из наших братьев, к тому согласных.

— Очень хорошо, — сказал я им на сие, — я не только принимаю с охотою на себя сие приятное бремя, но посмотрю, не отрекусь, может быть, и сам взять в том соучастие и вместе с вами представлять какое-нибудь лицо в представлении.

— О, как бы это было хорошо! — воскликнули они опять. — И как бы вы нас тем одолжили и утешили.

— Извольте, извольте! И зачем дело стало? Давай теперь же советовать о том, какую бы нам избрать для сего пьесу и кого из детей и пансионеров приобщить к нашему обществу.

К сему мы и действительно в самый тот же час приступили, и как у детей нашего городничего на ту пору случилась и маленькая театральная пьеса, под названием «Безбожник», то и положили мы на первый случай употребить к тому ее; и как для представления оной не требовалось и людей многих, то тотчас и расположили мы, кого именно употребить под какие роли. И как и назначенные к тому дети с охотою на то согласились, то недолго думая и приступил я к сему новому не только для них, но и для самого себя упражнению и такому делу, в каком я сам никогда еще не упражнялся; но склонность, охота и опытность чему нас научить не может!

Мое первое дело состояло в росписании всех ролей и в раздаче их всем назначенным актерам для

вытверживания наизусть; и я не успел сего сделать, как чрез немногие дни и имел удовольствие услышать, что они были все у них уже и вытвержены и что если мне угодно, то могли бы они оказать первый опыт или сделать маленькую репетицию.

— Очень хорошо! — обрадуясь, сказал я. — И зачем же дело стало? Пожалуйте, соберитесь ко мне хоть после завтрева все, и мы попробуем.

Все они и не преминули ко мне в назначенный день собраться, и как к тому времени вытвердил и я свою роль, то и пошло у нас дело. Но признаться надобно, что имел я довольно труда к настраиванию всех их к лучшим декламациям и представлению, и не один, а несколько раз принужден был их для сего собирать и давать им свои наставления.

Между тем как сие происходило, помышляли и советовали мы между собою о том, где бы нам пьесу сию представить порядочным образом; и как ни у кого в домах наших не было удобности и довольно просторной к тому комнаты, то пришла мне мысль назначить к тому одну побочную просторную комнату во дворце нашем и соорудить в ней на скорую руку порядочный театрец с кулисами, занавесом, скамьями для зрителей и прочими принадлежностьми. И как у меня в команде были и столяры, и маляры, и всякие художники, то по обыкновенной моей в таких случаях нетерпеливости тотчас я и приступил к сему делу, и трудился над тем так ревностно и с такою прилежностью, что в немногие дни и поспел у нас маленький и довольно порядочный театрик. Причем надо было сказать, что при сем деле весьма много помогал мне и наш француз-учи-

тель, который, будучи любопытным человеком и сам превеликим к таким затеям охотником, не только предприятие наше одобрил, но и сам брал деятельное в трудах моих соучастие и не только охотно принял на себя труд быть при представлении нашим музыкантом, но, поступив далее, вздумал из самых маленьких наших детей составить некоторый род балета и научить их оный попрыгать. А не успели мы сего вздумать, как и пошло у нас резанье, и кромсанье, и шитье на всех их прекрасного пастушечьего платьица и учение их сему особого рода танцеванию; а большие между тем чрез часто повторяемые репетиции делались час от часу к декламациям и представлению способнейшими.

Над всем сим мы с толиким усердием и ревностию трудились, что к половине ноября поспел у нас уже совсем театр, и 17-го числа могли мы на оном сделать уже и первую и порядочную репетицию. И как оная была довольно удачна, то 24-го числа ноября и назначили мы к формальному пьесы нашей представлению. Итак, пригласив для зрелища сего к себе всех наших друзей и знакомцев, в городе и вблизи оного живущих, и представили мы пьесу свою в первый раз, и столь хорошо, что приобрела она от всех совершенную похвалу и общее одобрение. Сие неведомо как ободрило и утешило всех наших детей, не только взрослых, но и самых маленьких, ибо и балетец, ими представленный, всем так полюбился, что все не могли довольно принести им похвал. Словом, не только всем им, но и всем друзьям и знакомцам нашим, а особливо отцам и матерям детей, доставили мы тем превеликое удовольствие, и всеми

приносимы были мне за то многие благодарения; я же, в благодарность за то, угостил их всех у себя большою вечеринкою и балом, и день сей был для нас весьма достопамятным.

Чрез несколько дней после того, по случаю приезжих к нам нескольких гостей, представили мы пьесу сию в другой, а около половины декабря в третий раз, с равным от всех одобрением; но как я легко мог заключить, что дальнейшее представление одной и той же пьесы может и детям, и зрителям прискучить, то стали мы помышлять о приискивании еще какой-нибудь и другой театральной пьесы, удобной для представления нашим детям. Но как найтить таковую не так было легко, как сначала казалось, ибо возраст детей величайшие предлагал к тому препоны, то, прилепившись к сему делу и желая колико можно продолжать его далее, вздумал я, при начале декабря, испытать, не могу ли я выдумать и сочинить сам какой-нибудь комедии, расположенной таким образом, чтоб все действующие в нем лица действительно сообразно были и с самими летами, возрастом и свойствами тех детей, которые долженствовали представлять в ней разные роли. Предприятие поистине отважное и не весьма с моими к тому способностями согласное, ибо я никогда еще в таких сочинениях не упражнялся. Со всем тем, не успел я приступить к сему делу, как против всякого чаяния полилась материя из пера моего, как река, и первый опыт сей против самого ожидания удался так хорошо, что дня чрез два поспела у меня и целая комедия в трех действиях, и столь смешная и заключающая в себе столь много морального, сатирического и ко-

мического, что я, как сочинитель, был ею очень доволен и решился, набрав из детей всех действующих лиц, и в том числе самого моего малютку сына, и расписав все роли, заставил их все оные вытвердить; к чему они не только охотно согласились, но и с таким рвением к тому пристали, что к началу следующего года совсем ее вытвердили. И как главною целью оной было, с одной стороны, осмеяние лгунов и хвастунов, невежд и молодых волокит, а с другой чтоб представить для образца добронравных и прилежных детей и добродетельные деяния, то и назвал было я ее сперва «Залыгалою», но при переписке набело придал название «Честохвала»*.

В сих особенных занятиях, а при том при ежедневном продолжении писания и заготовления вперед материала для моего «Экономического магазина», равно как при частых по-прежнему съездах и свиданиях с нашими в тогдашней жизни сотоварищами, протекали нечувствительно все первые зимние и последние в сем году месяцы. Дружба, единодушие и беспрерывное согласие между всеми нами продолжало господствовать ненарушимо, и можно сказать, что тогдашняя жизнь наша была не только не скучна, но отменно еще и приятна, и чем далее продолжали мы сим образом жить, тем становилась она лучше и приятнее и для всех нас утешнее, и таковою, что мы и поныне время сие вспоминаем не инако, как с удовольствием особым.

Между тем не упускаемы были мною нимало и

---

*Залыгала — лжец; честохвал — хвастун.

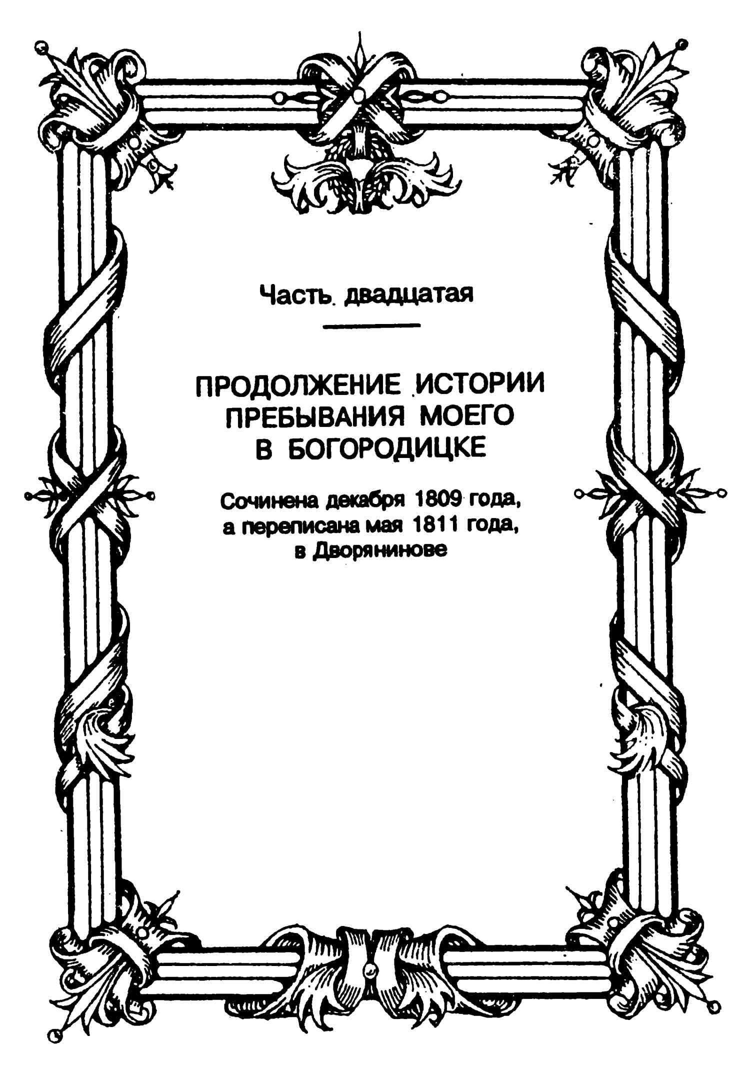
дела, до волостного правления относящиеся, с тою только, однако, пред прежним отменою, что я далеко уже не так надрывался над разными по волости затеями, как делал я прежде из искреннего усердия и любви к старику, моему прежнему командиру. Воспоследовавшая перемена и приезд к нам молодого князя и холодное его со мною обращение охладили во мне весьма много прежнее рвение, и я, видя, что ему все деяния и затеи мои были не угодны, получил и сам стремление быть похладнокровнее и производить только то, чего требовала необходимо моя должность или что именно от него мне будет приказано, и располагался все остающееся от дел по должности праздное время употреблять лучше собственно для себя, нежели на такие дела и труды и предприятия, за которые не мог я ожидать от командира своего ни похвалы, ни благодарности. А нельзя сказать, чтоб он при помянутых приездах приобрел поступками своими и от других кого-нибудь к себе любовь и почтение, но, напротив того, вся волость и все мои подкомандующие возымели об нем с самого уже начала не весьма выгодные мнения, а многие даже его возненавидели, и вместо того, что старика-князя почитали своим отцом и попечителем, сего сынка его стали как некакого лесного медведя бояться.

В сих обстоятельствах застал меня самый конец 1779 года, который, по случаю святок и праздников, провели мы в сей год отменно весело. Не проходило ни одного дня, в который не были бы мы вместе. И как случилось около сего времени много к нам приезжих издалека, то и они все всюду и всюду с

нами ездили и везде вместе с нами пировали и веселились, то сие придавало еще более нашим святкам приятности. Словом, все у нас было так хорошо, так весело и так приятно, что заезжавший к нам в сие время и на третий день праздника обедавший у меня губернатор брал сам в увеселениях наших соучастие и завидовал даже нашей жизни, говоря, что они в губернском городе такими приятностьми дружеской и простой жизни не пользуются, как мы, живучи тут в маленьком городке.

Окончив сим историю сего года, окончу я и сие письмо мое и с ним 19-ю часть описания моей жизни, а в последующей за сим 20-й части пойду далее и расскажу вам, что происходило в течение 1780 года и других последующих за ним; а между тем, пожелав вам всех благ, остаюсь ваш, и прочее.

КОНЕЦ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

Часть двадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ

Сочинена декабря 1809 года,
а переписана мая 1811 года,
в Дворянинове

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ПИСЬМО 201-е

Любезный приятель! Пересказав вам в последних пред сим письмах все случившееся со мною в течение 1779 года и приступая теперь к описанию происшествий последующего за сим 1780 года, скажу, что первый день сего, не менее прочих достопамятного для меня года, провели мы отменно весело и с особливым для всех удовольствием. Для сего дня была приготовлена у нас для представления на маленьком театрике нашем совсем новая и нарочитой уже величины и самим мною сочиненная комедия под названием «Честохвала», и разохотившиеся дети наши успели не только всю ее к сему дню выучить, но рвение их было так велико, что они приступили ко мне с просьбою, чтоб приискать им еще какую-нибудь маленькую пьесу вдобавок к сей, и брались выучить и ее в немногие оставшиеся дни, с тем только, чтоб помещены были в нее и те из детей, которым не достало роль в помянутой большой комедии. И как я на сие охотно согласился, то и отыскал я из имеющихся у меня многих театральных пьес одну, под названием «Новоприезжие» и тотчас им, а особливо живущему у меня мальчику, г. Сезеневу, хотевшему неотменно быть в числе наших актеров,

сие удовольствие и сделал; и они вытвердили ее с такой скоростью, что я сам тому удивился и положил заставить их сыграть для всех нас и ее после моей большой комедии.

Итак, зазвав бывших в сей день у обедни наших друзей к себе и угостив их у себя обедом, пригласил я их, равно как и всех прочих, ввечеру в театр наш, имел я особенное удовольствие видеть в сей день театральное представление собственного моего изобретения и быть сам в числе зрителей. И как в числе действующих лиц находились некоторые и из малых детей наших и между прочим включен был и самый малютка сын мой Павел, то хотя и опасался я, что он ролю свою играя в первый еще раз в жизни, по молодости своей, не выдержит и либо оробеет, либо спутается, а особливо потому, что роля его была наизнаменитейшая из всех; к тому ж ему и первому, посаженному посреди театра за столиком и будто рисующему картинки, надлежало говорить и действовать, и хотя натуральная робость его была так велика, что он, изготовившись к тому совсем, и пред самым уже подниманием завеса подозвав меня из-за кулис к себе, сказал:

— Батюшка! Меня дрожь пронимает и трясет, как лихорадка!

И я, испужавшись того, отчаялся было хотя совсем в хорошем успехе и уже кое-как его ободрять старался, говоря ему, чтоб он не трусил и не робел, а воображал себе, что никого нет и будто никто его не видит. Но, против всякого чаяния и ожидания, произошло совсем противное, и не успели поднять занавес, как Павел мой начал так отхватывать, что

всех даже удивил чрезвычайно своею и неожидаемою к тому способностию, а меня заставил утирать слезы, текущие из глаз от радости и удовольствия. Словом, он сыграл ролю свою, как лучше требовать было не можно, а не многим чем уступали и прочие сотоварищи. И как в комедии сей было очень много особенного, смешного и такого, что в состоянии было возбудить в зрителях и любопытство, и смех и принуждать даже к самому хохотанию, то смотрели все на действия их с превеликим удовольствием и только кричали:«Браво! браво!», — и то и дело, что били в ладоши и хвалили детей, чем натурально и они поддерживаемы и ободряемы были весьма много.

С таковым же хорошим успехом сыграна была детьми и другая новая пьеска после сей первой и такое же получила от всех одобрение. В сей знаменитейшую ролю играл питомец мой, г. Сезенев, и удивил всех также особенною и всего меньше ожидаемою от него способностью своею к театральным представлениям. Как он был нарочитого возраста и собою толстенек, то по недостатку других и способнейших, назначили мы ему ролю пожилого человека и всходствие того надели на него парик, приделали ему толстое брюхо, вычернили ему брови и выбритую будто бороду, и, надевши стариковский кафтан, преобразили так, что его и узнать было не можно. И он так хорошо сыграл свою ролю, что надсадил всех со смеху и всеми поступками своими умел так хорошо подражать старику, что все зрители не могли тому довольно надивиться; а многие, не знавшие его коротко, не могли никак верить, что был это нимало не старик, а четырнадцатилетний только мальчик.

Словом, он играл так хорошо, что не постыдил бы себя и на лучшем театре; а сие и побудило нас при всех последующих играх и представлениях давать ему всегда роли старика, и он играл их славно и всегда с чрезвычайной похвалою.

Как скоро все сие было представлено и самый балет после того кончен, то зазвал всех нас на перепутье к себе живущий тут же в замке судья, г. Арсеньев и дал всем нам у себя большую и веселую вечеринку и ужин. Тут начались у нас увеселения другого рода. Вся молодежь наша начала плясать и танцовать, а которые были постарее, те уселись за столы и начали заниматься картами и разными другими забавными играми, которые к сему времени случились быть мною вновь выдуманными, и гул только раздавался повсюду от смехов, шуток и хохотанья. Словом, все мы были в сей вечер как-то отменно веселы и провели весь сей вечер с удовольствием превеликим.

. . . .

. . . .

. . . .

Сим окончу я сие мое письмо, увеличившееся уже слишком, и пожелав вам всего доброго, остаюсь ваш... и прочая.

Декабря 10-го дня 1809 года.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

ПИСЬМО 202-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Приезд губернатора к нам решил давнишнее мое недоумение в рассуждении нашего театра. Ибо надобно знать, что как в детях наших с открытием весны возобновилась вновь охота к театральным представлениям, а особливо хотелось и старшей моей дочери, Елизавете, восприять в том соучастие, и у них вытвержена была уже совсем почти маленькая комедия, известная под названием «Необитаемого острова», но прежний наш театрик был слишком к тому мал, да и всем неспособен, то давно мы начали помышлять о том, нельзя ли нам где-нибудь для театра отыскать лучшее и просторнейшее место и смастерить театр уже порядочный и с такими кулисами, какие с помянутою комедиею были бы сообразнее, нежели простые прежние; ибо для сей нужны были кулисы, изображающие лес, скалы и в отдалении море с судами. И как в одном из дворцовых флигелей находился большой и просторный каменный сарай, занятый разною поклажею, то давно уже помышлял я о употреблении его на сие дело, но все как-то не отваживался и не решался я приступить к сему превращению сего

сарая в театр. Но как в сию бытность губернатора у нас дошла речь с ним о бывшем у нас театре, и он, зная уже от о том, хвалил нас за сие приучение детей к театральным представлениям, то, услышав о нашей новой затее, не только хвалил, но почти убеждениями своими принудил меня приступить к произведению сего в действо.

Итак, не успел он от нас уехать, как я, к великому обрадованию и удовольствию всех детей, и приступил к сему делу и тотчас велел помянутый сарай опрастывать и все находившиеся в нем вещи переносить в другое место. Сам же, между тем, в тот же день начал сочинять и план всему нашему будущему театру со всеми к нему принадлежностями. А тем еще не удовольствуясь, поступил еще и далее и, желая, чтоб лесными кулисами, которые вознамерился я сам намалевать, можно б было воспользоваться и не для оного только «Необитаемого острова», а при представлении какой-нибудь другой пьесы, вдруг получил мысль и желание сочинить еще одну театральную пьесу такого рода, которая могла бы представляема быть с сими же кулисами и в которой бы действующие лица также сообразны бы были с возрастом наших актеров, дабы тем представление могло быть натуральнее; а сие-то самое пожелание и произвело на свет ту драму, которая, будучи впоследствие времени напечатана под заглавием «Несчастные сироты», сделалась и всей публике известною*.

---

*Напечатана в Москве в 1781 г.

Не успел я сего затеять, как по обыкновенной моей во всех таких случаях нетерпеливости тотчас приступил и к произведению того в действо и поспешил сим делом так, что 19-го числа июня, начав писать и сочинять сию драму, 22-го ее уже и кончил, и работал над нею только три дня. И как у меня ни в плотниках, ни в столярах, ни в других художниках, а равно и в материалах не было недостатка, и сарай был к сему времени очищен, то в помянутое ж число велел по сделанному плану приступить и к сооружению нашего нового театра и досадовал, что необходимость заставливала меня опять на несколько дней отлучиться из Богородицка и съездить, по обещанию моему, к нашему губернатору в славное его село Баловнево в гости.

. . . .

Театр вышел у нас хотя не очень большой, но во всей форме и порядочный. Половину сарая отделил я на сделанную с надлежащим возвышением сцену или театр самый, а другую назначил для партера и на помосты позади оного для прочих зрителей, о многих лавках и ступенях. Что касается до кулис, то сделали мы их двойными. Одни должны были представлять порядочно убранную комнату, а другие густой лес и каменную сбоку скалу, а в задней стороне открытое море, с каменными и друг за другом видимыми мысами острова. Для лучшего изображения леса, а особливо в проппективическом виде моря на большом заднем занавесе, не пожалел я собственных своих трудов, и малевал оные сам при вспоможении бывшего в команде у меня живописца и детей самых, и употреблял к тому все свое искус-

ство и знание. И не обинуяся скажу, что удалось мне произвесть дело сие очень хорошо и так, что вся декорация сия не постыдна была и для лучшего городского театра . . . .
. . . . Театр наш поспел к ярмонке.

Сия была в сей год как-то многонароднее всех прежних лет, и было не только великое стечение со всех сторон подлого народа, но съехались на нее и множество отовсюду дворянских фамилий. Многих побудила к тому и молва, распространившаяся повсюду о приготовляемом к сему времени нашем театре. И как все знакомые и незнакомые наиусерднейшим образом хотели видеть наш спектакль и удостоить театр наш своим посещением, то в самый день праздника Казанской ввечеру и собралось в театр наш одних благородных около 50-ти особ, а с прочими зрителями всего человек более двухсот, и весь амфитеатр наш сделался наполненным зрителями, для которых всех зрелище сие было необыкновенное.

Дабы сделать всем чувствительнейший сюрприз и неожидаемым образом удивить прекрасною нашею декорациею необитаемого острова, рассудил я заставить актеров наших представить сперва первую нашу пьесу «Безбожники» с декорациею обыкновенною, представляющею жилую комнату. Все зрители были уже и сею пьесою весьма довольны и смотрели на нее с удовольствием. Но как скоро, по окончании оной и по опущении занавеса, в один почти миг переменили мы сцену, и выдвинули новую, лесную и морскую свою декорацию, то при вторичном подня-

тии переднего занавеса все даже заахали, поразившись переменившимся и совсем неожидаемым и наиприятнейшим для глаз зрелищем, и, ничего не видя, произвели великий гром биением в ладоши. Более всего поражал и удивлял их вид плывущего вдали, а потом ближе корабля.

— Ах, батюшки мои! — восклицали вслух многие. — Это истинно настоящий корабль и море, и как же он так плывет!

— Ах как это хорошо и искусно сделано! — кричали другие.

И все не могли довольно и первым сим зрелищем налюбоваться; а дабы дать им поболее к тому времени, то не велел я скоро выходить Констанции, как первой особе, долженствующей начинать действие. Сию представляла старшая дочь моя, Елисавета; и как была она около сего времени нарочитого уже возраста и лицом собою прекрасная, а на театре при множестве огней казалась еще, а особливо в театральном одеянии, прелестнейшею, и ролю свою начала представлять наиудачнейшим образом, то зрелище сие поразило всех зрителей новым и приятным удивлением. Но приятное удивление их еще больше увеличилось, когда в средине пьесы появился нос и борт приплывшего к берегу корабля, и соскочили с него на театр матросы с их шкипером. Как роль сего была наитруднейшая и знаменитейшая во всей пьесе, долженствующая производить смех в зрителях, то, по особливой способности, назначил я к тому малютку моего сына Павла. И хотя возраст его и не соответствовал росту матроса, но я надеялся, что он не испортит своего дела, но придаст малостию своею

сцене еще более приятности, в чем и не обманулся. Будучи одет в беленькое и прекрасное шкиперское платье, опоясанный алым тафтяным кушаком и в кругленькой своей матросской шляпке и выступив смело на театр, последуемый несколькими другими матросами, обратил он от всех приятное внимание на себя. А как начал отхватывать свою шуточную ролю, то произвел такой во всех смех и хохот, что многие даже до слез смеялись и все не могли довольно налюбоваться и навеселиться его игрою. Словом, вся пьеса сия сыграна была наиудачнейшим образом и произвела всем превеликое удовольствие и повсюду слышны были похвалы и одобрения. Наконец увеселили мы зрителей маленьким нашим балетом, пропрыганным малютками, детьми нашими, и все зрители были до крайности удовольствованы сим зрелищем и, расходясь, изъявляли мне тысячу благодарений, и вечер сей был для меня очень памятен.

Проводив с отменным удовольствием сей праздник, принялись мы паки за обыкновенные дела свои и занятия разные и провели в них все достальные дни сего месяца без всяких почти особливых и таких происшествий, о которых стоило бы упомянуть.

. . . .

. . . .

Сим дозвольте мне сие письмо кончить и сказать вам, что я есмь ваш, и прочее.

Декабрь 12-го дня 1809 года.

. . . .

. . . .

1781 ГОД

ПИСЬМО 204-е

Любезный приятель! В каком положении и обстоятельствах застал меня 1781-й год, то видели вы из последнего письма; а теперь, начиная рассказывать вам о происшествиях в сей, также многим для меня достопамятный год, скажу, что я начало оного проводил в дороге, едучи из Богородицка в Москву, куда, как я прежде уже упомянул, отправился еще в конце минувшего года, на пятый день, после праздника Рождества Христова.

. . . .

В Москву приехал я пред вечером, уже 2-го генваря и, расположившись на первый случай в братнином доме, спешил скорее нанять себе для езды карету и с утра 3-го числа и пустился в ней по всей Москве рыскать.

. . . .

. . . .

Сим образом прожил я уже целых 11-ть дней в Москве в беспрерывных и ежедневных рысканьях по оной. Но как нужды, а особливо по волостным делам, далеко еще не были все исправлены, то располагался я и еще прожить, когда не более, так, по крайней мере, столько же, ибо многого надлежало

мне дожидаться, многое что приискивать и затем опять таким же образом по всему городу, иногда в карете, а иногда в городовых санях, по городу рыскать и туда и сюда ездить. . . . .

Едучи мимо знаменитой Арбатской аптеки, восхотелось мне заехать в нее не для покупания лекарств, которых мне никаких было не надобно, а только для того, чтоб в ней несколько минут побыть и обогреться и насытить обоняние свое приятными в ней запахами. И для того, остановясь пред нею, побежал я в нее, и дабы заезду своему дать какую-нибудь благовидную причину, то вздумалось мне спросить, нет ли у них горчичного масла, которым мне-таки для всяких случаев запастись хотелось, ибо оно очень хорошо от сведенных рук и ног для трения. И какой же смешной анекдот случись тогда со мною, доказавший мне бездельничество господ аптекарей.

Аптеку, или всю отгороженную перилами часть ее, нашел я набитою народом: множество лакеев, слуг и других всякого рода людей стояли перед провизором с принесенными рецептами и просили об отпуске лекарств, и он едва успевал с обоими товарищами своими отпускать им оные. Провизор, увидев меня, тотчас учтивым образом спросил у меня, что мне надобно?

— Горчичного масла, — сказал я ему по-русски, — и есть ли оно у вас?

— Как не быть! — подхватил он. — Но прошу покорно немножко погодить, чтоб мне отправить сего человека, давно уже дожидающегося; и не изволите ли войтить вот сюда, — продолжал он, отворяя

сам дверцы к себе за загородку, — и здесь вам не так будет беспокойно и просторнее.

— Очень хорошо! — сказал я и рад был еще тому, что он сам меня позадержал и дал мне более времени обогреваться.

Итак, вошед туда, я и стал греться против горящего камина и смотреть, как он с обыкновенным проворством своим и ловкостью приготовлял и отпускал лекарство и огребал с разных людей полною горстью денежки, и дивиться сей толь прибыльной торговле. Между тем, как я сим образом и стоючи против камина грелся и на его расторопность смотря и всеми, стоящими вокруг меня в шкапах, горшками, склянками, кружками и вазами любовался, прошло уже несколько минут, но провизор мой и не помышлял отыскивать требуемого мною горчичного масла, а продолжал только свое дело, и тем паче, что я его и не понуждал к тому. И тогда вдруг нырь к нам из побочных дверей сам хозяин сей аптеки, в богатом флашроке. Увидев меня, расхаживающего по аптеке, спросил он грубо у провизора по-немецки:

— Это что за человек, и чего он хочет?

— Бог его знает какой, — отвечал он ему также по-немецки, — а требует горчичного масла.

— Ну! да что же ты ему не отпускаешь? — подхватил он.

— Да у нас его нет, — сказал провизор.

— Экой ты какой! — возразил аптекарь. — Отпусти какого-нибудь и назови горчичным!

Захохотал я, сие услышав, и обратясь к аптекарю, и сам по-немецки сказал:

— Извините! Мне какого-нибудь не надобно, а нужно горчичное, господин аптекарь!

Сразил я его с ног до головы сими словами. Он обомлел, краснел, бледнел и не знал, что мне сказать на сие, а я между тем стал продолжать:

— Я, право, не думал, чтоб в такой славной аптеке, как сия, происходили такие подлые, гнусные и глупые обманы! Когда чего нет, что за стыд в том признаться и о том прямо сказать? Почему вы знаете, на что мне горчичное масло надобно и не могли ли бы вы произвесть вред, отпустив мне, из единой алчности к прибыткам, какого-нибудь вместо его другого. Дурно, сударь, нехорошо, и никто не похвалит вас за это!

С безмолвным терпением и онемевши слушали они оба сие мое казанье* и кончили тем, что оба стали мне наиуниженнейшим образом кланяться, называть меня милостивым и премилостивым государем и Бог знает чем и раболепнейшим образом просить, чтоб я извинил и простил им сию проступку и, буде можно, помолчал бы об оной.

— Не заслуживаете вы того, — сказал я, захохотав, и с презрением пошел вон в отворяемые ими с крайнею вежливостью мне дверцы.

— Вот какие плутни и бездельничества происходят у нас в аптеках! — сказал я сам себе, севши в свои сани, в которых я тогда ездил, — и хорошо, что я разумел немецкий язык и не допустил себя обмануть. А с иными, а особливо при состав-

---

*Казанье — южное, укр. — речь, проповедь.

лении смешанных из разных веществ лекарств, и Бог знает, чего они, небось, не делают и чем их вместо настоящих лекарств и материалов не напичкивают, и мы хотим еще, чтоб лекарства их были действительны!

Сим и подобным сему образом проговорил я сам с собою во всю дорогу, едучи тогда к старику князю обедать, и досада моя на сих бездельников была так велика, что я, сидючи у князя тогда со многими за столом, заставил его и всех смеяться и хохотать, рассказав им сей случившийся анекдот со мною.

. . . .

. . . .

Вот вам, любезный приятель, о тогдашнем моем двадцатитрехдневном в старушке-Москве жительстве целая история. А теперь дозвольте мне письмо сие сим кончить и сказать вам что я есмь ваш, и прочее.

. . . .

. . . .

УХИЩРЕНИЯ И КОВЫ ПРОТИВ МЕНЯ

ПИСЬМО 206-е

Любезный приятель! Наконец воспоследовало столь давно ожидаемое, но нельзя сказать, чтоб вожделенное прибытие его сиятельства, князя*. Было сие уже 23-го сентября, и мы встречали его не как благодетеля и любимого нами начальника, с спокойным и радостным духом, но как некакого змея или страшного медведя и с духом весьма смущенным, и боялись, чтоб он уже при самой встрече не опрокинулся на нас по своему бешеному нраву; ибо как от приехавшего к нам прежде всех брата его, князя Ивана Сергеевича, а потом и княгини со всею ее свитою узнали мы, что князь по беспредельной страсти своей к звериной ловле не восхотел и сего дня потерять, но расположился от Стрекалова проехать со псами своими все полями и лесами, а особливо по перелескам, подле волостного села Иевлева находящимся, то молили и просили мы Бога, чтоб ему попалося тут на глаза несколько зайцев, дабы он тем сколько-нибудь был утешен, ибо ведали, что в противном случае неудачею он всего легче мог взбешен

---

*Гагарина-младшего, Сергея Сергеевича — непосредственного начальника Болотова.

быть. И по счастию, в сем случае желание наше и совершилось. Зайцы попались, и князь повеселился-таки довольно травлею, а сие и было причиною, что приехал он нарочито в веселом духе.

Он расположился со всеми с ним приехавшими гостьми и со всею своею свитою во дворце нашем и во флигелях, и весь оный наполнился множеством народа, а внутренность всего замка премногим множеством экипажей, повозок, лошадей и собак борзых и гончих, и воздух восстенал от лая и воя сих небывалых до сего гостей в Богородицке. Словом, с приездом его у нас все оживотворилось и все начало дышать псовою охотою и едиными почти разговорами о лошадях и псах смердящих. Не могу довольно изобразить, сколь отяготителен сделался мне уже с самой первой минуты сей приезд его и сколь многими трудами, хлопотами и заботами обременил он меня, и жену мою, и всех моих подкомандующих. Всех-то надобно было поместить, всех успокоить, всех снабдить всеми нужными потребностями, и не только всех гостей и людей, но и самых лошадей и собак его. Я без души должен был туда и сюда бегать, раздавать мои приказания и делать мои распоряжения; а и жене моей довольно было трудов, забот и попечений о пристройке и о успокоении всех гостей, приехавших с князем, которых было-таки довольно; ибо приехал с ним не только помянутый брат его, князь Иван Сергеевич, с своею женою, но и Стрекалов с своим семейством, все госпожи Верещагины. А из мужчин — некто из фаворитов княжих, г. Крымов, человек хотя умный, но весьма хитрый, лукавый и угрюмый. Жена моя тотчас по приезде еще княгини явилась к ней, и хотя принята была ею без дальней

ласки и с довольным хладнокровием, что ее немало удивило и смутило, но, несмотря на то, должна она была как хозяйка пещись обо всем нужном для успокоения ее и всех гостей их, и за всякою безделицею то и дело посылать к себе в дом, и то то, то другое приносить приказывать; а сие всего более ее и отягощало. С другой стороны приступали дворецкие и повара княжие с гордыми и даже повелительными и непомерными требованиями своими то того, то другого, потребного им к столу и на поварню. Ибо, хотя князь для виду и приказал все нужное покупать, но можно ль было все и в короткое время доставать в таком маленьком городишке покупками и обойтись без того, чтоб большую часть всех потребностей не брать от нас. Но мы о том уже и не говорили, а досадна была только нам непомерность их грубых требований и гордых взысканий, для чего то и другое не скоро им доставляется. Словом, уже и в первый вечер сей нам было превеликое множество не только хлопот и забот, но и досад самых. Но я уже переносил все то с терпением, а доволен был, что по приезде своем обошелся князь со мною довольно сносно и благосклонно.

Не успели они переночевать, как и затеял было князь уже в последующее утро назначить свой формальный выезд на охоту; но случившаяся дурная в сей день погода его осадила и принудила остаться дома. Итак, вместо зайцев пошли мы с ним ловить в прудах карпов и наловили их множество. После того принимал он у себя всех приходивших к нему на поклон купцов городских с их обыкновенными приносами, а потом и всех судей наших. Он принял всех их с обыкновенным своим надменным духом и не хотел ни-

кому изъявить ни малейшего своего уважения, кроме нашего уездного судьи, г. Арсеньева; но и сему единственно только потому оказывал более своего снисхождения, что сей был такой же страстный охотник, как и он, и что он мог с ним говорить о своих зайцах и собаках. Самое сие и побудило сего лукавца тотчас прильнуть к нему и, подольщаясь к князю своими раболепными почти прислужничествами, льстить ему бесстыднейшим почти образом, чему мы все только смеялись.

Вскоре за сим съехалось еще несколько человек из живущих в окрестностях дворян, таких же псовых охотников; и князь был им рад и угощал их как бы каких именитых гостей, хотя иные из них совсем того не стоили и мне были не знакомы. И как князю все тамошние удобные к звериной ловле места не были еще коротко известны, то и начались у них тотчас о том думанья и совещанья, когда и куда ехать, и с которых мест начинать, и какими кончать.

. . . .

По окончании всех сих премудрых и важных конференций и советов вспомнилось ему как-то и о нашем театре, почему, подозвав меня к себе, сказал:

— Как же бы, Андрей Трофимович, показать-то бы нам ваш театрик?

— Что, ваше сиятельство! — отвечал я ему, — театр наш будто какой правский* и стоит ли того, чтоб вашему сиятельству его смотреть? Он ничего не значит. Между тем, если вашему сиятельству

*Настоящий.

угодно, то он у меня к тому времени будет готов, как приказать изволите.

— Сегодня ж бы ввечеру! — подхватил он. — Княгине моей хочется его в особливости видеть, да и мы все посмотрим.

— Очень хорошо! — сказал я и пошел повещать детям и прочим, чтоб собирались.

Итак, в этот вечер и было у нас первое представление, для которого назначили мы «Необитаемый остров» и комедию «Приданое обманом». И князь, вошед в оный, удивился, увидев весь театр наполненный народом и услышав загремевшую при самом входе его музыку, заигравшую симфонию; ибо, чтоб придать нашему театру более блеска, то выписали мы сию заблаговременно от г. Сахарова.

— У тебя, братец, театрик как водится! — сказал князь, ко мне обратившись.

Но как подняли занавес и открылась наша прекрасная декорация, то удивился он еще больше.

— Браво! Браво! — воскликнул он. — Это хоть бы куда! Изряднехонько, право! Смотри, пожалуй, как он смастерил!

А не менее поразились сею неожидаемостию и прочие с ним бывшие в театре и нашего еще не видавшие. Игра детей наших, исправлявших в сей вечер дело свое очень удачно, всем им также полюбилась, и все смотрели на нее с приметным удовольствием, а особливо князь Иван Сергеевич, который игрою моего малютки-сына не мог налюбоваться довольно и то и дело бил в ладоши.

. . . .

Не успел последующий день настать, как князь с

превеликою гурьбою и отправился на охоту, пригласив с собою и нашего уездного судью г. Арсеньева, чему сей до бесконечности и рад был. . . . .

В сей вечер мы дали две комедии: «Рогоносца по воображению» и «Отгадай, не скажу».

Как у князя за неприменное правило положено было ездить всякий день в поле, то отправились они и в последующий за сим третий день на охоту, а мы между тем просили княгиню посетить нас в нашем доме; и как она от того не отреклась, то и постарались угостить ее у себя всячески и доставить ей наивозможнейшее удовольствие, чем она, будучи очень доброго характера, казалась быть и весьма довольною. . . . .
. . . .

В сей вечер дали мы опять две комедии: «Новоприезжие» и «Три брата совместника», и игрою детей наших были опять все очень довольны и не могли довольно приписать похвал им. Сам г. Власов смотрел на представление их с удовольствием и не хотел верить, чтоб г. Сезеневу нашему было только 14 лет, а не больше, и я, по просьбе князя, принужден был ему показывать его в натуре.

Но сей раз, против всякого чаяния и ожидания моего, был уже и последний, что мы театром нашим навеселились . . . .
. . . . . . Начались такие глупости и вздоры, что нам было уже не до театров, а, напротив того, все мысли наши заниматься стали уже иными помышлениями, а сердца наполняться досадами и неудовольствиями.

Чтоб объяснить вам, отчего произошла сия, всего

меньше мною ожидаемая перемена, надобно мне, прервав нить моего повествования, возвратиться несколько назад и рассказать некоторые побочности*.

Место мое, по всем выгодностям, сопряженным с оным, уже давным-давно прельщало собою многих, и были люди, которые скрытно в том мне не только завидовали, но и желали в сердцах своих меня, буде бы только можно было, с оного столкнуть и вместо меня самим воцариться, не помышляя и не заботясь о том нимало, имеют ли они довольно всех нужных к тому способностей**.

. . . .

. . . .

Пора письмо сие кончить и сказать вам, что я есмь ваш, и прочее.

---

* Побочности — здесь: подробности.

** В пропущенных строках Б. рассказывает о кознях своих соперников, из-за которых он чуть было не лишился места.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МОИХ БЕДСТВИЙ

ПИСЬМО 207-е

Любезный приятель! Князю как ни совестно было смотреть на меня, толь невинно и несправедливо им обиженного, и как ни старался он проступок свой загладить ласковейшим со мною обращением, а особливо ввечеру последующего дня, когда, ездивши в те места, куда подзывал его накануне того дня мой капрал, возвратился с поля в превеликой радости и в полном от того удовольствии, что наехал зайцев тьму и затравил их более пятидесяти; и как не подтвердил ему сей случай, что зайцы отнюдь не были выправлены, но поелику посрамленные злодеи мои нимало тем не унялись, и он со всех сторон окружен был посягающими на меня, из единой зависти и недоброхотства*, и не перестававшими возмущать дух его всякий день всякими на меня клеветами и злословиями, то ласковое обращение его со мною не долго продлилось. Ибо, как между ими не один, а человек пять было таких, которым хотелось быть определенными на мое место, и все они, хотя друг от друга таились, но в главном пункте были одинако-

* Недоброжелательства.

вого расположения, и все старания их устремлены были к одной цели, а именно, чтоб меня лишить моего места, то и старались они друг перед другом наперерыв всячески, и кто как лучше знал раздражать князя на меня всякими коварными и злоухищренными внушениями, то не давая ему почти покоя, скоро довели его, наконец, до того, что он сам уже желал найтить что-нибудь похожее на дело, за что б можно было ему отрешить меня от места, а сие и причиною было, что . . . .
во все остальные дни, которые он тогда у нас прожил, были для нас весьма неприятны и преисполнены несметным множеством досад и огорчений. Уже не помогала нимало счастливая травля и гоньба зайцев; но он, будучи напояем внушениями льстецов и ежедневно вновь на меня раздражаем, возвращался всякий день к нам сердитым, неприступным и ко всем к нам таким суровым, как бы лютому зверю какому быть надобно; а не удовольствуясь тем, старался еще беспрерывно все и все выискивать и за все сердился и бесился, и в минуты таковые доходил даже до самых глупостей и дерзостей, нимало ни с чином, ни с званием его несообразными, как например:

Однажды, рассердясь за самое ничто и ничего незначущую безделку, не только ругал всякими непристойными словами, но в запальчивости задел даже палкою по голове бедного моего старика Щедилова, мужа почтенного и степенного и первого ко мне из всех моих подкомандующих, управляющего всеми волостными письменными делами, и способного быть секретарем в наилучшем приказе, и которая его поступка привела всех в превеликое удивление и впе-

рила во всех достойную к сему командиру ненависть и отвращение.

Все сие и делало нам каждый день пребывания его у нас годом, и мы с таким вожделением ждали его отъезда, что не чаяли и дождаться.

Наконец, начало приближаться сие время. Леса и поля все были обрысканы, и зайцы все выправлены и разогнаны, и князю не оставалось уже иного, как ехать прочь и заехать только за тем же в Бобрики. Но как во все сии дни все искатели моего места не могли еще всеми домогательствами своими произвесть относительно до меня ничего важного, и непостижимое для них терпение мое все их злодейские ковы преодолевало и обращало в ничто, то не хотя упустить князя, соединили они все козни свои и пред отъездом его приготовили для меня удар жесточайший пред всеми прежними и такой, который едва было не возымел желанного ими действия и привел самого меня не только в смущение, но и в положение самое критическое, а именно:

Как всеми выдумками и клеветами не могли они до того произвесть ничего и достигнуть до желаемого, а с досадою видели все их мною разрушаемые, то решились они наконец прибегнуть к последнему средству и оклеветать меня князю со стороны откупных дел и питейных выставок*. Поводом к тому послужило им одно особливое происшествие. Однажды, во время езды с собаками, снесло как-то фаворита княжова, г. Крымова (который из всех

*См. примечание 1 после текста.

был для меня наиопаснейший и о котором я даже догадывался, что князь едва ли не затем его с собою и привез, чтоб определить его на мое место), с тогдашним откупщиком, г. Игнатьевым, случившимся быть тогда с ним на охоте. Сперва они друг над другом трунили, но как Игнатьев был самая шпилька и пренегодный человек, то из сих издевок вылилась наконец формальная между ими и такая ссора, что они чуть было не передрались друг с другом. И как Крымов почитал чувствительно себя от Игнатьева обиженным, то будучи сам по себе не лучше его и самым лукавым, хитрым и злобным человеком, воскипел на него непримиримою злобою и, грозя ему за обиду отомстить, проговорился как-то при Темешове, что он даст ему себя знать и что скоро полетят из волости все его выставки, о которых князь до того ни слова не упоминал. Темешов не успел сего услышать, как тотчас и прильнул к сему, как смола, и сказал Крымову:

— А что, брат, хочется тебе этого? Ежели хочется, так мне поклон — и я тотчас это смастерю и князя взбудоражу. Словом, поручи ты это мне и посмотри, что сделаю!

Крымову, пылающему на Игнатьева злобою, то было и на руку. Итак, условились они сообща производить то дело и, по учиненному о том тайному совету, положили всячески уверять князя, что я от Игнатьева пользуюсь прибытками и что похлебствую ему в противность повеления его и даю по деревням присылаемым от него выставкам квартиры и дозволяю производить в них ежедневную везде вину продажу. Сим думали они опять раззлобить и взбесить

на меня князя и побудить опять к истреблению оных выставок. Но как надобно было им сие доказать самым делом, то, рыская с князем по волости, имели они случай и время расспрашивать везде и везде вышаривать, нет ли где во дворах потаенной выставки. Но как, к досаде их, нигде таковая не отыскивалась, то вздумал и решился, наконец, Темешов употребить бесстыднейший обман и самое бездельничество.

Он приметил в одном селе, на большой дороге, пустую избушку, стоящую за несколько сажен от дороги, и в которой жил незадолго до того умерший богадельник; и положив в мерзкой душе своей употребить ее к тому орудием, заумышленно задержал князя так долго на охоте, чтоб довелось им ехать домой уже ночью и в такой темноте, что ни зги почти было не видно. И как он знал, что ехать им надобно было чрез сие село и мимо самой сей на выгоне стоящей лачужки, походившей по наружности очень много на кабак, то сел нарочно с князем на его дрожки и, подъезжая к селу сему, нарочно завел речь о выставках и о том, как мужики от них пропиваются, говоря, что он нимало не сомневается в том, чтоб не было в деревнях их везде потаенных и что я за ними очень худо смотрю. Сим и подобными тому коварными внушениями и успел он князя поприготовить. Когда же они в село приехали и к сей лачужке стали подъезжать, то довел он опять речь до выставок, и стал, будто догадываясь, говорить, что, конечно, и это выставка, и предлагал князю, не полюбопытствовать ли и не расспросить ли? Князю, как охотнику до таких выведываний и словами сего клеветника уже разгоряченному, было то на ру-

ку. Он тотчас велел на минуту остановиться и послал Темешова для сего узнавания, а сей того только и желал. Итак, вмиг соскочив с дрожек, туда опрометью побежал и ну стучать в окошко, и кричать:

— Хозяин! Хозяин!

Но как никто ему не отвечал, да и отвечать было некому, то и начал он играть обдуманную им злодейскую комедию и отвечать сам себе переменным и таким голосом, который походил на пьяного, осиплого и заспавшегося целовальника. И сей голос отвечал ему будто следующим образом:

— Нет-ста здесь никого.

— Да ты-то кто? Разве чорт? — подхватил Темешов своим натуральным голосом.

— Я-ста целовальник! — ответствовал будто голос из лачуги и столь громко, чтоб князь мог слышать.

— Да разве это кабак?

— Кабак-ста.

— Да давно ли он здесь?

— Да всегда-ста мы здесь.

— И всякий день вино продаете?

— Да как же, неужели жить по-пустому?

— Да кто ж вам это дозволил?

— Кто-ста? Ну, управитель.

— Продай же мне винца, брат.

— Ну-ста к чорту пошел, стану я вставать и дуть огонь для тебя — мне спать хочется.

Сим и подобным сему образом спрашивал и сам себе отвечал сей негодяй и так искусно, что князь, слышавши все сие, не возымел ни малейшего подозрения и сомнения; но, закипев на меня гневом и злобою, кликнул его садиться и велел конюху ехать.

А Темешов не успел сесть, как начал хохотать и далее князя поджигать:

— Ха! ха! ха! Ха! ха! ха! Ну вот, вот, князь, не правда ли моя? Не говорил ли я, что есть выставки? Вот как исполняет Болотов твои повеления! Да что говорить! Ты только не знаешь, а блох-то за ним много, много!

Сим и подобным сему бормотаньем сей скороговор так князя поджег и взбесил, что сей конюху кричал, чтоб гнал он лошадей, нимало не жалея. А сей дурак и подлинно погнал их так, что одна лошадь, выбивши из сил, упала и тут же околела. Сие еще пуще раздосадовало князя. В бешенстве своем он прибил тут конюха, велел ее отрезать и бросить на дороге и, припрягши другую, от задних повозок, скакать еще шибче и только и твердил:

— Хоть все переколей! Казенные ведь! Не велика диковинка!

А радующийся его спутник, что удалось ему его так взбесить, не преминул сделать и тут своих замечаний, что я и за лошадьми-то не смотрю, и лошади-то все измучены и изнурены и прочее тому подобное...

Все сии обстоятельства и происшествия узнал я после и услышал от самого того конюха, который ездил тогда с ним кучером на дрожках; а тогда не до того мне было, чтоб расспрашивать, ибо князь прискакал к нам, встречающим его, таковым сердитым и с такою яростью опрокинулся на меня и осыпал меня такими угрозами и оскорбительными словами, что я его никогда еще таким злобным, бешеным и сердитым не видывал. Словом, он был как сумасшедший, рвал и

кидал все, скрежетал зубами и даже до того завирался, что в бешенстве грозил меня и всех подкомандующих моих перевешать. Я сколько ни отмалчивался, давая утолиться сколько-нибудь его гневу, но как и самое молчание мое его бесило и он приступал и требовал, чтоб я давал отчет, для чего не исполнил в точности его повелений, то принужден я был, наконец, говорить. И как я сам в точности не был уверен в несуществовании выставок и в мыслях сам себе говорил: « Ахти, уж нет ли их проклятых, действительно где потаенных?» — плутовства же помянутого еще не ведал, то другого не оставалось мне, как сослаться на прежде упоминаемые мною впереди, даваемые и почти еженедельно повторяемые всем старостам и начальникам приказания о недовании квартир выставкам, и говорил, что, по крайней мере, от меня всем было запрещено. Но сие еще пуще его раздражило. Он, сочтя что я говорю неправду, заревел как зверь:

— Хорошо! Ты говоришь, что от тебя было приказано и запрещено! Но посмотрю я! Сей же час посылай всех солдат и вели тащить сюда всех старост, чтоб завтра же они все здесь были!... И если... если я открою что-нибудь... то ты чурайся уж меня.

Сказав сие, протурил он меня исполнять повеленное, и я принужден был, несмотря на все позднее время и на всю темнейшую осеннюю ночь, отыскивать всех солдат и, отправляя в деревни, подтверждать, не жалея лошадей, сказать, и успевать до-света еще все деревни объездить и велеть неотменно собраться на другой день всем старостам. Боже мой! Какая досада не изъявляема была тогда сими бед-

няками и какими проклинаниями не осыпали они за то князя!

Все они и успели действительно на другой день возвратиться и привесть с собою перед вечером всех старост. Но между тем как они собрались, препроводил я весь тот день равно, как на каторге, ибо признаться надобно, что дело сие меня очень смущало и озабочивало. Я хотя, с своей стороны, и действительно был не виноват и ничем не замаран, — как с таким человеком, каков был Игнатьев и никому иметь никакого дела было не можно, — но как, с одной стороны, сам я не за верное знал, что никто не впускал целовальника в избы для ночлега и не было ли каких бездельников, делавших то из корысти или за вино себе даровое, а с другой стороны, не сомневался, что придирающийся ко мне князь непременно станет расспрашивать всех старост сам, с обыкновенною своею строгостью и угрозами, то страшился я, чтоб какой-нибудь из них не проговорился б и не сказал, что от меня приказания хотя и были, но не слишком строгие и настоятельные, а тогда почитал я себя погибшим и неминуемо долженствующим потерять с бесславием свое место.

Все сие меня смущало и приводило в великое недоумение, и как я не имел у себя никакого заступника, поелику тогда не было уже при князе г. Стрекалова, на которого, по дружбе его ко мне, мог бы я сколько-нибудь надеяться, что он советами своими поукротит князя, а из оставшихся при нем господ во всех находил себе недоброхотов и желателей моего несчастия, то и не оставалось мне иного, как по обыкновению моему возвергнуть всю печаль мою на

Господа и ожидать всего от произвола и распоряжения промысла Господня, почему я и не вдавался прежде времени в отчаяние.

Сие было и лучшее, что мне можно было учинить; ибо хотя бы мне и стараться употреблять все, что только можно было к вспоможению себе в сих критических обстоятельствах, но я никак бы не успел и всеми своими стараниями ничего бы не сделал, а скорее бы все дело мог испортить, нежели помочь; ибо обстоятельства тогдашние были несравненно хуже, нежели я думал и воображал себе, и опасность для меня предстояла действительно великая, ибо с одной стороны, как я после проведал, окружен я был со стороны князя лазутчиками и наблюдателями всех моих шагов и деяний, и некоторые из людей его не выходили почти из канцелярии, дабы увидеть, не стану ли я старост уговаривать и их к чему-нибудь преклонять; а с другой — все завистники мои не оставляли во весь сей, критический для меня, день ни на единую минуту князя в покое, но совокупными силами вливали в него ад, огонь и пламень на меня; а через все то и удалось им так хорошо настроить князя, что не только они уже за бессомненное дело, но сам он почти за верное полагал, что меня в тот день сменит и лишит с бесчестием места. Что и действительно б воспоследовало, если б не сама судьба вступила уже в посредство и произвела то, что всего меньше всеми было ожидаемо, и не благоволила самое зло обратить мне в добро, как из последующего теперь окажется.

Как старосты все собрались, то наступил наконец тот критический пункт времени, в который

надлежало мне к нему иттить с донесением о сем. Я вздохнул и, предав еще раз все на произвол судьбе и промыслу Господню, пошел доносить ему о том. Он давно уже того и с нетерпением дожидался и не один раз присылал уже спрашивать, собрались ли все и готовы ль. И не успел о том услышать, как, подхватя трость и ополчившись всею злостию и гневом, унизился даже до того, что пошел чрез двор сам в канцелярию нашу. И не успел войтить в сию темную и мрачную комнату, набитую мужиками, ибо старост, бурмистров и начальников было человек до пятидесяти и более, как опрокинулся на них, как лютый зверь, с превеликою яростию и стал допрашивать всех их с превеликим криком и сердцем, так, как бы о каком важнейшем государственном преступлении, угрожая им и каторгою, и ссылкою, и отданием всех детей их в солдаты, буде не скажут правды, а именно: не приказано ли от меня им было давать квартиры винным выставкам? Но как все старосты единогласно ему ответствовали, что не только от меня никогда таких приказаний не было, но им то и дело всем подтверждаемо было, чтоб квартир не давать, как они никогда не дают и не давали, то сие раздражило его еще пуще. Ему возмнилось, что все они мною упрошены, чтоб не сказывать, и что это моя интрига, и потому, чтоб их более устрашить, закипев злобою, бросился он с превеликою яростию на некоторых из них с палкою и стал действительно задевать их и тузить по головам тростью и принуждать равно как неволею на меня сказывать.

— Вы не бойтесь управителя! — кричал и вопил он им. — Он ничего вам сделать не может. Я сей же час его сменю! Скажите мне только истину.

— Мы и сказываем ее вам, ваше сиятельство, — отвечали они во многие голоса, — и что ж нам сказать, когда чего не бывало; разве насильно лгать изволите приказать?

Сим и подобным сему образом говорили и отвечали ему все старосты на все его к ним приставания, продолжавшиеся более четверти часа.

Я стоял в сие время как вкопанный и не только удивлялся такому над меру строгому исследованию, но трепетал духом, боясь, чтоб кто-нибудь из них не струсил и от боязни действительно не взвел на меня какой-либо небылицы. Но пекущаяся обо мне судьба подкрепила всех их более, нежели все думали и ожидали. Они все не только всех его угроз и ударов палкою не устрашились нимало, но, огорчившись тем, еще громче и более то слово твердить стали, что разве насильно хочет он их заставить говорить неправду и сказывать то, чего не бывало. А сие воспламенило его еще более и довело до такого безумия, что стал им угрожать обритием бород их. Сим последним надеялся он, по внушениям и советам льстецов своих, всего более устрашить мужиков; но они, услышав сие, только все рассмеялись и не один, а многие из них вдруг ему на то сказали:

— В этом воля ваша, и не только бороды, но хоть и головы нам все обрейте, а что не было, так и не было, и сказать нам нечего!

Взбесился и вспрыгался князь, сие услышав. Он заревел на них, как тигр, и кричал, чтоб скорее по-

давали фельдшера и с бритвами, и, прогнав за ним караульного капрала палкою, клялся небом и землею, что он действительно сие исполнит.

В самое сие время случилось бедняку, старшему моему канцеляристу Варсобину от крайнего негодования что-то пробормотать себе под нос. И как, к несчастию, стоял он неподалеку от князя и сей, оглянувшись, увидел его улыбающегося, как вдруг опрокинулся на него, как лютый зверь, и завопил:

— А ты что это тут бормочешь? Твои бездельничества мне все давно уже известны! Вон отсюда! И прочь из моей команды! Не хочу я тебя более иметь у себя!

И велел вытолкать его вон.

В сию минуту вострепетал я духом, и сколь твердодушие мое до сего ни было велико, но тогда поколебалось и оно, и я не утерпев, чтоб не прервать своего молчания, и ему, хотя с возможным хладнокровием сказал:

— До сего я молчал, и ваше сиятельство изволили сами слышать и видеть, а что я их не упрашивал и не умолял, в том ссылаюсь на всех самих их; но теперь вынужденным нахожусь сказать, что ежели сим образом изволите насильно их приневоливать сказывать то, чего не бывало, то не диковинка принудить их взвесть на меня и самую церковную татьбу* и все, что вам будет угодно; но не знаю, похвально ли то для вас будет?

Пилюля сия, какова ни горька была, но он в за-

*Татьба — кража, хищенье.

пальчивости своей проглотил ее, не почувствовав нимало ее горечи. И как в самый тот момент вбежал без души и слуга его, брадобрей с бритвою и ножницами в руках, то сказал только:

— А вот посмотрим, сударь, посмотрим!

И бросился волочь сам и сажать на скамейку одного из старост, заставлять слугу своего стричь и брить ему бороду. По особливому счастию случилось, что жребий сей пал и неслыханному поруганию сему подвергся один из разумнейших и неустрашимейших старост; он не только не устрашился, но шел смеючись и, садясь на скамью, давал сам бороду свою на обстрижение и говорил только:

— Воля ваша! Не только бороду, но хоть голову извольте брить, нам спорить в том не можно! А чего не было, так не было, и лгать напрасно мы не хотим.

Сими словами он так всех сотоварищей своих подкрепил, что все единогласно твердили то же, и какое ни началось чекрыжение и полосование бород, но невероятное почти дело: ни один из них не сделал косой мины, а все садились, смеючись и почти с хохотанием, равно как бы ругаясь над самим князем.

Все сие и сделавшееся во время бритья сего молчание, соединенное с явным негодованием, а паче всего нижеследующие слова, проговоренные в толпе одним стариком, так что князь их услышал:

— Отец наш, а ваш батюшка, князь Сергей Васильевич этого бы не сделал; он нас любил и не стал бы так позорить; дай Бог ему здоровье! — так князя смутили и поразили, что он каков ни зол был, но не выдержал зрелища сего более десяти минут; но увидев, что и сим крайним, на-

сильственным средством и самым дурачеством своим не мог ничего успеть, пошел от нас из канцелярии, не сказав ни одного слова и равно как обруганный, и восчувствовав всю дурноту содеянного им, был во весь тот вечер так сердит, что не хотел говорить даже с своими друзьями и наушниками ни единого почти слова, а наутрие, в самой скорости собравшись, и ускакал совсем вон из Богородицка.

Итак, самый сей и всего меньше всеми ожидаемый случай спас меня тогда от всей его лютости и разрушил вкупе все бездельнические происки и замыслы моих завистников и недоброхотов. Я остался так, как был. И князь с того часа сделался тише и ко мне несколько благосклоннее, а они остались все как оплеванные, и с сего часа так прижали хвост, что ни один из них не посмел уже более и помыслить о том, чтоб проситься на мое место. Так хорошо, может быть, одумавшись, князь в сердцах отбрил и самих их втайне и наедине за то, что они ввели его в такую глупость пустыми своими наговариваниями и внушениями.

. . . .

. . . .

Князь с сего времени сделался ко мне добрее и обращаться со мною стал совсем инако и, наконец, пред отъездом своим так удобрился, что спросил меня: не имею ли я опять какой нужды в Москве и не надобно ли мне в ней побывать опять?

— Хотелось было, — сказал я, — будущею зимою съездить в нее с женою и детьми и пожить сколько-нибудь, чтоб поучить дочь свою танцовать.

— Ну, так с Богом! Поезжай себе, пожалуй, и живи сколько хочешь, мы тебе рады будем.

Сим образом, ни думано, ни гадано, попримирились мы с князем, и я, проводя его, с спокойнейшим уже духом поехал назад в Богородицк и во всю дорогу не мог довольно нахохотаться и надивиться всему происходившему.

Но как письмо мое достигло до своих пределов, то дозвольте мне на сем месте остановиться и сказать вам, что я есмь ваш, и прочее.

. . . .

ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ И ПОТОМ ЖИЗНЬ В БОГОРОДИЦКЕ
1782 ГОД

ПИСЬМО 209-е

Любезный приятель! 1782-й год начали мы препровождать находясь в Москве, в которой никогда еще мы так долго не живали, как в сей раз. Весь тогдашний рождественский мясоед провели мы в оной и захватили даже и всю почти первую неделю Великого поста. Итак, пробыли мы в оной более шести недель. Все сие время провели мы довольно весело по нередким разъездам по всем нашим друзьям, знакомым и родственникам. Частые свидания с бывшими опять в оной моими племянницами Травиными, принимание и угащивание у себя и их, и приезжающих к нам других гостей, нередкие бывания в театре доставляли нам и удовольствий довольно; однако было множество и хлопот и сует для всех нас. Надлежало отыскивать танцмейстера и нанимать его учить и дочь мою и сына танцеванию, который и ездил к нам почти всякий день и производил свое дело. Надлежало не один раз бывать в рядах и покупать разные покупки, а особливо жене моей, старавшейся уже о закупании многих вещей, нужных для моей дочери...

Что касается до молодого князя, моего огненного командира, то сей принимал меня в сию мою бытность в Москве несравненно уже благосклоннее и лучше, нежели в прежнее, а особливо в первый раз, как я к нему на новый год приехал для поздравления его. Он, равно как стараясь загладить прежнее свое дурное и оскорбительное для меня поведение, не только не мог со мною довольно наговориться, но унял у себя даже обедать. . . . .

. . . .

Кроме разных книг, удалось мне во время своего пребывания в Москве накупить себе и множество ландкарт, также прошпективических и других разных родов эстампов, и не один раз бывало, что я, забравшись в дом к нюренбергцам и итальянцам, торгующим сими товарами, препровождал по нескольку часов в рассматривании, отбирании и покупании себе оных; а иногда сами они, ходючи по улицам с своими портфелями, к нам оные занашивали, и чрез рассматривание своих картин сколько мне, а того более моему сыну, сделавшемуся до них охотником, превеликое удовольствие доставляли.

. . . .

. . . .

Наконец, 6-го февраля мы заговелись, и как увеселения все кончились, то с наступлением Великого поста принялись мы за дела, оставшиеся для исправления. Итак, госпожи наши занялись своими покупками и разъездами по церквам и богомолиями, а я — за обыкновенный свой годовой счет и расчет с Новиковым, а потом, ездивши почти всякий день

к князю, своему командиру, занялся переговорами с ним о делах, до волости относящихся.

Наиглавнейшими предметами до сих переговоров было, во-первых, затеваемое князем делание в богородицком дворце из дикого крепкого камня большой парадной лестницы, для которой работы отысканы были и мастеровые и сочинен архитектором план оной. Во-вторых, затеваемая нами продажа из богородицких прудов маленьких карпов для завода всем, кто похочет их покупать, и открытие чрез то нового источника доходов. А в-третьих, и важнее всего, затеваемая отдача всех наших оброчных земель с публичного торга и знаменитое чрез то приращение доходов. И как князь о беспристрастии моем в сем деле был уверен, то говоря со мною о сем предмете, так ко мне раздобрился, что сам мне предложил, чтоб я взял и себе в оброк десятин с двести, где хочу и, не в пример другим, только по рублю за десятину, чем я очень был доволен, ибо чрез то мог получать всякий год рублей ста два доходу.

Кончили с молодым князем свои дела, и, получив от него ордера и повеления обо всем нужном и раскланявшись с ним, поехал я проститься также и к старику, отцу его . . . .

Наконец, окончивши все свои дела и оставив в Москве довольное-таки количество растраченных на все денег, 12-го февраля, перед вечером, поехали мы из Москвы и, заехав на самое короткое время в свое Дворяниново, повидались с обоими тутошними нашими соседями.

Наконец, 16-го февраля возвратились мы в Богородицк, где мое первое дело состояло в писании в

Петербург к моему старинному другу, а потом велел повсюду распубликовать, чтоб съезжались все, кому надобны наши земли в наем, для нанимания их с имеющегося быть всем им публичного торга; также, чтоб присылали, кому надобно покупать у нас в будущую весну карпов, о чем послал и к г. Новикову для напечатания в газетах объявления...

Не успели мы сего дела кончить, как и начали уже съезжаться со всех сторон охотники нанимать у нас землю. И как было сие еще в первый раз, и дело еще необыкновенное, то имел я по сему случаю множество хлопот и сует. Собралось к назначенному дню народа превеликое множество, и не только простого, но и самых дворян несколько десятков, знакомых мне и незнакомых. Все увивались вокруг меня и всякий старался, нельзя ли как нанять подешевле. Но я предпринял наблюдать при сей торговле наисовершеннейшее беспристрастие и никому ни перед кем не давать ни малейшего преимущества. И какой это был затор [за торг?] и сколько шума и крика!

Торговлю сию производили мы во дворце и назначили к тому для дворян гостиную комнату, а для прочего народа зал. А стол и аукциониста с его молотком поставили в самых дверях, соединяющих обе сии комнаты, дабы тем и другим все было видно и слышно. И сколько ж было тут шума, сколько крика и друг у друга переторжки. Каждый надрывался и старался всячески получить себе землю и многие вылезали, так сказать, из кожи, возвышая час от часу цены. Почему и не удивительно, что вместо прежней полтины за десятину, возвысилась цена за десятину

рублей до двух и более, смотря по тому, много ли или мало на какое звено было охотников, и что я при одной сей первой переторжке увеличил уже доход двумя тысячами с половиною рублей и прямо тем доказал свое беспристрастие.

Как торговля сия продолжалась у нас дня три сряду, то имел я случай познакомиться тут со многими из окрестных дворян, которых не преминул я приглашать всякий день к себе и угощал их по своей возможности. Знакомые же все и жили у меня во все сие время, и мне достался-таки изрядный толчок по сему случаю.

. . . .

Заняло меня еще одно собственное дельце. Пропадал у меня уже несколько лет один из тушинских моих мужиков. Будучи плотником и ходивши для сей работы по сторонам, полюбилось ему в дальних степях, на Битюке, место, и он у нас пропал. Но в начале сего месяца случайным образом узнал я, где он находится. И как надобно было посылать туда человека для отыскивания и поймания его (мой же поверенный находился в отлучке), то принужден я был нанять в поверенные (однако из богородицких купцов) Силичева, человека умного, знающего приказные дела и проворного, и отправить его туды для отыскивания оного, который и спроворил сим делом так, что хоть и не скоро, но кончилось оно с удовольствием для меня. Человек сей был отыскан, схвачен, но как ему оттуда домой возвращаться не хотелось, то тамошние упросили меня, чтоб я им его продал, на что я и согласился и получил за него изрядную сумму денег.

. . . .

. . . .

Сим образом продолжали мы свою прежнюю жизнь и довольно веселую и приятную, как вдруг судьбе угодно было неожиданным и наиважнейшим в моей жизни происшествием произвесть во всех обстоятельствах моих по многим отношениям великую перемену.

Но о сем узнаете вы из письма последующего; а сие дозвольте мне сим кончить и сказать, что я есмь ваш, и прочее.

ПОЖАРНОЕ БЕДСТВИЕ

ПИСЬМО 210-е

Любезный приятель! При конце последнего к вам письм, оставил я вас, бессомненно, в большом любопытстве и желании узнать, какое бы то было важное происшествие в моей жизни, о котором я упомянул вскользь при самом заключении письма моего. Ах, любезный друг! оно было несчастное! Всемогущему, по неисповедимым судьбам своим, угодно было посетить нас страшным и ужасным пожарным бедствием, превратившим менее, нежели в два часа, в прах и пепел целые две слободы в Богородицке и вместе с ними весь тот двор и дом, в котором я до того имел свое жительство, похитившим у меня знатную часть моего движимого имущества, а того более расстроившего весьма много все мои обстоятельства.

. . . .

. . . .

Отрапортовал я князю обо всем происшедшем и испрашивал от него разрешения и повеления, чтоб мне дозволено было вновь построиться на сгоревшем месте, а до того времени пожить во дворце. Отправив с сим донесением в Москву нарочного, не сомневался я нимало, что все то мне, как не виновнику сего пожара, от князя будет разрешено, дозволено и на строение ас-

сигнована будет потребная сумма. Но какой же странный и неожидаемый ответ получил я от своего сиятельного князя! Построиться вновь и до того времени жить во дворце хотя он мне и дозволял, но относительно до нового строения писал ко мне, чтоб я все оное и самый управительский дом построил из березового сырого леса, приказав нарубить оного потребное число из Бобриковских престарелых рощей. Боже мой! Как я вздурился, получив такое предписание!

— Ах, князь! — возопил я с крайним на сие негодованием. — Не с ума ли ты рехнулся? Как можно мне жить в доме, построенном из сырого березового леса и притом еще из самого престарелого и негодного? У меня и у солдат, живущих в казарме, построенной из сего леса, все волосы даже вылезли, и некоторые даже померли от болезней, и ты разве и меня уморить хочешь? Покорно я благодарствую! И что ты ни изволь там умничать, но я и не подумаю. Дело иное сгородить из него как-нибудь людские избы и прочие службы и принадлежности к дому, а самому для себя мне дом из него строить было бы смешно и глупо!

Итак, презрев сие глупое и ни с чем не сообразное повеление, стал я помышлять о снабдении себя, хотя теснейшим перед прежним, но, по крайней мере, сухим и для жительства удобнейшим домом.

Но о сем, как и о том, что происходило после, дозвольте мне предоставить повествование письмам будущим, а теперешнее сею эпохою кончить и сказать вам, что я есмь ваш, и прочее.

КОНЕЦ ДВАДЦАТОЙ ЧАСТИ

Часть двадцать первая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ ПОСЛЕ ПОЖАРНОГО БЕДСТВИЯ

**Сочинена декабря 1809 года,
а переписана мая 1811 года,
в Дворянинове**

ПОСЛЕ ПОЖАРА

ПИСЬМО 211-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .
. . . .

Наконец настал и август и с ним для меня новые заботы и хлопоты. Получил я известие, что князь, командир мой, приедет опять к нам на осень ездить по-прежнему с собаками. И мне велено было заготовить и для него, и для людей, и лошадей, и псов его нужные припасы. Я хотя и не имел причины опасаться, чтоб произошли опять какие-нибудь вздоры, поелику князь расположен был ко мне уже лучше, однако все-таки озабочивался сим его приездом и охотнее желал бы, чтоб он к нам не приезжал, и потому будущему приезду его не весьма радовался. Но как переменить того был я не в состоянии, то спешил, по крайней мере, скорее отделывать свой новый дом, дабы успеть до приезда княжова в оный перейтить и дворец опростать ему для жительства. Но он, не воображая себе, чтоб я успел сие сделать, и не хотя потревожить меня изгнанием из дворца, предписал мне, чтоб я сказал господам нашим судьям, жившим до того по-прежнему во дворцовом флигеле, чтоб они изволили выбираться вон из них

и отыскивать себе, где хотят, другие квартиры в своем городе, а комнаты свои во флигеле опростали для квартирования самому ему собственно. С крайним нехотением пошел я им показывать сей ордер и уверять их, что произошло сие совсем не от меня, а от одного своенравия князя. Они хотя тому и поверили, зная, что мне в том никакой не было надобности, но не инако, как с крайним неудовольствием принуждены были, согласуясь с повелением сим, прежние свои спокойные и хорошие квартиры покидать и перебираться в город, где наняли они для себя уже кое-где пакосные квартиришки. А вместе с ними перебрался на ту сторону и сам наш городничий.

Признаться надобно, что таковое их переселение было не только для них, но и для меня весьма неприятно, ибо чрез сие удаление их из близкого соседства и рассеяние по всему городу разрушились все бывшие у нас до того частые свидания и веселые съезды и вечеринки, ибо к тому далеко не было уже такой способности, как прежде.

Недели через две после того, а именно 28-го числа августа, перебрались и мы все из дворца в новопостроенный свой дом, приведенный к сему времени уже в окончанию. Я очень рад был, что успел его кончить до приезда к нам князя, который, по полученным известиям, находился в сие уже время в своем Сергиевском, и что мог очистить для его и дворец и флигели.

. . . .

А что воспоследовало далее, о том перескажу вам в письме последующем, а сие сим окончив, скажу, что я есмь ваш и проч.

1783
НЕОЖИДАЕМАЯ ПЕРЕМЕНА
ПИСЬМО 212-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Сим образом продолжали мы жить по-прежнему в мире и тишине и всего меньше помышляли о том, чтоб нам предстояла тогда новая и всего меньше ожидаемая тревога, случившаяся еще в самое то ж 8-е число января, в которое мы пировали у городничего, а именно:

Не успели мы, возвратясь от городничего, поужинать и лечь спать, как в самую полночь вдруг разбудили меня, говоря, что прискакал ко мне какой-то курьер с важным и нужным пакетом.

— Господи! — сказал я, удивившись и надев тулуп. — Что за диковинка и от кого б таков?

Но удивление мое еще увеличилось, когда, вышед в столовую, увидел подаваемый мне пакет, подписанный на мое имя ордером незнакомою рукою и запечатанный незнакомою мне печатью.

— Батюшки мои, от кого б это таково было? — подумал я и спешил спрашивать о том вручителя.

— От Николая Сергеевича Давыдова, тульской экономии директора.

Сие меня удивило еще более.

— Господи помилуй! — сказал я сам себе. — Да какую власть имеет сей человек надо мною, что меня ордирует? — и, разорвав обертку пакета, спешил читать ордер.

Но вообразите, каким удивлением и даже изумлением должен был я поразиться, когда увидел, что давалось мне знать, что государыне угодно было, по причине увольнения князя Гагарина в чужие края, препоручить наши волости в смотрение и дирекцию ему, господину Давыдову, и что он, как уже действительный мой командир, уведомляя меня о том и о скором своем к нам приезде, предписывал мне, чтоб я сделал к приезду его все нужные приуготовления и велел для пребывания его истопить дворцовый флигель.

. . . .

Было мне непонятно, каким это образом сделалось и отчего собственно произошло, ибо до того об отъезде князя в чужие края и даже и о намерении его к тому не было ни малейшего слуха и послушания, а знали мы только, что в минувшую осень ездил он по камергерской своей должности в Петербург и оттуда ездил, вместе с государыней, в новоприобретенные польские провинции, и что он находился у государыни в особенном уважении. Словом, для меня было все сие неразрешимою тогда загадкою, и я не прежде обо всем узнал, как уже по прошествии многого уже после того времени, и тот же г. Верещагин, узнав о том каким-то образом, сообщил мне о том странном случае или анекдоте, который к сей важной с нами перемене подал тогда повод. Был он следующий.

Князь, находясь в свите императрицыной, во время путешествия ее в Польше, удостоиван был от ней

той милости, что играл с нею всегда в вист, вместе с прочими, с нею тогда бывшими. Как при сей игре, как известно, употребляются особые марки, то у князя были они золотые и носимые всегда при себе в кармане исподнего платья. Но каким-то образом случилось однажды, что он от поспешности в тот же карман всунул скляночку с оделюсом*, и как сей случилось быть не очень плотно замкнутой, а подле самой ее лежали помянутые золотые марки, то от духа сего нашатырного спирта и потускнело золото так, что марки сделались совсем от того запачканными и почти почерневшими. Князь, севши с императрицею и прочими играть в карты и не зная того, не ведая, выхватывает из кармана марки и поражается удивлением, увидев марки свои в таком гадком виде, и тотчас начинает их тереть платком своим, но как острота спирта успела в золото въесться очень крепко, то никак их вытереть и прежний им блеск придать было невозможно. Сие увеличило не только его удивление, не догадывающегося нимало, отчего то произошло, но обратило внимание к себе и всех прочих игроков и самой даже императрицы и возбудило во всех любопытство узнать, чем бы таким он их замарал, и его о том спрашивать. Но как ему не оставалось другого сказать, что он сам не знает того, не ведает, то все, посмеявшись только тому, так тогда сие и оставили.

---

* Оделюс — флакончик с особым составом душистой соли и нашатырного спирта, употребляемый как современный ментол, от головной боли.

Но как бы вы думали? Самая сия ничего не значущая случайность произвела такие последствия, какие и вообразить себе никому не можно было. Словом, она в состоянии была лишить князя не только всего благоволения императрицына, которым он до того времени пользовался, но и всей ее к себе милости, и привесть его ей даже в омерзение. Произошло то собственно от проклятой придворной политики или паче дьявольской зависти тогдашнего императрицына фаворита, бывшего с нею и игравшего также тогда с ними в карты. Сей, опасаясь, может быть, чтоб князь не перехватил у него фавора, восхотел бездельнически употребить сей случай к удалению его от императрицы и употребил к тому самую дьявольскую клевету. Как ему коротко был известен весь характер императрицын и, между прочим, то, что она более всего боялась . . . . . болезней и берегла себя от них с наивеличайшим старанием, то вздумалось ему всклепать на князя, что он заражен сею прилипчивою болезнию, и что марки его ни от чего иного потемнели, как оттого, что он лечится ртутными лекарствами, и произошло то от ядовитых испарений из его тела. Он намекнул о том императрице только шуткою, но сия тотчас тому, без дальнейшего исследования поверя, вдруг получила от князя такое отвращение, что с той же минуты не восхотела его более и близко подле себя терпеть, а не только что по-прежнему удостаивать его своего стола и играть с ним в карты; но и близко его к себе не припуская, под каким-то благовидным предлогом, отправила его назад в Петербург. И как и по возвращении своем не хотела она его никак тер-

петь при дворе, и о том ему стороною дано было знать, то самое сие и побудило князя проситься об увольнении себя в чужие края, чему государыня, с своей стороны, обрадовалась, охотно ему то и дозволила. А дабы волости наши не могли остаться без всякого призора, то и вверила она надзор над ними не г. Давыдову, а собственно случившемуся тогда в Петербурге нашему тульскому наместнику Михаилу Никитичу Кречетникову. Но поелику должность сия была для него несколько низковата, то и велено было под его руководством и повелениями принять ее в свое смотрение помянутому тульской экономии директору Давыдову. Итак, сей был у меня не самым главным, а, так сказать, полукомандиром; главным же начальником надо мною сделался сам наш наместник.

. . . .

. . . .

. . . дозволяю мне на сей эпохе остановиться и, кончив оное (письмо), сказать вам, что я есмь ваш, и проч.

ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ И ЕЗДА В ТУЛУ

ПИСЬМО 213-е

Любезный приятель! Таким образом, нажив себе нового командира и перешед из прежней совсем в другую команду, начал уже всячески прикраиваться к не совсем еще известному мне характеру нового своего начальника. . . . .

Поехали мы с женою к своему новому командиру в Москву и, против всякого чаяния, нашли мы у него превеликое собрание и сборный пир, ибо совсем того и не знали, что в сей день спесивая боярыня его была имянинищею, по которой причине и съехались к ним все его братья и сестры, и родные, и много посторонних его приятелей. Так было у него торжество великое. И мы не только тут обедали, но пробыли до самой полуночи, и нам было весело, поелику все его родные обходились с нами очень хорошо. Что же касается до самого хозяина, то он при всей своей ко мне ласке привел меня в сей день в нарочитое недоумение одним своим неожиданным поступком. Его первое почти слово было спросить у меня, был ли я у князя и получил ли от него мирские деньги. И как я ему сказал, что был и получил и с ним во всем разделался, то спросил он меня далее, не со мною ли сии деньги? И как случилось нена-

рочным образом, что я их не успел оставить дома и они, состоя в ассигнациях, были со мною, то не успел он сего услышать, как сказал:

— Хорошо! Так отдайте ж вы их мне, так как я, отправляясь на сих днях назад в Тулу, отвезу их с собою отдать в казначейство, где все наши доходы будут храниться.

Остолбенел я, услышав сие, всего менее ожидаемое требование, ибо вмиг представилось мне, что требовал он их совсем не для того, чтоб их туда отвозить, а чтоб истратить их на собственные нужды или, лучше сказать, промотать, поелику был он в этом отношении самым невоздержанным и крайне для самого себя вредным человеком. То с минуту времени не знал я, что ему на то сказать, ибо сумма была хотя не весьма велика и состояла только в 800 рублях, но все-таки не составляла безделки, и мне жаль их было из опасения, чтоб она не ухнула и не довелось бы мне после самому ее заплатить. Но, подумав, что деньги сии были не казенные, а мирские, и не так важны, как первые, а к тому как г. Давыдов приметил, что я несколько упнулся*, тотчас мне сказал, что он, по приезде своем в Тулу, даст мне в получении их ордер, но чтоб доставил я ему тогда еще 200 руб. таких денег, дабы было ровно 1000, то по необходимости принужден был сему обещанию поверить и, на данное его слово положившись, отдать ему сии деньги, чем он был весьма и доволен. И хотя они после действительно ухнули, но

* Заупрямился.

я, по крайней мере, обеспечил себя отосланием к нему, по возвращении своем в Богородицк, при рапорте еще 200 руб., с испрошением о получении их себе ордера, который он и действительно, сдержав свое обещание, и прислал. Итак, я не имел уже причины в рассуждении сих денег иметь какое-нибудь опасение. Со всем тем случай сей заставил меня впредь в рассуждении денег употреблять с ним наивозможнейшую осторожность.

. . . .

. . . .

. . . .

Сим кончу, сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

УКРАШЕНИЕ ЦЕРКВИ ПО СОБСТВЕННОМУ ВКУСУ

ПИСЬМО 214-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

С наступлением месяца июля и за неделю до освящения церкви приехал к нам командир мой г. Давыдов, и как намерен он был пожить у нас таки-довольно, то приехал уже со всем своим семейством, состоящим из его жены, ее сестры и своего сына и привезя с собою для сотоварищества и нескольких своих тульских приятелей, и расположился в большом корпусе нашего замка, или во дворце самом.

С сего времени начались у нас опять ежедневные почти праздники и гулянья, а для меня самое хлопотливое время; ибо надобно было... угощать у себя сих новоприезжих гостей, когда обедами, когда ужинами; возить их в разные места для гулянья и показывать им все мною сделанное; снабжать квартиру и кухню его всеми нужными потребностями и удовлетворять все непомерные требования его поваров и лакеев, что производило нам и чувствительные иногда неудовольствия. Но все сии хлопоты услаждаемы были, по крайней мере, благосклонностью и приятным со мною обхождением моего командира, кото-

рый все сделанное мною не только одобрял, но превознося похвалами, благодарил меня за труд мой, а мне более того было ничего и не надобно.

Во время сих наших в разные места, то для ловления рыбы, то так для гуляния, разъездов, случилось было со мною вмиг большое несчастие, происшедшее от самой резвости. Однажды ездили мы целою компаниею мужчин ловить на островах наших рыбу, и как надлежало нам в одном месте подле небольшого протока и лощины полчаса почти времени дожидаться, покуда невод запускали и тащили, то пришла охота господам тульским ветрогонам, приехавшим с г. Давыдовым, между прочим балагурничаньем, перепрыгивать через помянутую лощину и оказывать друг перед другом удальство свое. Сперва я долго только смотрел на сию их резвость и забаву. Но как ни одному из них перепрыгнуть сию низкую лощину не удавалось, и они все либо падали, либо спотыкались, то приди мне охота пощеголять своим удальством и искусством.

— И, господа, — сказал я, — уже этакой безделки не можете вы пересигнуть (перескочить) и, разбежавшись ни-весть, сиг сам через нее. Я и перескочил ее довольно хорошо, но ноге моей случилось на том берегу попасть на неровное место, отчего и вывихнулась она в самой щиколотке. Я в один миг почувствовал от того превеликую боль и не мог даже и ступить на ногу. Все взгоревались и вступились о том и не знали что делать. Но, по счастию, случилось сие против самого почти лекарского домика. Мы тотчас велели его кликнуть, и он прибежал и, тазая меня за мою шалость, ногу мою опять впра-

вил и снабдил меня примочкою, что мне и помогло. Однако дня с три, с четыре принужден я был оттого прихрамывать.

Наконец, наступила и наша ярманка, на которую, равно как и для освящения церкви, съехалось множество дворянства, а простого народа было превеликое со всех сторон стечение. Чтоб продлить хотя одним днем сию единосуточную почти ярманку, то определили было святить церковь на другой день самого праздника и по окончании самой ярманки. . .

. . . .

Что касается до него (командира), то он в сие время занимался угощением у себя съезжающихся час от часу более к себе гостей и деланием к большому торжеству всех нужных приуготовлений. А тем же занимались и мои домашние.

В последующий за сим день угощал нас всех у себя наш городничий, а после обеда ездили мы всею гурьбою гулять, сперва на остров, а потом в лес, новосделанный парк, и день сей провели весело. И как между тем все поспело к освящению церкви и приехал из Коломны для сего протопоп, то 10-го числа июля и происходило у нас торжественное и, прямо можно сказать, пышное освящение нашей большой церкви. . . . .

Для придания сему торжеству более блеска угощал мой командир у себя всех присутствующих при освящении дворян обеденным столом. И был у него превеликий пир. А поелику достали мы на сей случай и музыку, то после был и бал, и танцы. Но и сего было еще не довольно. Но как около самого сего времени приезжал к нам в Богородицк немец-фигляр, пока-

зывающий разные хитрости, как, например, говорящую голову и другие подобные тому шутки, то восхотел командир мой угостить всех своих гостей и сим зрелищем в приготовленном на короткую руку* во флигеле маленьком театре. Словом, весь сей день проведен был очень весело; а в последующий день был бал, танцы и ужин у меня в доме. . . . .

А в наступивший за сим день звал моего командира и всех нас к себе на обед один из соседственных дворян господин Марков, и мы все гурьбою ездили к нему и были там угощаемы. Причем случилось жене моей вправ перестращаться от нечаянной и такой неожидаемой пушечной пальбы, производимой во время обеда, и которой она всегда боялась. Дома же у нас в сие время чуть было опять не сделался пожар, но, по счастию, погашен в самом его начале. На другой день после сего происходила у моего командира беспрерывная почти карточная игра между бывшими в числе гостей игроками, которые все насилу-насилу разъехались от нас в следующее за сим утро. Мы все же пировали в сей день у судьи нашего г. Арсеньева, а наутрие поехали в Бобрики для такого же пирования у Верещагиных, а оттуда проехали к г. Власову и у него не только ночевали, но и в последующий день угощаемы были пышным обеденным столом. И, возвращаясь оттуда, заехали еще к г. Бакунину и в Богородицк возвратились не прежде, как ввечеру уже 16-го числа.

Но сим все еще тогдашнее хлопотливое для меня

---

* На скорую руку, наспех.

время не кончилось. Но командиру моему вздумалось еще с женою своею съездить в дальние гости за Ефремов, к общему нашему знакомцу генералу Дмитрию Васильевичу Арсеньеву, куда взял он меня с собою. . . . .

В Богородицк возвратились мы не прежде, как уже 21-го числа к готовому у меня обеду. Но и тем еще не все кончилось. Но мы пировали еще на другой день опять у г. Арсеньева, а наутрие опять у городничего, и насилу-насилу сей день был уже окончательным всем нашим празднествам и пированьям, и мы проводили г. Давыдова, поехавшего назад в Тулу и пробывшего у нас в сей раз три недели.

Из всего вышеописанного можете вы усмотреть, какую особую склонность имел мой командир к пиршествам и рассеянной жизни, и заключить, что все сие время было для меня очень хлопотливо и суетливо и что мы рады-рады были, освободившись наконец от сего ига. К вящему умножению моих хлопот, должен я был и в самое сие время ущипками* и урывками трудиться над моими планами и чертежами, ибо командиру моему весьма хотелось, чтоб я поспешил окончанием оных. Но все сие ничего бы не значило, если б не случилось в течение сего достопамятного периода времени одного происшествия, не только меня весьма озаботившего, но и повергшего в крайнее недоумение, а именно.

---

*Ущипывать — отделить, оторвать щипком, двумя пальцами. Здесь в смысле — украдкой, урывками.

Командир мой, каков ни добродушен и ни хорош был всем своим характером, но имел тот в себе недостаток, что был очень невоздержан и мотоват, и от самого того нажил на себя превеликие долги, которые его весьма тяготили. Чтоб избавиться от сего ига, то возмечтал было он при случае получения в свою власть наших волостей ими воспользоваться и содрать со всех наших мужиков хотя легонькую, но для себя полезную кожурину. Но как приступить к тому без согласия и содействия моего никак было не можно, то, не отваживаясь сам сделать мне о том предложения, восхотел он стороною наперед узнать, каких я о том буду мыслей, и для того препоручил изведать сие одному из приезжих с ним тульских гостей, человеку бойкому и проворному. Сей и подъехал было ко мне с своими рассказами и предложениями, нельзя ль было помочь Николаю Сергеевичу в его темных обстоятельствах собранием, хотя по гривеннику с души, с наших волостных мужиков, говоря, что для них, как весьма зажиточных и во всяком изобилии живущих крестьян, составило бы сие сущую безделку, а Николаю Сергеевичу могло б то послужить в великою пользу, и он очень будет тем доволен и за то благодарен. Немногие сии слова, сказанные мне им будто бы от себя шуточным образом, поразили меня так, что у меня ажно кожу подрало при услышании оных. Я легко мог догадаться, что его заставили сие мне предложить стороною, и сие привело меня в такое недоумение, что я с минуту времени и не знал, что ему на сие и ответствовать. Наконец, собравшись с мыслями, без дальних обиняков и на-прямо ему сказал:

— Все это так, братец, все хорошо и было бы, конечно, для Николая Сергеевича не худо, но со всем тем я не уповаю, чтоб могло сие когда-нибудь совершиться.

— А почему бы так? — подхватил он.

— А вот почему, любезный друг, — отвечал я, — сие могло бы быть только в таком случае, если б мужички наши сами собою сие вздумали и, смолвившись между собою, такой денежный сбор самопроизвольно собрали и торжественным образом поднесли Николаю Сергеевичу от себя в подарок. Но сего-то самого от них никак и никогда ожидать не можно. Не таковы наши мужички щедроподатливы и умны, чтобы могли они и сами собою догадаться такую услугу оказать своему командиру. Вам они не таково и давно известны, как мне, а я, зная их из собственной опытности, скажу, что они превеликие охотники до свиней и свиней у себя держат, свиней кормят, свиней едят. . . . сами свиньи!

При сем слове предлагатель мой захохотал, и я продолжал:

— Вам это смешно кажется, но это истинная правда, и каковы они тщивы* характером своим, может вам доказить собственной пример мой. Меня все они действительно любят; поговорите хоть с кем-нибудь из них, все назовут вам меня своим отцом и таким командиром, какого не желают они лучше. Но при всей любви и приверженности своей ко мне, как бы вы думали, далеко простиралась их тщивость

---

*Тщивы — старательны, усердны; здесь: заботливы.

и податливость ко мне, и не смешно ли вам покажется, когда скажу, что, будучи управителем над 20-ю тысячами душами зажиточных мужиков, а к Святой неделе покупаю самые яйца на чистые денежки, когда свои не случаются. Этому, может быть, никто не поверит, но это самая истина. Или вот скажу вам другой и разительнейший пример. В прошлом году случилось мне сгореть и лишиться дома и всего почти в нем бывшего и потерять имущества более нежели на 2000 рублей. Всем им известна была тогдашняя моя нужда, и что у меня ни крова, ни съестных припасов и на семью ни куска хлеба не осталось; казалось, можно б им при таком бедственном и несчастном случае чем-нибудь услужить своему любимому командиру. Но они и не подумали о том, и один только наибогатейший из них и такой, которого капитал тысяч до двадцати простирается, расщедрился и принес ко мне, но что же, один только испеченный хлеб!

— Не в правду ли? — воскликнул мой соблазнитель.

— Ей-ей, — ответил я, — это всем известно, и мне как ни горько тогда было, но я принужден был захохотать и дурно было, чтоб при таком случае не принять у него того, а охотнее хотел бы я в него им в лицо швырнуть. Вот каковы, сударь, здешние мужики! И можно ли ожидать чего от таких окаиомов*.

---

*Окаиомы — окаивать, окаять — признать отверженным — окаиомы — окаянные.

. . . .

. . . .

Сим образом отбоярил я сего молодца, и он у нас, несолоно похлебав*, и пошел от меня пересказывать все то, без сомнения, препоручателю своему. . . .

Сим окончу я сие мое письмо и скажу, что я есмь ваш, и проч.

Января 25-го дня 1810 года. Дворянинова.

. . . .

. . . .

---

*Несолоно похлебавши, т.е. ничего не добившись.

ЕЗДА В МОСКВУ И РАЗВЕДЕНИЕ САДА 1784 ГОД

ПИСЬМО 216-е

Любезный приятель! Прошедший год кончил, а новый 1784 год начал я провождать, находясь в Туле один, без жены и детей, которых оставил в Богородицке. Мое первое дело было в первый день сего года, чтоб ехать на поклон и поздравление с новым годом к наместнику, где я нашел страшное множество дворян и судей, съехавшихся к нему за тем же. Потом ездили мы все в собор к обедне, где божественную службу отправлял тогда приезжавший к тому случаю сам старичок, наш коломенский архиерей Феодосий. Обедать же удалился я к другу моему и прежнему хозяину Алексею Андреяновичу Албычеву, обрадовавшемуся тогда, что он освободился, наконец, от гражданской службы, и собиравшемуся ехать в свою деревню для доживания последних дней своих в мире, тишине и покое. Тут по всегдашней его ко мне приязни, обед был для меня весьма приятнейший, нежели в каких вельможеских чертогах. Тут не было никакой принужденности и этикетов. Не многие из наших общих друзей и знакомцев собеседовали с нами, и дружеские разговоры и шутки услаждали нам яства. После обеда съездил я на свою

квартиру для небольшого отдохновения. По наступлении вечера поехал в маскарад, где нашел превеликое множество съехавшегося дворянства обоего пола; где находясь, пожалел я, что не взял с собою также в Тулу и своей жены и дочери. Для сей последней мог сей случай быть не бесполезен в том отношении, что пришла она уже в совершенный почти возраст и могла быть уже невестою. И как она была собою очень недурна и расцветала тогда как роза, то мне не стыдно б было показаться с нею в публике. Итак, могла б она легко, по красоте своей, сделаться приметною и обратить на себя взоры всего молодого нашего тульского дворянства и подать повод к сватовствам. Но с другой стороны, ведав характер нашего наместника и особенную его ко всем красавицам приверженность, рад был, что ее тут не было, а то легко бы могло что-нибудь подать повод к злословиям и послужить ей ко вреду. Но как бы то ни было, но я был без них и один, и как в лесу, между множеством по большей части мне незнакомого дворянства, почему, не находя дальнего в тесноте сей удовольствия, я рад был, что маскарад продолжался не долго и все стали разъезжаться рано.

Таким же образом в беспрерывных разъездах то туда, то сюда, на вечеринках то у наместника, то у командира моего г. Давыдова, то у других разных особ, провел я и все последующие три остальных дня наших святок, которые, несмотря на беспрерывные разъезды и бывания у многих в гостях, были мне далеко не таковы приятны, как бы бывали в прежние годы в Богородицке во время дружеского нашего со всеми судьями сожительства. Я более от езды сей

со всегдашней принужденностью уставал, нежели почувствовал удовольствие, почему, желая отдохнуть, не поехал даже в театр, тогда бывший.

Наконец, кончились наши святки, и наступило 5-е число января, и как в сей день насилу попал у досужного наместника заняться нашими волостными делами и об них со мною в кабинете своем поговорить, то и провели мы с ним в том более часа времени. Я ему доносил как о всех распоряжениях, мною сделанных, так и о прочем, что исполнено мною по его приказанию, и он совершенно был всем доволен и, приказав мне еще кое-что вновь, отпустил меня от себя, очаровав меня вновь своим ко мне благоволением. И как мне после сего не оставалось ничего более в Туле делать, и я сего только дожидался, то возвратясь от него на свою квартиру и пообедав, пустился еще в тот же день в любезный свой Богородицк.

. . . .

. . . .

. . . .

Дней через пять, оставив матушку, тещу мою, с малолетними детьми моими дома, а старших обоих взяв с собою, 24-го января в сей путь (Москву) и отправился. . . . .
и 29-го числа в Москву и приехали . . . .

. . . .

Пребывание в сей раз наше в Москве было недолговременное, ибо как приехали мы в нее уже в начале Пестрой недели*, то и удалось нам прожить

* Неделя перед масленой наз. пестрой.

в ней только две недели, которое время провели мы в беспрерывных почти разъездах по гостям и отменно весело. . . . .

Куда ни приезжали по вечерам, как находили ровно как нарочно для нас собрания, ужины и танцы, так что даже и у самой старушки нашей тетки, г-жи Арсеньевой, нашли мы, приехав к ней, гремящую музыку и танцы, по случаю делания ею для приятелей своих вечеринки и ужина. При котором случае познакомились мы еще с домом князя Алексея Ивановича Гагарина, отменно меня приглашавшего, и с которым мы тогда условились ехать вместе смотреть невиданного еще до того Москвою зрелища, а именно — пускание воздушного шара, которые начали тогда только греметь в свете.

Опыт сей делан был в Москве еще в первый раз каким-то французом и был хотя не совсем удачен, но доставил нам своим необыкновенным зрелищем превеликое удовольствие. Место избрано было к тому в поле за Сущевым, и стечение народа, хотевшего сие видеть, было несметное. Одного дворянства съехалось несколько сот человек. Все мы были впущены в просторный круг, обведенный толстым канатом, а посреди оного воздвигнута была некоторого рода высокая восьмиугольная башня из больших рогожных щитов, внутри которой наполняли шар горячим воздухом. Несколько сот карет стояло вокруг сего большого круга с бесчисленным множеством черного народа, дожидавшего вместе с нами несколько часов появления из башни надувшегося огромного шара, который сделан был полосатый из тафты двоякого цвета. И приятно было смотреть, как он стал выле-

зать из оной и подниматься на воздух, но, по несчастию пускальщика и по неосторожности его, каким-то образом он, при самом уже отрезывании его, внизу загорелся, почему и вышел он хотя надменный*, но с исходящим из него прегустым темным дымом. И поднявшись сажен на 50 кверху, понесен был ветром в сторону и упал тотчас позади карет и народа на землю, а чрез сие и не имели мы удовольствия видеть в самой высоте воздуха. Со всем тем зрелище сие было прекрасное и впечатлелось в уме моем так сильно, что мог я все оное потом и в точнейшем виде изобразить на картине, которая и поныне еще украшает стены моей гостинной и служит памятником тогдашнего нашего в Москве пребывания.

Происходило сие 9-го числа февраля, случившегося уже тогда в пятницу тогдашней масленицы. И сей день в особливости достопамятен был нам тем, что поутру ездили мы смотреть сие зрелище, а ввечеру в большой здешний маскарад. Обедали же все у нового знакомца г. Титова, Петра Алексеевича.

. . . .

. . . .

Сим образом провели мы всю тогдашнюю масленицу очень весело и ездили не только всюду и всюду по гостям, но были однажды и в театре и два раза в маскараде, в которые ездили мы, собравшись целою компаниею, и пробывали на них даже за полночь. А в субботу давал сосед наш г. Сахаров у себя бал, и мы весь вечер протанцовали и пропировали у него.

* Здесь: надутый.

. . . .

. . . .

Наконец, кончилась наша бешеная и сумасбродная масленица и наступил Великий пост. И тогда не стали мы уже ни минуты долее медлить, а, исправив достальные покупки и распрощавшись со всеми нашими друзьями и кашинскими родными, обещавшими к нам в сие лето приехать, простились с Москвою во вторник на первой неделе поста, бывший тогда 13-го февраля.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . . Дозвольте мне оное (письмо) на сем месте пресечь и, предоставив прочее письму будущему, сказать вам, что я есмь ваш, и проч.

. . . .

. . . .

. . . .

МОИ ЗАНЯТИЯ И ЕЗДА К НАМЕСТНИКУ

ПИСЬМО 219-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Наконец стал приближаться и август месяц. И как первое число оного назначено было к тому, чтоб мне находиться уже в сие время у него (наместника) в его подмосковной деревне, то и расположился я отправиться туда несколько поранее, за неделю до сего срочного времени, дабы, пользуясь сим случаем, заехать мне и в свое Дворяниново и побыть в оном хоть несколько суток. А как и сыну моему хотелось вместе со мною побывать в нашей деревне и потом съездить к отцу своему крестному, господину Полонскому, и у него все то время погостить, покуда я проезжу к наместнику, то расположился я его и взять с собою для сотоварищества.

Итак, собравшись в сей путь, поехали мы с ним 25-го августа из Богородицка. . . . .
. . . .

Я нашел у наместника тут прекрасный каменный дом, во всем почти подобный нашему богородицкому, и распрекраснейшую усадьбу. Он жил тут как бы какой английский лорд, и все у него прибрано было тут по-боярски. Позади дома находился регулярный сад,

со множеством беседок и разных домиков, а перед домом обширное место с несколькими прудами, а за ним увидел реку Пахру, протекающую прекрасною излучиною, а за оною и по сторонам прекрасный лес и рощи. Словом, положение места было пышное и такое, что и не инако оное, ровно как и все то, что им сделано было, хвалить был должен.

Наместник приездом моим был очень доволен, а поднесенною ему картиною еще того более. Он не мог ею довольно налюбоваться и показывал всем ее за диковинку, а особливо фаворитке своей, госпоже Вельяминовой, которая гостила у него тогда тут же со своим мужем. И при сем то случае насмотрелся я довольно сей госпоже, игравшей тогда важную роль, и не мог довольно начудиться ее мужу, не чувствующему от того стыда, что носил почти только звание мужа, и жертвующему женою своею в угодность сему вельможе. Но не столько удивителен был он мне, сколько отец сей госпожи. Он был г. Бунин и служил тогда городничим в городе Белеве, где наместник и познакомился с сим семейством. Говорили, что будто бы сам и отец, и мать сей госпожи, бывшей тогда девушкою, поспешествовали сами такому знакомству дочери своей с наместником и единственно для того, чтоб пользоваться его милостью. И дабы можно было ему ее иметь у себя в близости, то и выдана она была за молодого человека из фамилии Вельяминовых, которого наместник по самому сему случаю произвел в люди и который, находясь при нем в должности советника правления, играл также тогда важную роль. Но как бы то ни было, но для меня как постороннего человека не бы-

ло в том никакой нужды, и я доволен был тем, что и госпожа сия обходилась со мною довольно ласково и совсем не так гордо, как с другими.

. . . .

На другой день съехались к наместнику множество других гостей и весь оный провели мы весело и так, как бывает в Англии. Поутру собрались мы все пить к нему чай; совокупно и для завтрака поставлен был в зале большой круглый стол и за ним, сидючи кругом, пили мы чай. Потом до самого обеда, имели мы, все бывшие тогда у него в гостях, свободу ходить и гулять, где кто хотел, и делать, кому что угодно. И как через колокол надо было всем знать, что обеденный стол был готов, то поспешили все к оному и были угощены сытным и пышным обедом. А после обеда все достальное время провели мы в беспрерывных общих гуляниях по прудам и по рощам, переезжали через реку и там в поставленном шатре пили чай. Потом ездили с ним на бумажную его фабрику, гуляли по его английскому, ничего не значащему, саду и так далее. Словом, весь день провели мы в удовольствии...

Утром же в следующий за сим день занимался наместник наиболее со мною разговорами о разных материях, показывал час от часу более своего ко мне благоволения и не прежде меня от себя отпустили как пред вечером, всем его приемом и угощением крайне довольного. . . . .

7-го числа августа возвратился к моим домашним в Богородицк.

. . . .

А сим теперь окончу, сказав, что я есмь ваш, и прочее.

ПРОИСШЕСТВИЯ С ОКТЯБРЯ ПО КОНЕЦ 1784 ГОДА

ПИСЬМО 220-е

Любезный приятель! Месяц октябрь ознаменовался приездом к нам опять командира моего г. Давыдова. Он приехал к нам в начале сего месяца по поводу наступления времени по обыкновенной переоброчке наших отдаточных в наем излишних земель и пробыл у нас целую неделю. . . . .
. . . .

Наконец, кончились наши торги, и г. Давыдов должен был от нас уехать. Сие воспоследствовало не прежде, как уже 10-го числа октября. Он поехал от нас в превеликом удовольствии и при отъезде почти с просьбою препоручил мне сделать еще некоторые планы и рисунки для представления самой императрице. Кроме сего, сказал он мне, чтоб я в начале ноября месяца приехал к нему в Тулу и оттуда вместе с ним съездил в Калугу на имянины к нашему наместнику, уверяя, что сие будет ему отменно приятно...

Предлежащая опять мне езда к наместнику возбудила опять во мне желание к смастерению опять чего-нибудь, чем мне наместника можно было подарить в его имянины и привезти к сему дню с собою.

При помышлении о том, лучшего я не находил, как сделать для него пронизочную иллюминацию*, с изображением на ней его вензеля, которую штуку и удалось нам с сыном смастерить очень хорошо; она походила почти во всем на те пронизочные вставки в окнах, каковые и теперь еще у меня хранятся и которые всех, видающих их, приводят красотою своею в приятное удивление. Итак, при сем случае впервые вздумали мы делать сего рода прекрасные дневные и вечерние иллюминации из толстой политуры**, которая оказалась несравненно к тому способнее листов железных. Дело сие, по новости своей, сопряжено было хотя со многими для нас трудами, но зато и удовольствие наше было при том неизъяснимое, когда мы, ее отделав, отменную красоту ее увидели. Впрочем, как она была нарочитой величины и назначена быть ночью, то по окончании оной вставили мы ее в сделанный нарочно для того ящик, в котором бы можно было скрыть все зажженные позади ей свечи, и для отвоза оной в Калугу употребили особую под нее подводу.

. . . .

Итак, не успел я всего сего кончить, как, собравшись вместе с женою и старшею моею дочерью, имевшими нужду побывать в Туле, 4-го числа ноября в сей путь отправился. Г. Давыдов приезда мо-

---

*Пронизочная иллюминация — пронаживать, пронизать — проткнуть, сделать дыру. Пронизочный — проникающий сквозь сделанную дыру.

**Картона.

его уже дожидался и, увидев сделанную мною иллюминацию, так был ею доволен, что не мог довольно меня за то расхвалить и возблагодарить, не сомневаясь нимало, что она и наместнику нашему понравится. После чего мы с ним тотчас в Калугу и отправились, а жена моя, исправив свои нужды, поехала назад в Богородицк.

. . . .

Там наше первое дело было переодеться и спешить к наместнику, праздновавшему в самый сей день навечерие своих имянин и дававшему у себя городским в сей вечер маскарад. Наместник принял нас как гостей очень ласково и был приезду нашему доволен. Я представил ему свою иллюминацию, которую в тот же час для испытания в комнатах его зажгли. И она имела счастье ему так полюбиться, что он не мог на нее довольно насмотреться. И расхвалил сие новое мое изобретение, благодарил меня за мое к нему усердие и приказал тотчас отнести ее в зал и поставить на хорах, дабы все съезжающиеся в самое то время на маскарад могли ею утешаться. Итак, иллюминация моя подверглась тотчас зрению всей публики и приобрела себе всеобщую похвалу.

Наутрие, как в самый день наместниковых имянин, собрались мы все вместе и со всеми тамошними городскими чиновниками, по обыкновенному, для поздравления его со днем его имянин. И собрание было превеликое. Кроме нас с г. Давыдовым, приехало к сему дню несколько и других наших тульских чиновников, и мы все отличаемы были от прочих как приезжие гости. Что касается до меня, то день и случай сей был для меня в особливости до-

стопамятен тем, что наместнику угодно было пред всем многочисленным собранием наименитнейших из своих чиновников рекомендовать и осыпать меня толь многими похвалами, что сие обратило все глаза и внимание на меня, и самого меня даже в стыд вогнало. А сие и подало повод к тому, что все начали ко мне изъявлять свои ласки и вступать со мною в приятные разговоры. А таковое отменное от того уважение наполнило сердце мое наичувствительнейшим удовольствием.

Обедом в сей день угощал всех городских не наместник у себя, а зять его, г. Дурасов, муж родной сестры наместника. Мы все приглашены были также на сей большой пир и обедали вместе с наместником у оного. А ввечеру был бал и ужин у племянника его Ивана Дмитриевича Шепелева, где также было превеликое собрание. И как мы к нему были также приглашены и в сем пиршестве имели соучастие, то имел я тогда случай видеть все калужское дворянство обоего пола и насмотреться танцам, а особливо славной танцовщице княгине Львовой, сделавшейся потом очень славною по фавору к ней покойного графа Алексея Григорьевича Орлова. Но меня не столько увеселяли танцы, как опять многократные со мною разговаривание наместника и опять повторяемые им всем и всем мне похвалы. Что и причиною было, что день сей препровожден был мною с отменным удовольствием и был почти один из приятнейших в жизни.

. . . .

. . . .

. . . .

В наступивший после сего день дал у себя пир тамошний губернатор Петр Степанович Протасов, куда и мы также все приглашены были. Итак, проводивши утро опять у наместника, поехали мы все к губернатору обедать, где также было превеликое собрание и все наилучшие люди. После обеда заезжали мы опять к наместнику. И как оный в самый сей день ввечеру собирался отправиться в Петербург, то имели мы с ним о многом, относящемся до наших волостей, разговор. По наступлении же вечера ездили с ним вместе в тамошний театр, на который день представляли «Евгению» и оперу «Бочарь». И я с удовольствием смотрел на обе сии пьесы, представляемые довольно хорошо, и имел при сем случай видеть тамошний театр, который был ничем не лучше, а еще и похуже нашего Тульского. Из него же проехали на ужин и вечеринку к вице-губернатору г. Арсеньеву, где были также танцы, а потому и сей день был для нас довольно весел. Но сим и окончились все тогдашние калужские пиршества.

Как наместник действительно в ту же ночь отправился в Петербург, то распрощавшись с ним, не стали и мы долее в Калуге медлить. Но, позавтракав, на другой день отправился назад в Тулу и другою уже дорогою. На сем пути съехались мы с другими нашими тульскими, ехавшими также обратно, с которыми вместе в селе Макарове мы ужинали. И у господ наших спутников была тут изрядная попойка.

Однако мы тут не ночевали, а доехали уже ночью до Лихвина, а в следующий день поспели к

обеду и в Тулу, где я и ночевал в доме у нашего г. Давыдова, а наутрие к вечеру возвратился к своим в Богородицк.

. . . .

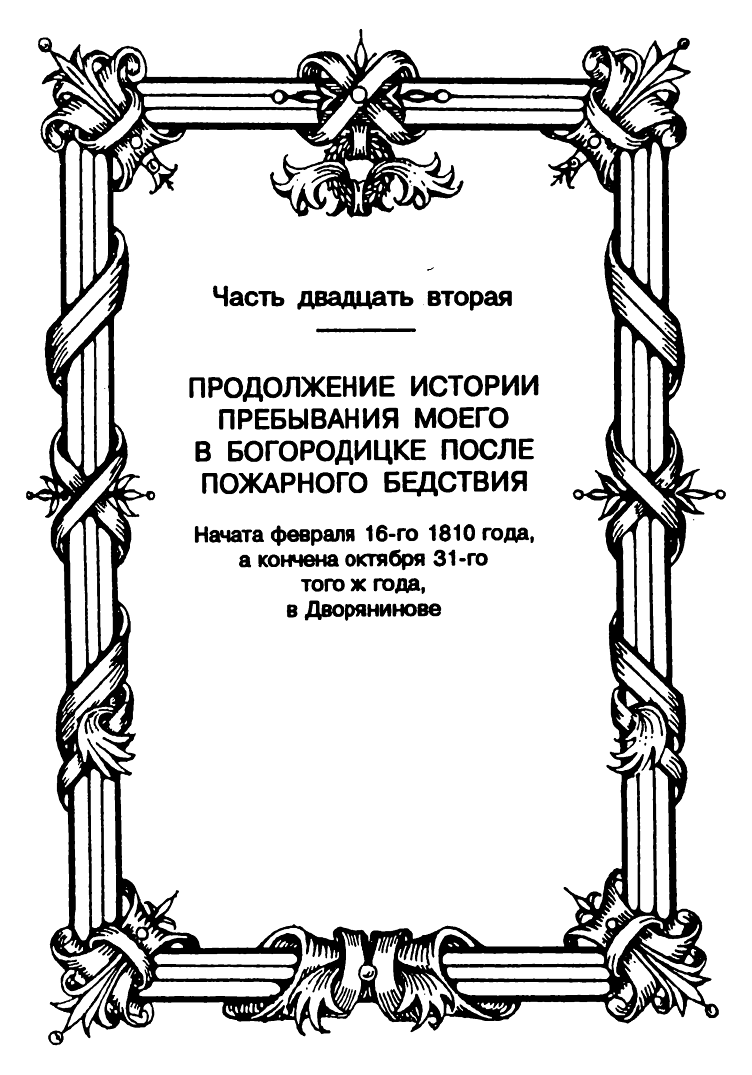
. . . .

. . . .

. . . .

Сим и окончу я теперь историю сего года и, сказав, что дальнейшее описание жизни моей найдете вы в последующих письмах, остаюсь ваш, и прочее.

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть двадцать вторая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ ПОСЛЕ ПОЖАРНОГО БЕДСТВИЯ

**Начата февраля 16-го 1810 года,
а кончена октября 31-го
того ж года,
в Дворянинове**

1785 ГОД

ПИСЬМО 221-е

Любезный приятель! 1785 год начал я провожать, находясь в Богородицке и живучи в мире и тишине и во всяком изобилии. . . . .
. . . .
. . . .

На Вербное посетили меня тогдашние винные откупщики г. Хомяков А.Ф. и господа Мансуровы. Но как все они были друзья и приятели моему командиру, имевшему с ними тайные связи, то, против хотения моего, принужден я, в угодность ему и по точному его приказанию, делать им возможнейшие удовлетворения в рассуждении продажи вина и с досадою принужден был смотреть, что вместо прежней строгости и отвращения крестьян от пьянства, дана была сим господам полная и совершенная воля хозяйствовать в волостях, как им хотелось, и делать все, что им было угодно. И они так хорошо пользовались сим дозволением, что истинно недоставало только того, что вина насильно не лили мужикам в горло. И богатые наши мужички наметали им столько денег, что доходов с них получали они более, нежели сколько самой императрице доходило с их оброка. И я с истин-

ным негодованием принужден был смотреть на сие сквозь пальцы.

Не лучшее хозяйство производимо было командиром моим и с нашими карпами. До сего по продаже оных получали мы в казну ежегодно значительные суммы, а в сие время только и знал я, что получал ордер за ордером, письмо за письмом, чтоб отпустить тому и тому и со полшеста-сот* за ничего не значущую цену или вовсе без заплаты. А что того еще хуже, для многих покупать на казенные деньги бочки, нанимать лошадей и отправлять их с солдатами за несколько сот верст на казенном коште без единого возврата. А все сие должен был я производить с крайнею досадою и негодованием, и чтобы не навлекать . . . . . был, по крайней мере, доволен тем, что на все такие законные и незаконные издерки получал ордера и повеления, следовательно, и в сем не подвергался отчета (sic). Со всем тем случалось иногда, что при непонятных и сумнительных требованиях я несколько упирался и чрез то подавал повод командиру моему жаловаться иным на меня, что я упорствую иногда и не то исполняю, что ему хочется. Друзья его не преминули меня о том известить. Но, я, уважая более повеления наместника и предохраняя сам себя от ответа, мало сие уважал, а продолжал делать то, что повелевал мне долг и что делать было должно.

Сим окончу я сие письмо и скажу вам, что я есмь ваш, и прочее.

---

*Полшеста-сот — триста.

БОЛЕЗНЬ СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ

ПИСЬМО 222-е

Любезный приятель! Наступивший после сего месяц май ознаменовался болезнью моей старшей дочери и был для нас всех очень горестным и печальным и по сему обстоятельству весьма для нас достопамятным. Занемогла она у нас не в самом начале сего месяца, но на другой день нашего праздника Николаева дня. И произошла болезнь сия, собственно, от простуды. Будучи по обыкновению женщин, подражающих во всем матерям своим, приверженною слишком к частому хождению в церковь, не хотела она никак преминовать*, чтоб и в сей праздник не быть в нашей церкви, несмотря как ни была она отменно холодна от случившейся на тот раз самой скверной погоды. И как она была по молодости и суетности своей очень легко одета, то и простудилась так, что нажила от того себе самую простудную горячку. Весьма много поспешествовало к тому и то, что она в тот же день ездила с нами в город в гости и тем еще более простуду свою умножила. Но как бы то ни было, но с начала болезнь

---

*Преминовать — пройти мимо, обойти. Здесь: переждать.

сия казалась ничего не значащею, и потому, обманувшись как-то, по несчастию, мы ее и не уважали и упустили первые и нужнейшие минуты к предварению сего зла через напоение ее своим целебным декоктом. Но после схватились, но уже было поздно. Я во все сие время занят был премногими делами, а потому мне сначала никто о том не сказал, боясь, чтоб я за неосторожность и излишнюю набожность не стал браниться. Итак, мне было и не до того, чтоб о том помышлять, а жена моя также как-то болезнь сию сначала не уважила и мало-помалу допустила ее так увеличиться, что хотя мы уже все старались ей всячески помогать, но все уже не пособляло, и она, бедняжка, через несколько дней слегла совсем в постель, и болезнь ее так увеличилась, что не в состоянии был помочь ей и самый уже наш лекарь. Словом, она превратилась в настоящую и прежестокую и самую злую и продолжительную горячку, доведшую ее через несколько дней до самого края гроба и до того, что мы несколько раз совсем уже отчаивались и считали, что она неминуемо умрет, и даже, причастив, приготовили уже к самой смерти.

Не могу никак изобразить, сколь горестно и печально было для нас все то время, покуда сия ее болезнь продолжалась, и каковы были для нас те дни, в которые бывала она в наивеличайшей опасности и мы считали ее уже умирающею. По особливой нашей к ней и всеобщей любви жаль нам было ее чрезвычайно, и мы все сие время, которое, к вящему огорчению нашему, продлилось очень долго и более месяца, были почти вне себя от горести и

печали. Но молодость ее и особое счастливое происшествие, что вся недужная материя произвела не внутри ее, а снаружи антов огонь*, и обстоятельство, что мы благовременно то усмотрели, спасли ее в сей раз от смерти. Я не успел услышать, что на лядвее** показалось какое-то синее и черноватое пятно, как в тот миг же поскакал за лекарем, а сей, узнав, что было то действительно антов огонь, в тот же миг стал спешить останавливать его разными кровяными припарками и имел в том успех вожделенный. Напоследок воспоследовал и вожделенный кризис или перелом болезни, и она, к неописанному обрадованию нашему, стала приходить в память, и хотя очень медленными шагами, но начала мало-помалу выздоравливать.

Но не успела она подняться на ноги, как напало на нас новое горе. Помянутый остановленный антонов огонь, по начавшемуся гниению сего зараженного им места, надлежало вырезывать и рану сию у ней опять залечивать, что опять продлилось очень долго, и если не помогло нам в сем случае искусство нашего лекаря, то не знали бы мы, что с нею и делать. Но сие было далеко еще не все. Но последствием болезни сей было то, что она впала в глубочайшую ипохондрию и начала всего-и-всего бояться и делаться равно как повредившеюся в уме. А сие сразило нас всего более. Мы отчаивались почти в совершенном ее выздоровлении и

---

*Антов огонь — гангрена.

**Нога от таза до колена.

не прежде успокоились, как по прошествии целых трех месяцев, когда исчезли уже все и малейшие следы ее болезни, и она пришла в совершенное опять здоровье.

. . . .

. . . .

Дозвольте и мне, на сем месте остановясь, отдохнуть и сказать вам, что я есмь ваш, и проч.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

КРИВЫЕ ТОЛКИ

ПИСЬМО 224-е

Любезный приятель! Продолжая мое повествование, скажу вам, что не успел наступить август месяц, как потребовали меня опять в Тулу для поговорки с наместником. Там принужден был я пробыть целых четыре дня, в которые несколько раз был я у наместника и говорил с ним о многом, относящемся до волостей. Он навалил на меня опять работу. Ему восхотелось составить о волостях целую книжку для поднесения государыни и приобщить к ней, как садам нашим, так и другим вещам планы и рисунки, и он просил меня, чтоб принял я на себя труд и сочинил по его предписанию и желанию. По ласковому его со мною обхождению не отрекся и я в сей раз от выполнения его желания. Но признаюсь, что толь часто повторяемое делание планов и описаний начинало мне уже прискучивать. Но как бы то ни было, но я обещал сие сделать и не без досады на сие возвратился в свое место.

. . . .

. . . .

Сим образом прошел весь и сентябрь месяц. А как в конце онаго надлежало нам переоброчивать отдаточные в наем земли, то к сему времени рассудилось

приехать к нам опять моему меньшому командиру г. Давыдову. Сие навлекло мне опять хлопоты и заботы. На торг сей съехалось опять множество дворянства, и командиру моему восхотелось всех их угостить у себя обедом. Но я, по крайней мере, был тем доволен, что при сем торге и праздновании происходило у нас все порядочное, доколе не пришла ему охота по окончании оного повеселиться звериною ловлею. Множество подлипал, а особливо из приезжих с ним тульских, уговорили его ехать с ними в волость и повеселиться охотою, а сие и положило предел порядочному его до того у нас поведению. Ибо не успел он с сими молодцами приехать в село Иевелево и там, как в отъезжем поле, со псами своими квартировать расположиться, как и началось у них там пьянство, буянство, собирание баб, скачка, пляска и всякие гадости и такие беспутства, что я, услышав о их проказах, пожимал только плечами и содрогался от удивления и искренно сожалел о сем добродушном своем начальнике.

К вящему для его несчастью, подъехал к ним туда на другой день и г. Веницеев из Тулы. И как сей человек, при всем своем великом разуме, был не из последних охотников до бражничания и беспутств всякого рода, то проказы их там увеличились еще более.

Таковые проказничания и постыдные беспутства производимые ими в Иевлеве и деревне Черневке продолжались несколько дней сряду и продолжались бы, может быть, еще долее, если бы вдруг прискакавший из Калуги от наместника курьер с какими-то повелениями не расстроил всей их беседы и не при-

нудил их всех скакать прямою дорогою и не заезжая уже к нам в Богородицк, в Тулу, куда, возвращаясь, увенчали они все свои проказничания тем, что перессорились и передрались впромежду собою. О чем услышав, благодарил я неведомо как Бога, что меня там с ними не было и я оставался дома, и сердечно сожалел о г. Давыдове, что он допустил себя сим образом марать льстецам и негодяям.

По отбытии от нас сей шайки развратных людей и с наступлением октября наступившая дурная осенняя погода положила предел нашим надворным работам и усадила меня в дом, где занялся я сочинением тех планов и бумаг, о которых просил меня наместник. А между тем по вечерам принялся опять за сочинение материала для «Экономического моего магазина» и не в многие дни весь материал на тогдашний 1785 год кончил. Разохотившись же в сем роде писания и полагая наверное, что г. Новиков будет просить меня о продолжении оного и в последующий 1786 год, начал на досуге заготовлять материал и на оный.

. . . .

. . . .

Поспешаю с окончанием описания сего года кончить и сие мое письмо, сказав вам, что я есмь ваш, и проч.

1786 ГОД

ПИСЬМО 225-е

Любезный приятель! Приступая теперь к описанию всего происходившего со мною в течение 1786 года, предварительно скажу, что во все продолжение оного не было со мною никаких чрезвычайных и таких происшествий, которые бы могли сей период жизни моей сделать отменно достопамятным. При начале оного семейство мое состояло в тех же особах, в каких было оно при начале предследующего года: я, моя жена и ее мать составляли старейших, а пятеро детей моих — младших членов оных. Сверх того жил у нас около сего времени один мальчик г. Баев, по имени Николай Ефимович, родственник наших приставов, просивших меня поучить его чему-нибудь.

. . . .

. . . .

. . . . . Перетревожены мы были неожиданным приездом к нам наместничьего адъютанта Ивана Елисеевича Комарова, посланного навстречу переезжающему из Воронежа в Калугу бывшему крымскому хану Шагин-Гирею* и долженствующему проез-

* См. примечание 9 после текста.

жать через наш Богородицк. И как сей проезд его был несколько достопамятен и для меня, то расскажу я вам об оном несколько подробнее.

Сей известный в свете последний обладатель знаменитого полуострова Крыма, по уступлении нам на век своего владения, жил до сего в Воронеже, где довольствован он был всем возможным изобилием, и доставляемо было ему всякое успокоение; но около сего времени, неизвестно уже для чего, высочайшей воле нашей тогдашней императрицы угодно было приказать перевесть его из Воронежа в Калугу и там для жительства построить ему особый дом и доставлять также все житейские выгоды. Носилася тогда молва, что некоторый род притеснения терпел он от имевшего тогда уже во всем великую власть известного князя Потемкина, за что-то его нелюбившего и старавшегося всячески не допустить его до двора императрицы, чего он с великою ревностию добивался. Но как бы то ни было, но велено было, при тогдашнем его переезде из Воронежа в Калугу, оказывать ему везде особенную честь как бывшему владеющему государю; выставлять везде под него и свиту его до ста подвод, и везде его встречать и провожать исправниками и городничим, и везде доставлять возможнейшее успокоение. А для всех нужных распоряжений к тому и для встречи его на границах нашего наместничества и отправлен был от наместника, как помянуто, адъютант г. Комаров.

Как видно, сему хану, между прочим назначена была станция и у нас в Богородицке, и по зимнему тогда холодному времени во всем городе нашем не было лучшей и спокойнейшей для его квартиры,

кроме моего дома, то и прислано было ко мне помянутым адъютантом повеление, чтоб я, нимало не медля, очистил и опростал дом свой для пребывания сей знаменитой особы, а для свиты его приготовил бы те комнаты во флигеле дворца нашего, где живали до сего судьи наши, с присовокуплением, чтоб я с моей стороны постарался доставить ему при приезде его все выгоды.

Неожиданное сие повеление перетревожило меня и всех моих домашних до чрезвычайности, и тем паче, что как прибытие хана ожидаемо было уже в скором времени, то надлежало нам, ни минуту не медля, перебираться совсем куда-нибудь из своего дома и очищать ему оный для квартиры. А куда б нам деваться — мы не знали и не ведали. Но как отстраниться от сего повеления и не исполнить его никаким образом было не можно, то и нехотя принуждены были мы тотчас начать сие дело и перебираться со всеми моими домашними в дома канцелярских моих служителей, утешаясь, по крайней мере, той мыслью, что сие опростание дома нашего будет не надолго. Итак, ну-как мы скорее все прибирать и все нужное перевозить в дом к секретарю моему Щедилову и к Ломакину, а иные вещи, собрав в задние комнаты, запирать. Что ж касается до моего кабинета, то не рассудил я за нужное его опрастывать, а прибрав его сколько-нибудь, остался в нем сам как хозяин для пребывания, ибо нужно было, чтоб не находилось в доме никаких женщин.

Едва мы все очистили и опростали, как и началось уже шествие. Сперва, именно 14 января, приехал обоз ханский и несколько человек из знамени-

тых его чиновников. Был тут, во-первых, один князь или мирза, бывший у него государственным казначеем; во-вторых, так называемый ефенди, наиглавнейшая духовная особа; в-третьих, ханского корабля капитан-ага; в-четвертых, секретарь ханский, далее мола или поп ханский, и еще один знатный татарин, и человек двадцать прочих нижних служителей. Всем сим отведена была квартира в каменном дворцовом флигеле, где не успели они расположиться, как из любопытства пошел я к ним для сделания визита. Было это в первый раз в жизни, что я имел случай видеть татар, сей народ, бывший до сего толико враждебный и бедственный для нашего отечества, но тогда нами в подданство приведенный. Я смотрел на них и на все обряды, одежды и обыкновения их с примечательным оком и с особенными душевными чувствиями. Они приняли меня довольно вежливо и обходились с нами весьма учтиво и ласково, подчивали меня, по обыкновению своему, трубкой с табаком, в которые нашел я их курящих, и разговаривали со мною коеочем чрез переводчика. Мне показались они людьми неглупыми, и я всем поведением их был весьма доволен и с таким любопытством смотрел на разные их одежды, что по отъезде их мог по памяти сухими красками нарисовать вид и образ их ефендия так, как он был тогда в волчуре; которое изображение, очень сходное с его лицом, хранится у меня и поныне еще в целости.

Как господа сии у нас тогда только пообедали, а потом тотчас отправились в дальнейший путь, то имел я случай видеть и образ их обедов. Все они, человека по четыре в кучке, уселись, по обыкнове-

нию своему, поджав ноги на полу, и приготовленное по их манеру их поварами кушанье приносимо было и уставляемо вместо столов на больших круглых деревянных подносах и поставляемо посредине каждой кучки, с которых они, без тарелок и ножей, по-своему, большей частью руками, яствы брали и ели.

Проводив от себя сию первую партию, стали мы дожидаться приезда самого хана. И дабы нам можно было успеть его встретить, то выслал я нарочного в одно наше волостное село, верст за 20 от нас по дороге к Воронежу отстоящее, и велел тотчас скакать ко мне с известием, как скоро хан туда приедет. . . .

Наконец, 19-го числа, в третьем часу пополудни, прискакал к нам первый курьер с известием, что едут его передовые, которые вскоре после его вместе с ханскою кухнею и приехали. Сие опять всех нас перетревожило. Городничий наш поскакал с своими драгунами ему навстречу, а я распоряжал к приему его все нужное в квартире. А немного погодя приехал наконец и сам его светлость хан. Мы со всеми нашими судьями и множеством сбежавшегося народа встретили его у крыльца моего дома, и я провел его в свою гостиную, где он разоблачился и, скинув свою соболью шубу и с головы шаль, которою был окутан, остался в одном своем длинном, носильном платье, похожем весьма на монашескую ряску или полукафтанье, а и шапка на нем осталась во всем подобная монашеской камилавке, с тою только разницею, что сшита была она из наимельчайших черных овчинок. Теплый мой и спокойный домик так ему полюбился, что он тотчас сказал приехавшему с ним вместе г. Лашкареву, что он вознамерился

здесь взять отдохновение и переночевать и в дальнейший путь отправиться уже наутрие. На что он ему отвечал, что это будет очень кстати, поелику коляски, в которых ехали его чиновники, по дурноте тогдашних зимних дорог и по ухабам так изломались, что их доводится бросить и доставать вместо их зимние кибитки.

Не успели все узнать, что хан расположился у нас ночевать, как все наши судьи ему откланялись, и остался с ним один только я как хозяин и г. Лашкарев, что мне было в особливости приятно, поелику я получил случай не только насмотреться на него, сколько мне было угодно, но с ним вступил и в разговор. Он показался мне очень нестарым и не более как лет 35 или 40. Собою был высок, сух и худ и точно монах, весь в черном платье, но вид имел приятный, и все черты лица его означали в нем разум острый и великий. Он сел тотчас для отдохновения на наше канапе, по обыкновению нашему, а не по азиатскому, а в тот же почти миг камердинер его, француз, поднес ему кофе, стоя пред ним на коленях. Я удивился сему обыкновению, также и тому, как он курил табак из трубки, поданной ему после кофе. Сия была обыкновенная глиняная, турецкая, с предлинным чубуком, и хан курил из нее, вставши уже с канапе и расхаживая по комнате, и особливость курения его была та, что он, курнув не более разов трех или четырех, пускал потом изо рта такое великое множество дыма, что весь оным обнимался, и трубка выкуривалась уже вся и подавали ему чрез несколько минут уже другую.

Между тем как он, куря свою трубку, расхаживал

по комнате, разговаривал он с г. Лашкаревым по-французски и смеялся, и шутил над ним по поводу, что случилась с ним бедушка, и он, подъезжая к Богородицку, упал в снег, при случае изломавшейся его коляски, и потерял свои золотые часы, говоря, что он желал бы душевно, чтоб часы его найдены были после каким-нибудь бедным человеком, которому бы они очень пригодились. Я любовался духом, слыша сии слова, изображающие черту его благодушия, однако не рассудил за благо давать им знать, что я разумею по-французски, а самое сие и побудило хана, желавшего вступить со мною в разговор, начать со мною говорить по-русски, хотя сие не прежде он учинил, как обозревшись и увидев, что нас было в комнате только трое; ибо при прочих не говорил он инако, как по-татарски и по-французски. Я удивился, услышав, что он изряднехонько говорил по-русски, чего мы до того никак не знали. Он расспрашивал меня весьма благоприятным образом о нашей волости, о дворце, и много кое о чем о прочем. И как я приметил, что был он весьма любопытный и сведущий о многом человек, то мало-помалу завел я его в разговоры о разных материях, продолжавшихся более часу и с таким с обеих сторон удовольствием, что я его душевно полюбил. И как мне восхотелось нарисовать для себя и его вид и оставить у себя вместо памятника, то, желая ближе его рассмотреть и позаметить все черты и приметы лица его, и пришла мне мысль употребить к тому небольшую хитрость, а именно: я довел речь до наших садов и удивительных песков мраморных и вздумал поднести ему ящичек с наилучшею коллекциею сих

песков в подарок, с тем намерением, что когда он станет их рассматривать и ими дивиться, мог бы я в самой близи, держучи перед ним ящичек, рассматривать и замечать в уме черты лица его, что мне по желанию и удалось. Ибо как он любопытен был пески наши видеть, то побежал я тотчас в свой кабинет и принес ему свою коллекцию, которую многие минуты рассматривал он с особливым любопытством и удовольствием и признавался, что составляют они самую редкость в натуре; а я между тем имел довольно времени рассматривать черты его лица и заметить столь живо в своей памяти, что по отъезде его в состоянии был заочно нарисовать сухими красками его портрет, столь на него похожий, чтобы татары, заезжающие после его ко мне, тотчас узнавали, что это портрет их хана, и дивились, как я мог заочно и так хорошо потрафить*. Он и действительно нарочито был на него похож, и картина сия украшает и поныне еще за стеклом стены моей гостиной и служит памятником тогдашнему времени и происшествию.

Хан принял от меня прекрасный ящичек сей в подарок с отменным благоволением и вскоре после того, раскланявшись с нами, пошел спать в мою спальню, где для него служителями его приготовлена была постель, а я с г. Лашкаревым, вышед в зал, нашел ее всю наполненную табачным дымом, произведенным трубками, куримыми ханскими приближенными чиновниками. В числе их был первый его

---

*Угодить.

министр Зеид-ефенди, о котором говорили, что он был весьма ученый и разумный человек; другой был его дворецкий, также человек весьма неглупый и любопытный; третий — адъютант, брат казначейский, и несколько человек других; и между прочим и молодые, некоторый род ханских пажей; но всех их было не слишком много. Упражнение их состояло в питии чая и кофе и курении табака, а некоторые отдыхали. Из наших же, ехавших с ним, кроме г. Лашкарева, безотлучного при нем пристава, был помянутый наместнический адъютант г. Комаров и еще один полковник немец из Воронежа. Со всеми ими я познакомился скоро, и будучи ласкою их доволен и поговоривши с ними несколько минут, оставил их брать себе покой и удалился к домашним моим на квартиру.

Поутру вставши, спешил я опять иттить к гостям, думая, что хан поедет от нас скоро, однако нашел его еще спящим или, по крайней мере, не выходившего еще из его спальни, где, вставши, отправлял он свои утренние молитвы и, как сказывали мне, с великим усердием и стоючи на коленях.

Пребывание его в спальне продлилось очень долго и до самого обеденного стола. Да и сей имел он там же, и мы только видели носимое туда на серебряных блюдах и в таковых же мисках кушанье, и чем он там все утро занимался, того не знали. Между тем, старался я угостить по-своему наших русских, бывших с ним, по-дорожному приготовленным для них в задней комнате обедом; татарских же чиновников его — занимать всякими разговорами и показыванием им своей иллюминации и картин; и они все,

казалось, были очень довольными. Все они в сие утро переоделись и надели наилучшее свое платье, и я, смотря на особый покрой оных и на разные их шапки и сравнивая тогдашнее их состояние с состоянием прежним, а особливо в века прошедшие, не один раз помышляя, сам себе говорил:

— Было время, что куртки, шаровары и шапки сии нагоняли собою страх и ужас на наших русских, и предки наши не инако, как со страхом и трепетом и благоговением на них сматривали; да и недавно еще не так-то было, господа сии со мною обходились как теперь; но если б по какому-нибудь несчастному случаю случилось мне также, как моему прапрадеду, попасться к ним в Крым и находиться под их властью! Ах! все на свете подвержено изменению и превратностям. Некогда было их время, а теперь наступило наше! А впредь что будет — единому Богу известно!

Хан не прежде из спальни своей в гостиную вышел, как пред самым уже отъездом и когда уже все дорожное его платье, а особливо черная его из наитончайшей материи шаль, которою он обыкновенно при выходе в публику увертывал и голову, и шапку, так что видима оставалась малая часть лица его, была уже готова. К сей шали чиновники его оказывали особенное почтение, и я с любопытством смотрел, как они с великим благоговением ее растягивали, распрямливали, вытрясали из нее пыль и свертывали. И дивился сему их обряду. Далее обращал внимание мое плоский оловянный сосуд, наполненный горячею водою и завинченный шурупом, который ханские служители приготовляли и брали с собою в

дорогу. Вода сия нужна была хану для обыкновенных их обмываний, которые составляют у них существенную часть их религии и отправляют всякий раз пред начинанием молитв, отправляемых ими пять раз в сутки.

Вышедши из спальни, хан уже не долго у нас пробыл, но, поговорив несколько минут с г. Лашкаревым и со мною, стал в путь свой собираться и укутываться. В самое сие время вызвал меня г. Лашкарев вместе с нашим городничим в залу и тут, от лица ханского, одарил меня за угощение подарками — меня золотыми прекрасными часами, а для жены и дочери моей — двумя кусками прекрасной шелковой дорогой материи, а городничего нашего — золотою табакиркою*, рублей во сто. Нас сие немало удивило, ибо мы хотя и слышали, что хан везде и всех одаривал во время своего проезда, но никак не ожидали, чтоб подарки были так знамениты, и едва успели возблагодарить за то хана, шедшего уже мимо нас садиться в свою карету.

Сим образом проводили мы сего почтенного гостя, и я пожелал ему искренно счастливого пути и всякого благополучия в продолжение его жизни. Но желание мое не совершилось! Но я чрез несколько времени услышал, что ему и в Калуге князь Потемкин не допустил окончить жизнь свою спокойно, но довел его наконец до того, что он стал проситься об увольнении его к своим одноверцам в Турецию. Куда его проводили, хотя со всею подобающею честью, и отдали с

---

*Табакирка — табакерка.

рук на руки туркам, но у сих не нашел он того счастья, которым ласкался, но был чрез несколько времени от султана сослан на один остров в ссылку, и там, по приказанию его, удавлен. Я, услышав о сем, пожалел искренно о сем добродушном и достойном лучшей участи несчастном владельце.

. . . .

Сим кончу я сие письмо, представив повествование о московском пребывании письму будущему, скажу между тем, что я есмь ваш, и проч.

Октября 3-го дня 1810 года.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ЧЕРНЫЙ ГОД
1787
ПИСЬМО 227-е

Любезный приятель! Приступая теперь к описанию происшествий, бывших со мною в течение 1787 года, предварительно скажу, что сей год был вообще в жизни моей весьма достопамятным, но не столько добром, сколько худом. Он был для меня прямо черным годом и преисполнен множеством не только трудов, хлопот, забот, но и самых недоумений, досад и разного рода неудовольствий и огорчений. Происходили они наиболее от зависти к моему месту от людей злых и негоднейших характеров, и для меня потребна была вся моя философия к терпеливому переношению всех бывших со мною неприятностей, и если б не бдило надо мною всевидящее око и не пеклось благодетельное обо мне провидение Господне, то не знаю, чего-и-чего не могло со мною воспоследовать.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Обременен я был великим множеством разных

и важных дел, относящихся до самых волостей наших и по моей должности. Наместнику нашему, по охоте его к замыслам, предприятиям и переменам разным, восхотелось совсем некстати и из единого, так сказать, умничанья и, мешаясь в дела, нимало ему не принадлежащие, учинить и во внутреннем правлении наших волостей некоторые перемены и завесть совсем новые порядки, ничем не лучшие пред прежними и едва ли не худшие и ему только казавшиеся лучшими. Всходствие чего и дано мне было от него множество разных повелений, которые все должен был я производить в действо. Обе волости предписано мне было разделить на несколько равных частей и в каждой части выбрать бурмистров*, долженствующих иметь в ведомстве своем по нескольку сел и деревень и отправлять над мужиками суд и расправу. Сих бурмистров велено было мне одеть в особое платье, сшитое из хорошего малинового сукна, особо покроенного, и снабдить их особыми поясами, шапками и начальническими жезлами. Набранных и учащихся в школе грамоте и пению велено учить духовной и смычковой музыке, и для обучения сего приискан был капельмейстер. О сем должен был я также иметь попечение. Для содержания садов и ранжерей приискан и нанят был садовник, природою пруссак, но бывший мне худым помощником. С сим имел я также многих хлопот по причине

*Бурмистр — немецк., назначенный помещиком из крестьян староста.

страсти его к питью. Но все сие было почти ничто, в сравнении с теми душевными озабочиваниями, какие со мною час от часу более производил мой меньшой командир особливостью своего характера и всем своим поведением. Будучи от природы хотя весьма добродушным и в обхождении приятным и любезным человеком, а имел однако он ту слабость, что был весьма самолюбив и наклонен слишком к тщеславию, распутству и даже мотовству самому, и с сей стороны был крайне дурен сам для себя. Находясь многие годы в отменной милости у наместника, по причине любви сего к жене его, и избаловавшись тем слишком все время, продолжал он и в сие время держаться прежних своих привычек и, не отставая никак от расточительности и мотовства, предпринимал и производил такие дела, которые несообразны были ни с каким благоразумием и которые самые наводили на меня превеликую заботу и опасение, чтоб не претерпеть когда-нибудь и мне чего-нибудь худого за его беспутство и не только весьма худое рачение* о наших волостях, но паче и за самое расхищение многого, до них принадлежащего. Как, по самолюбию и тщеславию его, было то ему крайне неприятно, что наместник мешался в дела наши и не давал ему во всем совершенную волю, какую ему иметь хотелось, нося имя «директора экономии и командира волостей наших при правлении оными», то несмотря на то, старался он при всяком случае, а

* Старание, заботу.

особливо при приездах своих к нам, не только принимать на себя вид самовласного начальника надо всем, но и действительно отваживался делать то, чего б ему никак не следовало и что совсем несообразно было с намерениями и приказаниями наместника, а иногда и совсем противно оным; и дабы он о том не узнал, то старался он производить то скрытно от него и желал при том, чтоб и от меня сему не было о том никогда доносимо и упоминаемо. А само сие и приводило меня нередко в превеликое недоумение и даже в самое опасение, чтоб не подвергнуть себя чрез то какому-нибудь ответу или, по крайней мере, гневу от наместника, и я принужден был напрягать все силы ума своего к выдумыванию средств, удобных к сохранению от обоих их к себе благосклонности и к спасению себя от нарекания и дурного имени. И одному Богу известно, сколь многих мне сие трудов и забот стоило и сколь трудно было мне, угождая одному, другому не пакостить, ни к себе не вооружать. И какою желчью огорчало сие все то, что я в сие время чувствовал хорошего и приятного.

Наиглавнейшее зло проистекало из того, что расточительному моему меньшому командиру и директору, применяя не домоводство, а пустодомство, хотелось поживляться чем-нибудь от наших волостей и тем сколько-нибудь поддерживать свои финансы, находившиеся весьма в дурном положении; а потому и изыскивал он как сам, так и по совету прихлебателей и лжедрузей своих, все удобные к тому способы и употреблял всевозможные к тому тайные замыслы и хитрости. Наиглавнейшая цель

его устремлена была на волостные деньги, и дабы ему можно было ими транжирить как хотелось, то и преклонил он наместника, чтоб дозволено ему было от обыкновенных доходов, которые велено было ему доставлять в казенную палату для сохранения, отделять некоторую часть на мелочные по волостям расходы и называть экономическою суммою, препоручив ему оную в полную волю и распоряжение. Сих денег накоплялось у нас-таки довольно, и с ними он так хозяйствовал, что нередко у меня становились оттого и волосы дыбом. Какое множество из них растеряно было совсем на пустое и на одни его прихоти и излишние затеи, какое множество раздавалось им ни за что, ни про что разным людям и какое множество расхищено самим им! Словом, всем сим денежкам давал он совершенный карачун*. Но сим далеко он еще доволен не был; но ему хотелось запустить руки и в главную сумму. И боже мой! сколько забот наводил он мне сими своими покушениями, и каких и каких предосторожностей ни должен был я употреблять при исполнении насылаемых ко мне и даваемых повелений, относящихся до присылки и употребления денег. Нередко доходило до того, что я не знал, что делать, особливо, когда получал письма от него либо об отпуске куда-нибудь, либо об употреблении на что-либо денег без записывания в расходную книгу, и сколько трудов мне стоило вывертываться из таких критических случаев.

---

*Карачун — капут, конец, смерть.

И я истинно уже не знаю, как меня Бог спас с сей стороны от опасностей и помог мне отделываться от него в рассуждении сего пункта безбедственно.

Другой предмет для тайных покушений его был наш волостной хлеб, собираемый уже из давних лет в наш большой и просторный каменный магазин. При вступлении его был он весь наполнен хлебом, и было его несколько десятков тысяч четвертей. И как над сим имел он полную власть и мог распоряжаться им, как ему хотелось, то истинно изобразить не можно, чего-чего он с ним не предпринимал. Он не только хватал сам оного по несколько сот и тысяч четвертей под видом будто займа и продажи, но раздавал и друзьям и знакомцам своим по несколько сот и тысяч четвертей заимообразно, и на большую часть таким, от которых никакой не было надежды к получению оного обратно. Таким же образом транжирил он им, раздавая, без дальней нужды, и разным нашим подкомандующим, в прибавок к их жалованью; а наконец и самым волостным крестьянам заимообразно. Я сколько ни представлял ему, что нам собирать оного с них и со всех заемщиков будет стоить очень многого труда и что мы со многих и получить его не можем, но никак он не хотел меня в сем случае никак слушать, то и тем озабочивал меня чрезвычайно, и тем паче, что мне не хотелось уведомлением о том наместника приводить его ему под гнев, а себя с сей стороны обеспечивать было очень трудно и стоило больших выдумок.

Не лучшим образом хозяйствовал он и нашими

излишними, в оброк отдаваемыми землями, и сколько оных раздаваемо было друзьям и прихлебателям его почти даром и за ничто, и чего, и чего и в рассуждении сего пункта ни происходило! Он и с сей стороны нимало ни уважал все делаемые мною ему представления и предостережения; а таким же образом хозяйствовал он и с нашими карпами и продажею оных. Боже мой! Сколько мы растеряли оных и раздарили оных его друзьям и знакомцам и сколько растеряли даже самых денег при развозке их в места, иногда дальние, на казенном коште. Словом, все его хозяйство было прямо удивительное и такое, которое можно было назвать совершенно расточительным.

Итак, будучи принужден ему во всем том поневоле и против хотения содействовать, имел я тысячу забот, смущений и беспокойств, и оные продолжались во все течение сего года и были для меня особенно чувствительны, и тем паче, что при всем том должен я был весьма многое терпеть и от негодяев, завистников моих, напрягавших все силы умов своих к вымышлению разных козней и старающихся всячески оклеветать меня не только наместнику, но самому даже г. Давыдову, дабы тем уничтожить в обоих их прежнее ко мне благорасположение, и вымышляющих всевозможные хитрости к тому, чтоб столкнуть меня с моего места, что все узнаете вы из дальнейшего описания происшествий сего года.

. . . .

А как и письмо мое достигло до своих обыкновенных пределов, то дозвольте мне и оное на сем

месте кончить и сказать вам, что я есмь ваш, и прочее.

Октября 11-го дня 1810 года. Дворянинова.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

КАТАСТРОФА

ПИСЬМО 229-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Происходило все сие в первых числах июня месяца. А как около сего месяца ожидаемо было уже и прибытие императрицы в Тулу, то все дворянство готовилось к тому времени ехать в сей губернский город, дабы иметь случай видеть сей торжественный приезд и самую императрицу, к принятию которой деланы были в нем превеликие приуготовления. Вместе с прочими восхотелось преотменно быть в Туле и жене моей с дочерьми и сыном. И как все госпожи шили, сообразно с алым цветом тульского мундира, и себе алые русские шелковые платья, то спешили и они запастись таким же себе одеянием и нарядами, не взирая на весь убыток, с тем сопряженный. Что касается до меня, то я, будучи тогдашними хлопотами отвлечен от литературных своих занятий и запустив так свой «Экономический магазин», что боялся, чтоб не сделалось в издавании его остановки, спешил тогда как можно скорее снабдить издателя своего материалом и несколько дней трудился над тем, не вставая почти с места.

Кроме того, надобно мне было поспешить отдел-

кою флигеля и своего ящичка с мраморными песками, назначенными для поднесения государыне, и мы оба с сыном трудились, так сказать, до положения риз над сим делом. А сверх того велели мы наловить и самых крупных карпов и отправить в Тулу к прибытию императрицы. И как обыкновенною ловлею нельзя было изловить таких, какие были надобны, то необходимость заставила меня спустить для сего один из прудов наших, в котором я знал, что есть самые крупные карпии. И подлинно, достал я тут таких величин, что все удивились величине оных, а особливо величине щук, тут отысканных, из которых иные даже пожелтели от старости и были страшной и такой величины, каковой я никогда еще щук не видывал.

Все сие и прочее, что нужно было, исправивши, отпустил я жену свою с детьми в Тулу 12 числа июня, а вслед затем, на другой день, и сам на переменных отправился за ними. Мы пристали в сей раз на квартире у прежнего нашего городничего Антона Никитича Сухотина, и хозяева были нам очень рады. Но я был очень встревожен и смущен, услышав распущенные о себе в Туле весьма невыгодные слухи и, что всего для меня удивительнее было, самим моим младшим командиром, который, для прикрытия своих грехов, все их взваливал на меня, но как к чистому поганое никак не могло пристать, то я хотя и огорчался тем, но утешался своею правотою и досаду свою скрывал в своем сердце.

На другой день, явившись к своему младшему командиру, поехал я к наместнику для показания ему своего ящичка с песками, которым был он также

весьма доволен, и велел мне у себя его хранить до поры до времени. И как времени до прибытия императрицы оставалось уже мало, то приказал мне наместник в тот же день ехать почтою в Богородицк, для скорейшего отправления с волости подвод под свиту государыни на большую Елецкую дорогу. Итак, принужден я был скакать опять обратно в Богородицк и, прискакав туда в полночь, разослал скорей людей для сгоняния подвод и лошадей. Сих, ни мало ни много, надобно было 525. И я хотя с трудом, но успел их на другой же день всех собрать и, вручив их своему Бобриковскому управителю г. Верещагину, отправил его с ними на станцию.

Исправив сие дело, стал я собираться опять ехать в Тулу, но застигшее превеликое ненастье и стужа остановили меня и принудили остаться в сей день дома и заняться сочинением материала для «Экономического магазина». Но зато 17-го числа раным-ранехонько пустился я в Тулу и, взяв в Дедилове почтовых лошадей, спешил как можно приездом в Тулу, дабы не опоздать и поспеть к приему императрицы. Но тут, как нарочно, попадись мне ямщик такой, который не успел со мною выехать, как онемел и ослаб так, что не мог владеть никаким членом и вывалился в мою кибитку. Господи, какая была тогда на меня досада! Мы кричать и нукать лошадей; но лошади, привыкнувши повиноваться крику только своего хозяина, нас не слушаются. Что делать?

— Садись, — говорю я слуге своему, — ты кучером и погоняй.

— Но чем, сударь, кнута нет?

— Чем-нибудь, — говорю, — и не жалей лошадей.

И подлинно, досталось тогда от нас сим бедным тварям и попалась нам какая-то палка, и мы всю ее об них изломали. Но зато и летели они с нами и доставили нас в Тулу так рано, что я еще успел в тот же день побывать на заводе, видеть все там для императрицы приготовленное, а потом съездить еще в арсенал и насмотреться и там всей пыли, какую старались тогда кинуть в глаза императрице; а, наконец, съездить с своими домашними и в редут и видеться там со многими из своих знакомых, которые смутили опять меня рассказыванием о рассеянных обо мне разных слухах; но я всех их переуверил.

Вся Тула наполнена была тогда съехавшимся со всех сторон обоего пола дворянством и все, так сказать, на цыпочках ходили, дожидаясь с часу-на-час прибытия императрицы; однако она ни в тот, ни в оба последующие дни еще не бывала. Наместника не было уже тогда в городе. Он ускакал вперед для встречи государыни, и как чрез то была нам своя воля, то оба сии дни употребили мы на разъезды по гостям к своим знакомым и ездили, между прочим, ко дворцу на оружейный завод, смотреть развод церемониальной смены караула, также зажигаемую для пробы иллюминацию, сделанную против самого дворца, за каналом, подле крепости; также приготовление на канале для последующего дня серенады*. Все сии предметы были, по новости своей, довольно приятны, а особливо не видавшим никогда оные. Собственно иллюминация и не составляла дальней важности: был

* Серенада — здесь: приветственная музыка.

сделан небольшой щит и освещен скрытыми впереди и поставленными на земле плошками. Что ж касается до серенады, то сия приятна была более для слуха, нежели для глаза. Два нарочитой величины плоскодонные судна, иллюминованные, с насаженными в них певчими и музыкантами, поющими приятные гимны, сочиненные нарочно для сего случая, разъезжали, тихо будучи тянуты канатами взад и вперед мимо дворца, по широкому каналу, и весь народ, которым оба берега канала сего были унизаны, любовался сим зрелищем. Подле дворца видели мы уже несколько придворных, приехавших с передовыми, и весь вечер сей провели в разъездах сих и в смотрении всех сделанных приуготовлений очень весело. Вечеру в предследовавший день давал знакомец мой г. Игнатьев у себя бал, на котором, по сделанному от него приглашению, был и я с обеими дочерьми моими.

Тут, как и прежде, не один раз случилось мне видеть моего младшего командира и жену его. Сам он казался весьма смущенным и погруженным в великую задумчивость. Может быть, опасался он, чтоб не открылись при сем случае кой-какие сделанные им шалости и чтоб не было чего-нибудь для него худого, со мною обходился он холодно и благосклонно, так что я не мог подлинно судить о тогдашнем его душевном ко мне расположении. Что ж касается до его супруги, то она явно почти оказывала свой гнев и неблаговоление к моим домашним, что их так расстроило, что они обливались даже оттого слезами. Словом, обоих их поведение против нас было в сей раз столь странным и непонятным, что сам я озабочивался оттого и смущался немало духом.

В ночь под 20-е число прискакал из путешествия своего наш наместник для сделания в Туле, для встречи императрицы, имеющей прибыть в тот день, всех нужных распоряжений. Я не успел услышать о его приезде, как раным-ранехонько поскакал к нему и получил от него приказание о встречании государыни, вместе со всеми судьями и дворянством, подле судебных больших корпусов, где всем судьям велено было с обеих сторон стоять и дожидаться приезда императрицы. Госпожам же всем велено в нарядах своих собраться в собор мимо крыльца и входа, в который надлежало государыне ехать.

Не могу без смеха вспомнить о той превеликой суете, в какой находились все в сие достопамятное утро и какая скачка поднялась по всей Туле карет и колясок и бегание взад и вперед народа. Вся большая Киевская улица, от самого въезда и сооруженных при оном великолепных триумфальных ворот до самого собора и далее до дворца, установилась в один почти миг бесчисленным множеством народа, и он, с неописанною нетерпеливостью, ожидал прибытия государыни и той минуты, в которую увидит он свою обладательницу. Собор наполнился так боярынями, что сделалась в нем оттого духота совершенная. Все они одеты были в новые свои однорядные или женские мундиры, и всякая из них старалась получить для себя лучшее и выгоднейшее место для смотрения государыни, о которой все здесь наверное полагали, что она, поровнявшись против собора, непременно остановится и, вышед из кареты, войдет в церковь для поклонения святым иконам. Что касается до наместника, то сей, распорядив

нужное, с некоторыми из чиновников своих и 12 человеками почетных, выбранных из молодых дворян и одетых в богатое платье, поскакали верхами за город для встречи императрицы.

В сем положении и стоючи все в своих местах, провели мы все тогдашнее прекрасное, светлое и тихое летнее утро. Наконец, в 12 часу гром пушечной пальбы за городом возвестил нам о приближении к городу императрицы. В миг тогда все и все и весь народ установился в порядке по своим местам, и все с неизъяснимым вожделением стали дожидаться ее прибытия и глазами искать уже вдали ее кареты, ехавшей за многими другими, проскакавшими мимо нас впереди. Наконец, показалась и она, окруженная множеством всадников, скакавших по обеим сторонам оной. Сам наместник скакал подле кареты сей с боку верхом и, не успела оная поравняться против нас, как все мы отдали ей глубочайший поклон. Но самое сие поклонение и лишило нас с толикою нетерпеливостью ожидаемого удовольствия ее увидеть, ибо вместо того, чтоб ей против нас остановиться, как того мы все ожидали, проскакала она мимо нас так скоро, что мы, подняв головы свои, увидели уже карету ее далеко от нас уже удалившуюся и посмотрели только вслед за оною.

Столь же хорошо в лестных ожиданиях своих обманулись и все наши госпожи боярыни, находившиеся в соборе, ибо и там императрице не угодно было выйти из кареты. Но она, остановившись на секунду против отворенных в соборе дверей, перекрестилась только пред вынесенным к ней архимандритом крестом и приказала тотчас продолжать путь свой далее

ко дворцу. Итак, все тут ожидавшиеся госпожи, искони не видавшие государыню и в глаза, принуждены были ни с чем и с чувствительным неудовольствием разъезжаться по своим домам и квартирам. Всеми ими предводительствовала тогда наша губернаторша, госпожа Заборовская, но и ей самой столь же мало удалось государыню видеть, как и всем прочим.

Господи! Какое началось тогда у всех у нас, а особливо у госпож и боярынь наших, о сем происшествии судаченье и какие сожаления слышны были повсюду и от всех, что все труды и хлопоты ихние обратились в ничто и были тщетны. Но все, по крайней мере, утешали себя надеждою, что увидят государыню в приготовленном в сей день в театре спектакле, о котором все не сомневались, что государыня удостоит оный своим посещением.

Сие всеобщее желание наконец совершилось. Государыня, действительно, удостоила оный своим посещением и не успело, пред вечером, все дворянство в театр съехаться и все ложи оного наитеснейшим образом собою наполнить, как приехала и государыня в препровождении наместника и прочих господ и госпож из своей свиты. Минута вшествия ее, скажу, была восхитительная для всех. У всех зрение и сердца обращены были на оную, и не успела государыня показаться, как с возгремевшею вдруг музыкою все, встав, ей наиглубочайшим образом поклонились, и удостоены были и от нее соответственным поклоном. С сей минуты всех очи обращены были на ее во все продолжение представляемой тогда пьесы, которую едва ли и десятая часть народа тогда видела. Но сколь удовольствие всех ни было велико, однако, оно было

еще несовершенно; ибо видение издали не удовлетворило далеко еще желания всех, хотевших видеть черты лица ее в близи самой. Но сие удовольствие надеялись все иметь на бале, который назначен был в последующий день в зале дворянского собрания и который, как все говорили, наверное, удостоит также императрица своим посещением.

По окончании спектакля поехала императрица обратно во дворец, а мы все, по выходе из театра, поехали вслед за нею для смотрения иллюминации и серенады в полном их виде и действии ко дворцу и провели остальное время сего вечера довольно весело; ибо было действительно много зрения достойного; в особливости же любовался я бесчисленным множеством плошек, которыми все стены Тульской старинной крепости и ее башень были иллюминированы. К последним, к приезду государыни, приделаны были сверху другие башеньки с щпицами, существующие и поныне, и все они установлены были множеством плошек, и все они вместе с наставленными по всем зубцам ниже оных рядами проволоки с скипидаром, зажжены были в один миг и представляли преузорочное зрелище. А таковое же душевное удовольствие доставляла всем зрителям и тогдашняя серенада. Оба разъезжающие тихо по каналу мимо дворца судна были в сей вечер не только наипрекраснейшим образом разноцветными огнями иллюминованы, но, кроме музыкантов и певчих, наполнены были множеством господ и госпож, и тихая восхитительная гармония духовной и вокальной музыки услаждала слух каждого. Один только недостаток при всем том был

тот, что тогдашний июньский вечер был светлый и не доставало нужной темноты для всех сих иллюминационных зрелищ. Что касается до императрицы, то она весь сей вечер провела во внутренних своих покоях и более в отдохновении от трудов и беспокойств, с путешествием сопряженных.

Последующий за сим день 21-го числа июня пробыла государыня весь в губернском нашем городе Туле, и сей день был решительным всем нашим ожиданиям, надеждам и опасениям, для меня в особливости, достопамятным. Всем судьям и по всему дворянству сделана была еще с вечера повестка, чтоб собираться им в 9-м часу поутру в дворцовую залу, где имеют они быть представлены наместником императрице. Но я, как посторонний человек, заботясь более о своих надобностях, не рассудил ехать вместе с прочими во дворец, а одевшись поранее черканул* за реку, в квартиру наместника и застал его еще одевающегося. Он принял меня милостиво и очень благосклонно, и говорил многое со мною, и сказывал мне между прочим, что он намерен в сей день представлять книги свои государыне, но не знает, удастся ли ему представить и мою. Однако говорил, чтоб взять и ее, и пески с собою; мне ж велел приобщиться к судьям калужским для шествия к руке императрицы. Пользуясь таковою его ко мне благосклонностью, решился я напомянуть ему о моем сыне и попросить его о неоставлении его по своему милостивому обещанию. Но на сие сказал он мне,

---

*Здесь в смысле — поспешил, дернул.

что теперь сие сделать никак нельзя, а когда поедет чрез Тулу князь Потемкин, то он сделает и выпросит ему чин. Сим ошарахнул он меня так, что вдруг упала в моем сердце последняя надежда, и тем паче, что о князе, оставшемся при армии, было еще неизвестно, поедет ли он чрез Тулу или нет. Но душевное смущение мое в сей раз не долго продолжалось: наместнику что-то пришло вслед за сим на мысль переменить свое намерение и вздумал он вдруг все книги свои и мою поручить мне и употребить самого меня для поднесения их государыне. Таковое его ко мне благорасположение не только успокоило, но и обрадовало меня чрезвычайно. Я начал ласкать себя наиприятнейшею надеждою, что, может быть, иметь буду счастье говорить с самою государынею, не сомневаясь не мало в том, что императрица не преминет книги рассмотреть, а при сем самом по любопытству своему восхочет поговорить со мною о Богородицке и о саде оном. А тут, думал я, может быть, и спросит о рисовальщике сих книг, и я ласкался уже надеждой, что сей случай будет наивожделеннейшим для наместника, для испрошения ему от императрицы милости. В сей приятной надежде, подхватив книги, и поскакал я вслед за наместником, поехавшим во дворец, и дорогою мечтал в мыслях своих неведомо что и строил на воздухе гишпанские замки. Но, увы! Все свершилось и пошло не так, как я думал и себе воображал.

Не успел я приехать на оружейный завод, в конце которого находился дворец, как увидел расстилаемые повсюду красные сукна для шествия государыни и услышал, что она переменила свое намерение, и

вместо того, чтоб смотреть завод после обеда, расположила употребить к тому тогдашнее утреннее время; и говорили, что она вскоре уже из дворца выйтить изволит. Сие смутило не только меня, но и самого наместника, нимало того не ожидавшего. Я, прискакав ко дворцу и вошед в зал, нашел уже весь оный наполненный дворянством, и наместник, увидев меня, велел мне скорее подавать книги. Я бросился благим матом за ними в карету, в которой они у меня оставлены были. Ее успели уже неведомо куда от крыльца отогнать, и я насилу мог ее отыскать. Тут, подхватив их все, потащил их без души во дворец. Была их целая ноша и все превеликие, состоящие из многих атласов и ландкарт и разных планов, до Тульской губернии относящихся. С превеликим трудом отыскал я наместника между народом, и он, схватя меня, поставил было сперва в зале, но вскоре потом ввел меня в другую внутреннюю и находящуюся подле зала комнату, и поставив в темный уголок подле окна и двери, в которую государыне входить в сию комнату и из внутренних своих покоев надлежало, и велел мне там стоять и дожидаться до выхода государыни.

Тут принужден я был стоять с добрую четверть часа и держать под мышкою отяготительную свою ношу. Книги были превеликие и тяжелые, и держать их было мне не без труда. К сему свою, переплетенную в зеленый гарнитур* и в прах раз-

*Здесь: гарнитур вместо гродетур — плотная шелковая ткань.

золоченную, по приказанию наместника положил я на самый верх и, держучи ее помышляя, сам себе говорил:

— Что ты, моя голубушка, произведешь? Трудов над тобою положено много, и пойдут ли они в прок?

И вознесся мыслью своей далее, предавал судьбу ее на произвол невидимого всемогущего существа, прося его учинить с нею то, что ему благоугодно будет и что он признает для обоих нас с сыном за наиполезнейшее.

Между тем, как я таким образом умствовал, вдруг растворились двери и показалась шествующая в них государыня в провождении всех своих спутников и придворных. Минута сия была для меня самая критическая: уголок, в котором я подле самых дверей и окошка стоял, был самый темненький, и я, боясь, чтоб не преградить собою путь государыне, принужден был в сем уголке прижаться. И как в самый тот момент растворились двери и в залу, из оной вошел выписанный для сего случая ученый и славный архимандрит Павел, поелику тогдашнего нашего старичка архиерея Феодосия не было уже в живых и епархия наша была праздною, и государыня, отступя шага только два от дверей и на аршин только от меня, принуждена была для выслушивания говоренной архимандритом приветственной речи остановиться; а весь промежуток, между ее и дверьми, заступили вельможи ее свиты; то, будучи стеснен, не знал я, что делать, и видя сущую невозможность пробраться сквозь их на другую сторону дверей, стоял почти вне себя от смущения. Речь, говоренная архимандритом, была хотя не очень длин-

ная, однако продлилась минуты две или три, в течение которых вся комната сия наполнилась множеством народа. А не успела речь кончиться, и государыня приложиться к подносимому архимандритом образу и, приняв его, отдать своим придворным, как подступил к ней тогдашний наш губернский предводитель с такою же приветственною речью, продолжавшеюся еще того долее.

Сие смутило меня еще больше. Со всем тем, стоючи в такой близости, позади своей монархини, имел я случай не только оной насмотреться, но и заняться мыслями о сей великой обладательнице тольких миллионов народа, которых всех судьба и счастие зависели от ее особы, и от которой я и ожидал тогда какой-нибудь милости. Но все сии размышления рассеял усмотревший меня наместник и подающий мне рукою знак, чтоб я с книгами моими как-нибудь пробрался позади императрицы, сквозь стоящих ее вельможей. Тогда другого не оставалось, как попросить господ дать сквозь кучу свою проход, что они тотчас и учинили. А между тем, как я, пробравшись сквозь придворных, подошел к наместнику, кончил и предводитель свою речь, то наместник, не медля ни минуты, и подвел меня с книгами к государыне и сказал ей некие слова, в которые я, в тогдашнем смущении, не мог вслушаться, я только знаю, что не успел я, преклонившись, поднесть книги свои к государыне, как кто-то из ее придворных схватил все оные у меня из рук, и я с тех пор их не видел, ибо он в миг скрылся с ними за народом, и куда он их понес, я того не мог уже никак видеть, ибо в самый тот момент и стали подходить к госу-

дарыне наши градоначальники и судьи, а за ними и все дворянство к руке, и множеством своим так меня стеснили, что я с нуждою пробрался сквозь их в дальнейший угол.

Тут, стоючи позади их и смотря на весь сей торжественный обряд, продолжавшийся нарочито долго, имел я время заняться опять как прежними своими о монархине сей помышлениями, так и мыслями о дальнейшей судьбе с моею книгою. Я поискал ее повсюду глазами и увидел ее лежащую с прочими книгами в одном угле на столике. Вздохнув сам в себе, мыслями сказал:

— Ах, голубка моя! Что-то с тобою, бедняжка, воспоследует вперед? А начало что-то нехорошо; не в такое бы время желал бы я, чтобы ты поднесена была к государыне: когда ей теперь тебя рассматривать? И хорошо, если она тебя заметит, и ей благоугодно будет после полюбопытствовать и ее рассмотреть; а если сего, по несчастию, не воспоследует, и ее куда-нибудь спрячут, то прощай, как ее звали, и все лестные мои надежды лопнут, и труды, употребленные на нее, пропадут тщетно и без всякого возмездия!

. . . .

Оставался еще некоторый луч надежды — тот, что не будет ли чего-нибудь на бале, на который все тогда собирались в наилучших своих нарядах ехать, ибо как все наверное полагали, что государыня не только оный удостоит своим присутствием, но и пробудет на оном во весь вечер, то и ласкался я надеждою, что не сделает ли в пользу мою чего-нибудь наместник, которому тут же быть необходимо над-

лежало, или, по крайней мере, не услышу ли я от него чего-нибудь о судьбе моей книги; а по всему сему поехал и я с сыном своим и боярынями на сей торжественный тогда и великолепный съезд и собрание с отменными и нетерпеливыми, меня смущающими, душевными чувствиями.

Мы нашли всю огромную залу дворянского собрания, наполненную уже народом и набитую безчисленным почти множеством господ и госпож и всех с крайнею нетерпеливостью и вожделением дожидающихся той минуты, в которую государыня прибыть имеет. А не успели мы несколько осмотреться, как вдруг и заговорили все:

— Едет, едет!

А не успело слово сие повсюду разнестись, как в миг произошла страшная между всеми суета и волнение. Все поспешили как можно скорее становиться в строй и составить из себя улицу для выхода и прохода к трону государыни, и сколько толчков надавано было при сем случае от протиснений друг другу. Всякому хотелось стать впереди и занять выгоднейшее место, и у всех дух почти переводился, как услышали уже вшествие приезжих в сени.

Вдруг наконец загремела музыка, и в тот же миг растворяются настежь входные двери. Но, подумайте и вообразите себе, как сильно поразились все бывшие тогда в собрании и как изумились, увидев вместо государыни нашего только наместника, ведущего за руку госпожу Протасову, спутницу императрицы, а вслед за ними других вельмож, с нею приехавших и ведущих также знаменитейших госпож за руки,

которые все не успели войти в залу, как и пошли танцовать большой длинный польской.

Господи! Какое началось тогда у всех шептание и перешептывание. Поразясь сею неожиданностью, спрашивали все друг у друга:

— Где ж и что ж государыня-то! Разве она не изволит быть?

И с неописанным прискорбием скоро услышали и узнали, что хотя она и намерена была удостоить сей бал своим посещением и осчастливить всю нашу публику своим присутствием, но, по причине усталости и небольшого недомогания, езду сию отменила, а изволила отпустить на бал наш всех своих только спутников и спутниц. Не успело известие сие по зале разнестись, как началось у всех неописанное о том сожаление; всяк изъявлял чувствование и прискорбие свое о том друг другу. Что ж касается до госпож, обманувшихся в наилестнейших своих надеждах и увидевших тогда, что все их траты и убытки, употребленные на свои наряды, обратились в ничто и сделались тщетными, то прискорбия, сожаления и даже самой внутренней досады изобразить никак было не можно.

Самого меня неожидаемость сия смутила вновь неизобразимым образом, и я только и знал, что сам в себе твердил:

— Вот те на! И вот чем все наши ожидания кончились! Жди себе, пожалуй, пока не дождешься.

А как вскоре потом услышали, что государыню не усталость и не недомогание от езды к нам удержали, а прискакавший за час пред тем из армии от князя Потемкина курьер, привезший какие-то очень

важные известия, и что государыня очень ими смутилась и занялась тогда же писанием, то воскликнул я сам себе:

— Господи! Надобно же было и сему произойтить помешательству и такому несчастию особливому!

. . . .

Таким образом, пробыв на сем бале в угодность своим домашним даже за полночь и не дождавшись в сей вечер ничего, принужден был я и с своими и с прочими уехать на квартиру, чтоб взять сколько-нибудь от трудов сего дня отдохновения.

Сим окончу я сие письмо, превзошедшее давно уже свой обыкновенный предел, и, предоставляя дальнейшее повествование письму будущему, остаюсь ваш, и прочее.

Октября 31-го дня 1801 года.

ОТЪЕЗД ГОСУДАРЫНИ ИЗ ТУЛЫ

ПИСЬМО 230-е

Любезный приятель! Приступая теперь к продолжению повествования моего о пребывании императрицы в Туле и о бывших при сем случае со мною происшествиях, начну тем, что, возвратившись с помянутого в предследующем письме бала и легши спать, не мог я очень долго уснуть от толпящихся в голове моей множества разных мыслей, как о бывших в тот день происшествиях, так и о том, чего в последующий за тем день ожидать надлежало.

. . . .

. . . . Но как при всем том хотелось мне удостовериться в том, заедет ли она или не заедет*, дабы в первом случае успеть сделать к приему ее все нужные приготовления, и заключая, что непременно о том знать надлежало наместнику, то и положил я следующее утро встать поранее и, одевшись, скакать за реку, на квартиру к наместнику, и постараться застать его опять еще одевающимся, дабы тем удобнее иметь случай с ним поговорить и обо всем нужном узнать и услышать.

---

* В Богородицк.

Сие я и выполнил в самой точности. Но как ни рано я встал, как ни спешил себя убирать, с какою скоростью ни ехал к нему на квартиру, но, к превеликой досаде моей, не мог застать его уже дома, а повстречался с ним съехавшим уже со двора и скачущим в карете своей с такою скоростью во дворец, что он не успел и взглянуть на мою карету и на меня.

Погоревав и потужив о сем, другого не оставалось тогда мне, как поплестись вслед за оным и льститься надеждою найтить случай видеть его и поговорить с ним уже во дворце. Но судьбе угодно было, чтоб и в сей надежде я обманулся. Уже и замеченная мною во время дороги превеликая скачка взад и вперед адъютантов, ординарцев и драгун и удивила, и привела меня в некоторое смущение. А не успел я прибыть ко дворцу и войтить в зал, как поразился слух мой новою неожидаемостью и твержением всеми тут бывшими, что государыня в то же утро изволит отъезжать из Тулы, продолжая путешествие свое прямо в Москву, и что к отъезду ее делают наипоспешнейшие приготовления, и она скоро уже в путь сей и отправиться изволит.

Удивился и смутился я, сие услышав. Но смущение мое еще несказанно увеличилось, когда, в тот же почти миг, подошед к кучке разговаривающих между собою нескольких знаменитых чиновников, услышал и узнал я о настоящей причине толикой ее поспешности к отъезду, то есть объявление нам турками войны, и что по самому тому и князю Потемкину быть в Тулу уже не можно, и что ему велено остаться при войсках на границе находящихся, для

делания нужнейших к обороне распоряжений, и о том уже отправлен к нему от государыни курьер*.

. . . .

Между тем, как я помянутым образом в зале вместе с прочими выхода императрицы дожидался, разнесшийся по городу слух о скором отъезде государыни встревожил всю Тулу и вскружил у всех голову, а особливо у госпож и боярынь, в ней тогда бывших. Всем им, не имевшим воображаемого счастья видеть ее ни в городе, ни на бале, восхотелось непременно, по крайней мере, видеть ее при выезде из Тулы. И, Господи! Какая поднялась тогда изо всего города езда карет в Московскую улицу, и какой стук и грохот происходил от множества карет, поспешающих в оную. Всем и каждому из них хотелось благовременно приискать себе там чей-нибудь дом или, по крайней мере, окошко в нем, для смотрения, и многие не жалели никаких денег при нанимании на несколько часов оных. Со всем тем многим не удалось найтить себе места в домах и окошках, а принуждены они были стоять в каретах на улице самой и выходить из них при проезде мимо их государыни. Но бедные и жалкие все они не получили за свои труды и убытки удовлетворения; всем им вообще удалось только взглянуть на проскакав-

---

*Речь идет о второй за время царствования Екатерины II войне с турками (1787—1791 гг.). Эта война была особенно тяжела, так как Россия одновременно воевала со Швецией (1788—1790 гг.) и всячески сдерживала усиление возрождавшейся Польши, которая в эпоху «четырехлетнего» сейма (1788—1792 гг.) не хотела считаться с так называемой русской гарантией.

шую мимо их, со скоростью, подобную молнии, карету с императрицею, и я сумневаюсь, чтоб которой-нибудь из них удалось ее в лицо увидеть.

Что касается до меня и всех бывших тогда в дворцовой зале, то имели мы вожделеннейший случай видеть государыню как при проходе через залы, так и при вхождении в стоящую пред окнами сей залы свою карету. Мы, налюбовавшись ею досыта, проводили ее с глубочайшими поклонами и сердечным желанием, чтоб путешествие ее было благополучно. Она села прямо в карету сама четверт, а именно: с госпожою Протасовой, принцем де-Линем и цесарским посланником Кобенцелем. И не успела сесть, как поскакала и скрылась из глаз наших в одну минуту. И через несколько минут выстрелы из пушек, поставленных при выезде из города, возвестили нам и о ее выезде из оного.

Сим образом проводили мы тогда нашу монархиню, и сей раз был последний, что я ее при жизни видел. Услышавши пальбу, поклонился я ей еще вслед и внутренно мыслил о своей книге, полетевшей вместе с нею. Что с нею после воспоследовало и рассматривала ли ее когда-нибудь государыня, того я уже совсем не знаю. А удалось мне только чрез несколько лет после того услышать, что ее видели лежащею вместе с прочими редкостными книгами в императорском Эрмитаже, в Петербурге. Но то только известно: не произвела она никаких выгодных ни для меня, ни для сына моего следствий, и труды наши, совокупно с ним, пропали по-пустому, а обратились только во вред трудившемуся неутомимо над рисованием картин, в ней находящихся, по причине

мелкой работы; ибо он, как думаю сам я теперь, повредил и ослабил навек, к великому нашему прискорбию и сожалению, свое зрение.

Проводив сим образом свою монархиню, поехал я с сыном, бывшим тогда со мною, отыскивать своих домашних, о которых знал я, что и они вместе с прочими поехали в приисканный знакомыми дом на Московской улице. И отыскав их и побывав на той же улице у квартировавшей тетки ее госпожи Арцыбашевой и у Верещагина, возвратился я к обеду на свою квартиру. А после обеда поехал я к г. Давыдову как младшему и ближайшему своему командиру для принятия от него приказаниев об волости: ибо мы, не имея с ним надобности более жить в Туле, располагались в последующий за сим день пуститься обратно в Богородицк.

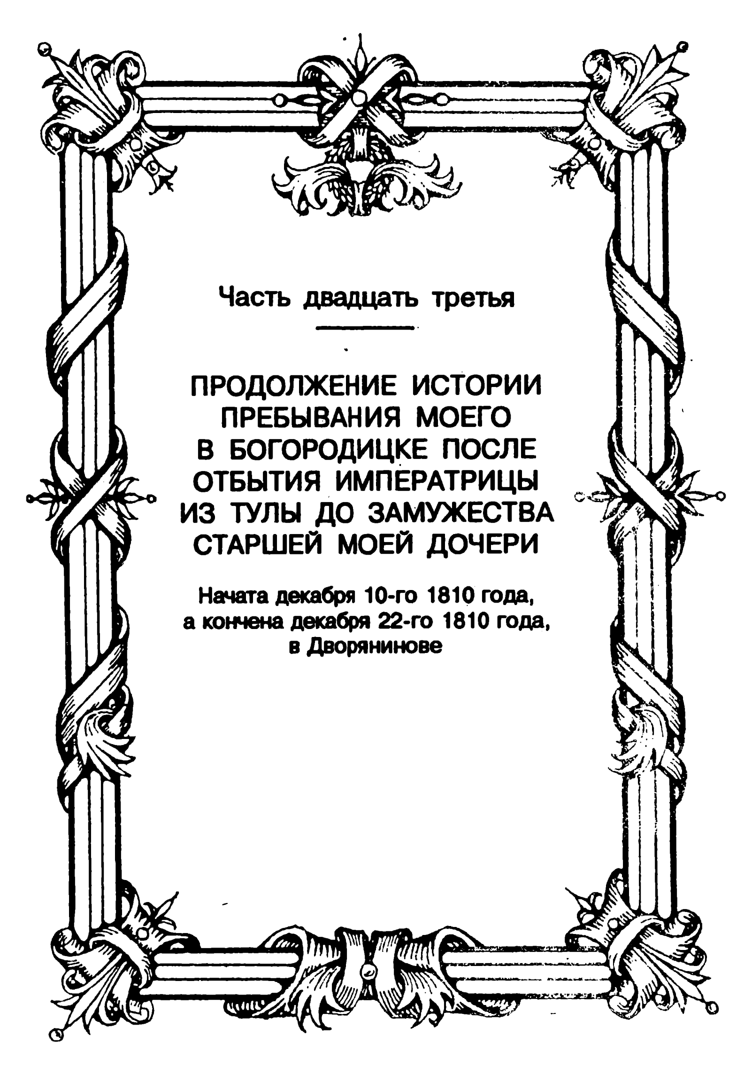
. . . .

Сим окончу я сие письмо, а вместе с ним и заключу и все сие собрание моих писем и учиню сие тем удобнее, что с сего времени, по случаю применения весьма многих обстоятельств, и дальнейшее повествование будет в некоторых отношениях инаково. Итак, сие покончив, скажу вам, что я есмь ваш, и прочее.

Октября 31-го дня 1810 года.

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Примечание. XXII ч., кажется, не была переписана начисто Болотовым; М. Семевский печатал ее с черновой, крайне неразборчивой рукописи.

Часть двадцать третья

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ ПОСЛЕ ОТБЫТИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ИЗ ТУЛЫ ДО ЗАМУЖЕСТВА СТАРШЕЙ МОЕЙ ДОЧЕРИ

Начата декабря 10-го 1810 года,
а кончена декабря 22-го 1810 года,
в Дворянинове

1788

ПИСЬМО 233-е

Любезный приятель! Приступая теперь к пересказыванию вам всего того, что случилось со мною в течение 1788 года, который год по многим отношениям и по разным приятным и неприятным, а не менее и важным происшествиям, был в жизни моей довольно достопамятным, начну я изображением того состояния и положения, в каком находилось все мое семейство при наступлении оного. Все оно состояло, как и прежде, из восьми особ. Я, жена и матушка-теща были старшие, а прочие пять были наши прежние дети. Что касается до моей тещи, то находилась она в прежнем слабом состоянии своего здоровья и начала уже приближаться к старости. Жена моя по-прежнему недомогала разными болезненными припадками, а особливо головою и зубами. Что касается до моего сына, то оный час от часу возрастал более, становился умнее, и как душевные его состояния, так и черты будущего его характера начали развертываться, которыми были мы весьма довольны; а жалели только о том, что он подвержен был частым простудам и болезням, что не предвещало нам крепкого сложения и прочного состояния его здо-

ровья. Старшая дочь моя уже расцвела как роза и была в наилучшем своем цвете и совершенная уже невеста, и мы всеми ее телесными и душевными дарованиями не могли довольно навеселиться. За нее, как я уже упоминал, сватались уже столь многие женихи, что мы добрых и худых насчитывали уже 12; но из всех их не было еще ни одного, провидением Господним назначенного ей в мужа. Она была около сего времени совершенно здорова, кроме глаз, которые с некоторого времени у нее болели, и мы не знали, что делать и чем ее лечить от них. Другая дочь моя, Настасья, могла уже также считаться по нужде невестою и одарена была также многими телесными и душевными совершенствами и такими свойствами, которые также приобретали ей любовь от всех знакомых. Третья дочь моя, Ольга, достигла ростом своим почти до сестер своих, но была их моложе и отставала от них мало чем в качествах телесных и душевных, и казалось, что она будет лицом еще лучше оных. У ней также около сего времени болели глаза. Что касается до меньшой нашей дочери Екатерины, то была она еще не велика и как-то все еще худо говорила и худо училась грамоте, и казалось, что она многим отстанет от сестер своих. Впрочем, и она так же сие время была больна глазами.

. . . .

. . . . Приезжал в сей раз г. Давыдов к нам для двух надобностей. Во-первых, чтобы присутствовать самому при скучнейшей для нас в самое сие время переторжке казенной от даваемой в оброк

земли и покичиться притом своею властию; а во-вторых, и наиглавнейшее за тем, чтоб, съехавшись тут вместе с прочими своими товарищами винными откупщиками, счесться между собою в доходах и расходах по делам откупа винного, в котором сам он был тайный участник. И как все они тотчас слетелись .... и начались у них разговоры о делах винных. И Господи! какой поднялся у них тут шум, какое кричанье, какое друг друга упреканье, какие хвастовства и прочее тому подобное. Я слушал, слушал, да и стал! И как мне было сторона дело, и я ни малейшего соучастия в их шайке и деле не имел, то, стоючи в уголку, хохотал только мысленно всему этому вздору. Напротив того, князь, желавший неведомо как втереться в их сообщество и домогавшийся, чтоб и в тогдашний год приняли они и его к себе в часть и приобщили к своей компании, стал без всякой о том просьбы, а сам собою, играть роль миротворителя в их несогласиях и согласителя в их спорах и распрях. На что смотря только, я дивился и сам себе мысленно говорил:

— Боже мой! Вот в чем упражняются сами начальники и командиры!

И пожимал только плечами.

Таковые их распри и споры, крики и неудовольствия их друг на друга продолжались до самого ужина. И как надлежало за оный садиться, то, наконец, поприутихли и начали разговор о тогдашних военных делах и о новых победах над турками, приобретенных нашими войсками, потом о тогдашней опасной гвардейской службе. И как при сем случае нечувствительно дошла речь до моего сына, то г. Да-

выдов вновь меня и при всех подтвердил еще раз, что скоро пришлется к нему пашпорт, что меня сколько-нибудь повеселило, хотя я и отважился тому верить и на слова сии полагаться. А сим и кончился тогдашний шумный день.

Наутрие наполнился весь город съехавшимся для торга и найма наших земель со всех сторон разным народом. Съезд был превеликий: кроме простого народа и множества поверенных, одних дворян съехалось более десяти человек. Все сии и вместе с ними и приезжие из Дедилова карабинерные офицеры*, равно как наши городские, собрались поутру к г. Давыдову для поздравления, ибо случилось сие на самое Крещенье. И он после обедни трактовал их у себя на мой счет обедом. А после обеда и ввечеру было полное собрание у меня, и я угощал их всех балом и ужином, и было их так много, что как ни велика была моя зала, но все они не могли уместиться за столом, ибо набралось всех более 30 человек. Итак, весь сей день провели мы довольно весело, и ничего дурного не было.

А последующий день с самого утра и началась наша переторжка. Количество съехавшихся дворян увеличилось еще больше: никогда еще такого большого съезда не было как в сей раз, но никогда не было такого пристрастия и беспорядка при отдаче земли в наем. Господа, друг перед другом наперерыв, подлещаясь всячески к г. Давыдову, старались

---

*Карабин — короткая винтовка. В России во второй половине XVIII века были специальные карабинерные полки.

выпрашивать у него себе земли без переторжки и какие им были надобны, а сей, по ветрености и любочестию своему, желая играть роль знаменитого вельможи и самовластного повелителя, кичился тем, шваркался* оными, как ему хотелось. И сколько наилучших земель роздано им было тогда за сущий бесценок! И можно было сказать, что сии господа одни только и были счастливы, ибо что касается до бедных поверенных и крестьян, желавших также получить в наем себе земли и начинавших переторговываться, то их не хотели почти и слушать, а иных выгоняли даже вон, и случившийся быть тут егоза Темешов юлил и мутил всеми. Словом, вся святость прежнего обыкновения моего при переторжках таких рушилася, и наблюдаемый прежде во всем порядок превратился в шутовство, и я, смотря на все сие, от негодования пожимал только плечами и только в мыслях своих твердил:

— Боже мой, что это происходит такое?

Наконец, г. Темешов вывел меня уже из терпения. Перевертываясь, как сущий бес, ввел было он командира моего в превеликий простак**. Но случилось как то подъехать и подоспеть к сему времени крестьянам графа Румянцова, владевшим исстари знатною частью сих оброчных земель без переторжки. Почти что все мои предместники, да и сам я, по приказанию бывшего наместника, уважал их для знаменитого их господина и никогда не отнимал от

---

*Шваркать — бросать, кидать.

**В смысле — поставил в глупое, дурацкое положение.

них сей крайне нужной им земли. А как г. Темешов, живший подле их в соседстве давно уже острил на сию землю свои зубы, дабы можно было ему нажить от нее тысячи, то пользуясь их неприездом, употребил он все пронырство к уверению г. Давыдова, что они от земли сей отказались и к убеждению его, чтоб он землю сию отдал ему. А сей, не поговорив и не посоветовав о том со мною, по легкомыслию своему и махнул и ее ему подсунул. Господи, как сие меня тогда вздурило! Не утерпел уже я, но сказал:

— Помилуй, братец, Алексей Иванович, что ты это проказишь? Можно ли так статься, чтоб они отказалися; мне известно, как необходимо земля сия им надобна; они, того и смотри, сюда подъедут.

И потом, отозвав командира своего к стороне, рассказал ему, как уважал их и старик мой князь, и сам наместник и насилу-насилу убедил его, и уладили так, что хотя ее ему и отдали, но так, чтоб ее можно было и возвратить, и отдать Румянцовским, ежели они приедут. А они в самое сие время подъехали и заревели, услышав, что земля их от них отнята и отдана Темешову. Но, по счастию, дело было уже сделано и был способ прекратить их вопли и, возвратя им землю, удовольствовать оных.

Сим образом продолжался у нас крик и шум во все утро, даже за полдни, и насилу-насилу и кое-как дело сие кончили и всех, кроме немногих, удовольствовали. По расшествии всех надобно было помышлять об обеде, который был опять приготовлен у командира моего в замке и опять сопряжен был для меня он с превеликими беспокойствами, досадами и

неудовольствиями. Не убытка мне было жаль и не того, что все происходило на моем коште, а досадно было то, что не только во все продолжение сего времени все бездельники и недоброхоты* мои мне всячески злодействовали и что не только с одной стороны князь, а с другой — Варсобин, как сущие змеи, надували командиру моему на меня всякие клеве́ты в уши и бездельничали, но и самые негодяи его слуги присовокуплялись к их злодейской шайке и причиняли мне поступками своими несметные досады. Но никто мне столько досаден не был, как его камердинер, управлявший тогда всем его тут хозяйством. Сей, будучи превеликий мот и ша́лун, в то время как все господа накануне сего дня у меня ужинали, собрал в замке у себя целое сборище слуг и лакеев таких же мотов и бездельников, каков был сам, и ну с ними-то пить, играть в карты, транжирить и за всем то-и-дело посылать ко мне в дом. Бедные солные** с ног даже сбились, бегая взад и вперед, но и им только и слышно было:

— Давай то́, давай другое.

Господи! Как досадно было все сие нам, а особливо моим хозяйкам. Имея и без того полные руки дел и головы, наполненные заботами о приготовлении собственного ужина и угощения толь многих гостей, должны были мы еще и прихоти сего бездельника также удовлетворять, и тем с вящею досадою, что видели, что там никого из гостей нет и все тре-

---

* Недоброжелатели.

** Солные (стольные) — слуги.

бования были пустые. И как по самому тому иное отпускали, а в ином отказывали, то сие и взбесило того мота и бездельника, и он как от того, так и с досады, что ввечеру проиграл 200 рублей, и злился, и ярился сильно поутру, и во время приготовления в замке обеда надоел требованиями и укоризнами своими нашим как горькая редька: ибо по его и то было не так, и другое не так, и дурно, того итого мало, и то, и то давай еще, и так далее. Но всем тем не удовольствуясь, а желая опять ввечеру иметь для себя свободу, и чтоб ему по-прежнему мотать и транжирить было можно, — ну он всячески мастерить и доводить господина своего до того, чтоб он назвался опять ко мне на ужин и вечеринку, а сей, как олух, на то тотчас и склонился.

Что было мне тогда делать? Я и нехотя, а принужден был и его, и всех гостей приглашать и звать к себе, и посылать к дому о том сказывать, и обременять хозяек своих опять бесчисленными хлопотами, трудами и заботами, а вскоре зазывать на вечер и городских своих знакомых.

Итак, перед вечером и пошли все ко мне гурьбою, и вместе с городскими набралось опять множество народу. И как музыка была уже приготовлена и по приходе нашем тотчас загремела, то и начались у нас и особливо у молодежи резвости и танцы, а у всех игроков страшная картежная игра. Сам командир мой, будучи не из последних охотников до того, брал в том так же соучастие и, швыряясь сотнями, проиграл немалую сумму в этот вечер. Весь вечер провели мы в сих забавах и увеселениях, а наконец кончился он опять таким же большим ужином, как

и прежде. Словом, все были, кроме меня одного, веселы и разъехались с удовольствием; ибо, что касается до меня, то я, по обыкновению своему, не брал никакого соучастия в их азартных играх; заботился только вместе с хозяйками своими о угощении всех их и только от досады твердил и говорил, сам в себе мысля:

— Господи! Все эти люди затем только здесь, чтоб наживать себе прибытки и барыши, кто от земель, а кто от откупов, а мне ни дай, ни вынеси с бока да припека и только, что беспокойства и убытки, а за все про все и спасиба нет и еще злодействуют.

Но как бы то ни было, но и сей шумный день наконец кончился, и я остался провожать ночь с ночующими опять у меня кавалерийскими офицерами и их женами, которых ласкою были мы отменно довольны.

С наступлением третьего дня начались от бездельников опять вновь всякого рода происки, мытарства и шпионства, а особливо от князя, мешающегося во все дела, нимало до него не принадлежащие. В этот день происходили у нас торги об отдаваемых в оброк мельницах и были такие же странные и нелепые, как и прежние о землях. Я, смотря на все происходившее, пожимал опять только что плечами и мысленно хохотал, смотря, как оболахтывал* командира моего Варсобин и как, дурака въявь обманув, сбрил себе в наем за 13 рублей такую мельницу,

*Оболахтывал — (от лахтак — тюлень, морж) надувал, обманывал, обрабатывал, обдуривал.

которая более 200 рублей стоила. Но как моих слов не принимали и со мною ни о чем не советовались, то принужден я был смотреть на все сие сквозь пальцы и довольствоваться одним молчанием.

Наконец, кончилось и сие недолго продолжавшееся дело, и тогда, отведя командира моего к стороне, стал я ему доносить о всех беспорядках и бездельничествах нашего школьного учителя, который надоел уже нам своими бездельничествами. Был он человек еще молодой, родом попович, находился прежде в семинарии и определен к нам для обучения школьников наших и музыкантов по новой методе грамоте: но, будучи негоднейшим и наираспутнейшим человеком, делал не только с учениками своими разные бесчинства и проказы, но не оставил ни одного почти из всех бывших тогда в Богородицке господских домов, которого бы не оскорбил он чрез совращение служащих в них лучших девок, при помощи каких-то напиток, коими он, заманивая их к себе, паивал к распутству. Словом, шалости и проказы его сделались нам всем уже нестерпимыми, как все мои увещевания, тазания, брани и самые угрозы, которыми я его от того отвратить старался, нимало не помогали и им даже пренебрегаемы были, то решился я пересказать о всех шалостях его и жалобах, приносимых школьниками на него учителю своему капельмейстеру, г. Давыдову. Сей удивился, сие услышав, и будучи тем раздосадован, вступился было очень горячо в сие дело. Но не успел начать о том публично говорить, как в миг подскакнул к нему наш князь и, по злобе на капельмейстера, от которого все проказы учителя и выведены наружу, ну всячески сего бездельника за-

щищать и, говоря въявь и тайно шептав ему на ухо, стараться преклонять гнев его на милость. Господи, как я тогда вздурился, и досада моя на сего грузина так была велика, что я, при всей моей терпеливости, не утерпел, чтоб не дать ему того почувствовать и, говоря с другими вслух, его обинякáми почти ругал и так, что он и Давыдов мог то слышать. А самое сие и поостановило несколько сего последнего и произвело то, что он, перестав князя слушать, велел тотчас всех школьников кликнуть и стал их всех сам допрашивать. И как справедливость слов моих оказалась явно, то и остался князь ровно как оплеванным, но он и не покраснел даже от того. Что ж касается до меня, то сколько с одной стороны я доволен был сею одержанной над князем победой, столько с другой — поогорчился тем, что г. Давыдов ничего тогда с учителем не сделал, а, окончивши допросы, совершенно о сем деле замолчал.

Непосредственно за сим начались у всех товарищей его в откупе опять с ним о винных делах разговоры и опять споры, крики и вздоры, продолжавшиеся до самого обеда, но кончившиеся ничем, и все осталось по-прежнему. А удалось только князю, по желанию его, втереться в их общество и довесть их до того, что обещали они ему за возможнейшее со стороны его поспешествование к тому, чтоб вина продавалось в городе более, давать ему в год по 2000 рублей. Итак, от всех их споров выиграл только он один, а они все сделались истинными шутами.

Не успели они сии разговоря свои кончить и потом отобедать, как пошла другая потеха. Восхотелось молодцам пображничать и погулять или, прямее ска-

зать, попить хорошенько, к чему они уже за столом учинили доброе начало. Итак, тотчас проявилась на столе превеликая чаша и множество бутылок, и ну они составлять из них какую-то кононовку* и потом тянуть ее на-перерыв друг пред другом. От сего вскоре начались было у них опять вздоры и крики, но прекратились они тем, что появились ломберные столы и на них карты. И в миг принялись все за оные, и пошла опять новая потеха. Игра сия была у них страшная и многоденежная, и такая, что у всех почти и хмель из головы вылетел. Она продолжалась до самого ужина, и командиру моему удалось в сей раз отыграться, а бедный и добродушный г. Хомяков проиграл более тысячи рублей. Я, будучи зрителем, смотрел только на сие и, дивяся всему тому, сам себе в мыслях говорил:

— Вот куда идут прибыльные от вина денежки. О, моты, моты, моты!

А приметив командира моего очень повеселевшего от выигрыша, вздумал воспользоваться сим случаем и возобновить просьбу мою об увольнении меня в Москву и далее в Петербург. Но он опять уверял меня в достоверности получения сержантского чина или, по крайней мере, пашпорта об отсрочке и говорил, что в Петербург ехать мне совсем не для чего, а в Москву он меня отпускает, и что могу я там пробыть хоть целый месяц.

Будучи по нужде доволен тем и утомившись от стояния при смотрении на их игру и от беспокойства

---

*Кононовка — от кон — ряд, очередь, вереница.

того дня, не захотел я остаться тут с ними ужинать, во время которого происходили у их опять крики и крупная перебранка, а рад был, что они меня от него уволили, почему тотчас от них и ушел.

Итак, и сей день провожден мною в досадах, беспокойстве и неудовольствиях, а особенно чувствительны они мне были ввечеру. Меня трогало то, что князю согласились давать господа откупщики по 2 тысячи на год, власно как за одно то, что он добрым людям вредил, а бездельникам и негодяям покровительствовал, или что шел, шиканствовал* и злодействовал против меня. Все его мытарствы, шпионствы и шиканствы сделались мне тогда так уже известными, что я с сего времени получил внутреннее к сему грузину отвращение и вознамерился обходиться с сего времени с ним не так откровенно, дружелюбно, коротко и чистосердечно, как прежде, и иметь к нему уже менее уважения.

. . . .

. . . .

А сим кончу я письмо сие, сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

Декабря 13-го дня 1810 года.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

---

*Шиканить — притеснять, придираться, вредить.

МОСКВА

ПИСЬМО 235-е

Любезный приятель!

— Прошедший месяц сего года*, — сказал я, вставши поутру в первый день февраля месяца, — был для меня не очень хорош; каков-то будет нынешний, и не переменятся ли сцены и обстоятельства?

Они и действительно переменились, как вы то впоследствие услышите. А теперь скажу, что, начиная провожать оный, находился я, со всеми домашними моими, в расстроенных мыслях. Произошли с нами все неожидаемости превеликие. Мы надеялись быть около сего времени давно уже в Москве, или я думал о себе, что буду в Петербурге, но не то вышло. Нечаянная болезнь сына моего сделала превеликую черту в плане наших намерений и расположениев. За него принуждены мы были весь месяц просидеть дома и не помышлять о Москве. . . . .

. . . .

Но не успело сыну моему несколько полегчать, как у жены и дочери моей возродились опять мысли

---

*1788-го.

о Москве. Они помышляли о том денно и ночно, но не знали, что делать с сыном, которого слабость никак не дозволяла и помыслить еще о том, чтоб его вскоре везть было можно. Думали, чтоб его оставить дома, но о том так же и помыслить боялись. Сам он толикое желание изъявлял ехать в Москву, что одна мысль о езде туда подкрепляла его силы, а помышления о нескорой езде наводили ему тоску, грусть и болезнь его поддерживали. При сих обстоятельствах не знали они, что делать, и были долгое время в нерешимости. Ехать вскоре всем нельзя было, а время уходило. Словом, обстоятельства сплетались так, что жена моя хотела уже предпринять то, чего бы она в иное время ни из чего не сделала, а именно: чтоб ехать ей с дочерьми наперед одной, а меня б покинуть на несколько времени дожидаться покуда сын обможется, и чтоб нам вместе с ним ехать после.

Странное поистине и несколько легкомысленное предприятие и такая затея, которой не мог я довольно подивиться, ибо надобно знать, что все сие делалось без моего в том соучастия. Я же на все сие смотрел хладнокровно, ибо неизвестность времени окончания сыновней болезни не дозволяла мне ни о чем еще думать.

Со всем тем, у жены моей и дочери положено было уже сие на мере*. Самый больной сын мой присоединился к сему их замыслу и плану и, что удивительнее всего, то поспешая сею ездою, назначивал, как выше

---

*Положить на мере — иметь намерение, намереваться.

упомянуто, уже и самый день к отъезду, а именно, чтоб жене моей ехать 5-го, а нам бы с ним 8-го февраля. И как до 5-го числа оставалось только два дня, то, вставши в тот день, дивился и говорил, для чего мать уже не собирается в путь. Но как начали говорить, что слабость его еще слишком велика, что жене ехать бы разве 8-го, а нам с ним около 15-го числа того месяца, то небольшая сия отсрочка в состоянии была его так встревожить, что он даже осердился и во весь тот день был как в воду опущенный и несравненно хуже, нежели в предшедший день: был слаб, невесел, ничего не говорил и не помышлял о любезной своей скрипице и, сколько можно было заключить, все досадовал и грустил, но стараясь, однакож, все сие скрывать и от нас утаивать, ибо за сие грущение была ему от нас уже не один раз гонка и тазание.

. . . . . Наконец, полученное перед вечером письмо из Москвы от поехавших за несколько времени перед тем туда господ Алабиных, его несколько поразвеселило или, по крайней мере, разогнало и рассеяло смутные его мысли. Но самое письмо сие произвело и самую ту тревогу во всем нашем семействе, о которой я упоминал выше, и ввергло нас в превеликое настроение и нерешимость, что делать.

Дело состояло в следующем. Семьянинки мои, столько ж озабочиваясь и беспокоясь тем, сколько и я, что производство сына моего в сержанты ни шло, ни ехало, и что все просьбы и старания не успевали и выходили одни только проводы, без ведома моего, и не сказав мне ничего, просили старшую дочь госпожи Алабиной, Настасью Тимофеевну,

чтоб она отписала в Петербург к находившемуся тогда там ее брату и попросила его осведомиться и узнать, можно ли сделать, чтоб сыну моему получить сержантский чин чрез деньги, а при отъезде ее с меньшей ее сестрою в Москву просили ее, что ежели будет оттуда какой ответ, то уведомила б нас поскорее. Сия и не преминула обе сии просьбы выполнить. И как, приехав в Москву, получила от брата письмо, то и уведомляла нас, что брат к ней пишет, что он со многими там советовал, и все говорят, что в тогдашнее время по просьбам чины получать трудно, а за деньги всего легче, и что ежели мы на то решимся, то он охотно принимает на себя труд и, при помощи милостивцев своих, надеется это сделать и, может быть, рублей за 300, однако, для всякого случая надобно бы послать к нему 500 рублей.

Известие сие всех нас с одной стороны обрадовало, а с другой — привело в нерешимость. Я давно желал, чтоб можно было сие сделать за деньги и о пожертвовании для сего 500 рублей и слова не говорил, но охотно хотел потерять их для сына. Но был тогда вопрос: посылать ли их тогда или нет. Дело было не совсем еще достоверное. Брат помянутой девицы был нам хотя весьма знаком и не мот, однако человек весьма еще молодой и только что выпущенный еще из гвардии в капитаны, и которому самому деньги были весьма надобны. Упоминаемые им милостивцы были князья Волконские, сущие моты и картежники в долгах по шею. Они хотя б и могли сие сделать, но ничего не известно еще было достоверного. Они заключали только, что можно, а ни с кем еще не было о том говорено и никакого

не было еще основания. Сия недостоверность приводила нас в превеликое сомнение. Все мы опасались, чтоб употребляемым до сего от разных людей просьбам не сделало б сие последнее средство помешательство. Сверх того, мы не достоверно еще знали, что все сии просьбы остались тщетными, но имели причины сколько-нибудь еще ласкаться надеждою. На последнее письмо, посланное от Марьи Юрьевны к г. Маркову некогда еще было приттить ответу, а ожидать еще надлежало оного с первою почтою. Со стороны же г. Давыдова писано было только за несколько дней до того о уведомлении его из Петербурга, что чин сержантский сыну моему доставлен будет скоро. Все сие могло быть пустое, и изо всего могло не выттить ничего, но легко могло быть и правда. И можно было думать, что он уже около сего времени и произведен и что везут уже и пашпорт. Итак, чтоб в сем случае не послать денег в Петербург понапрасну и чтоб в сем случае не дали им там уха*: все там были молодцы молодые и не совсем надежные! Сумма же была не так мала, чтоб ею можно было швыряться и на такую неизвестность рисковать ею. Весьма легко могли б они всю ее в таковом случае истратить на свои надобности, а тогда — кланяйся им, дожидайся многие годы и отчаивайся в получении обратном!

Сие-то обстоятельство приводило всех нас в расстойку мыслей. Мы учинили тогда всеобщий консилиум. Матушка, теща, жена, я, сын и дочь уча-

* Дать деньгам ухо — прогулять, промотать, пропить.

ствовали в сем совете и трактовали целый вечер это дело. Множество было говорено и рассуждаемо. Но, наконец, всех мнения были в том согласны, что деньги посылать опасно, и все советовали, чтоб не посылать, а сделать так, как я думал и предполагал, чтоб писать мне племяннику своему Михайле Васильевичу Неклюдову, чтоб в случае нужды снабдил он Алабина сими деньгами, то есть, когда узнают, что сын мой еще не пожалован и когда оснуют уже дело, а я бы переслал уже их тогда к нему, а к г. Алабину писать бы, чтоб он начинал дело и деньги получал от онаго.

Сие казалось всем нам наилучшим способом, однако, и с сим не остались мы совершенно спокойными. Мысли, что легко статься может, что племянника моего на то время в Петербурге не случится и что легко статься может, что денег у него столько в готовности не будет, тревожили нас очень, и мы боялись, чтоб самым тем не испортить всего дела и чтоб не почли нам то в скупость и излишнюю недоверчивость и не бросили б всего дела. Однако решились положиться на власть божескую и смотреть, что учинить его святой воле будет угодно.

Впрочем, я сам в здоровье своем столько в сей день поправился, что в состоянии был выезжать со двора к тогдашнему нашему уездному судье г. Дьякову в гости. У него нашел я нового своего знакомца г. Шахова, с которым с удовольствием провели мы весь вечер и ни о чем почти более не говорили, как о князе Потемкине, о сем великом вельможе тогдашнего времени, ворочавшем всем государством, приводившем все оное в удивление собою и, как ка-

залось, родившимся на сущий вред оному; о человеке, который ненавидел все свое отечество и причинял ему неизреченный вред и несметные убытки алчностью своею к богатству и от которого и вперед ничего ожидать было не можно, кроме вреда и пагубы. Все государство обрадовалось было незадолго до того, по случаю разнесшейся молвы, что пришел он в немилость у императрицы. Однако оказалось, что он опять все превозмог и тогда командовал попрежнему всею армиею и продолжал по-прежнему дурить, обжираться и делать проказы, нимало с таким саном не сообразные.* Мы дивились тогда и не знали, что с сим человеком наконец будет и чем кончится его пышность и величие. Как в следующий за сим третий день февраля отходила из Богородицка московская почта, то надлежало нам уже решиться, что делать и посылать ли в Петербург деньги или нет. Весь почти сей день провели мы в писании туда писем. Я не успел встать, как принялся за сочинение начерно письма, но все оное, каково ни велико было, не годилось. Надлежало сочинять другое, а там третье и оба переписывать набело. Письмы были превеликие. Писать необходимо надобно было самому мне и спешить, а притом в каждую минуту опасаться, чтоб не заехал г. Сахаров, которого в сей день в Богородицк дожидались и которому быть у меня было надобно. Ни в которое время был бы я сему гостю так много не рад, как тогда, если б он заехал и мне писать помешал. Для меня была тогда

---

*См. примечание 7 после текста.

каждая минута дорога. Почтмейстер приказывал мне то и дело, чтоб я поспешал. Наконец, один гость ко мне и заехал, но, по счастию, во время самого уже запечатывания писем, а при том любезный человек и мой друг г. Шушерин, и который не мог мне сделать дальней остановки и помешательства. А таким образом я дело свое и кончил и отправил корабль на произвол судьбы на воду.

. . . .

В наставший после сего день сыну моему было уже столь легко, что ему можно было считать себя от болезни своей освободившимся . . . .

. . . .

. . . . . теперешнее письмо, как достигшее до своих обыкновенных пределов, окончу уверением вас, что я есмь ваш, и прочее.

Декабря 14-го дня 1810 года.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

УДОВОЛЬСТВИЯ И НЕПРИЯТНОСТИ РАЗНЫЕ.

ПИСЬМО 238-е[*]

Любезный приятель! . . . .

. . . . Не успел я отправить в Тулу наши деньги[**], как, в тот же день к вечеру, возвратилась к нам из Тулы наша Марья Юрьевна, гостившая опять несколько недель у господина Давыдова в доме и, пришедши к нам поутру, насказала столько вестей, и вестей столь важных, что они всех перетревожили до крайности и смутили. Состояли они наиглавнейше в том, что тогдашняя любовница наместникова, госпожа Вельяминова, возненавидев за что-то командира моего г. Давыдова, положила непременно и старается всеми силами столкнуть его из директоров, а на место его перевесть своего мужа. И как на уме у нее расхитить и разворовать нашу волость и тем поправить расстроенное состояние своего мужа, то, для удобней-

---

[*]Письмо 237-е рассказывает о жизни Б. в Богородицке в 1788 г. по возвращении его из Москвы.

[**]По требованию Давыдова Б. послал все имевшиеся в наличности у него казенные деньги. Давыдов уведомлял в этом же письме о скором своем приезде в Богородицк.

шего произведения того в действо, помышляет и меня отженить от волости прочь и на мое место определить мужнина брата Степана Ивановича Вельяминова, имевшего только две способности в свете, а именно: ездить и гайкать* с собаками, да играть в карты и мотать, а более ничего. Но какая до того нужда, а надобно, чтоб все было уже под стать, и что бедный человек наместник, любя до обожания сию злодейку и повинуясь ей, о том и старается, а потому и хочет сам и невзначай приехать к нам в Богородицк и отыскивать все, чем бы можно было и г. Давыдова, и меня обвинить, и обоих нас лишить мест наших.

. . . .

Как слух о скором приезде наместника подтвердился в тот день, то не долго думая, начали мы делать к приезду его все нужные приготовления и прибирать дворец для его пребывания. Но никогда не ожидал я приезда его к себе с таким смущенным духом, как в сей раз, и не однажды сам с собою в мыслях говорил:

— Бог его знает, с чем и за чем он сюда едет, и ни то с добром, ни то с худом.

Но тут надобно было приехать ко мне еще и гостям и помешать мне в моих заботах о приуготовлении всего, что было нужно. И надобно было еще настращать нас бывшей у меня небольшой чугунной пушечке, из которой, гуляя с гостями, вздумалось нам для забавы стрелять. Негодяйке, выдержавшей до того тысячу раз стрельбу из себя, вздумалось на

---

*Гайкать — кричать, орать, шуметь.

ту пору разорваться, и я благодарил Бога, что взял предосторожность, и что нас близко при том не было и никого не повредило.

На другой день имел я и с князем нашим неприятное дело. Умножающиеся час от часу слухи о скором приезде к нам наместника и делаемые нами приуготовления побудили и грузина сего прискакать ко мне в канцелярию. Он суетился тогда неведомо как о деньгах 400 рублях, выпрошенных им у Давыдова из нашей суммы на короткое время и им до самого того времени еще не возвращенных. И как ему хотелось каким-нибудь образом избавиться от слова и от наместника за то на себя гнева, то хотелось ему, чтоб сумму сию у кого-нибудь, на часок перехватя, к нам внесть, а после, чтоб взять ее опять обратно, но я и не хотел, и не имел резону на то согласиться, и более потому, что он и не хотел еще покориться, а казакался*, что мне было очень досадно.

— Вот какая диковинка, — думал и говорил я тогда сам с собой, — и своих забот полон рот, а еще заботиться и о чужих грехах, люди бездельничали, а я опасайся теперь, чтоб не нажить слова!

Также не знал я, что и г. Давыдов думал и делал с своими деньгами; он забрал от нас хотя по ордеру 1500 рублей, но мы не знали, как показать об них наместнику, а с забраными им 2500 четвертями хлеба не знали, как и быть, поелику он не помышлял об них, а приезд наместника был столько уже несумнителен, что я весь тот день, дожидаясь его, не

---

*Казакаться — ломаться, важничать, петушиться.

выходил почти из дворца и из канцелярии. Однако никого к нам в сей день не приезжало.

В таком тщетном ожидании, провели мы весь и последующий 23 день месяца мая, и я, не могши никого дождаться, послал уже нарочных в Дедилово дожидаться, и чтоб дали мне скорей знать, как скоро наместник туда приедет.

Между тем в самый этот день и приезжал к нам в гости новый молодой наш сосед Петр Герасимович Шишков. Знаком он нам был еще в его малолетстве, поелику он с братом своим учился у нас в пансионе и бывал очень часто у нас и игрывал не один раз с детьми моими на театре, но после того мы его давно уже не видали, потому что он, отбыв от нас, служил в гвардии, из которой и выпущен был в последний выпуск капитаном. И как в сие время вступил он во владение всеми оставшимися после смерти отца его деревнями и жил хозяином в находившейся верст за 10 от Богородицка деревне своей Ламках, то и приехал он к нам для возобновления старинного своего знакомства с нами. Мы удивились, увидав его достигнувшим уже совершенного возраста и имевшего все нужные молодому человеку достоинства, и были ему очень рады. Он пробыл у нас во весь тот почти день. И достопамятно, что в самую сию его бытность у нас родилась в голове моей первая мысль о том, что не можно ли быть бы ему моим зятем и нам отдать за него свою Елизавету. А что удивительнее того, то и у него родилась о том та же самая мысль, ибо и дочь моя, достигшая также, между тем, до совершенного возраста, ему очень полюбилась. Однако в сей раз и остались при одних только

о том взаимных мыслях и ничего не говорено было о сем предмете.

. . . .

Как слухи о приезде к нам наместника позамолкли, а, напротив того, стали говорить о скором его отбытии из Тулы, то протекло у нас опять целых восемь дней сряду в мире и тишине и без тревог всяких. . . . .

Наконец, настало 20-е число июня, который день был для меня по многим отношениям в особливости достопамятен, и во-первых, тем, что в оный возвратился из Тулы возивший туда к г. Давыдову наши денежные и хлебные книги мой наилучший секретарь Щедилов и привез ко мне радостное, по тогдашним обстоятельствам, известие, что наместник наш, наконец, с миром из Тулы уехал.

— Ну, слава Богу, — воскликнул я, сие услышав, — теперь туча сия, которая нас так много собою устрашала, благополучно и не зацепив нас прошла мимо, и мы до поры до времени остаемся в покое.

После сего спросил я его:

— Ну что наши книги и зачем требовал их Николай Сергеевич?

— Что, сударь, — отвечал он мне, усмехнувшись, — ему восхотелось сделать какой-нибудь конец с заемным своим хлебом и некоторыми деньгами, забранными им из экономической нашей суммы, и разрешить все наши сумнительства.

— Но что ж, сделали ли вы что-нибудь? — спросил я.

— Сделали, сударь, — отвечал он, — но не знаю, как вам то покажется: несколько часов сряду мы с ним думали и гадали, как бы лучше, безопаснее и удобнее сделать и развесить все по сучкам неприметно, и насилу вздумали, взгадали и написали, и он все изволил для безопасности нашей впредь подписать, и теперь осталось только подписывать и вам статьи некоторые.

— Покажи-ка, — сказал я, удивившись, — что такое вы там придумали и сделали?

Посмотрел, пожал плечами и сказал:

— Ну, не-из чего б сего сам не сделал и не захотел для иного кого никак сделать, но для его за его добродушие и, сожалея о его расстроенном состоянии... быть так, сделаю, благо — все нашли такое удобное и хорошее средство. Подай мне перо.

И взяв оное, в ту же минуту, где что нужно было, подписал.

Сим образом прикрыли мы кое-как все грехи и шалости г. Давыдова и погребли их в бездну забвения прикрытием толь неприметно, что трудно было кому б то ни было до того добраться, и радовались, что удалось нам так искусно и хорошо его избавить от гнева и нарекания от наместника и себя от дальнейшего опасения какого-нибудь за то себе несгодья. После чего, подтвердив Щедилову, чтоб он все сие постарался сохранить в тайне и никому б о том не разглашал, спросил я его далее:

— Что ж? А там, что я тебе приказывал, говорил ли ты с ним, то есть, что нельзя ли ему, ежели дальнего дела до меня нет, дозволить мне недельки на две съездить в свою деревню?

— Говорил, сударь, и о том, — отвечал мне Щедилов.

— Ну, что ж он? — спросил я.

— И слова, сударь, не сказал, а с удовольствием еще отпустил вас, говоря, пожалуй, пожалуй, пускай себе едет и живет там хоть до самой ярмонки вашей, а возвратился б к оной, потому что, может быть, я сам приеду к вам попраздновать вместе с вами ваш праздник.

— Ну, ладно, — сказал я, — и это дело в шляпе, слава Богу!

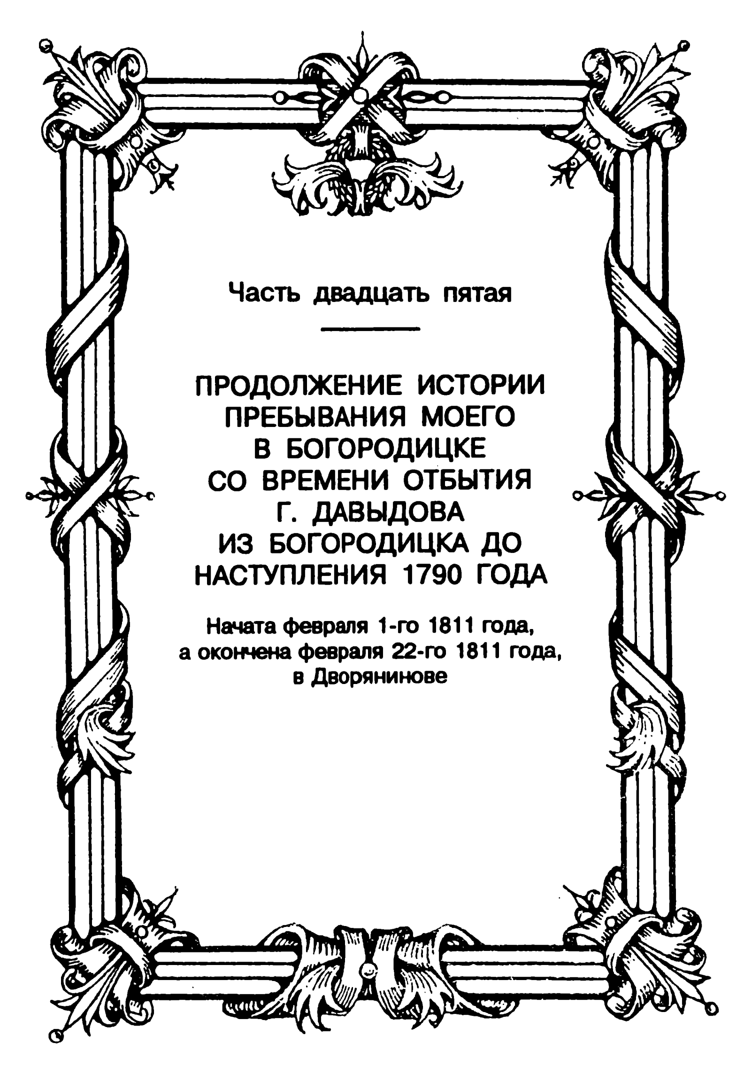
Сказав сие и отпустя своего Щедилова, побежал уведомлять о том своих домашних и говорить, чтоб они начинали в сей путь собираться, а сам потом спешить приводить в порядок заготовленный материал для журнала дабы его с первою почтою можно было отправить в Москву для печатания.

. . . .

А сим и кончу я мое письмо, сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

Декабря 20-го дня 1810 года. Дворяниново.

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Часть двадцать пятая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ СО ВРЕМЕНИ ОТБЫТИЯ Г. ДАВЫДОВА ИЗ БОГОРОДИЦКА ДО НАСТУПЛЕНИЯ 1790 ГОДА

**Начата февраля 1-го 1811 года,
а окончена февраля 22-го 1811 года,
в Дворянинове**

ПРОДОЛЖЕНИЕ 1789 ГОДА, А МОЕГО 51 ГОДА ЖИЗНИ

ПИСЬМО 251-е

Любезный приятель!. . . . .

. . . .

Наконец, по долговременном ожидании, в последних числах августа месяца (1789 года) обрадованы мы до бесконечности были, что дочь моя разрешилась благополучно от своего бремени и произвела на свет сына, а мне внука Павла. Случилось сие в 27-й день августа. . . . .

. . . .

А в наступивший за сим праздник Рождества Богородицы поехали мы все в Ламки, где нашли родильницу нашу очень занемогшую. . . . .
. . . . . и не прежде возвратились, как 11-го числа сего месяца. Тут вдруг услышали мы всего меньше нами ожидаемые и всех нас весьма перетревожившие вести, что командира нашего Николая Сергеевича Давыдова от нас отняли, и указом велено перевесть его в Калугу в гражданскую палату председателем. Сие известие привез нам собственный его секретарь, отправленный от него в ночь, по получении указа, с запискою ко мне, чтоб мне все списки и ведомости готовить к сдаче, и потому было уже достоверное.

Не могу изобразить, как поразительна была для меня сия неожидаемость и как я начал уже жалеть о своем Николае Сергеевиче. Привычка к сему добродушному командиру, всегдашние его к нам благодеяния, неизвестность, кто заменит его место, и какого разбора будет человек, и с какими намерениями, и не подвергается ли самое мое место при сем случае и перемене опасности, приводило всех нас в смущение, и я только твердил:

— Ну, вот, совершилось-таки, наконец, то, о чем так давно начали уже говорить! Вот, прощай и Николай наш Сергеевич! Вот не будет и его! Но кто-то, кто-то воцарится на его место? И лучше ли его или еще хуже будет? Не предстоит ли и всем здешним обстоятельствам революция и перемена?

. . . .

. . . .

В 23-й день сентября я, собравшись, [поехал] в Ламки, дабы оттуда пуститься уже в Тулу.

А сим и кончу я сие письмо . . . . , сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

Февраля 1-го дня 1811 года в Дворянинове.

ОТЪЕЗД СЫНА В ПЕТЕРБУРГ

ПИСЬМО 252-е

Любезный приятель! Последнее мое письмо кончил я отъездом своим в Тулу. Я приехал в оную 24-го числа сентября и остановился опять у друга своего г. Сухотина. Тут, наконец, узнал я уже с достоверностью, что директором домоводства на место г. Давыдова будет некто Василий Васильевич Юницкий из Петербурга, и человек совсем не знакомый никому. Сие несколько меня поуспокоило, ибо хотя и неизвестно еще было, каков сей человек будет, но, по крайней мере радовался, что не достанусь я под власть г. Вельяминова. Вслед за мною приехал туда же ночевать друг мой Иван Васильевич Хомяков, с женою и детьми; а подошел к нам и случившийся в Туле мой Варсобин.

Переночевав у г. Сухотина, поехали мы поутру вместе с г. Хомяковым сперва в казенную палату, а потом к г. Давыдову. Я нашел его в весьма жалком положении и состоянии. От претерпенной жесточайшей горячки был он очень еще худ, а душевное сокрушение угнетало его еще того более. Обстоятельства его были наисквернейшие. Он был по уши в долгах, и в долгах совсем неоплатных. Из казенных денег было множество им нахватано и промотано.

Кредиторы его не хотели даже его из Тулы выпустить. Уже г. Хомяков Христа ради вступился и взял на себя заплатить долги его. С нашею волостью имел он также некоторые запутанные дела: нахватал множество денег, множество хлеба, и надобно было как-нибудь развязаться с нею. Итак, все сие его тревожило и все смущало. Криводушник и душепродавец наш Варсобин, которым званием называли мы его по поводу покупания им людей в рекруты, успел уже у него побывать и злодейским образом постарался надеть на него новую петлю или дать злодейский совет произвесть новое бездельничество в рассуждении нахватанного им хлеба. Он тотчас адресовался ко мне с предложением о том. Предложение сие меня поразило. Я удивился тем паче, что собирался сам делать по сему делу представление. Досадно мне было сие чрезвычайно. Но как пособить было нечем, то сказал, что я о том еще подумаю и посмотрю, можно ли будет то сделать.

Получив от него на некоторые другие вещи ордера, для очищения и обеспечения себя в рассуждении некоторых содеянных им пакостей, и поговорив кое с кем из приезжавших, поехали мы с г. Хомяковым опять в казенную палату. Там, к удовольствию моему, вытялил я от секретаря его взятые им от нас обязательства заимщиков хлебных, о которых упоминал я в прежних моих письмах. Из них он успел уже промотать четыре и почти на целую тысячу рублей. Но я рад был, что получил, по крайней мере, последние и что не все им были промотаны. Из казенной палаты поехали мы с г. Хомяковым и нашим хозяином по приглашению обедать к г. Давыдову,

который старался меня в особливости угащивать, поелику тогда весьма многое зависело от меня.

Наутрие прописал я все утро на своей квартире, делая разные вычисления и писав еще один нужный ордер. Потом поехал к г. Давыдову. Душепродавец опять уже был тут и успел опять наделать пакости и злодействия разные. Никогда не доказал он мне, как при сем случае, что был он превеличайший плут и бездельник. Как помянутый и нужный для меня ордер был подписан, то распрощался я с г. Давыдовым и, позавтракав у своего хозяина, пустился в обратный путь и успел приехать ночевать в Ламки, где нашел и хозяина, возвратившегося уже с ярманки, а вкупе и родственника своего В.И. Кислинского, гонявшего по всему белому свету с собаками и туда заехавшего, с которыми, проведя вечер, возвратился на другой день с матушкою-тещею в Богородицк.

Тут нашел я целую толпу народа, дожидавшуюся меня для торга земляного, которому в самое сие время быть случилось и который надлежало уже мне самому собою производить. Но как мне было тогда очень недосужно, то велел я народ сей распустить и торг сей отложить до субботы, но после тужил, что сие сделал, ибо пошли тотчас ко мне приступы и досады от просителей, домогающихся получить земли и мельницы беззаконно. Но никто мне так досаден не был, как наш князь городничий, прилетевший ко мне с просьбою от г. Веницеева об отдаче одной мельницы какому-то знакомому ему дьячку за малую цену; мельница же была весьма дорогая и важная. Но я не захотел никак в угождение господину Веницееву сделаться бездельником и отказал ему в том

начисто. Но наиглавнейшая моя забота была о требованиях г. Давыдова. Я принужден был призвать к себе на совет добродушного и мне усердного секретаря своего Щедилова и иметь о том с ним конференцию. Но требования сии, по милости нашего душепродавца, обоим нам наводили превеликое сомнение, и мы долго не знали, как быть и что делать, ибо с одной стороны — жалок был нам Николай Сергеевич, и обоим нам хотелось ему в нужде его помочь, а с другой — опасались, чтоб не могло произойтить от того впредь для самих нас каких-нибудь дурных следствий, и насилу кое-что сообща придумали и делом сим уладили.

Впрочем, в сей день возвратилась и жена моя с детьми с ярманки, и я доволен был, что езду свою туда отправили они благополучно; а на другой день после сего получил я письмо от г. Давыдова с уведомлением, что преемник его и наш новый директор не прежде в Тулу прибудет, как по первому зимнему пути. Сие известие смутило меня и даже огорчило до чрезвычайности, и причина тому была следующая.

Как год, на который сын мой отпущен был по последнему пашпорту, приближался уже к окончанию, и наше общее желание было постараться о выпуске его из гвардии к штатским делам (поелику он по слабости своего здоровья к военной службе был совсем не способен, да и нам не хотелось его оной подвергнуть; выпуски ж были тогда затруднительны и не инако как с превеликими трудами и стараниями могли быть получаемы) — то наилучшим и надежнейшим средством почитали мы, чтоб мне ехать для

сего самому в Петербург и употребить к тому свое старание. И как сие у нас давно уже предположено было, то и ласкался я надеждою, что я, когда не от г. Давыдова, так от будущего своего нового начальника и могу получить к езде сей увольнение. Но как тогда г. Давыдову отпустить меня было уже не можно, то известие, что новый начальник мой не прежде прибудет, как в исходе уже тогдашнего года, смутило нас до чрезвычайности. Ибо как до прибытия его мне от волости отлучиться не было уже никакой возможности, а по приезде его ехать было уже поздно, и мы легко могли заключить, что чрез то упущу я наиудобнейшее время к употреблению своих просьб и стараний о моем сыне, то и не оставалось другого средства, как отпускать сына моего в Петербург на службу одного и предоставить уже самому ему о себе стараться.

. . . .

Итак, вдруг и нечаянным образом получили мы новую по сему обстоятельству заботу и должны были, не упуская нимало времени, помышлять о сборах в сей дальний путь и придумывании всего того, чем бы ему поспешествовать с своей стороны в его будущих о самом себе стараниях.

Не успели мы начать о сем помышлять, как наступил и день, назначенный мною для публичной земляной торговли. И как земли всем были надобны, то народа съехалось превеликое множество. Но я рад был, что дворян было немного, а только двое, да и те — не стоющие дальнего уважения, а потому и мог я, по желанию своему, давать всем свободный торг и производить оный наибеспристрастнейшим

образом. Однако, без досад многих и при сем случае не обошлось, и хлопот было довольно.

. . . .

Непосредственно за сим наступил наш фамильный октябрь месяц, бывший в сей год достопамятен для меня многими особенными происшествиями. Самое начало его было уже преисполнено многими для меня досадами, хлопотами и неудовольствиями. Не успело пройтить оного дня два, как взбешен почти был я присланным ко мне письмом от бывшего командира моего г. Давыдова. Сей горе-командир, будучи, так сказать, с ног до головы замаран дерьмом и находясь в прескверных и таких обстоятельствах, в каких не желал бы я быть никому, по смешному своему любославию, восхотел еще и тогда покичиться своею потерянною уже надо мною властию. И забыв все, сколько он мне обязан, и все то, что я для его сделал, написал ко мне прямо досадное и раздражительное письмо и променял меня на бездельника-мужика, принесшего ему какую-нибудь голову сахара или чего-нибудь иного на поклон. Повод к тому подала вышеупомянутая переторжка земель и мельниц. Как для ней самому ему уже не кстати, да и нельзя было к нам приехать и по-прежнему бессовестно мытарить и плутовать, то поручил он производить торговлю сию мне. Но чем был я не весьма доволен, ибо он хотя и не приехал, но заметал меня ордерами и письмами в раздаче наилучших земель и мельниц воровски и за ничто тем, которые у него там побывали и с которых он сорвал срывы. Между прочим, прислал он ко мне один глупый и бестолковый ордер об отдаче одной и последней мельницы Бобриков-

скому мужику за ничто, и только за 30 рублей, несмотря что она стоила гораздо более ста. Досадно мне было сие неведомо как, и тем паче, что он и без того все наилучшее мельницы размытарил и упустил чрез то дохода в казну более 1000 рублей. И как тогдашние повеления его уже были для меня не слишком важны, и я не имел причин их свято наблюдать, а сверх того, хотелось мне последнее его мытарство и бездельничество сколько-нибудь поправить беспристрастнейшею торговлею, то и пустил я сию мельницу с прочими в торг и за нее взогнали цены свыше полутораста рублей, и осталась она за самим тем же, который хотел было схватить ее почти за ничто. Бездельник сей бросился к г. Давыдову и, как думать можно было, налгал ему что-нибудь. А за сие-то и изволил он на меня разгневаться и, в досаде для чего помешал я ему и в сем случае своровать и сбездельничать, написал ко мне помянутое обидное и такое письмо, какого я от него, а особливо при тогдашних обстоятельствах, никак ожидать не мог и которое для меня тем было досаднее, что я поступил при сем случае по всей справедливости и всего меньше заслуживал такого себе репреманта*. Мне не трудно было в том оправдаться. Но со всем тем принужден я был весь почти день по сему делу писать и заниматься глупостьми, ибо мне хотелось дать ему учтивым образом прямо дурной его поступок против меня почувствовать.

. . . .

---

*Reprimande — выговор.

Непосредственно за сим наступил день имянин сына моего, и праздник сей был для нас тем чувствительнее, что оставалось ему уже недолго жить с нами. В навечерии сего дня положено было у нас уже решительно отправить его в скором времени. .

. . . .

Наконец, наступило 14-е число октября, день достопамятный мне и всему семейству моему тем, что мы отправили в оный наилучшего друга и любезного моего сотоварища и собеседника Павла Андреевича в Петербург и разлучились впервые с ним на время, которое долго ли продолжится — о том всего меньше мы тогда ведали и знали, ибо зависело то от воли нашего Бога. . . . .

. . . .

Итак, проводив любезного своего товарища, остался я один и весь тот вечер проводил в скуке и в помышлениях о новом своем наказном начальнике. . . . .

Последующий за сим день достопамятен был тем, что я в оный окончил десятилетний мой труд, а именно: сочинение своего «Экономического магазина», отягощавшего меня многими трудами, но не принесшего мне никакой дальней пользы, кроме того, что сделало имя мое во всем государстве известным и славным. Но и от сего польза для меня была очень не велика, и мне опытность толь многих лет доказала, что публика наша наполнена была еще невежеством и не умела, и не привыкла еще ценить труды людей, и отечество совсем было неблагодарное, а лучшею наградою за весь подъятый толь великий труд было для меня собственное сознание, что

я трудился не в пустом, а в полезном и таком деле, которое некогда не только сынам нашим и внукам, но и правнукам и дальнейшим потомкам обратится в пользу, и что я, с своей стороны, был полезным для своего отечества. Наконец, и та мысль меня утешала, что как не было до меня, так едва ль и после меня будет другой человек, который бы один и без всякой посторонней помощи мог целых десять лет сряду издавать журнал такой огромности и изготовлять материи в каждую неделю на два листа печатных и с такою исправностию, что никогда не было ни малейшей остановки.

Впрочем, достопамятно, что как мы с сыном условились колико можно чаще переписываться между собою и рассказывать друг другу все, что с нами происходить будет и переписку сию расположить совсем на иной ноге, нежели на какой бывает она у иных отцов с отлучными сыновьями своими, то и я с самого сего дня и начал к нему уже писать и заготовлять письмо свое к отсылке в Петербург по почте, дабы он, приехавши туда, мог им быть тотчас обрадован.

. . . .

. . . .

Но сим дозвольте мне сие письмо кончить и сказать вам, и проч.

Февраля 3-го дня 1811 года.

ПЕРЕПИСКА С СЫНОМ

ПИСЬМО 253-е

Любезный приятель! Сообщив вам в предследовавшем письме начало нашей переписки с моим сыном, ... думаю сообщать впредь к вам некоторые из них, когда во всем их пространстве, а когда только нужнейшими выписками из них, и располагаю учинить сие наиболее для того, что в последующих моих письмах к сыну описаны и все интереснейшие происшествия, бывшие около сего времени*. . . . .

Со всем тем я целых три дня не принимался за перо для писания к нему, в течение которых приходили слухи из Тулы, что г. Давыдов не получил ничего из Петербурга и что его насильно почти считают казенною палатою, и Веницеев трудится над тем очень. Далее говорили, что ездивший от г. Давыдова его секретарь в Петербург возвратился ни с чем; что был он у Юницкого и его очень хвалит и что будто он сам ему сказывал, что определения и указа об нем еще нет, но что ему место сие наверное обещано.

---

*В предыдущем письме Болотов приводит свое — опущенное нами — письмо к сыну.

23 числа поутру . . . . писал следующее:[*]

. . . .

Вчера только разрешил меня Николай Сергеевич Давыдов ордером от своей команды и велел относиться обо всем к Веницееву. Мне великая теперь комиссия набирать рекрут. Пишут из Тулы, чтоб поскорее, а мне и поногу со двора не можно. Щедилов и теперь еще в Туле живет; поручено ему смечаться с деньгами и делать счеты, но он нашел все дела и книги так запутанными и в таком беспорядке, что ажно кряхтит. Но и я устал насмерть, дай отдохнуть немного.

. . . .

. . . . окончил я мое второе письмо, которое, запечатав в один куверт[**] вместе с первым, в тот же день и отправил на почту. А не успел настать следующий за сим 26 день октября, как я приступил к писанию к сыну моему уже и третьего письма и писал следующее:

. . . .

. . . .

Щедилов наш и по сю пору в Туле с Маркою, и еще выписали и Товалова. Новый наш командир не то временный, не то всегдашний (ибо об Юницком говорят, что он уже вовсе не будет и что едва ли не навсегда будет Веницеев нами командовать); что-то

---

[*] В следующих главах в настоящем издании из переписки Б. с сыном оставлены наиболее интересные в бытовом отношении строки.

[**] Конверт.

слишком уже начинает умничать и власно как будто посягать на меня. Щедилов то и дело ко мне пишет и обо всем уведомляет. Все письма его приводят меня в новую досаду и подают повод подозревать, не начинает ли его пьяное высокоблагородие ковать какие-нибудь потаенные ковы и не помышляет ли о опростании моего места какому-нибудь своему другу.

. . . .
. . . .

Щедилов приехал вчера на часок из Тулы. Невероятное дело, что там по счету открылось и сколько промотано другом нашим Николаем Сергеевичем казенных денег! Возможно ли, что то число, о котором мы тогда примерно говорили, еще очень мало, а надобно класть вдвое, да и того еще мало? Уж прямо был директор домоводства, и как это можно быть так отважну! Подумай, пожалуй! Но полно о сем: не наше это дело, а обратимся к своему . . . . . .
. . . .»

. . . .
. . . .

А сим и окончу я сие мое письмо и скажу, что я есмь ваш, и проч.

Февраля 4-го дня 1811 года, в Дворянинове.

. . . .
. . . .

ПИСЬМО К СЫНУ

ПИСЬМО 258-е

Любезный приятель! . . . . . 8-е письмо сына моего весьма нас порадовало и побудило меня на другой же день после этого начать писать.

. . . .

Секретари и подъячие мои все еще в Туле и все еще разбора письменных дел на кончили. Наместник в Туле еще не бывал; однако, велено дворянам с 12 числа съезжаться для выборов. Николая Сергеевича выписывали в Тулу, но не едет и не могут дождаться, а надобен. Едва ли не велено от наместника в деньгах его следовать. Беда, ежели это правда! пропадет он сердечный, засудят впрах. Восстали на него непутем и самые Дедиловцы и такие открывают дела, что волосы ажно вянут (!). Боже, спаси его и помилуй! Вчера ездила мать к княгине,она очень довольна твоим письмом, а князь приезжал ко мне и сидел долго.

. . . .

Возвратившийся вчера из Тулы Варсобин указывал, что наместник наш еще не скоро будет, и выборы будут без него. Сказывают, его там в армии как-то обокрали и кто-то подтибизил* жалованные табакер-

---

*Украл, стащил.

ки и другие драгоценности, всего тысяч на 7, а прежде говорили тысяч на 20. О Николае Сергеевиче прислано от него предложение, однако, слава Богу, не велено еще следовать, а только с напрягаем* казенной палате, для чего упустила она его из Тулы и не велела порядочно все сдать. Итак, велено его выписать из Калуги и заставить дела и деньги порядочно сдать и потом, чтоб дать ему квитанцию. Словом, дается ему время сколько-нибудь исправиться. Богу известно, что с ним наконец будет: не является денежек до 80 тысяч и более.

. . . .

А сим и окончу я и мое письмо, как достигшее до своей величины определенной и, предоставя сообщение второго письма письму будущему, скажу, что я есмь ваш, и проч.

Февраля 18-го дня 1811 года.

. . . .

. . . .

Сочинена в 1811 году в феврале, в течение 20 дней, в Дворянинове.

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ ЧАСТИ

---

*Напрягай — строгий выговор, нахлобучка, головомойка.

Часть двадцать шестая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ

Начата февраля 23-го 1811 года, а окончена марта 23-го 1811 года, в Дворянинове

1790 ГОД. И ПРОДОЛЖЕНИЕ МОЕГО 52 ГОДА ЖИЗНИ

ПИСЬМО 261-е

Любезный приятель! Приступая к описанию происшествий, случившихся со мною в течении 1790 года, начну предпосланием краткого замечания о том положении, в каком я со всем своим семейством находился при наступлении сего года. Из предследующих писем явствует, что при конце 1789 года находился я хотя в прежнем своем месте, при управлении Богородицкою волостью, но в обстоятельствах несколько сумнительных. Господин Давыдов, бывший до того моим начальником и командиром, был уже давно от начальства над сею волостью отторгнут и его около сего времени в Туле считали, а на место его никто еще собственно не был определен, и впредь, кто именно будет новым моим начальником, было еще неизвестно, а начальствовал в сей промежуток времени надо мной один из советников казенной палаты г. Веницеев. Главного же нашего начальника, наместника Кречетникова не было тогда в Туле; он находился еще в армии и оттуда не возвращался, хотя приезда его в скором времени и ожидали в Тулу. Как обстоятельство, что прежний любимец

его, г. Давыдов, весьма худо хозяйствовал с присылаемыми от меня для хранения в казенной палате деньгами и многие десятки тысяч оных протранжирил, было наместнику совсем неизвестно, то ожидаемый приезд его в Тулу был не только ему, но и всем его друзьям и приятелям страшен, и все не знали, как ему о том и сказать будет надобно. Самому мне, несмотря хотя я нимало в сем деле не был замешан, а с своей стороны был чист и ничем не замаран, наводило обстоятельство сие некоторое сомнение. Я озабочивался тем, чтоб и мне не претерпеть от наместника какого-нибудь за то гнева, хотя я и мог оправдаться во всем наилучшим образом. Самый насланный ко мне в конце минувшего года из казенной палаты указ и призыв меня в Тулу, со всеми до отсылки от меня денег касающимися документами, наводил уже на меня некоторое сумнение, ибо как мне было довольно известно, что все тульские, которым велено было г. Давыдова считать, по любви своей к нему, старались всячески грехи его, сколько можно, прикрыть и употребить все, что только можно было, к его вспоможению, то имел я причину подозревать, не хотят ли они употребить какой-нибудь хитрости и непозволенной интриги и запутать и меня каким-нибудь образом в сие опасное дело, а посему и собрался в сие путешествие с крайним нехотением и с смущенным духом.

С другой стороны, смущало меня и крайне озабочивало не только меня, но и все мое наличное тогда семейство, состоявшее в моей жене, ее матери и двух меньших моих дочерях, неизвестность, в какой

все мы находились при начале сего года от отсутственном моем сыне, который всем нам дороже был всего на свете. Последний своим письмом из Петербурга от 10 декабря уведомлял он нас, что они хотели ехать во Псков, но как после того не получили мы от него в обыкновенное время письма, то и не знали, где он тогда находился, в пути ли туда или обратном или уже возвратился в Петербург; и за неполучением письма, начали уже опасаться, не произошло ли с ним чего особливого и неприятного, и в добром ли он здоровье находится.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

МОЛОДОЙ КАПИТАН

ПИСЬМО 264-е

. . . .

«Другою нетерпеливостию мучимся мы узнать скорей, кто будет у нас директором. Свечин с часу на час ждет указа о себе; уже есть здесь копия с определения сенатского. Он съякшался с губернатором и, ничего еще не видя, по дурному и негодному своему характеру несет, сказывают, горы на всех и Бог знает что; а другие ждут возвращения курьера, поскакавшего от наместника просить, чтоб того не делали, а кого-нибудь иного произвели, и либо Юницкого, либо Грахольского, либо Веницеева. Итак, неизвестно еще, кто будет, и не будет ли чего с завтрашнею или сегодняшнею почтою».

. . . .

«Я вчерашний день проводил здесь в Туле по сущим пустякам и, возможно ли, дня четыре живи единственно для того, что Веницеев всякий день ездит с светом вдруг гайкать с собаками на поле и не заглянет в казенную палату, а вице-губернатору с ним видеться надобно и спросить об одном деле. Не досада ли сущая? Но мне не таково досадно, потому что мне здесь не скучно, и я то и дело, что кой-куда езжу. Вчера был у отца Иеронима в монастыре и

имел случай видеть редкую церемонию и воздаваемую ему как игумену почесть. Виделся с ним, говорил, и он обещал было приехать на вечер ко мне, однако, не бывал, хоть мы его весь вечер прождали. Загулялся у Левенцовых». . . . .

. . . .

13 генваря, в воскресенье, поутру.

«Возможно ли? И вчерашний день проваландался я здесь совсем по-пустому, как ни старался добиться толку, но никак не мог. За мною нет ни малейшего дела, а держат, сами истинно не знают зачем. За тем только и дело стало, чтоб принять от меня ордера для свидетельства, но не принимают, и все еще резолюция не вышла о приеме оных. Нарочно медлят, чтоб выиграть более времени в пользу Николая Сергеевича, а я живи да поживай без всякого дела и, что всего хуже, живи в совершенной неизвестности, когда отпустят».

. . . .

В тот же день ввечеру

«Ах, Павлушка! Какой для меня был сегодняшний день счастливый и веселый и каким удовольствием преисполнен! Какими сладкими удовольствиями и ощущениями объята была душа моя, и какая радость! Я узнал в оной, и узнал нечаянно и против всякого ожидания, решение судьбы твоей; узнал, что милый и любезный мой Павлушка, и «паинской» и «мамастой»*, уже не сержант, а господин капитан!»

---

*Паинской и мамастой — вроде папашин и мамашин.

«Наконец все свершилось!. . . Да буди Богу многое благодарение!... Желания наши исполнились! Порадуйтесь, батюшка! Я выпущен от армии капитаном к штатским делам. Будучи уверен в вашей ко мне милости и любви, я надеюсь, что сие известие вас порадует. Я поздравляю вас с новым молодым капитаном и желаю всей душою, чтоб он, вступив в новый сей чин, продолжал бы нести ваши к себе милости и старался бы заслугами своими быть оных достойным.

. . . .

. . . .

Более сего не произошло вчера ничего особливого. У брата Михаила Васильевича были кой-кто гости, а ввечеру, изволите ли знать, где мы были? В Очакове. Но вы, батюшка, думаю, уверены, что мы были не в том Очакове, который стоит на берегу Днепра и Черного моря! Нет, сударь! Покорно благодарствую! Ежели туда съездить, озябнешь, а особливо в такие морозы, как ныне, все капит с неба на голову, да и к тому же туда слишком далеко, а мы были гораздо поближе. Здесь есть один домик, носящий на себе имя сего новозавоеванного города. Один из подданных князя Потемкина есть установитель и содержатель сего трактира, и установлен он в честь завоевавшему настоящий сей город. Только да будет вам, батюшка, известно и то, что сей трактир не совсем напрасно носит сие имя. Все убранства и украшения в оном сделаны по большей части в турецком вкусе, как-то: диваны, софы и проч., также и все служители в оном наряжены в турецких платьях и чалмах, что с одной стороны

очень смешно и нескладно. Причина же езды туда была та, что Михаилу Васильевичу, собравшись с своими знакомцами, надлежало попотчивать приятеля, а я согласился поехать туда за тем только, чтоб посмотреть, что такое за зверь славящийся здесь столько господин трактир «Очаков», только я весьма не куриозен* был оставаться долго в такой компании, в увеселениях которой я никак не мог сделать соучастия и сотоварищества. Я всклепал на себя головную боль и уехал домой, а господа наши прогуляли там большую половину ночи и очень-очень поздно по домам разъехались».

. . . .

. . . .

. . . .

---

*Франц. — любопытен.

КОНЕЦ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМО 265-е

Любезный приятель! Ввечеру в среду (на всеедной неделе* было то) как пришла московская почта в Тулу и привезла ко мне письмо от моего сына, сообщенное в письме предследующем. Человек мой дожидался уже на почтовом дворе пришествия почты и принес ко мне оное на квартиру уже ночью. Легко можно заключить, что читал я оное с отменным любопытством и с чувствованием превеликого оттого удовольствия. А как между тем и все мои дела были кончены, и я уже доволен был из Тулы, то не стал я долее в оной медлить; но наутрие до света еще в обратный путь свой отправился и, поспешая привесть к домашним своим радостные вести, в тот же еще день и засветло в Богородицк возвратился.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . . . .теперешнее окончу, сказав, что я есмь ваш, и прочее.

Марта 2-го дня 1811 года.

---

*Перед масленой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА

ПИСЬМО 266-е

Любезный приятель! Помянутого письма мы ожидали и нет, и хотя нам для получения оного надлежало промешкать все утро в Туле, однако, решились мы на сие, имея, кстати, и некоторые нужды к исправлению в городе. Посыланный наш, которого мы с светом вдруг на почтовый двор отправили, принес к нам нижеследующее последнее письмо, отправленное к нам сыном из Твери:

. . . .

Сим кончилась тогда совершенно наша тогдашняя с сыном переписка, которая обоим нам доставила столько удовольствия, что мы, испытав оное, побудились тем и впоследствие времени, при случаях всех друг от друга отсутствий и разлуках, иметь таковую ж взаимную переписку, каковою и поныне, живучи с сыном моим на большую часть в разлуке, продолжаем и пользуемся оба с ним еженедельно, и которая при старости моей доставляет мне неудобь изъяснимое удовольствие и утеху. Но я обращусь к продолжению моего повествования.

Легко можно заключить, что и выше помещенное последнее письмо доставило нам всем великое удовольствие. И как по счислению времени надлежало

в скорости ожидать приезда моего сына, то нетерпеливое желание наше его увидеть увеличилось еще больше. Но не успели мы несколько минут проводить в том и в разговорах об нем, как входит один из наших слуг, ходивший в город, в нашу комнату и поражает всех нас неописанным удовольствием, принеся известие, что милый наш Павел Андреевич находится уже в Туле. . . . .

. . . .

И в самом деле: не успели мы возвратиться в Богородицк, как на другой же день приехал и он вслед за нами.

. . . .

. . . .

Легко можно заключить, что я не упустил в течение сей недели пересмотреть и все книги и прочее, привезенное сыном моим из Петербурга, а он просматривал все то, что мною в отсутствие его было писано. И как описание жизни моей ему полюбилось, то восхотел он украсить ее несколькими картинками и при начале первой части срисовал самого меня, точно в таком платье и положении, в каком я, сидючи за столом своим в кабинете, над сочинением и писанием сей книги трудился, дабы и сему остался памятник.

Изо всех привезенных им с собою ко мне от разных особ писем ни которое не было для меня так интересно и важно, как присланное ко мне с ним из нашего Экономического общества и врученное ему господином Нартовым. И как оно было ответное на мое, в Общество пересланное и представленное сыном моим вместе с ящичком с нашими песками,

и послужило основанием всей возобновленной мною с сего времени с ним переписки, которую я лет за 12 до сего совсем было прервал, то не за излишнее я почел упомянуть здесь о тех причинах, которые меня, как к тому, так и к возобновлению оной побудили.

Первою причиною к прерванию сей переписки моей с Обществом было тогда то, что я понаскучил уже ежегодным почти посыланием в оное многих моих сочинений и употребляемым к тому не только трудом, но и коштом с пересылкою сочинений сих по почте всегда сопряженным, без всякого за то дальнего воздаяния и возмездия, ибо все долговременное ожидание от сего Общества какой-нибудь существительной пользы было тщетно, ибо я усматривал, что сколько б я ни стал трудиться, но мне пользы от того не проистечет ни малой. Во-вторых, раздосадован я был неполучением посланной ко мне одной серебряной медали. В-третьих, обстоятельство, что и самое Общество около того времени гораздо порасстроилось и далеко уже не было таково славно, как прежде, также к продолжению трудов моих разохочивало. А наконец, в-четвертых, и всего паче побудило меня к тому то, что я около того времени помышлял сам о издавании «Экономического журнала», которым надеялся я произвесть отечеству своему несравненно более пользы, нежели всеми моими посылаемыми в Общество сочинениями; и для того хотелось мне поберечь материи свои и для оного. По которым причинам я тогда и перестал писать. А как и Общество почти перестало издавать свои «Труды» и к мне по-прежнему пересылать оные и

только слабо имя свое носить и поддерживать продолжало и об нем не было почти и слуху, то молчание мое во все то время и продолжалось, покуда трудился я над издаванием своего «Экономического магазина».

Но как с окончанием 1789 года кончилось и издавание оного, и я получил более свободного времени и досуга, а около самого того времени случилась вышеупомянутая и езда сына моего в Петербург, то как ему нужны были там знакомцы, то между прочим снабдил я его письмом к прежнему благотворителю и незнаемому приятелю своему г. Нартову рекомендательным письмом, хотя и не знал, жив ли он и находится ли в Петербурге и поручил ему об нем распроведать и, буде жив, отписать и с ним познакомиться*.

. . . .

. . . .

Получение такого благодарительного письма было мне хотя приятно, однако удовольствия дальнего не произвело, ибо сим еще весьма мало награжден был труд, употребленный мною и сыном моим при делании и представлении нашей коллекции с песками, и пользы от всего нашего предприятия не произошло никакой существительной, почему оба мы с сыном почти и раскаивались в том, что затевали и предпринимали сие дело, и тем паче, что я, напротив

---

*В пропущенных строках Б. приводит свое письмо в Вольное Экономическое общество и ответ секретаря с предложением прислать для исследования образцы найденных пород и продолжать переписку с обществом.

того, легко мог предусматривать, что от сего возобновления с Обществом переписки и сношения произойдет только то следствие, что Экономическое общество будет только от времени до времени отягощать меня кой-какими своими требованиями и препоручениями, чему пример и на первой уже встрече оно в письме своем довольно показало; и что по сему случаю буду принужден я опять много трудиться, имея много хлопот, а иногда и несколько убытков; и за все то должен буду довольствоваться одною только пустою и ничего не значущею честью и похвалами и более ничего.

Однако, как начало было уже учинено и мне не годилось уже отстать и опять замолчать (хотя того мне уже и хотелось, а сверх того и неизвестно было ничего о будущем и не может ли знакомство с Обществом послужить мне опять в какую-нибудь пользу), а паче всего, как я имел уже около сего времени более свободного времени, то подумав-погадав и положил я употреблять кой-когда свободное время на переписку с Обществом.

. . . .

. . . . сим окончив, скажу, что я есмь ваш, и проч.

Марта 4-го дня 1811 года.

. . . .

. . . .

НОВЫЙ КОМАНДИР

ПИСЬМО 268-е

Любезный приятель!. . . . .
. . . .

Надобно знать, что около самого сего времени получил я из Тулы известие, что новый наш господин директор домоводства и вкупе новый мой командир г. Юницкий в Тулу, наконец, уже прибыл. И так мне необходимо надлежало к нему явиться и его с собою познакомить, то и занялся я тогда помышлениями о том, как бы мне на первый случай ему подслужиться преподанием ему о волостях наших и обо всех касающихся до них обстоятельств — хотя краткого, но такого понятия, которое бы его освободило от многих трудов, к узнанию всего того потребных, и чем, как я предполагал, надлежало ему быть очень довольным. Ибо я, не зная еще его лично, за верное полагал, что надобно ему быть человеку разумному, с большими знаниями и дарованиями, и что он не с ветра, а за достоинства получил себе толикой важности место. А для самого того засев и сочинил я ему краткое, но такое извещение о наших волостях, какое едва ль бы кто иной восхотел бы, но и в состоянии был сочинить, будучи на моем месте. А не удовольствуясь тем, скопировал еще для него и маленькую географическую

карту положения всех наших волостей и находящимся в них селениям, для лучшего и удобнейшего ему о волостях понятия приобщил ее к моему извещению. Всем сим надеялся я, по крайней мере, и ему услужить, и о своих способностях дать ему понятие, и приобрести себе его благоволение. И по изготовлении всего того 12 июня к нему в Тулу и поехал.

. . . .

Наутрие, забрав с собою все нужное, раным-ранехонько поехал я сперва к г. Венецееву и, поговорив с ним обо всем и раскланявшись с ним, временным своим начальником, явился к своему новому командиру, стоявшему тогда в том каменном казенном доме, который находится на половине Московской Большой улицы. Он принял меня хотя вежливо и учтиво, но ни тепло ни холодно, и я, взглянув на него, тотчас увидел, что я в помышлениях и заключениях моих об нем весьма во многом обманулся и что в нем далеко таких достоинств и дарований не было, какие я в нем надеялся найтить, а показался он мне человеком простеньким, смирненьким, небольшим и ума весьма посредственного и обыкновенного, словом, весьма не из далеких, почему и подивился я еще, что в Петербурге не могли найтить лучшего и способнейшего человека для сей важной должности, а прислали такого, которого можно было почесть ни рыбою, ни мясом. Но после узнал, что доставил ему сие место какой-то чиновник, служащий при ямской канцелярии* и довольно в Петер-

---

*Почтовой канцелярии.

бурге именитый, и доставил по той причине, что женат он был на его не то родственнице, не то воспитаннице, с которою он тогда в Тулу и приехал и которая также показалась мне не слишком бойкою и чиновною госпожою.

Но как бы то ни было, но господин сей далеко не обласкал меня так, как я того ожидал, да и услугою моею далеко не так много был доволен, как я надеялся, но принял ее холодным почти образом и не поблагодарил меня даже за труд, для его по собственному моему произволу восприятый. Сие меня также несколько смутило, и я даже досадовал сам на себя, что трудился так много для человека, не знающего трудам таковым цены и не способного чувствовать услуги таковаго рода. И как, по всему тому, я некоторым образом заключал, что ожидал он, может быть, от меня услуги иного и существительнейшего рода и при первом случае чего-нибудь такого, что сообразнее было бы с интересами его кармана, то за нужное почел предварительно и обиняком дать ему узнать, что наши волости совсем не такого рода и не на такой ноге управляются*, чтоб можно было льститься нажить от них какие-либо прибытки, и не только большие, но и самые малые и ничего незначащие. И хотя я и не надеялся, чтоб он мне поверил, но сказал ему на первой встрече сам о себе, что я управляю волостьми сими хотя уже многие годы, но могу свято в том его уверить, что не нажил

---

*В смысле «не такие порядки»

еще ни одного рубля от волостей сих, а довольствуясь одним только определенным себе жалованием и содержанием. Он улыбнулся только, сие услышав, но я для лучшего удостоверения его в том привел пример г. Давыдова, говоря, что и сей, управляя сими волостями, только разорился, а пользы себе от них никакой не получил, да и получить было ему никак не можно, ибо обстоятельства, сопряженные с сими волостьми, таковы, что начальникам и помышлять о каких-нибудь прибытках не дозволяют, как то он сам вскоре увидеть и узнать может.

Вкусна ли ему таковая пилюля была или не вкусна, того уже не знаю, но он проглотил ее без приметного отвращения, а заметно было только то, что он с сего времени стал обходиться со мною несколько благосклоннее и откровеннее, и наконец, признался, что он нуждается в некоторых нужнейших мебелях, а особливо в столах и стульях и не знает, где б ему их на время, и покуда он своими запасется, получить было можно.

— О, что касается до сего, — сказал я, — то у нас во дворце сего добра довольно, и что если ему угодно, то могу я их, сколько ему надобно, к нему доставить.

— Очень бы это было хорошо, — подхватил он и стал меня о том просить.

И как я ему сие обещал, то казался он быть тем очень доволен.

Посидев у него часа два и съездив потом в ряды и казенную палату и нашед там г. Верещагина, поехал обедать к сему последнему, а после обеда съез-

дил опять к своему новому командиру и, не имея никакого более до него дела, раскланялся с ним и на другой же день с утра пустился в обратный путь и возвратился в Богородицк.

. . . .

. . . .

А сим, вместе с июлем, кончу я и сие мое письмо, достигшее до обыкновенной своей величины, и сказав, что я есмь ваш, и прочее.

Марта 14-го дня 1811 года.

ТУЛЬСКИЙ АРХИЕПИСКОП АФАНАСИЙ

ПИСЬМО 269-е

Любезный приятель! Первый день августа месяца провели мы довольно весело. Поутру были все городские в собрании в церкви и ходили все после обедни на воду. Процессия сия была у нас всегда довольно пышная и видная. Начальствовал в служении уже новый наш протопоп Филипп, произведенный в достоинство сие из попов наших и носящий и поныне там сие звание. В служении был он немногим-чем хуже прежнего, но взамен того был ученее того и изрядный проповедник. Он любил также строго наблюдать церемониал в служении и делал собою красу церкви нашей. Но наилучшее украшение составляло богатая ризница и дорогая утварь, также и наши певчие. Водосвятие отправлялось всегда на большом нашем пруде пониже дворца. И как весь высокий и наклонный к пруду берег унизан был превеликим множеством обоего пола городских жителей, то и представлялось тогда для глаз прелестное зрелище. После обеда же все городские были у меня, и мы все, пользуясь случившеюся в сей день прекрасною погодою, ходили с ними гулять по большому саду при звуке играющей в ротунде*

---

*Ротонда — франц. круглое здание, беседка иногда на столбах.

музыки и пении певчих. Словом, все были веселы и довольны.

. . . .

В следующий за сим день прибежавший ко мне почти без души наш протопоп смутил было меня принесенным известием, что наутрие прибудет к нам в Богородицк новый наш и объезжающий тогда всю свою епархию архиерей Афанасий. Я смутился было более потому, что оставалось время коротко к сделанию к принятию сего необыкновенного и важного гостя по достоинству всех нужных приуготовлений, ибо мне хотелось блеснуть ему и нашею церковью и всем прочим.

. . . .

И как приезд его к нам не прежде воспоследовал, как 10 числа августа, то и успел я все желаемое к сему времени сделать и приготовить.

Он приехал к нам из Ефремова помянутого числа перед вечером. И поелику мы о самом часе его прибытия были извещены, то, собравшись вместе с городскими судьями и наилучшими купцами, и встретили его в подъезде дворцовом. Он казался весьма довольным быть, нашед для себя столь прекрасную и спокойную квартиру и готовое уже горячее для потчивания его с дороги. И как и он был довольно обо мне наслышан, то не преминул тотчас вступить со мною в ласковые и приятные разговоры, в которых, по отходе всех прочих встречавших его чиновников, и занялись мы с ним во весь остаток того дня и вечера. И как, после обыкновенных ничего не значущих разговоров, довел я оные до дел ученых и наук, то в один почти миг и успели мы с ним так

спознакомиться и сдружиться, что ему и не хотелось уже и перестать со мною говорить. И причиною тому было то, что я во многих отношениях был гораздо его знающее и, пользуясь сей выгодою, блеснул пред ним такими обширными своими знаниями в естественной науке и истории, что он, будучи в сих науках не великим знатоком, но весьма любопытным человеком, слушал меня, так сказать, разиня рот, глаза и уши. Словом, я заговорил его впрах и накидал ему столько в глаза пыли, что он не только возымел ко мне отменное почтение, но даже и полюбил меня искренне и душевно, а я, пользуясь таковою его к себе благосклонностию, и не упустил, отходя от него ввечеру, попросить его, чтоб он наутрие, как случившийся тогда день воскресный, удостоил нашу церковь своим священнодействием, а потом пожаловал бы ко мне откушать.

Просьба сия была им всего меньше ожидаема, и сколько последняя приятна, столько первая обременительна, ибо он, будучи не рьяный охотник служить, а чувствуя в себе от путешествия усталость, нимало не помышлял о том, а располагался было в этот день взять отдохновение; а по всему тому и начал было от служения отговариваться, отзываясь, между прочим, что есть ли, полно, для кого предпринимать сей труд? Но как я просьбу свою повторил, то, пленяясь моими разговорами, принужден он был, наконец, на то согласиться и дал мне обещание отслужить наутрие в церкви нашей обедню.

Будучи сим доволен и идучи от него домой, помышлял я о том, как бы мне сделать ему сюрприз и доказать, что он в мыслях своих о нашем городке

обманывался и что служить ему есть где и есть для кого. И по приходе домой тотчас разослал всех своих вестовых и людей по всем городским судьям и лучшим купцам, также и к съехавшимся нарочно для сего случая многим дворянским фамилиям с извещением, что архиерей, по убедительной моей просьбе, будет наутрие в церкви нашей служить обедню и чтоб все они не оставили меня и городок наш в стыде и пожаловали приездом к обедне смотреть архиерейское служение, а потом ко мне откушать. Домашним же своим препоручил приготовить колико можно лучший стол и снабдил их множеством всякой рыбы, а особливо самыми нашими карпами. И таким же образом и обоим секретарям своим Варсобину и Щедилову препоручил вместе с протопопом нашим постараться, чтоб и в церкви нашей все было хорошо и употреблена была наилучшая наша дорогая ризница и утварь.

Архиерей наш подлинно поразился при входе наутрие в нашу церковь, увидев встречающего себя нашего протопопа и других попов и дьяконов в таких богатых одеждах, каких не было у него и в Коломенском его соборе, и такой крест, какого он едва ли когда видал. А не менее поразился он и убранством и великолепием нашей церкви и увидев и приуготовленный даже для него и обитый алым сукном амвон. Все сие было им нимало не ожидаемо. А то удивило его еще того более, что он против всякого своего чаяния увидел всю нашу просторную церковь, наполненную сплошь не только простым народом, но и великим множеством дворянства и других чиновников, а особливо дам, девиц и купеческих жен в

наилучших их нарядах. А все сие и побудило его отправлять служение во всей обыкновенной форме и колико можно лучшим образом. И как он человек еще не старый, собою видный и красивый и служить отменный мастер, то и было в самом деле, чего тогда всем посмотреть и чем полюбоваться. Оба крылоса наполнены были певчими, на правом — были его, а на левом — наши, ни в чем почти его не уступавшие. На обоих петы были концерты и, одним словом, все служение было пышное и великолепное, и о чем сам уже и архиерей возможнейшее прилагал старание, признаваясь мне после, что он никак не думал и не ожидал найтить у нас все то, что он нашел и видел и что ему даже было совестно и стыдно, что не было с ним дорогой ризницы и что он принужден был служить в своей дорожной.

. . . .

. . . .

Архиерей, при выходе из церкви, не преминул все бывшее тут дворянство пригласить к себе на дорожную водку и тем предупредил собственное наше желание сходить к нему на поклон. Итак, мы все гурьбою к нему во дворец и пошли и нашли там приготовленную старанием моим из многих блюд и тарелок, наполненных всякою всячиною, закуску. Архиерею было и сие весьма приятно, а для меня всего приятнее то, что я нашел тут подъехавшего к нему друга своего отца Иеронима, с которым я так давно уже не видался и который был для меня любезный человек.

Вскоре после того по приглашению от меня поехал архиерей ко мне, куда за ним и все прочие по-

следовали, и я задал у себя для сего необыкновенного гостя большой пир и старался его так угостить, что он был весьма доволен. . . . .

. . . .

Наконец, пробывши у нас трое суток, поехал от нас архиерей, и мы проводили его, нимало не воображая себе, что видели его тогда впервые и в последние, ибо мне не удалось уже после сего ни однажды его видеть и пользоваться его к себе благосклонностию.

. . . .

. . . .

В сих положениях застал нас сентябрь месяц, которого самое начало ознаменовалось прибытием в Тулу нашего наместника. Как сей, несмотря на свою отлучку в армию, продолжал все еще управлять всеми своими тремя наместничествами, а вместе с тем иметь и о волостях попечение, то судил я, что мне необходимо надобно к нему в Тулу съездить и доложиться ему о некоторых делах, до волостей наших относящихся, на которые нужно было его разрешение. Итак, как скоро услышал о его прибытии, как тотчас, написав все нужное к донесению ему, в Тулу и поехал . . . .

. . . .

. . . .

Я любопытен был весьма видеть, как он меня в сей раз примет, и страшился отчасти, чтоб не было мне от того за дело г. Давыдова какого гнева и гонки. И потому, побывав поутру в следующий день у нового своего командира г. Юницкого и едучи с ним вместе к наместнику, был я не весьма в спокойном

духе; но ободрился неведомо как, увидев, что принял он меня очень ласково и приятно и не только в своем кабинете, но и по выходе в приемную разговаривал со мною обо многом и очень благосклонно расспрашивал обо всем, касающемся до волостей наших, и был всеми донесениями моими весьма доволен. Таковая его ко мне по-прежнему благосклонность не только меня порадовала очень, но произвела и ту для меня пользу, что и новый мой командир, увидя, в каком кредите я нахожусь у наместника, стал с сего времени оказывать мне более уважения и сделался ко мне благосклоннейшим и обходиться со мною лучше прежнего. . . . .

На другой день после сего, сочинив и написав поутру докладные свои пункты, ездил я опять с г. Юницким к наместнику и ему пункты свои подал и получил приказание, что приехать мне к нему в следующий день пораие для решения оных. Мы пробыли у него тут все утро, а потом ездили в казенную палату, где поймал меня опять г. Верещагин и увез к себе обедать. Тут услышал я, что и в тот день будет для наместника редут в училищной доме, и г. Верещагин уговаривал меня, чтоб и мне на оный ехать. Но мне не хотелось было того, но как будучи после обеда опять у наместника, и сей мне между прочим сказал, что не худо бы мне побывать в редуте и взять в увеселении их соучастие, то принужден я был туда и прежде еще его ехать.

Я нашел в оном все комнаты, наполненные тульскою публикою, и свиделся со всеми своими знакомыми. Вскоре за мною приехал и наместник. . . . .

Но, к сожалению, не дали ему долго сим редутом

повеселиться, и веселение его превратили в неописанное огорчение и досаду. Кому-то из бывших тут тульских господ вздумалось в разговорах с ним проболтаться и молвить что-то стороною о жалком положении г. Давыдова и о том, до сколь многого количества денег оказался он должным, о чем наместнику до того совсем было еще неизвестно, ибо любимец его г. Веницеев все еще от него сие дело скрывал или паче не знал, как и сказать ему, сколь много промотал г. Давыдов наших денежек, а посему и не удивительно, что уведомление о том поразило его громовым ударом, и он не успел услышать о том, как в тот же миг велел подавать карету и поскакал во дворец, где он тогда квартировал, а ординарца своего в тот же миг послал отыскивать Веницеева и тащить оного к себе, в чем бы он его ни застал.

Все мы тотчас пронюхали и узнали, что причиною было столь скорому и внезапному наместникову отъезду, и все начали пошептом твердить, говоря:

— Ну, теперь загорится огонь и поломя и зашумит страшная буря!

И все крайне любопытны были узнать, что произойдет у него с Веницеевым. Сего, к счастию или несчастию, нашел ординарец в гостях и на девятом уже взводе, то есть гораздо и гораздо подгулявшего. И как ослушаться наместника и не ехать к нему в тот же миг никак было не можно, то он, не долго думая, а выпросив себе еще стакан шампанского и прибавив тем себе еще более смелости и отваги, тотчас к дожидавшемуся его с крайнею нетерпеливостью наместнику и поехал.

И каковая ж происходила у них тогда между собою сцена! Наместник, расхаживая взад и вперед в превеличайшей досаде по своей спальне, не успел завидеть отворявшего к нему дверь Веницеева, как о превеликих пыхах и с страшным окриком бросился на него, но сей, не будучи ленив, захлопнув опять дверью, дал ему волю кричать, как ему угодно, а потом, растворив опять несколько двери и высунув к нему одну голову, вопреки ему, начал кричать:

— Ну что! Ну, что! Сердишься и кричишь! Не сам ли ты виноват и всему причиною? Ну, на что давал такую волю своему любимцу, вот тебе Давыдов! Вот, Николай Сергеевич!... Выручай его теперь сам, как знаешь и умеешь!

И так далее. Сим обезоружил он наместника так, что он, покричав-покричав и побранив его несколько минут, принужден был, наконец, присмиреть и огрызающегося Венецеева сам упрашивать, чтобы он к нему вошел и дал ему совет, что при таких скверных обстоятельствах делать и чем и как сему злу пособить. . . . .

. . . .

Я, не ведая ничего еще о сем последнем происшествии и едучи к нему поутру с г. Юницким и с своими докладными пунктами, трепетал духом, боясь, чтоб не досталось и мне чего-нибудь от наместника на лапу. Но, приехав, крайне удивился, увидев наместника как ни в чем не бывало и по-прежнему со мною ласково и благоприятно говорить начавшего. Может быть, произошло сие от того, что Веницеев меня пред ним во всем оправдал и уверил его, что с своей стороны так чист, как зеркало, и что всего того б не

было, ежели б деньги поручаемы были мне, а не г. Давыдову в ведомство. Мы застали у наместника в передней протопопа Кира во всем его облачении и готового служить у него всенощную. И наместник не успел докладные мои пункты, рассмотрев и подписав, мне вручить, как и ввели уже протопопа со всем его церковным клиром в приемную и началась всенощная. По окончании же оной наместник поговорил еще со мною несколько о волостях и, препоручив мне и впредь иметь об них такое похвальное попечение, как прежде, стал тотчас собираться в свой путь, ибо он в самый тот день отъезжал уже опять в Киев. И мы вскоре потом проводили его сперва до губернатора, а потом и в путь дальний.

Сим образом кончилось тогдашнее мое с наместником свидание. И как мне более никаких дел в Туле не было, то я, препроводив достальное время того дня в разъездах кой к кому из своих друзей и знакомых и переночевав еще ночь в Туле, пустился с утра в свой Богородицк. . . . .

. . . .

. . . .

. . . . . . .В 6-й день октября кончился 52-й год моей жизни. А, кстати, к сему кончу я и письмо сие, сказав вам, что я есмь ваш, и проч.

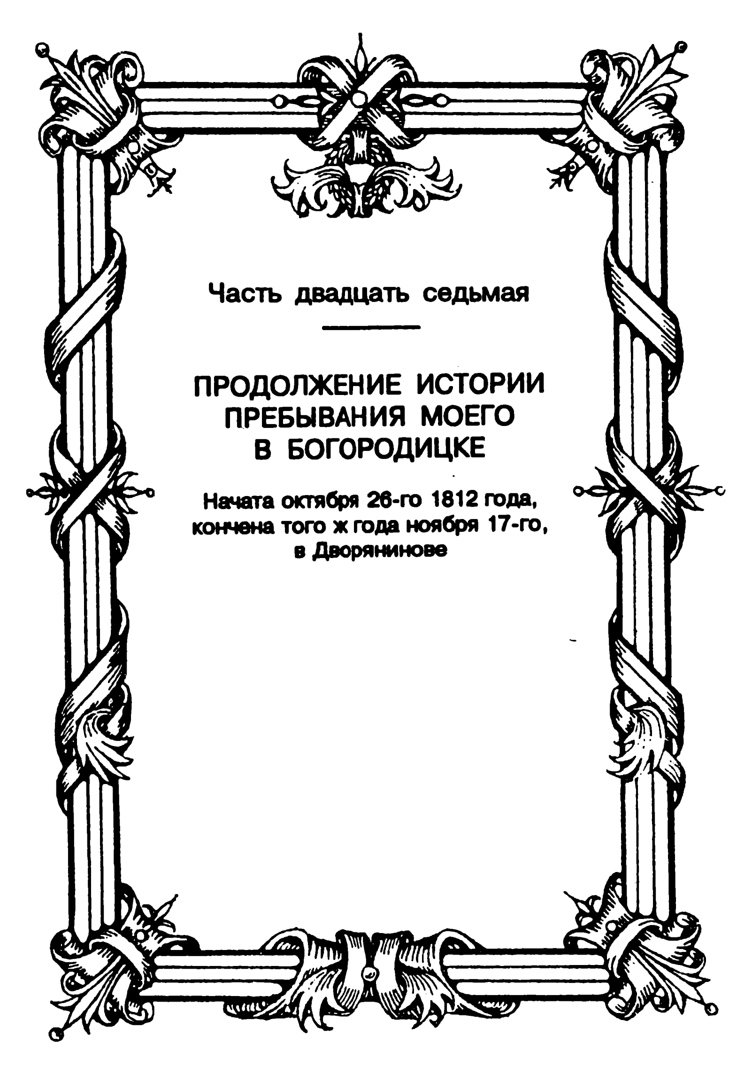
Марта 20-го дня 1811 года.

. . . .

. . . .

Сочинена в месяц ровно 1811 года.

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

Часть двадцать седьмая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ

Начата октября 26-го 1812 года, кончена того ж года ноября 17-го, в Дворянинове

1791 ГОД И ПРОДОЛЖЕНИЕ МОЕГО 53 ГОДА ЖИЗНИ

ПИСЬМО 271-е

Любезный приятель! В каком положении и состоянии дел находился я при конце 1790 года, при продолжающемся пребывании моем в Богородицке и поступив под команду уже пятого командира, о том упоминал я в конце 26-й части сего описания моей жизни. Что ж касается до 1791, также многими происшествиями достопамятного года, то начал я оный провождать, живучи попрежнему спокойно в Богородицке и в недрах своего небольшого, но милого и любезного мне семейства.

. . . .

. . . Время свое провождали мы иногда довольно весело, а временем и с беспокойным и смущенным духом. К сему последнему подавал много повод и мой новый командир г. Юницкий своим против меня странным поведением и такими притязаниями, которые почти самыми притеснениями почитать можно было. Словом, и сему-то весьма средненького ума человеку удалось надо мною помудрствовать и доставить мне не одну, а многие досадные и прискорбные

часы и минуты. А всему тому причиною было с одной стороны зависть и недоброхотство, а с другой — гнездящееся в сердце его такое корыстолюбие и досада, что нельзя ему было оное удовлетворить по желанию. Во всем полагал я ему беспрестанным своим правлением и честным поведением преграды и помешательства. И как ему ни за что не можно было въявь ко мне придраться, то производил он все свои шиканства* сокровенным образом; и на сие было в нем довольно ума и разума. Но надобно заметить, что имел он в своих злоумышлениях против меня в князе городничем нашем и секретаре моем Варсобине двух добрых у себя помощников . . . .

. . . .

Я не прежде стал догадываться и подозревать, что есть на меня какие-нибудь новому командиру моему тайные и злодейские наветы, как при получении от него неожидаемого ордера, с предписанием наистрожайшим, чтоб я объездил сам лично все селения в волостях до единого и во всяком бы старался узнавать, не имеет ли кто каких неудовольствий, все ли происходит порядочно; а особливо обращал бы внимание свое на выставки и кабаки и дела, к ним относящиеся, и прочая и прочая. Не могу изобразить, как поразился и удивился я такому неожиданному предписанию, которое было для меня совершенною загадкою. Я не понимал, что б сие значило, ибо знал и совершенно уверен был в том, что в волостях у меня все

---

*Шиканить — притеснять, вредить.

шло своим чередом и не было ничего беспорядочного, и поэтому не усматривал ни малейшей надобности к таковому повсеместному объезду и осматриванию всего и всего в волостях, а особливо в тогдашнее зимнее время.

Но как приказания нельзя было не выполнить, то хотя с досадою и нехотением, а принужден я был, оставив все свои обыкновенные занятия, велеть запрягать свой покойный и теплый возочек и пустился в нем в сие скучное путешествие . . . .

. . . .

Сим образом в несколько дней нечувствительно объездил я обе волости и, вместо досады, которую г. Юницкому хотелось мне причинить, имел тысячу удовольствий. Дела же такого, для которого нужно б было объезжать сим образом волость, нигде не нашел ни малейшего, и потому внутренно только смеялся умничанию господина директора, ибо везде было все хорошо и все в надлежащем порядке. Одни только кабаки наводили мне некоторое сомнение, ибо узнав, что господа откупщики производили новые мытарства, и услышав, что, по просьбе их, Юницким из Бобриковской волости без ведома моего призваны были в Тулу все старосты, и заключая из того, что и г. Юницкому хотелось от них поживиться, не знал я, как поступить мне в сем случае. Однако, подумав-погадав, рассудил за лучшее не входить в дрязги, а посмотреть на сие дело сквозь пальцы и дать волю г. директору достичь до своего корыстолюбивого намерения. А всходствие того, по возвращении своем в Богородицк, вместо строгого ответа на его глупый ордер,

не рассудил подливать масла в огонь, а отписать к нему о объезде моем так, чтоб он досады моей на него и не почувствовал. А сие после и послужило мне в пользу.

. . . .

. . . .

Но сим и я сие окончу письмо, сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

Октября 28-го дня 1812 года, в Дворянинове.

. . . .

. . . .

ЕЗДА В ТУЛУ И ДВОРЯНИНОВО

ПИСЬМО 274-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Начало месяца июля ознаменовалось некоторою особливостью, случившеюся со мною. Вознадобилось мне съездить на часок в село Ивановское Бобриковской волости для посмотрения строющейся там вместо сгоревшей деревянной каменной церкви и освидетельствования делаемого кирпичниками кирпича на сие строение. Итак, севши поутру на другой день сего месяца в карету, полетел я туда на переменных лошадях. Я располагался было заняться дорогою чтением взятой с собой книжки, а вышло не то, а совсем нечто нечаянное и необыкновенное. Не успел я въехать в Балахонский мною регулированный лес, как красота оного или паче красота всей натуры обратила на себя мои взоры и возбудила в душе моей опять те удовольствия, какие недавно я имел, находясь дома в своей деревне при случае хождения моего по садам и утешения себя красотами натуры в оных, а особливо прекрасной березы, стоящей на ребре горы пред самым моим домом и достопамятной тем, что посажена она тут покойною матерью моею, в самый тот год, в который я родился, и в самое

почти то время. И что же? Возбудившаяся мысль о сей березе ни думано, ни гадано возродила во мне желание воспеть красоту сей березы стихами и испытать сплести в уме своем несколько строф в похвалу оной. Дело сие было для меня совсем необыкновенное, превосходящее почти мои силы. Не будучи рожден стихотворцем, хотя и любил я поэзию и с удовольствием хорошие стихотворения читывал, но сам во все 52-летнее продолжение моей жизни никогда почти в сем ремесле не упражнялся. Некоторые маленькие опыты сплетения стихов, предпринимаемые мною в молодые мои лета, чувствуемое всегда великое затруднение в приисках рифмы доказывали мне природную мою к тому неспособность и меня от того всегда отстращивали*. Но в сей раз возродись как-то вдруг во мне охота к сочинению стишков в похвалу моей березы, и дабы избежать затруднения в приискивании рифмы, вздумалось мне сплетать стихи мои без них, а так называемые белые. Для избежания же погрешностей в стопосложении и для вспоможения себе при сем новом деле избрать голос какой-нибудь из знакомых мне песней и составлять стихи свои на оный, — из сих попадись мне на ум тот голос, на который поется известный духовный кант, начинающийся словами: «Хвала всевышнему владыке потчися дух мой воспевать», и который голос как-то мне отменно нравился, и я его еще несколько повыправил и сделал его более музыкальным. Итак, избрав сей голос, ну я, сидючи в

---

*Отстращать — пугать.

карете, тананакать и мысленно прибирать слова к составлению ямбических стихов, какими помянутый кант покойным нашим Ломоносовым из псалма составлен. И как дело мое, против всякого чаяния, пошло как-то очень скоро на лад, и мне в немногие минуты удалось сплести целых три куплета, то сие поострило* (!) меня иттить далее. Итак, ну-ка я тананакать, петь и прибирать в уме своем слова далее и далее и имел в том такой неожиданный успех, что во время сей езды моей туда и обратно успел сочинить целую и нарочито длинную песню и, занимаясь тем, не только пути сего не чувствовал, но весь оный провел с особливым и неожиданным удовольствием душевным. Упомянуть о сем нечаянном и, по-видимому, ничего не значащем и маловажном происшествии почел за нужное я для того, что оное возбудило во мне охоту упражняться и далее в сем ремесле и в последующие времена подало повод к сочинению многих, отчасти таких же натурологических песней, какова была сия, а отчасти нравственных и даже самых духовных песнопений, которые по простоте и нехитросплетенности своей и не имели хотя отпечатков совершенного и доброго стихотворства, но доставляли мне, как при составлении оных, так и после, и доставляют даже и ныне мне, тысячи минут восхитительных и приятных и, будучи в состоянии возбуждать в душе благородные, добрые, приятные и небесполезные чувствования, были существительно не только мне, но и многим другим

*Поощрило.

полезны, и с сей стороны достойны некоторого уважения.

И как помянутая песнь, посвященная любимой моей березе, была первейшим к тому поводом и составляет равно как памятник началу моего стихотворства, то не за излишнее почел я, несмотря на все ее несовершенство, поместить ее здесь от слова до слова. Она была следующая:

Се! вижу я тебя, драгая!
Прекрасная береза здесь;
И паки вновь тобой любуюсь,
Красавица из всех берез.

Прекрасная сия береза существует еще и в самое сие время, когда я сие пишу, и продолжает ежедневно увеселять меня собою не только летом, но и в самое зимнее время, а особливо когда великолепствует она, будучи покрыта инеями. Тонкие, длинные и гирляндами вниз висящие и от малейшего ветерка в движение приходящие ветви служат мне всегдашним вантометром, или показателем, с которой стороны дует ветер.

. . . .

. . . .

Но сим и окончу я, кстати, с концом июля и письмо мое, сказав вам, что я есмь ваш, и прочее.

Ноября 2-го дня 1812 года, в Дворянинове.

. . . .

. . . .

1792 ГОД

ПИСЬМО 276-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Достопамятно, что около самого сего времени затевалась у господ дам наших самопроизвольная и без малейшей нужды дальняя езда в Москву и оттуда в Ростов для богомолья, и в сей день происходили у них по сему предмету совещания и уговоры о том, когда ехать. Я смотрел на сие пустое и от женских прихотей только происходящее предначинание комыми глазами, * и мне хотелось, по крайней мере, оттянуть езду сию до Великого поста; сам же и не помышлял им сотовариществовать в оной. Однако разные обстоятельства побудили меня дать наконец согласие свое на то, чтоб ехать в скором времени. Нетерпеливость зятика моего к скорейшему рассорению денег на покупки много при том подействовала. К нему прислали из оброчной его деревни тысячу рублей денег, и ему хотелось сжить их как возможно скорее с рук. Мне же наиболее для того на сию поездку согласиться не хотелось, что увозили

---

* С неудовольствием.

они от меня с собою и моего сына, и лишали меня на несколько недель приятного его сотоварищества, и согласился наиболее уже для того, чтоб отказом своим не навесть жене моей огорчения.

Вскоре после сего, и прежде еще их отъезда, получили мы радостное известие о заключенном у нас с турками в Яссах мире, но вкупе с сим и другое известие, что командир мой собирается опять ехать к нам для раздела с винными откупщиками награбленных ими на продаже вина денег, ибо в откупе их имел и он тайное соучастие. Наконец, в последующий за сим день, что случилось 13 генваря, поехала жена моя с детьми в Москву и в Ростов, и мы их со слезами на глазах проводили. Мне в особливости чувствительно было расставаться с моим любезным Павлом. Слабое его здоровье и частое недомогание наводило на меня превеликий страх, и я трепетал духом, чтоб в путешествии сие чего с ним не сделалось. Я не один раз утирал глаза мои при провождении оного; хотел было охотно проводить его до Ламок, но ожидаемый приезд господина Юницкого меня удержал. Зная интриги и коварства Варсобина, казалось мне, что весьма будет не ловко, если он приедет без меня. Итак, жертвовал я своим удовольствием опасению, чтоб безделицею не подвергнуть себя какому злу. В Москве на разные покупки отпустил я хоть довольно денег, так что числом простиралось до шестисот, но достопамятно, что книги ни одной не велел себе купить, и произошло сие от того, что в минувшем годе истратил я на них так много денег, что в сей раз совестно мне было даже самого себя чтоб терять на то еще множайшие.

Проводив своих в путь, стали мы дожидаться господ тульских. Однако ни в тот, ни в другой, ни в третий день после сего они еще не бывали, и мы не могли их никак дождаться. Между тем происходили беспрерывные требования в Тулу разных вещей. Переслали уже множество кореньев, капусты, сена, овса; но всего еще было мало (давай еще!), и требования были даже бесстыдные: всякому директору хотелось от нас всем довольствоваться.

Наконец, и уже в 4-й день, прискакали ко мне, и то не они, а два неожидаемых гостя: сперва некто г. Челищев, и к самому обеду; а потом, недуманно-негаданно, бобриковский мой управитель, меньшой брат г. Верещагина, забывший давно свою должность и не бывший у меня уже несколько лет. Оба они приезжали, думая найтить уже тут наших откупщиков и льстясь надеждою, не удастся ли им сорвать от них что-нибудь, когда станут они дуван дуванить*, или делить нажитые откупом прибытки. И как тульских господ еще не было, то расположились они у меня до приезда их остаться. Но я им и рад был, и нет, поелику оба они были ни рыба, ни мясо, и молодцы такого разбора, что мне более скуки, нежели удовольствия производили. Оба они изволили у меня ночевать, поелику получено было верное известие, что наутрие господа наши откупщики будут.

Однако и в сей день мы с ними и собравшимися ко мне всеми городскими нашими их с утра до вечера ждали и дождаться не могли. Наконец, насту-

---

*Староказачье выражение — делить добычу после набега.

пил уже десятый час, и мы заключили, что они не будут, и потому князь городничий наш поехал домой, а за ним разошлись и прочие. Но мы с г. Челищевым и Верещагиным не успели, поужинав, начать раздеваться, как прибежали к нам из дворца с уведомлением, что директор приехал. Итак, ну мы опять одеваться и иттить туда, и пробыли там часа два, и возвратились домой уже после полуночи. Их приехало только двое: наш директор и г. Хомяков.

Последующий за сим воскресный и вкупе праздничный откупщицкий день, препровожденный весь почти в веселостях, и был для всех веселее, нежели я думал и ожидал. Поутру проснувшись поздно, спешили мы одеваться и пойтить в замок. Там господа хотя поздно легли, но встали довольно рано, и тотчас пошли у нас разные дела; но все было хорошо и порядочно, все смирно и ладно. Сим образом продолжалось, покуда стали служить обедню, и тогда поехали мы все в церковь, а отслушав обедню, опять в замок; и после водки ездил я с директором к ранжерее, которую он еще, по отделании ее, вчерне не видал и был оною доволен. Обед был в замке для всех городских, но посторонних никого, кроме вышеупомянутых, не было. Тут у господ началось питье, но мы с директором поудалились, он в спальню, а я — домой. Перед вечером ездили мы все на островок смотреть гошпиталь, который мы также в минувшее лето перестраивали, и его директор по перестройке также еще не видал. Он был не менее им доволен. Там зашли мы к лекарю, пили кофей, а господа продолжали пить. От него заходили к старику переплетчику Банниеру и пробыли почти с час,

пересматривали все работы его вещи. Возвращаясь в замок, заезжали мы осматривать также богодельню, и как и тут найдено все в порядке, то возвратились мы в замок, и пошло далее у господ питье и веселье. По наступлении же ночи потребовали певчих, а там захотелось и моей музыки. В самое продолжение играния оной, прискакал неожиданно г. Игнатьев, Семен Иванович, и тем компания еще больше развеселилась, пошло прыгание, орание, кричание, пение и играние на инструментах духовой музыки, и не думано, не гадано, музыканты мои были так счастливы, что господа вздумали их одарить и дали им целых 25 рублей, чего они от роду своего не видывали. Игры было довольно-предовольно, и сам директор наш даже развеселился. Наконец, был ужин, но после оного игра все продолжалась, и все шло хорошо. Некоторые из господ были очень под куражем, и мы опасались, чтоб не произошло какого вздора, однако все шло и кончилось хорошо.

Счет, для которого они приехали, отложен был до последующего дня. Они, вставши поутру, заперлись наглухо и так, что не пускали никого даже в сени. Мы приехали в свое время с Верещагиным, но принуждены были ехать обратно и пробыть все то время дома, покуда они дуван дуванили. По чему им на брата досталось, было еще неизвестно. Это составляло таинство недоведомое, а говорили иные, что награблено было столько, что досталось на всякого тысяч по пяти. Все-то сии денежки получены с наших волостных мужичков, с дозволением директора грабить им их, как хотели; но за то получил и он свою часть. Нам же бы хотя спасибо сказали

за то, что воровать им не мешали; однако, они того не сделали, хотя мы держали ту корову за рога, которую они доить изволили. Но, правду сказать, я с моей стороны так мерзил* прибытками сего рода, что не согласился бы принять, если бы они что и давать мне вздумали.

По окончании дувана впущены были, наконец, и мы, и тут и пошли завтраки и питье и кой-какие дела. Но лошади были готовы, и директор наш спешил к своей госпоже боярыне жене. Князь звал нас всех к себе обедать. Дочери его, маленькой княжны, было в сей день рожденье. Юницкий заезжал к нему, а я и не подумал зазывать его к себе. Против глупой гордости был и сам я неуважителен. Князю же был резон льстить, и смеха достойным образом пред ним изгибаться. Ему что-то они по откупу давали за дозволение давать им волю плутовать в городе, как хотели. Я и дал ему волю угощать. Однако обедать у него Юницкий не остался и поспешил ехать; а я и раскаивался, что остался, ибо было скучно. По счастью, обедали рано, и я, приехав домой после обеда, застал своих еще обедающих; а князь после меня весь день пробыл у купца Силичева, и пили там до положения риз. Сим образом кончилось и в сей раз пребывание г. Юницкого в Богородицке. В наши волостные дела входил он мало, да и то излегка, ибо на уме его были одни денежки. Варсобин и тут не мог утерпеть, чтоб чего не сделать и не наушничать; но, по счастью, все шло хорошо

---

*Мерзить — возбуждать отвращение.

и не было ничего досадного. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но сим дозвольте мне и сие письмо кончить и сказать вам, что я есмь ваш, и прочая.

Ноября 8-го дня 1812 года, Дворянинoво.

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

ПИСЬМО 277-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Не успели мы, занимаясь беспрерывно почти приезжавшими гостями, препроводить двух первых дней нашей масленицы и пройтить почти весь и третий, и когда, по наступлении в оный уже вечера, перестали уже мы и ждать*, как вдруг закричали, что наши, наши приехали с Москвы! Нельзя изобразить, как сильно я им обрадовался. Я, кинув случившихся тогда у нас гостей и позабыв все, бросился на крыльцо встречать оных и искал глазами моего сына, который был для меня всех дороже. С каким удовольствием обнимал я его, выскочившего прежде всех из повозки, того никак пересказать не можно! Бедняжка чуть было в Москве не умер, но, по счастию, ему полегчало, и они все к неописанному нашему обрадованию возвратились благополучно.

И тогда превратилось у нас в доме все, и из прежней тишины и безмолвия сделался радостный шум и волнение. Пошли разборы, разговоры, рассказыва-

---

* Б. говорит о своей уехавшей семье.

ния, показывания и расспрашивания. Вслед за ними приехали к нам еще гости, некоторые из городских наших. Но нам не до гостей было. Мы совсем почти об них позабыли. Сын навез мне из Москвы множество всякой всячины: ландкарт, книг и других разных вещиц, и все хороших. Надобно было все пересматривать, надобно было ему все показывать. Из книг накупил он сам собою множество французских и русских, и все они были так хороши, что я был ими весьма доволен и не мог довольно ими навеселиться. В таких же рассматриваниях провели мы и все утро последующего дня, и часы сии были для меня очень веселы. Прочее ж время для сего было у нас шумное и прямо масленичное. К обеду приехали к нам и Ламковские, а после обеда съехались и все почти городские наши друзья и знакомцы поздравлять их с приездом, и мы для дня сего ввечеру немного и потанцовали и были веселы. Единое только уменьшало наше удовольствие, что Павел мой был не очень здоров и чувствовал в себе еще великую слабость. А на другой день ездили мы сами по гостям, по зву и без зва, а для сделания контравизитов. По возвращении же ввечеру домой стали все помышлять о составлении наутрие затеваемого уличного маскарада и езды по городу во многих санях. Сию затею мы в последующий день и действительно произвели в действо. И как она была особого рода, то и опишу я сие наше необыкновенное катание в самой подробности.

Мы набрали сколько можно было более лошадей, саней и людей и составили сущую серенаду. Сперва ехал верхом капельмейстер мой, в черкесском платье

и татарской шапке. За ним двое верховых лакеев, в красных сюртуках, с медвежьею опушкой, а за ними ехали большие сани, запряженные пятью тройками или 15 лошадьми. Каждою тройкою управлял форрейтер, ехавший на средней лошади и одетый также в красный теплый сюртук. Кучер же сидел на санях, одетый в хорошее ямское платье. Кроме его, сидело в санях восемь человек музыкантов, с валторнами и флейтраверсами. К сим же саням сзади прицеплено было других восемь саней, из которых были одни других меньше. Сии санки покрыты были разноцветными коврами, и на них сидели все наши госпожи, девицы и кавалеры, сколько набралось их для сей серенады. Я сидел в последних и лучших санках и заключал всю процессию и все шествие. Предлинный ряд лошадей, красные сюртуки на них едущих, белые попоны, покрывающие коренных, и потом куча музыкантов и производимый ими гармонический звук, а там предлинный и смешной ряд наших санок производили прекрасное и вкупе смешное, приятное и такое зрелище, какого никому из тамошних зрителей видать никогда еще не случалось. Почему и неудивительно, что едва только мы с процессиею сею показались в городе, как со всех сторон побежали к нам люди и поскакали сани и все кучами и толпами последовали за нами и умножали огромность зрелища. Одних саней с катающимися по городу мужчинами и женщинами набралось десятков пять или более, а пешего народа превеликое множество. Те, соединяясь с взводами и рядами, ехали отчасти позади нас, отчасти по сторонам, стараясь друг друга выпереживать, а сей бежал по бо-

кам и не мог насытиться зрением. Происходило сие в масленичную субботу, после обеда, когда весь народ гулял и катался. Мы, поехавши от дома, проехали прямо в город, и оным большою улицею проехав, возвратились назад чрез торговую площадь в нашу слободу, и оною опять уже назад. И можно сказать, что катание сие было и для самих нас очень весело и забавно, а для тамошних городских жителей служило материею для всеобщих разговоров и таким памятником, о котором, бессомненно, и поныне еще рассказывают они друг другу.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Но сим дозвольте мне кончить и сие письмо мое и сказать вам, что я есмь ваш, и прочая.

Ноября 11-го дня 1812 года, Дворяниново.

. . . .

. . . .

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ

Часть двадцать восьмая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ

Начата ноября 18-го 1812 года кончена ноября 27-го 1813 года, в Дворянинове

1793 ГОД

ПИСЬМО 286-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Непосредственно почти за сим съездивший в Тулу секретарь мой Варсобин привез известие, что наместника нашего вскорости и на тех днях дожидаются в Тулу, что Юницкий приказывал, чтоб я не мешкав приехал в Тулу.

. . . .

Из опасения, чтоб мне не опоздать своим приездом, поехал я в сей раз на переменных лошадях и выехал из двора так рано, что приехал в Тулу почти еще в половину дня и так задолго еще до вечера, что успел еще в тот же день побывать у командира своего г. Юницкого, а между тем переговорить обо всем с моими хозяевами и расспросить у них обо всем, что происходит в Туле. . . . .

Что касается до Юницкого, у которого я в сей раз недолго пробыл, то принял он меня весьма благоприятно и при отъезде велел приезжать к нему наутрие поранее. Все сие происходило у нас тогда в понедельник.

Итак, во вторник поутру поехал я к г. Юницкому, с которым провели мы более двух часов в

разговорах и совещаниях о том, что нам делать при приезде наместника и о чем и о чем ему относительно до волостей наших докладывать. Он рассказывал мне о сумнительных обстоятельствах и о критическом положении, в котором находилась тогда вся казенная палата, по причине разворования самими начальниками важных денежных сумм и неимения оных в наличности. Все боялись, чтоб наместник не узнал того в подробности. Что ж касается до него, Юницкого, то он, не имея в том никакого участия, располагается никак о том не молчать, а довесть хотя стороною все шашни до сведения наместника. Услышав сие, я легко мог предвидеть, что не обойдется тут без большого шума, и любопытство мое увеличилось видеть, что происходить будет.

Переговоривши обо всем, что было нужно, поехали мы с ним в казенную палату. Там сказал он мне, что я могу ехать, куда я хочу, а приезжал бы только к нему обедать; однако я никуда не поехал, а пробыл все утро тут в палатах и провел все время до выезда его в свиданиях и разговорах с бывшими там многими из моих знакомцев. Отобедавши у г. Юницкого и услышав, что в Туле находился тогда и прежний мой командир г. Давыдов, выписанный нарочно из Калуги для окончательной разделки по расхищенным оным казенным деньгам, решился съездить к нему. Я нашел его по-прежнему ко мне благоприятствующим и хотя принужденно принимающим на себя спокойный вид, но в приметном смущении душевном и в крайнем недоумении, как ему быть и как скры-

вать далее от наместника все пакости, им наделанные. Посидевши у него, заехал к любопытному знакомцу своему, тогдашнему губернскому казначею г. Запольскому, и просидел у него весь вечер, занимаясь с ним любопытными разговорами о тогдашних политических происшествиях, в которых он, как любопытнейший из всех тульских господ, был весьма сведущ, и по самому тому любил и почитал меня отменно и всегда приездом моим к нему был очень доволен. Он не отпустил меня от себя без ужина, и мы провели время с приятностью. Но бедняк сей не воображал себе тогда, что висела уже над ним превеликая напасть, которую впоследствие претерпел он за чужие грехи и за единое свое снисхождение к своим начальникам и за недонос о пакостях, делаемых ими в рассуждении расхищения казенных сумм, которые все были у него подведомственны.

. . . .

Наконец, в четверг получили мы достоверное известие, что в этот день прибудет к нам наместник к вечеру. Я обедал в сей день у Юницкого, где нечаянно свиделся с приятелем своим и прежним своим корреспондентом Василием Алексеевичем Левшиным, ехавшим тогда из Москвы. От самого сего и узнали мы о наместнике, которого объехал он на дороге. Не успел слух о том распространиться в городе, как оный пришел в превеликое движение. Все судейство и бывшее в городе дворянство спешило скорее одеваться, убираться и готовиться для встречи своего важного начальника и собираться во дворец для приема оного. По всем

улицам началась скачка и бегание народа. Все оружейники поспешали сбежаться к воротам при въезде в город, где назначено было им оного встретить. И как приехать ему не можно было прежде наступления ночи, то не только все улицы, по которым надлежало ему ехать, но и все стены и башни городские уставлены были зажженными плошками. Словом, встреча приготовлена была ему пышная и великолепная и не хуже как бы и какому государю. Я сам принужден был также спешить на свою квартиру и, убравшись, скакать во дворец, где нашел великое множество съехавшихся уже чиновников и дворянства и дожидающихся минуты его прибытия.

Наконец, и по наступлении уже самой ночи, воспоследовало его прибытие. Все первейшие чиновники выбежали встречать его в сени; а мы все, оставшись в зале и разделившись на две толпы, составили промеж себя широкую улицу для прохода его превосходительству, и все спешили приветствовать его своими поклонами при восшедствии в оный. Он, не останавливаясь, прошел чрез зал в свою приемную, куда все повалили вслед за ним, и там, по обыкновению, составили вокруг него, остановившегося, большое полукружие, и всякий старался, протесниваясь сквозь толпу, выдаваться вперед и становиться в передние ряды, дабы преподать наместнику способ себя увидеть и удостоить каким-нибудь словцом.

Что касается до меня, то я по причинам, прежде сего довольно объясненным, будучи приезду сего вельможи и рад и не рад, или паче опасаясь, чтоб

мне в сей раз не претерпеть бы от него какого зла, от него хотя и не бегал и в народе от глаз его не прятался, однако не находил за нужное выдаваться слишком, по примеру прочих, впредь на тот конец, чтоб ему со мною говорить было можно. Итак, он меня хотя и видел и не один раз на меня взглядывал, однако ко мне не подходил и ничего со мною не говорил, да и со всеми разговаривал очень немного, а скоро, откланявшись, ушел во внутренние свои комнаты. После чего и мы тотчас все разъехались по домам. Итак, весь сей день прошел у нас в одних только приуготовлениях, приеме и встрече.

Наутрие, одевшись поранее, спешил я к Юницкому, дабы вместе с ним ехать к наместнику. Однако его уже не застал дома и услышал, что он еще в седьмом часу уехал во дворец; итак, ну-ка я скакать вслед за ним. Там нашел я уже множество съехавшегося народа и бившего все еще табалу*, тоесть всех расхаживающих по комнате и в ожидании выхода наместникова, где по одиночке, где в кучках, и в круговеньке между собою разговаривающих. Как народа понабралось уже довольно, то вышел к нам, наконец, и наместник, но на одну только минуту, а прошел в переднюю, где дожидалось его тульское духовенство и оружейники. Из первых наизнаменитейший говорил ему приветственную речь, а последние поднесли ему прекрасное ружье и письмо, на пергаменте напи-

---

*Бить табалу — бить баклуши, бездельничать.

санное. Наместник, поговорив с ними немного, возвратился опять к нам и, молвив опять кой с кем слова два, ушел в кабинет для писания важных дел, ибо отправлялся от него в сие утро курьер в Петербург. Итак, начали мы опять бить табалу и ходить взад и вперед по комнате без всякого дела. Несколько часов прошло в сем упражнении. Наконец, все судьи разъехались по своим присутственным местам. Я хотя остался еще на полчаса времени, но походив взад и вперед, скоро сим прискучил и, узнав, наконец, что наместник в сей день будет обедать у любимца своего, нашего вице-губернатора Вельяминова, и что в то утро никакого дела не будет, спросился у Юницкого и поехал обедать домой на квартиру; и пообедав, никуда более не поехал. Хотел было ехать в бывший в тот вечер театр, но за великою бывшею в сие время стужею раздумал, а остался дома, в ожидании, что воспоследует далее с нами, ибо знал, что г. Юницкий в сей вечер хотел ехать к наместнику с докладами о наших волостных делах. Он к нему, действительно, и ездил и докладывал не только об наших богородицких делах, но по намерению своему дал ему стороною и обинякамии знать о сумнительном положении казенной палаты и что нужно бы ему самому освидетельствовать все казенные суммы и принять нужные меры к сохранению их в целости. Сим только он смутил дух наместника, что он не стал входить в дальние подробности по его докладам по нашим делам, а тотчас их решил и кончил, и занявшись разговором о казенной палате, требовал от него мнения, как бы поступить

лучше? А сей того только и дожидавшись, без дальних околичностей, ему сказал, что как он не сомневается, что все казенные суммы при свидетельствовании оных окажутся в наличности, ибо всего легче статься может, что деньги недостающие откуда-нибудь на сей час нахватаются, то, по мнению его, наилучшим средством могло бы быть то, если б по освидетельствовании казны в тот же час сменить губернского казначея и отдать все суммы в сохранение новому, который на его место назначится. Средство сие наместнику очень полюбилось, и он крайне был доволен, что г. Юницкий его надоумил, и оба смолвились, чтоб дело сие произвесть в последующее же утро, а до того времени хранить все в величайшей тайне.

Итак, по наступлении последующего дня и началась сия трагикомедия. Я, приехав к г. Юницкому, едва застал его дома, отъезжающего в казенную палату для помянутого свидетельства вместе с прочими и самим наместником казны. Как он думал, так действительно и сделалось. Все суммы найдены в наличности целыми. Расхитивший оные вице-губернатор при помощи губернского казначея не преминул кой у кого у купцов и других нахватать многие тысячи и наполнить ими все недостающее число, с тем намерением, чтоб на другой же день их опять вынув возвратить оные хозяевам. Но счет сей делан был без хозяина, им и в голову того не приходило, что денежки сии сделаются уже невозвратными и что был уже в готовности новый губернский казначей, принявший их в тот же час в свои руки. Но неожидаемость таковая, доставив-

шая г. Юницкому славу, поразила вице-губернатора и прежнего казначея, как громовым ударом. Оба они повесили носы и были при сей перемене ни живы ни мертвы. Но пособить было нечем. Они не смели даже и одним словом заикнуться. Все прочие удивились и заахались, услыша и увидя сие происшествие. . . . .

Дошли уже слухи о всех мытарствах вице-губернатора с товарищами. К сему приступили все, дававшие ему деньги на ссуду, с требованием оных обратно; но ему учинить того было уже не можно, и он не знал, как ему быть и что делать. Наместник, узнав сие, вздурился от досады на него за то, что он не предварил его о том прежде; и как его ни любил, но тогда и самому ему пособить им было нечем и невозможно, и другого не оставалось, как сказать, что они, как бездельничали, так бы и разделывались с своими заимодавцами. А сие и произвело то следствие, что г. вице-губернатор принужден был не только все свое, но и всех родных своих заложить имение и доставать деньги на уплату заимодавцам, и чрез то всех их довел он до чувствительного разорения. Бедняка же знакомца моего г. Запольского не только совершенно разорил, но довел чрез то и до самого гроба. Словом, дело сие, сделавшееся всем известным, наделало много шуму и подавало повод ко многим всеобщим о том разговорам и суждениям разного рода.

. . . .

. . . .

Возвратясь в свое место и отпраздновав случив-

шиеся на другой день имянины старушки моей тещи, принялся я за прежние свои дела и между прочим начал сочинять сочинение свое о электрицизме для публики.

. . . .

. . . .

Достопамятно, что около самого сего времени возгремел повсюду у нас слух и поразительное для всей Европы известие о бешенстве французских революционистов и казнении ими своего доброго и невинного короля Людовика XVI. Мы не могли без содрогания читать обстоятельного описания о сем страшном происшествии, сообщенную свету в гамбургских газетах. И как многие другие хотели оное читать, то взял я на себя труд и перевел все статьи до того относящиеся, и из коих набралась целая книжка, которая и хранится и поныне еще в моей библиотеке. Впрочем, как сим злодейским поступком французы навлекли на себя от всего света омерзение, и пронесся вскоре после сего слух, что будто бы состоялся у нас указ о изгнании всех французов из нашего отечества, то все мы весьма было тому порадовались, что избавились, наконец, от сих развратителей нашего юношества.

Но, к чувствительнейшему нашему сожалению, узнали о том, что из всего того ничего не вышло, и господа французы остались у нас, к несчастию нашему, по-прежнему.

. . . .

Наконец, кончился наш рождественский мясоед, а вместе с ним и весь февраль месяц,

которого последний день ознаменовался великим множеством гостей, перебывавших у меня друг за другом, также сборами моими ехать опять в Тулу.

Но сим окончу я сие длинное мое письмо к вам, сказав, что я есмь ваш и прочее.

ПЕРЕМЕНЫ

ПИСЬМО 287-е

Любезный приятель! Начало месяца марта и тогдашней нашей масленицы ознаменовалось отъездом моим опять в Тулу.

. . . .

В сей раз пробыл я тут не более одних суток, в которые успел и казну сдать, и побывать у губернатора, насмотреться как приводили французов и французянок, не хотевших выезжать из России, к присяге. . . . .

А наутрие, раным-ранехонько, запрягши лошадей, поскакал в обратный путь и возвратился к своим в Богородицк. . . . .

. . . .

Между тем, достопамятно было то, что в самый последний день масленицы приехал ко мне деревенский наш Русятинский дьякон Илья, с тогдашним своим дьячком, просить себе заручных* ему в попы, дьячку — в дьяконы. Повод к тому подала нечаянная и скоропостижная смерть дяди его Евграфа, бывшего у нас до того священником, и до-

---

*Поручителей.

вольно хорошим и умным. Мы, услышав о сем, потужили о сем бывшем нашем отце духовном, навлекшим на себя смерть невоздержанностию в питье на старости, и я охотно подписал заручную дьякону Илье — на его, а дьячку Петру — на дьяконское место, которые и были потом посвящены, и первый из них священником еще у нас и поныне, а второй попом в Савинском. . . . . .

. . . .

Я в сие время занимался своими письменными упражнениями и помоганием многим страждущим разными болезнями людям своею электрическою машиною. Сие лечение сколько доставляло мне до сего чистейшего душевного удовольствия, столько перепугало меня около сего времени ужасным образом, и вот каким образом и по какому случаю.

Однажды приходит ко мне из одной в Епифаньевском уезде и верстах за 20 от нас отстоящей чужой деревни страждущая непомилованным* кашлем и удушьем и совсем изнеможенная старуха и просит о подании ей помощи.

— Старушечка, — говорю я ей, — тебе надобно собираться умирать, а не лечиться, и можно ли тебя, такую дряхлую и старую, вылечить?

Но старуха не внимала моим словам, валялась почти в ногах и только твердила:

— Однако, сделайте милость и полечите!

— Ну! ну, хорошо, — сказал я, не могши от нее

* Немилосердным, ужасным.

отвязаться, — изволь, испытаем и тебя полечить; но я наперед тебе сказываю, что я никак не надеюсь, чтоб машина могла тебе помочь.

Со всем тем я в мнении моем обманулся. Машина помогла и ей удивительным образом, и старуха моя чрез несколько дней пошла домой, как встрепанная, и столько поправившаяся в своем здоровье, что не только она, но и мы все удивились. Не успела она возвратиться в свое селение, и слух о том разнестись, как восхотелось полечиться у меня таким же образом из того же селения и другой женщине, но молодой, но также кашлем и удушьем и слабостью во всем теле изнуренной до крайности. Итак, привозит и сию муж ее ко мне. Я, взглянув на нее, счел ее чахотною и в высоком уже градусе и говорю ей:

— Голубушка моя, вылечить тебя нет никакой надежды, и труды потеряны будут понапрасну. По всем признакам, в тебе чахотка, и в большом уже градусе, так что едва ли кто тебя вылечить в состоянии.

— Однако, батюшка, сделай милость, полечи! Ты помог такой-то нашей старушке удивительным образом, так, может быть, и мне поможет машина.

Что было делать? Сколько ни отговаривался, но не мог отговориться; и, наконец, велел ей на несколько дней остаться, приискать место, где ей жить и приговорить человека, который бы вертел машину, ибо это составляло работу, отягощавшую моих людей. Она на все была согласна и приговорила одного из моих людей, который бы дал ей

в своей избе уголок, кормил бы ее и вертел для нее машину. Пред начинанием же лечить не преминул я ее расспросить, не брюхата ли она? Имеет ли она свое месячное очищение, и давно ли было последнее? Также давно ль она чувствует в животе у себя равно как пирог лежащий? Все сие нужно было мне знать для осторожности и тем паче, что, между прочими методами лечения удушья, надобно было давать ей и небольшие удары сквозь живот; но как на первое сказала она мне, что не брюхата, на второе, что месячное кровоочищение у ней в порядке и в последний раз было недавно, а на третье, что пирог в животе чувствовать она начала за многие уже недели, и с самого того времени начала чахнуть и слабеть, то, не находя дальнего сумнительства, начали мы ее лечить, а муж, оставя ее, уехал домой. Лечим ее обыкновенными методами день, лечим другой, потом спрашиваю я ее, не начинает ли она чувствовать в себе какой-нибудь перемены?

— Чувствую, — сказала она, — что мне гораздо и от кашля и удушья легче, а в животе равно как что оторвалось.

— Ну, хорошо, — сказал, — станем же продолжать лечиться, но машина удивит, если и тебе поможет.

По настании четвертого дня докладывает мне лечивший ее человек, что можно ли ей в этот день лечиться: открылись-де у ней крови.

— Как? — сказал я, удивившись, — да она мне сказала, что у ней они недавно только были, и разве машина опять их возбудила? Но, как бы то ни было,

но теперь лечить ее продолжать никак не можно, а пускай она переждет это время.

— Хорошо, — сказал слуга и пошел.

Но не прошло еще и получаса, как приходит опять ко мне и говорит, что кровотечение у женщины сделалось чрезвычайное, и так усилилось и в такую привело ее слабость и робость, что она просит попа.

— Что ты говоришь! — воскликнул я, изумившись. — Ахти! Уж не машина ли напроказничала и не от ней ли уж это? Как бы то ни было, возьми-ка ты скорее лошадей и, посадя ее, отвези ее домой, а то беды, чтоб не умерла здесь!

— Но как теперь ее везть? — подхватил слуга. — Такая ростополь, что почти с места нельзя; к тому ж я и дороги не знаю в их деревню.

— Ну, как ты хочешь, а нечего долго думать, а вели-ка запрягать сани и везти ее. Ты взял ее себе на руки, так ты и сбывай ее с наших рук, отвези ее к мужу и скажи, что в таком положении лечить ее больше не можно.

Человек нахмурился, но нечего было делать, пошел; а я остался в великом смущении и беспокойстве духа, боясь, чтоб она в самом деле не умерла, ибо кровотечение было необыкновенное и чрезвычайно сильное. Вскоре после сего позвали меня обедать, а пообедав, лег я, по обыкновению моему, немного уснуть. И хорошо, что так случилось, а то бы меня на смерть перетревожили и перепугали; ибо в самое то время, как я спал, прибежали из избы сказывать, что женщина сия умерла. Все домашние мои от сего перетревожились и не знали,

как мне о том сказать, когда я проснусь. Но, по счастию, смущение их не долго продолжалось: чрез несколько минут прибежали опять с уведомлением, что баба ожила, и что был то только жестокий обморок, и что мучится она как бы к родам и требует бабки. Нельзя изобразить, как изумился и перетревожился я, когда мне все это рассказали в то время, как я проснулся. Я не знал, что из всего того заключить и что думать. Но смущение мое еще увеличилось, когда опять пришли сказывать, что она упала в жестокий обморок.

— Господи помилуй! — говорил только я. — Что это такое? И чтоб не умерла она вправду.

Но как же я и все мои домашние удивились и обрадовались, когда чрез несколько минут прибежали опять сказывать нам, что она опамятовавшись родила; но что ж? не ребенка, а превеликий сросток и клуб всякой дряни, так что целый почти таз сим наполнили! И что ж? Самое сие и спасло сию женщину от мнимой ее чахотки и всего ее кашля и удушья. Она, как ожила вновь, и дня в три столько оправилась и собралась с силами, что поехала от нас совсем почти здоровою и выздоровела потом совершенно. Вот какое удивительное действие произвела тогда моя машина. Легко можно заключить, что слух, разнесшийся о сей неожиданной и удачной вылечке, увеличил еще об ней славу, и каким удовольствием награжден был я за мой страх — о том и упоминать не для чего!

. . . .

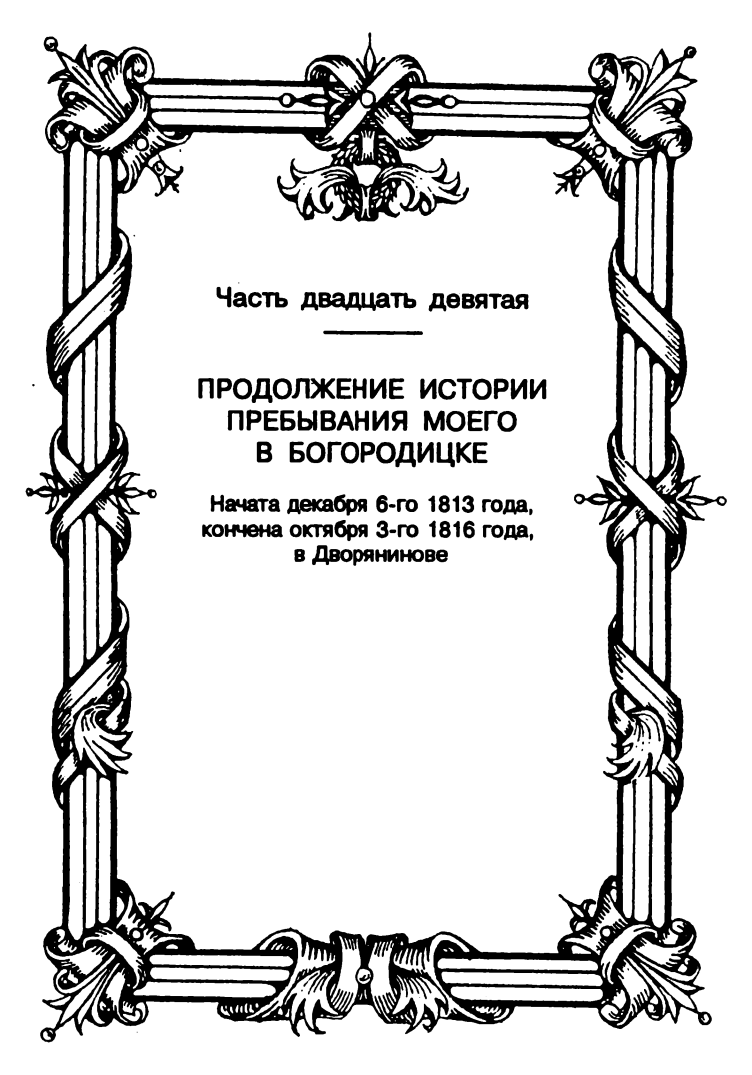
. . . .

. . . .

Но сего на сей раз довольно. Письмо мое достигло уже давно до своих пределов, и мне пора кончить, и сказав вам, что я есмь ваш и прочее.

. . . .

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

Часть двадцать девятая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В БОГОРОДИЦКЕ

Начата декабря 6-го 1813 года,
кончена октября 3-го 1816 года,
в Дворянинове

1794 ГОД И 56-Й ГОД МОЕЙ ЖИЗНИ

. . . .

ПИСЬМО 291-е

Любезный приятель! Приступая к описанию происшествий, случившихся со мною в течение 1794 года, в который продолжался 56-й год моей жизни, скажу вам сперва вообще об оном, что оный преисполнен был для меня многими удовольствиями и в сем отношении почти наиприятнейший из всех прежних лет, в Богородицке препровожденных; но за то был почти последним для полезного моего и безмятежного в сем месте пребывания; однако нельзя сказать, чтоб и в продолжение оного не имел я некоторых неприятностей. . . . .

. . . .

В последний день генваря месяца. . . . мне нужно было опять побывать в Туле отчасти для ожидания ежедневно нового директора и будущего своего командира, отчасти для наместника, просившего меня приехать в Тулу. . . . .

. . . .

В следующий за сим день, переночевав еще у Пастухова, поехал я к новому нашему директору, но его не застал дома, а была только жена его и дети, но к сим не рассудил я показываться, а проехал к г. Юшкову. . . . .

Наступивший после сего день был у нас воскресный. И как мне оный надлежало быть у нового нашего директора и у наместника и сему последнему представить своего сына, то препоручил я отвезть его к наместнику в дом Петру Николаевичу Юшкову, а сам поехал поранее к новому своему будущему командиру к Дурову. Итак, в сей день впервые узнал я сего человека, который показался мне почти ни рыбой, ни мясом или, прямее сказать, таким, что я не знал, что об нем думать и заключать и к какому разбору людей причислять оного. Все его обращение со мною показалось мне столь странным и необыкновенным, что я даже поразился великим недоумением и не знал, какое о нем и о характере его делать заключение. Я по обыкновению рекомендовал ему себя и по простодушию своему таким образом, как делывал то со всеми прежними моими начальниками и надеялся получить и от него такое же соответствие, каковое получал я от прежних; но в том обманулся и с прискорбием душевным увидел, что он всякой обыкновенной благоприветливости удален был весьма далеко, и хотя обошелся со мною не грубо и не заносчиво и довольно вежливо и учтиво, но вся его над меру тихая и по наружности скромная поговорка казалась мне весьма подозрительною и не натуральною, что с самого уже начала не мог я себя принудить почитать его на ряду с прочими добрым человеком. Словом, весь его нравственный и наружный характер как-то мне весьма не нравился, и я имел более наклонности почитать его скрытым, хитрым, лукавым и таким человеком, от

которого не столько добра, сколько зла ожидать можно было.

. . . .

А в последующий день, побывав опять у г. Дурова поутру и раскланявшись с ним, решился было в то же утро отправиться в путь свой, но добродушные хозяева убедили меня просьбою остаться у них до обеда. . . . .

В последующее 9 число февраля успел приехать к своим родным почти еще к чаю, поутру. Но сим дозвольте мне сие письмо кончить и сказать вам, что я есмь ваш и прочая.

Декабря 13-го дня 1813 года. В Дворянинове.

. . . .

. . . .

. . . .

В БОГОРОДИЦКЕ

ПИСЬМО 294-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Начало месяца августа ознаменовалось у нас большим и более недели продолжавшимся ненастьем, отбившим нас от всех работ. . . . .

Но прежде окончания сего месяца должен я был угощать у себя одного неожиданного и знаменитого гостя, а именно архиерея нашего Афанасия, проезжавшего через Богородицк в Чернский уезд, для освящения новопостроенной церкви в селе у г. Арсеньева, Александра Ивановича. Сему богатому тамошнему помещику восхотелось неотменно, чтоб освятил прекрасную его церковь сам архиерей. И как сей дал ему слово приехать, то г. Арсеньев и прискакал к нам в Богородицк для встречи его и препровождения к себе в село. Мы не прежде о том узнали, что часа за четыре до его приезда и когда г. Арсеньев вместе с нашим городничим приехали ко мне с уведомлением о том, что архиерей будет. Я смутился тем неведомо как и едва имел время приготовить ему во дворце квартиру и у себя в доме обед. По счастию, приехал он не прежде, как в третьем часу пополудни, и потому

мы успели все нужное приготовить. Он проехал прямо во дворец, где все его встретили, но оттуда препроводили мы его ко мне в дом. Тут до обеда рассматривали мы с ним микроскоп, и я занял его многими по сему предмету разговорами и угостил его потом обедом, а после обеда водил я его на свое земляное строение и заговорил его до того, что он пробыл у нас до самого вечера и покуда зажгли свечи — так любопытен был он все узнать и слышать. Но тогда встрепенулись они, что уже поздно и что пора им в путь свой ехать, в который и отправились в ночь, приступив наперед ко мне с усиленнейшими просьбами, чтоб и я ехал с ними; и просьбы сии были столь убедительны, что хотя мне и очень не хотелось туда ехать, но принужден был дать им слово желание их исполнить.

Итак, в последующий за сим день собрались мы с сыном и с утра в сей путь пустились, отправив наперед лошадей на половину дороги на подставу; ибо жилище г. Арсеньева было от нас не близко и без мала верст за 80. Приехавши в последнее село Верхоупье, насилу мы могли найтить знающего туда дорогу и могущего нам быть проводником и по сему обстоятельству пробыли в нем часа два. Тут услышали мы, что архиерей в сем селе ночевал и был у царской панихиды, в сей день отправляемой, ибо было сие 29 августа. Поехавши из села сего, ехали мы очень долго; и как проводник наш и сам хорошо прямой дороги не знал, то провел он нас в село Истленьево и Доробин-Колодезь и не прежде привел нас в село Ивановское, где жил г. Арсеньев, как уже в сумерки и по захождении уже солнца. И нашли

там превеликое уже собрание съехавшихся со всех сторон гостей. Вся большая его зала была ими усажена. Многие из них были мне знакомые люди, а многих никогда еще я и не видывал. Вечером ходили мы в церковь, великолепно украшенную хозяином, и любовались архитектурою и всеми внутренними украшениями. Но всенощную слушали мы в комнатах у архиерея, который очень доволен был тем, что я послушался его и приехал. Потом весь вечер прошел у нас в познакомливаниях друг с другом и рекомендациях, а потом мы ужинали и разошлись спать. Всем нам лучшим людям отведены были в огромном его доме особые комнаты на антресолях. Архиерей имел также особые для себя комнаты, и все в доме дожидалось и готовилось к утреннему торжеству, и народа было везде великое множество.

Торжество сие и воспоследовало на другой день, и освящение церкви было прямо пышное и великолепное при присутствии многочисленного со всех сторон съехавшегося народа, в числе которого одних благородных было более пятидесяти человек. Как церковь построена была на улице пред домом и в недальнем от него расстоянии, то архиерей из оного до церкви шел пешком с обыкновенною в таких случаях духовною процессиею. Оба придела освящены были уже до его прихода, а он сам освещал только главную церковь с обыкновенными в таких случаях пышными обрядами и по освящении говорил речь и служил молебен, а во время обедни посвящал одного дьякона в попы. Служба сия продлилась до второго часа и кончилась пушечною стрельбою и отшествием архиерея такою же процессиею в дом к

хозяину. Тут готов был уже обеденный и превеликий стол в зале, в продолжении которого играла на хорах музыка, а при питии здоровья производилась пушечная стрельба. Кушаний было хотя довольно, но по причине, что стол был постный и недостатка в рыбах, не слишком изобильный; однако удалось хозяину где-то достать живого и довольной величины осетра, которого мы всего съели, имев наперед в первый раз в жизни удовольствие видеть живого осетра и есть его прямо из воды и разнообразно приготовленного. После обеда угощаемы мы были десертом и ананасами и занялись с архимандритом и игуменом Агапитом разными любопытными и важными философическими разговорами. Сими привлек я к себе от всех особенное уважение, а особливо полюбил меня архимандрит Иоанн, а не менее я его. Был он человек очень хороший, ученый, знающий и любопытный и доброго характера, и мы не могли с ним довольно наговориться. По наступлении вечера сожжен был пред домом прекрасный фейерверк, стоющий более трехсот рублей, и все с удовольствием его смотрели, но, к сожалению, за случившимся тогда великим холодом, принуждены были все смотреть оное из окон дома. Между разнообразными потешными фигурками был даже и фамильный щит, который зажжен был пущенным из дома голубем. Одним словом, все шло и было хорошо, порядочно, и после всего был ужин, и все кончилось мирно, тихо и приятно. . . . .

. . . .

Достопамятно, что еще в самый день рождения моего получил я такой от директора ордер, который

по странности и особливости своей удивил нас всех. Касался он до волостных дел; но приказания, прописанные в оном, были для всех для нас столь удивительны и непостижимы, что я заблагорассудил отправить нарочно в Тулу разумнейшего из моих секретарей и приказать ему порасспросить о том и о причинах такого почти нелепого ордера директорского секретаря и с ним о том посоветоваться. Но как же удивил и смутил меня сей мой посыльный, возвратясь дня чрез три из Тулы назад и привезя мне известие, что не только он, но и сам секретарь директорский замечал с самого того времени, как ездивший сим летом директор наш в Петербург оттуда возвратился, некоторую в нем относительно до правления волостными нашими делами перемену; и, как казалось, начинает как бы над нами во всем подыскиваться, и что для объяснения некоторых обстоятельств и для узнания всего короче необходимо нужно мне и немедля побывать в Туле.

Неожиданная задача сия была для меня тем неприятнее, что мне отчасти для приближающегося дня моим имянин, а наиболее для ненастного тогдашнего и холодного времени и крайне грязных и дурных дорог, ехать в сей путь крайне не хотелось. Но как я сам усматривал всю необходимую надобность сей езды, то, оставив все и не взирая ни на что и даже на случившихся у меня тогда проезжих гостей, в последующий за сим день пустился, выслав наперед в Дедилов лошадей на подставу. И как ни холодно и ни грязно было ехать, но успел еще рано до Тулы добраться.

. . . .

Наутрие встав пораньше и одевшись, поехал я тотчас к директору. Он некоторым образом и поджидал меня уже к себе и принял по-прежнему ни тепло ни холодно, а обыкновенным своим странным манером. И по вступлении с ним о волостных наших делах в разговоры, к особливому изумлению своему, нашел его не только таковым же, как прежде, но гораздо еще более во всем сомневающегося, во всем не доверяющего и настоящего копу-копальщика, и словом — несравненно еще худшим против прежнего, что я во все минуты пребывания моего в сей раз у него мучился на него досадою и негодованием и чувствовал превеликое неудовольствие. Препроводив у него часа два и увидев, что он никуда не едет, поехал я от него в казенную палату, где нужно было мне отдать рекрутские квитанции для зачета. Тут отыскивал меня присылаемый от г. Верещагина с просьбою, чтоб я к нему приехал; но я раздумал съездить наперед к наместнику, к которому и ездил. Но как он в самое сие время занят был делами, и я приехал слишком рано, то проехал к Верещагину и просидел у него до первого часа. При отъезде от него опять к наместнику привел меня г. Верещагин в превеликое недоумение некоторыми словами. Он говорил мне, что не сомневается, что наместник будет говорить со мною обо мне, ибо есть дельце важное, но какое, того он мне никак не сказал, как я ни добивался до того; почему не знал я, что о сем думать.

Наместник принял меня очень ласково, а наместница того паче и лучше. Я у них обедал и просидел почти до вечера, дожидавшись, не будут ли они чего

говорить; но не могши того никак дождаться, принужден был от них ехать и поехал опять к Верещагину, ибо сей просил меня опять к нему приехать, ежели наместник мне ничего не скажет, и обещал мне тогда сказать и показать письмо о том деле. Он и сдержал свое слово и пересказал мне, что знал. Тут, к крайнему моему изумлению, узнал я, что дело состояло не в безделке и не менее как в том, что директор наш, будучи в Петербурге, всячески проискивал и добивался сделаться полным и самовластным командиром над нашими волостями и уступал даже свое директорское место другим, а самому ему — чтоб жить в Богородицке, обещая сделать приумножение доходов, и что сие хотя еще не сделано, а сделать ему обещали. . . . .

. . . .

Переночевав на квартире, в последующий день возвратился к своим родным в Богородицк.

Но сим и окончу я сие письмо, сказав, что я есмь и буду тот же, тоесть вашим и прочая.

. . . .

Декабря 26-го дня 1819 года. Дворяниново.

1795 ГОД

ПИСЬМО 296-е

Любезный приятель! . . . .

Теперь, начав продолжать мое повествование, скажу, что первый день сего 1795 года, который был 20.539 днем моей жизни, провел я в кругу моего семейства и бывших у меня гостей довольно весело и хорошо. . . . .

. . . .

Начало марта ознаменовалось возобновившеюся во мне опять охотою к стихотворениям, и первые начинающиеся тали и приближение весны подали к тому повод. Мне восхотелось воспеть на своей простой сельской лире красоты натуры в сие время, и я сочинил песнь к первейшим талям, и хотя и сия сочинена у меня по примеру прежних белыми стихами, но я перепишу ее здесь поэтическою прозою*.

. . . .

Наступивший вскоре за сим 11 день марта был для меня двумя происшествиями достопамятен. Во-первых, тем, что мы получили известие о получении директором нашим именного указа о полномочии над

---

*Приводимая Болотовым песнь его сочинения в настоящем издании опущена.

нашими волостями, которое тем более меня смутило, что писали ко мне, будто б велено ему было и жить в Богородицке, отчего натурально стал я опасаться, чтоб он меня не вытеснил из оного, а сие и в состоянии было озаботить и обеспокоить дух мой. . . . .

. . . .

. . . .

Но на сем дозвольте мне, друг мой, остановиться и сие письмо сим кончить. . . . . . уверовав вас о непременности моего к вам душевного расположения, остаюсь ваш и прочая.

Февраля 1-го дня 1814 года. В Дворянинове.

ТРУДЫ И БЕСПОКОЙСТВА

ПИСЬМО 297-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

С первого числа июля начали мы ожидать прибытия нашего главного начальника, поелику скарб и пожитки его были все уже и более нежели на ста подводах привезены. Он сам хотел было наперед съездить в Орел, где, как слышно было, досталось ему какое-то наследство и где была собственная его и одна только небольшая деревня, куда было он и отправился. Но ужасное ненастье, случившееся около сего времени, его остановило и принудило с дороги воротиться в Тулу, а потому и ожидали мы еще самого первого числа. Однако прибытия его не воспоследовало. Но не успело настать второе число, как получили мы повеление, чтоб выслать лошадей на подставу ему в Дедилов. Итак, приготовились мы в сей день ко встретению его. Но передовые, приехавшие к нам, привезли известие, что изволит ехать одна начальница с детьми, а супруг ее отправился в Орел. Мы прождали ее до самого вечера, и она изволила приехать во время уже самого нашего ужина, и я принужден был, оставя оный, спешить к ней для поздравления ее с приездом. Таким же образом

приняла она и жену мою, ездившую к ней наутрие, и была к ней отменно ласкова.

Таким образом, нажили мы себе ближнюю и важную соседку, с которой надлежало обходиться с возможнейшею осторожностью. До меня доходила ей очень часто нужда: то то, то другое было ей надобно, то то, то другое надобно было приказывать сделать, и я в каждый день принужден был бывать у ней по несколько раз. О супруге ее сказывали мне все неприятные слухи и вести. Говорили, будто бы на уме у него не скоро отпускать меня в отставку; чему не трудно было и поверить, имея множество случаев насмотреться великому его во всех вещах незнанию. Легко мне можно было заключать, что я ему весьма нужен, а особливо в первые времена его управления буду, и что ему весьма многому надобно будет учиться у меня, а без того во многих случаях станет он совсем в пень. . . . .

Между тем наступало время съезда обыкновенной всякий год в Богородицке ярмонки, бываемой 7 и 8 числами июля.

. . . .

Едва только ярмонка и все приезжие и квартировавшие у меня в доме гости и родные мои разъехались, как наступило 10 число июля, достапамятное для меня тем, что ввечеру сего дня все мое полновластие над волостьми кончилось; ибо в последующую за сим ночь изволил из Орла приехать и сам главный наш начальник и командир и вступал в полновластное управление оными.

. . . .

. . . .

Но сим дозвольте мне, мой друг, сие письмо к вам кончить и повествование о последующим за сим предоставить письму будущему, а между тем сказать вам, что я есмь навсегда ваш и прочая.

Сентября 27-го дня 1816 года. В Дворянинове.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУРОВА

ПИСЬМО 300-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Поутру пошел я к Дурову; он принял меня также ни тепло ни холодно; все скромничал и ни о чем не сказывал, а я не спрашивал, да и спрашивать было неприлично. . . . .
. . . .

Улучив такое время, когда он был один, вошел я к нему и, заведя речь о тульской езде, выспросился я у него тогда, приводя в предлог дело сыновнее, и открывшись ему действительно о том, что у меня говорено было об нем с наместником. Получив к езде дозволение его, отважился я, наконец, спросить его о себе и смеючись говорил ему, что он нам ничего не сказывает, в какой силе представил об нас с бобриковским управителем и о моем месте. С трепетом и смущением духа ожидал я, что он скажет. Но как удивился, когда он сказал мне в ответ, что это окажется тогда, и притом спросил, на что бы нам это знать хотелось?

— Как на что? — сказал я. — Для того, чтоб я мог сам о себе расположить, можно ль мне будет здесь остаться или нет.

Он опять повторил, что все означится после, и давая тон, что я буду доволен.

— Мне же ничего худого об вас написать и представить было не можно, равно как и о Семене Алексеевиче Верещагине.

Словом, хотя и не сказал, но я мог догадаться, что он написал в представлении своем что-нибудь хорошее. Итак, стал я опять в пень и остался в прежней нерешимости, однако сколько-нибудь поспокойнее в мыслях. . . . .

. . . .

. . . .

Сим окончился сей 1795 год, а с окончанием оного окончу и я сие письмо мое, сказав, что я есмь ваш и прочая.

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Составлены П.А. Жаткиным.
Переработаны И.И. Кравцовым.

К стр. 61.

[1] Кабак играл огромную роль в русской жизни, начиная с древнейших времен. Самое слово «кабак» заимствовано у татар и идет от XIII — XIV столетий. У татар оно означалј корчму с продажей напитков, у русских стало означать княжескую, казенную питейную винную лавку (со времени Иоанна Грозного, с 1555 г.). Кабак стал средством выкачивания денег из народа и спаивания его. Позднее их стали брать на откуп монастыри, бояре и купцы. В XVII и XVIII вв. кабаки несколько раз переименовывались в «питейные заведения», «кружечные дворы», — но слово «кабак» более привилось. Кабацкие сборы давали государству большие доходы. При Екатерине II они составляли 30% всех доходов. Это один из видов косвенного налога. Винная продажа давала около 2 миллионов рублей (продавали более 2 миллионов ведер вина). Питейные сборы только в Москве давали 250 тыс. рублей. С другой стороны, винокурение имело огромное значение для помещичьего хозяйст-

ва; оно давало на десятину земли вдвое больший доход, чем продажа хлеба сырьем.

К стр. 78.

[2] Нартов, Андрей Андреевич (1736—1813) — писатель и экономист. Сначала был секретарем (в продолжение 25 лет), а затем председателем Вольного Экономического Общества, одним из основателей которого он был. В 1767 г. был депутатом Комиссии для сочинения нового уложения. С 1801 г. президент российской Академии Наук. Научная и писательская деятельность Нартова очень широка: он переводил исторические («История» Геродота), поэтические (роман Лесажа «Жиль Блаз») театральные (комедии Детуша, Гольберга и Лессинга) и научные (металлургию Скополи) произведения; он сам писал по вопросам минералогии и экономики России. Нартов занимал видное место среди петербургских массонов.

К стр. 98.

[3] Ленотр, Андре (1613—1700), известный французский садовый архитектор. Создал особый стиль устройства садов и парков, со сложной планировкой и большой перспективой. Ему принадлежит устройство садов и парков в Тюльери, Сен-Жермене, Версале. У него было много учеников, которые занесли его приемы в Англию, Германию и Россию. Русская знать и дворянство копировали сады Версаля и Тюльери. Стиль Ленотра — стиль расцвета абсолютизма, когда архитектурное искусство выполняло

грандиозные замыслы, выражавшие силу абсолютизма, а в России и крепостничества, располагавшего рабочей силой.

К стр. 145.

[4] Рост денежного хозяйства и промышленности России с середины XVIII века усиливал эксплоатацию крестьян: нужны были деньги (увеличение оброков) или предметов торговли (усиление барщины). Расширялся и круг крепостного крестьянства. К крепостным приписывались все те государственные крестьяне, которые после пожалования переходили во владение дворян, старые вольные гулящие люди, и раскольники, а на Урале прикреплялось к заводам рабочее население. Таким образом, свободным сельским населением были только половники на севере и однодворцы на юге. Усиление эксплоатации и рост торгового капитализма повели к целому ряду крестьянских восстаний, а среди дворянства к постановке вопроса «о земледельце и его имуществе». Пугачевский бунт был завершением целого ряда мелких восстаний и бунтов, в нем объединились все силы, противодействующие дворянству, крепостничеству и правительству. Восстание вспыхнуло на казацком Яике, на почве противоречия интересов рядового казачества и казацкой старшины, экплуатировавшей его, взявшей на откуп рыбные и соляные промыслы, уничтожившей казацкую вольность. Старшина опиралась на дворянскую государственность и армию. Возмущение яицких казаков было жестоко подавлено, но многие разбежались. Среди

них был и Пугачев, назвавшийся Петром III, — традиция самозванства была очень сильна, потому что социальные низы еще уповали на «царя-батюшку». Яицкие казаки скоро узнали, что он самозванец, но сознательно поддерживали его. Им нужен был вождь, организатор. Кроме яицких казаков к нему примыкали инородцы (башкиры, калмыки, киргиз-кайсаки), угнетавшиеся русским служилым сословием, часть податного населения, крестьянство и, наконец, уральские горнорабочие. Пугачевцы быстро одержали ряд побед. Этому помогало и то, что и в центральной России крестьянство ждало своего освободителя. Пугачев потерпел поражение после того, как были усмирены уральские рабочие и потом башкиры. Оставшись без настоящих активных сил, Пугачев был быстро разбит. Бунт кончился. Закрепощенная масса присмирела надолго. Жестокое усмирение сопровождалось голодом. Пугачевское восстание окончилось поражением; идеалы его: освобождение от крепостного права и крепостного хозяйства путем истребления дворян и всех представителей торгового капитализма; уничтожение всех денежных податей и рекрутской повинности; установление вольного пользования землями, рыбными ловлями, соляными озерами; восстановление казацкой вольности — был возвратом к прошлому. Пугачев жаловал своих сторонников «землями, морями и лесами, крестом и бородою и всякой вольностью». Эти идеалы устарели. Это была утопия. Нельзя было вернуть отжившие хозяйственные, социальные и государственные порядки. Подобная утопия типична для казачества, крестьянства и раскольничества. Пуга-

чев фактически проводил самовластие, производил большие денежные поборы, а его рекрутские наборы были более строги и беспощадны, чем государственные. Крепостные посылали ходоков к Пугачеву с просьбой освободить от помещиков, сделать вольными. Пугачев охотно это делал. Но для него «вольные крестьяне» были «верноподданными рабами» его «короны». То есть для крестьянства стать «вольными» значило переменить владельца. Естественно, что не в этом было решение вопроса. Именно этим, а не техническими и стратегическими причинами объясняется поражение Пугачева. У него была прекрасная артиллерия и люди, умевшие с нею обращаться (уральские заводские рабочие), хорошая кавалерия — его войско уступало регулярной армии лишь в тактике и стратегии. Несмотря на неудачу, пугачевщина все же нанесла глубокий удар крепостному хозяйству.

Отношение Болотова к пугачевщине совершенно определенное. Он был перепуган грозным движением и видя растерянность правительства сам растерялся, ожидая ежеминутно крестьянской расправы, тем более, что среди крестьян самого Болотова были такие, которые не побоялись сказать ему в лицо: «Да стал я бить свою братию, а разве вас бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие», — как сказал один из рекрутов. Болотов тем более должен был опасаться, что Тульская губерния, в которой он жил, представляла особую опасность. Правительство вынуждено было принять особые меры по отношению к тульским ружейным мастерам. Екатерина писала Волконскому: «О тульских обращениях слух есть, будто там между ружейными мастеровыми не-

спокойно, — я ныне там заказала 90 000 ружей для арсенала: вот им работа года на четыре — шуметь не станут». Но Болотов не верил в местные восстания, так как у крестьян не было ни «порядка», ни оружия: местное восстание тогда только могло иметь большие результаты, если бы было поддержано Пугачевым.

К стр. 193.

[5] Описание казни Пугачева, которое дает Болотов, поразительно со своей классовой стороны. Он с большим удовольствием и подробностями описывает казнь, на которой он присутствовал лично и потрудился занять лучшее место, для того чтобы все было видно. Казнь Пугачева — была расправой дворянства со своим врагом. Каждая деталь описания Болотова выдает его и обнаруживает классовые симпатии. Для Болотова естественно было, что «подлый» народ в момент казни Пугачева должен был стоять за каре войск, а на казнь Пугачева и его сообщников внутри войсковой ограды могло смотреть лишь «благородное» сословие.

О казни Пугачева кроме свидетельства Болотова сохранились и свидетельства других современников. В своих записках, озаглавленных «Взгляд на мою жизнь», «действительный тайный советник» И. И. Дмитриев, оставивший в истории литературы некоторый след, как баснописец и автор сентиментальных песен, описывает казнь Пугачева на Болоте следующим образом:

«В скором времени по прибытии нашем в Москву

я увидел позорище, для всех чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь. Жребий Пугачева решился. Он осужден на четвертование. Место казни было на так называемом Болоте.

В целом городе, на улицах, в домах только и было речей об ожидаемом позорище. Я и брат нетерпеливо желали быть в числе зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. По убеждению одного из наших родственников, она вверила нас ему под строгим наказом, чтоб мы ни на шаг от него не отходили.

Это происшествие так врезалось в память мою, что я надеюсь и теперь с возможною верностию описать его, по крайней мере, как оно мне тогда представлялось (свои записки И. И. Дмитриев писал чуть ли не через 50 лет после описываемой им казни, в 1823 — 25 году). В десятый день января 1775 года в восемь или девять часов пополуночи приехали мы на Болото; на середине его воздвигнут был эшафот или лобное место, вкруг коего построены пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб по причине жестокого мороза. Тут же находился и обер-полицеймейстер Н. П. Архаров, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высоте или помосте лобного места увидел я с отвращением в первый раз исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обоих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного сословия. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг все восколебалось и с шумом заго-

ворило: «Везут, везут!» Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной величины сани, и в них сидел Пугачев; насупротив — духовник его и еще какой-то чиновник, вероятно, секретарь тайной экспедиции (есть предание, будто это был известный впоследствии сыщик Степан Иванович Шешковский). За санями следовал еще отряд конницы. Пугачев с непокрытой головой кланялся в обе стороны, пока везли его. Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином. Сани остановились против крыльца Лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев, в препровождении духовника и двух чиновников, едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово «на караул», и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, оберполицеймейстер спрашивал его громко: — «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» Он ответствовал столь же громко: «Так, государь. Я донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев». Потом во все продолжение чтения манифеста он, глядя на собор, часто крестился; между тем сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста, духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота; читавший манифест последовал за ним. Тогда Пу-

гачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!»

При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он всплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе; палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же.

Не утаю, что я при этом случае заметил в себе что-то похожее на притворство и сам осуждал себя: как скоро Пугачев готов был повалиться на плаху, брат мой отворотился, чтоб не видеть взмаха топора; чувствительное сердце его не могло выносить такого позорища. Я притворно показывал то же расположение, но между тем украдкою ловил каждое движение преступника. Что же этому было причиною? Конечно, не жестокость моя; но единственно желание видеть, каковым бывает человек в столь решительную ужасную минуту».

Описание казни, сделанное Дмитриевым, отличается от описания Болотова немногим. Болотов подчеркивает уловку палача, который, вместо того чтобы, согласно приговору, четвертовать Пугачева, просто отрубил ему голову, таким образом облегчив ему смерть. Надо принять во внимание, что Болотов писал свои записки после казни через лет 25-30, причем, по его собственным словам, пользовался

своими заметками и дневниками. Этим и объясняется подробность его описания.

К стр. 207.

6 Румянцев-Задунайский, Петр Александрович (1725—1796) граф. Участвовал в прусской, шведской и турецкой кампаниях. Был близок Петру III и после переворота 1762 г. хотел уйти в отставку, но был оставлен Екатериной и назначен генерал-губернатором Украины, где проводил руссификацию и всячески подавлял попытки к автономии. Путем покупок и высочайших пожалований сосредоточил в своих руках огромные земельные богатства. Его значение достигло вершины, когда он в 1774 г. победоносно окончил турецкую войну. Он получил чин фельдмаршала, титул графа Задунайского и ряд наград. После войны остался на Украине. Последние годы жизни стоял в стороне от двора и «большой политики».

К стр. 269.

7 Потемкин, Григорий Александрович (1739—1791) князь Таврический, один из «екатерининских орлов». Происходил из небогатых смоленских дворян. Учился в Московском университете, но, не окончив курса, ушел, потом увлекся религией и наконец военной службой. Участвовал в перевороте 28 июня 1762 г., возведшем на престол Екатерину II, после чего был сделан камер-юнкером и получил 10 тыс. рублей и 400 душ крестьян. Был фаворитом им-

ператрицы. Его повышение пошло быстро. Скоро он получил графство и стал фельдмаршалом. Участвовал во многих войнах и походах (турецко-крымских). Потемкин представлял собою тип барина-крепостника, честолюбивого, самодура, мецената, любителя философии и поэзии (он и сам писал стихи), щедрого и расточительного, грубо чувственного и распущенного. Он двадцать лет держал в своих руках Екатерину и двор. Его политическое значение не уменьшилось и тогда, когда его заменили другие фавориты. Он стал первым министром, он был носителем реальной власти и главнокомандующим. Потемкина сильно ненавидело дворянство, так как он воплощал в себе политику второго периода Екатерининского царствования, когда она закрыла книги Монтескье и энциклопедистов. Болотов неодобрительно отзывается о Потемкине.

К стр. 275.

[8] Новиков, Николай Иванович (1744—1818) известный общественный деятель XVIII в., писатель, журналист, издатель и глава московских мартинистов (масонская мистическая секта). Очень рано полюбил книгу и литературу и начал писать. Он был депутатом в комиссии по сочинению нового уложения и вел ее протоколы. Тогда же лично стал известен Екатерине. Скоро он начинает издание ряда сатирических журналов по типу английских сатирико-нравоучительных журналов стиля Адиссона: «Трутень», «Живописец», «Кошелек», — в которых он дал социальную сатиру на дворянство, глав-

ным образом знатное, обличая его в невежестве, жестокости, злоупотреблении властью, французомании. Он доказывал необходимость «критики на лицо». Общей критики он не хотел давать, да ее бы и не позволили. Он решил осмеивать пороки, потому что считал действие смеха большим, нежели действие нравоучения. Новиков поставил и большие социальные вопросы. Таков вопрос о крестьянстве. Он писал о бедности и забитости крестьянства, но не доходил до общего отрицания крепостного права. Обличая «дурных помещиков», он рисовал и «добрых». Его критика была осторожна, он принужден был льстить Орловым, Панину и Салтыкову. Симпатии Новикова были на стороне «среднего класса» (купцов, разночинцев, мещан и части дворянства). Он возмущался тем, что разночинцам во всем приходилось уступать дворянам. Он создал мещанскую литературу. Его задачей было распространение чтения и образования в «среднем классе». Он одешевлял и продвигал книгу, он учредил первую библиотеку для чтения. Но все-таки главными подписчиками его журналов были придворные: «средний класс» стоял еще в стороне от литературы. Издательская просветительная деятельность Новикова очень широка. Он занимался русской историей (издал «Древнюю Российскую Вивлиофику» — собрание материалов, памятников и статей по русской истории), литературой («Опыт исторического словаря о российских писателях»), исторической географией («Древняя российская идрография»). Получив в аренду типографию Московского университета, он стал издавать ряд журналов (в том числе «Покоящийся трудолюбец»,

в котором видимо участвовали Н. И. Тургенев и А. Н. Радищев) и огромное множество учебной и образовательной литературы, переводных романов и «нравственных сочинений». Совместно со Шварцем он организовал «Дружеское ученое общество» (1784). Но Новиков потерпел финансовый крах, так как был принужден по цензурным условиям приостанавливать свои издания. У него отняли типографию. В 1792 г. по обвинению в неверии, в сношениях с иностранцами и «государственных преступлениях» он был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Лишь Павел освободил Новикова. Крепость подорвала его силы, и хотя он прожил до 1818 г. и интересовался движениями общественной мысли и литературы, он стоял в стороне от общественной и литературной жизни.

К стр. 386.

[9] Шагин-Гирей — султан, потом крымский хан. Получил европейское образование. Усвоив культуру и языки, он задумал провести европеизацию Крыма. Но его борьба за европеизацию кончилась плачевно; слишком мало было у него сторонников и слишком сильна была феодальная реакция. Как брат хана, Шагин-Гирей был послом в Петербурге, где вел переговоры о проекте освобождения Крыма от турецкой зависимости. Россия хотела независимости Крыма от Турции, хотела закрепить Крым за собою и иметь опору в нем против Турции. Шагин-Гирей поддерживал интересы России. Под давлением России он в 1774 г. был объявлен ханом, но вскоре

вспыхнувшее восстание заставило его бежать. В 1776 г. Россия опять помогла ему стать ханом. Он рьяно берется за реформы. Но после восстания 1778 г. он принужден подписать отречение, тем более что Россия, просто решившая захватить Крым, согласилась на его отречение. Потемкин, вынуждая его к отречению, предложил ему поселиться в Херсоне, обещал персидский престол и 200 тысяч рублей в год. Но Шагин-Гирей, поняв, что был оружием русской захватнической политики, решил бежать. Его поймали и вместе со свитой в 2000 человек, гаремом и имуществом, отправили в Воронеж, а в 1786 г. в Калугу. Но вскоре ему создали такие тяжелые условия, что он принужден был проситься в Турцию. Он был убит на острове Родосе (1787 г.) своими противниками.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В «ЖИЗНИ И ПРИКЛЮЧЕНИЯХ А.Т. БОЛОТОВА»*.

* Если в указателе против фамилии или имени не обозначен год рождения или смерти, то год, поставленный без «р.» (родился) или «ум.» (умер), — обозначает год, в описании которого впервые упоминается Болотовым это лицо. Римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще, а в особенности, о бывших происшествиях в несчастное время морового поветрия

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще, а в особенности, о третичной моей езде в Шадскую деревню и о бывшем там первом межеванье

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ

История моего пребывания в Киясовке

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Киясовке, а потом первоначального в Богородицке

ЧАСТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке

ЧАСТЬ ДВАДЦАТАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке после пожарного бедствия

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке после пожарного бедствия

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке после отбытия императрицы из Тулы до замужества старшей моей дочери

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке со времени отбытия г. Давыдова из Богородицка до наступления 1790 года

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Продолжение истории пребывания моего в Богородицке

А.Т. Болотов

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ТОМ ТРЕТИЙ

1771 — 1795

Редактор *Э. Пономарева*

Художественный редактор *И. Сайко*

Корректоры *Ю. Диамент, Ю. Черникова*

Компьютерная верстка *А. Диамент,*

А. Мынко

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 02.08.93. Формат 70 х 100 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л.24,7. Усл.кр.-отт.25,02. Уч.-изд. л. 23,04. Тираж 25000 экз. Заказ 852.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Издание отпечатано на бумаге Сыктывкарского ЛПК.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»